

КУЛЬТУРНАЯ
АНТРОПОЛОГИЯ
В ПОМОЩЬ
СЛУЖИТЕЛЮ
ЕВАНГЕЛИЯ

ПОЛ ХИБЕРТ

Пол Хиберт

КУЛЬТУРНАЯ АНТРОПОЛОГИЯ В ПОМОЩЬ СЛУЖИТЕЛЮ ЕВАНГЕЛИЯ

«Библия для всех»
Северо-Кавказский Библейский Институт
Санкт-Петербург
2013

Перевод выполнен с оригинального издания:
Anthropological Insights for Missionaries by Paul G. Hiebert

Copyright © 1985 by Baker Books
Originally published in English under the title
Anthropological Insights for Missionaries
by Baker Academics,
a division of Baker Publishing Group,
Grand Rapids, Michigan, 49516, U.S.A.
ISBN 10:0-8010-4291-7
ISBN 978-0-8010-4291-1
www.bakeracademic.com

Копирайт русского издания:

© Религиозная организация-учреждение профессионального религиозного образования СЕВЕРО-КАВКАЗСКИЙ БИБЛЕЙСКИЙ ИНСТИТУТ евангельских христиан-баптистов, 2013
ISBN 978-5-7454-1286-8
www.skbi.ru

Цель этой книги – познакомить начинающих миссионеров с основами межкультурных отношений и коммуникации. Овладение методиками понимания другой культуры и самих себя в процессе соприкосновения с ней сохранит от многих ненужных ошибок и поможет сделать проповедь Евангелия более эффективной.

Перевод с английского: Мария Вейс
Корректор: Ольга Зайцева
Дизайнер: Евгений Куценко

Содержание

Предисловие 5

ЧАСТЬ 1 **Культура**

1 Миссионерство и антропология 9

2 Евангелие и культура 27

ЧАСТЬ 2 **Миссионер**

3 Культурные различия и начинающий миссионер 61

4 «Воплотившийся» миссионер 93

5 Культурные аксиомы западных миссионеров 113

ЧАСТЬ 3 **Благовестие**

6 Культурные различия и коммуникация 143

7 Критическая контекстуализация 173

8 Четвертый принцип самостоятельности 195

ЧАСТЬ 4 **Сообщество двух культур**

9 Мост между культурами 231

10 Роль миссионера 259

11 Незавершенное дело благовестия 289

Предисловие

В наши дни все больше верующих в разных уголках земли по-новому осознают свой долг нести Благую весть о спасении всем народам мира. Об этом свидетельствует не только растущий интерес к миссионерству на Западе, но и взрыв миссионерской деятельности в церквях Азии, Африки и Латинской Америки.

Наряду с этим приходит и понимание того, что миссионеру следует быть намного чувствительней к культуре людей, которым он служит. Современное миссионерское движение зародилось в эпоху колониальной и технологической экспансии Запада, когда евангельская весть в умах миссионеров зачастую прочно ассоциировалась с западной цивилизацией. Безусловно, было множество случаев, когда миссионеры по-настоящему вживались в культуру, в которой служили, и учились смотреть на мир глазами ее представителей. Часто они заранее знали, что отправляются туда, где их ожидает скорая смерть. Те же, кому удавалось выжить, без остатка отдавали себя миссионерскому труду. Тем не менее, отождествление Благой вести с политическим господством и технологическим превосходством западных стран делали ее чужой и, как следствие, неприемлемой для многих людей.

Сегодня те самые молодые церкви, основанные предыдущими поколениями миссионеров, возвышают голос, призывая нас увидеть богатство и разнообразие человеческой культуры. Они напоминают о том, что наш Бог является Богом всего мира, а не отдельно взятого «племени», что Благая весть предназначена для всех, что Церковь – это единое тело, преодолевающее этнические, националистические, классовые и другие барьеры, разделяющие людей на враждующие лагеря. Одновременно с этим можно увидеть, что в общественных науках, в частности в культурной антропологии, растет осознание необходимости понимать людей в контексте их

собственной культуры. Все это подводит нас к убеждению, что миссионерам нашего времени необходимо не только основательное понимание Писания, но и глубокие познания о людях, которым они служат.

Данная книга ставит перед собой цель обучить начинающих миссионеров основным методикам понимания другой культуры, как, впрочем, и самих себя в процессе соприкосновения с ней. Эта книга никак не может служить заменой Божьего призвания или светского и духовного образования. Прежде всего, миссионер должен получить от Бога призвание к своему труду. Далее, в его сердце должны укорениться любовь к Богу и желание Его прославить, любовь к людям и забота об их благополучии и спасении. Только все это вместе даст ему или ей силы продолжать свое служение вопреки всем возникающим трудностям. К сожалению, в наши дни больше распространено глубокое образование и поверхностное посвящение.

Эта книга также не может стать заменой практическим навыкам служения, будь то учительство, проповедь, медицина, социальная работа или что-то другое. Скорее, это попытка познакомить начинающих миссионеров с третьей важной составляющей их подготовки, а именно – с межкультурными отношениями и коммуникацией.

Во многих отношениях это автобиографический учебник. Он основан на размышлениях о нашем собственном опыте, в том числе и отрицательном, многолетнего служения в Миссионерском совете братских меннонитов в Индии. К сожалению, прошлого не вернуть и его ошибок не исправить, но из них можно извлечь полезные уроки, которые пригодятся последующим поколениям служителей. Многие из этих уроков нам преподали индийские церкви. В недавно созданных общинах можно ощутить свежее дыхание Благой вести, которое порой утрачивается со временем.

В написании этой книги мне помогало множество людей. Особенную благодарность я хочу выразить попечительскому совету Фуллеровской богословской семинарии за предоставление творческого отпуска, необходимого для выполнения этой задачи. Благодарю и своих коллег из «Школы мировой миссии», постоянно стимулировавших и по-братски критиковавших мои мысли, а также персонал издательства Baker Book House. Но более всего я признателен своей жене Фрэнсис, которая заботливо поддерживала меня в долгие часы работы над книгой.

ЧАСТЬ

1

Культура

Миссионерство и антропология

Рождественский спектакль подходил к концу. Ангелы, возвестившие Иосифу и Марии о рождении Иисуса, были одеты в сияющие одежды, но их темные лица и речь на языке телугу напоминали, что дело происходит в Южной Индии. Притворяясь пьяными и покачиваясь, на сцену выбрели пастухи, погоня ползающих на четвереньках детей, изображающих овец. Картина не совсем привычная, но многое можно было объяснить особенностями местной культуры. В отличие от палестинских пастухов, известных своей набожностью и трезвым образом жизни, индийские пастухи славятся страстью к выпивке и танцам. Однако, в целом, смысл истории сохранялся, тем более что при виде ангелов пастухи упали на землю, тотчас же протрезвев от страха.

На сцене во всей своей пышности показался Ирод в окружении волхвов. Зрители, скрестив ноги, сидели и наблюдали за происходящим. Вот ангелы, пастухи и волхвы вместе с Марией и Иосифом склоняются перед яслями, в которых лежит Младенец. Замечательный финал рождественской истории! Но вдруг, откуда ни возьмись, на сцену выскочил Санта-Клаус... Радостно напевая и пританцовывая, он принялся раздавать подарки младенцу Иисусу и всем окружающим. В одно мгновение Санта превратился в главного героя спектакля. Я сидел шокированный происходящим.

«Что это? Очередной случай синкретизма? – подумал было я. – Смешение традиций индуизма и христианства, чего вполне можно ожидать от новообращенных?» К тому же опытные миссионеры предупреждали нас, что, если разрешить театральные постановки в церкви, они принесут с собой индуистские верования. Но минутку! Санта – персонаж западной культуры, принесенный вместе с рассказом о рождении Христа. Как же тогда объяснить произошедшее?

Библейская весть и культурные различия

Готовясь к служению, миссионеры старательно изучают Библию и оттачивают содержание своей вести. Они ожидают, что, как только выучат язык и начнут проповедовать, люди смогут их понимать. К своему удивлению, прибыв на место, они обнаруживают, что этого не происходит, так как коммуникация в другой культуре оказывается куда более сложной, чем кажется на первый взгляд. Что же нужно для того, чтобы исправить такое положение?

Дело в том, что между нами и людьми, которым мы собираемся служить, пролегает пропасть культурных различий. Более того, не меньшая пропасть пролегает между историко-культурным контекстом Библии и современностью. Как нам преодолеть эти барьеры времени и культуры, чтобы наше благовестие увенчалось успехом?

Безусловно, нам, прежде всего, нужно понимать Благую весть в ее историческом и культурном контексте. Без этого у нас вообще нет никакой Благой вести. Далее, нам требуется ясное понимание самих себя и людей, которым мы служим. Иначе наша проповедь рискует стать для слушателей неактуальной и бессодержательной.

К сожалению, достаточно часто мы довольствуемся лишь одной из этих целей (рис. 1). Евангельские христиане делают большой акцент на познании Библии, но редко прилагают усилия к изучению культуры того народа, которому служат. Поэтому весть, которую мы несем, во многих случаях кажется «иностранный» или воспринимается искаженно. С другой стороны, либеральное крыло церкви склонно делать акцент на изучении современных культур, но недооценивать важность твердого богословского основания, укорененного в библейском откровении. Эта группа рискует остаться без Благой вести.

В действительности, нам нужно и одно, и другое. Необходимо глубокое познание Библии, но важно знать и современную ситуацию. Только тогда мы сможем построить «мосты», по которым Благая весть будет донесена до всех народов мира в актуальной форме.

Преодоление пропасти исторических и культурных различий

Рисунок 1

Вклад антропологии в миссионерство

Как мы познаем смысл библейского текста? Очевидно, путем изучения самой Библии, богословия и истории Церкви. К этому мы добавляем навыки миссионерской подготовки в соответствующей области, будь то проповедь, учительство, медицина, радиоблаговестие или создание евангелизационной литературы.

А как мы познаем культуру и общественные процессы? В этом нам помогают антропология, социология, история и другие общественные науки. Они обеспечивают нас инструментарием для познания культуры, а также помогают собрать и оценить необходимую информацию о ситуации, в которой мы находимся. Они помогают нам следующим образом.

Во-первых, с помощью антропологии мы можем оценить ситуацию, возникшую на стыке двух и более культур. Пользуясь ее инструментами, мы могли бы, к примеру, сделать анализ рождественского спектакля, описанного в начале главы. Согласно последним исследованиям, люди склонны объединять понятия в более широкие категории. Как известно, у жителей Северной Америки есть множество концепций, ассоциирующихся с Рождеством, но их обычно делят на две концептуальные категории, из-за чего получается как бы два Рождества. К одной группе, духовной, относятся Иисус, Мария, Иосиф, ангелы, волхвы и пастухи. А в другую, светскую, попадают Санта-Клаус, олени, елка, чулки на камине. Эти группы существуют параллельно, не смешиваясь одна с другой, так что олени из упряжки Санта-Клауса никак не вписываются в сцену с ангелами и мудрецами. Миссионеры познакомили индийцев с основными концепциями «Рождества», но не смогли передать тонкую грань, разделяющую две его формы. Естественно, индийцы не увидели различия между сценой в хлеву и появлением Санта-Клауса.

Во-вторых, антропология может оказать значительную помощь в выполнении таких конкретных задач, как перевод Библии. Подобно миссионерам, антропологам-первопроходцам нередко приходилось изучать языки, многие из которых не имели письменности, грамматики, словарей и учителей. Они разрабатывали методики быстрого и эффективного изучения языков с помощью самих носителей, а также способы передачи идей из одной культуры в другую. Эти методики оказались бесценными для миссионеров при изучении новых языков и переводе Библии на эти языки. Антропологи также исследовали проблемы межкультурного общения, так что их открытия могут помочь миссионерам донести Благую весть до представителей других культур с минимальными искажениями и потерей смысла.

В-третьих, антропология может помочь миссионерам понять процесс личного обращения, в том числе и социальные перемены, которые происходят при обращении людей в христианство. Люди – существа социальные, на них оказывают влияние изменения общественной среды, так что понимание соответствующих психологических механизмов полезно в миссионерской работе.

В-четвертых, антропология может помочь нам сделать Благою весть актуальной для слушателей. Как уже говорилось, существует огромная пропасть между современной культурой и социальным контекстом, в котором родилась Библия. Для преодоления этой пропасти мы должны понять божественное откровение в его историко-культурном контексте, а также современных людей в их естественном окружении. Последнее становится доступным отчасти через общественные науки.

И наконец, антропология способствует общению с людьми всего мира во всем их культурном разнообразии, помогая строить мосты взаимопонимания. Благая весть сокрушает стены, разделяющие людей на иудеев и язычников, рабов и свободных, мужчин и женщин, на развитые и развивающиеся страны, русских и американцев – то есть на «своих» и «чужих». Она приглашает христиан стать гражданами Царства Божьего, в котором люди всех культур и национальностей находятся в братском общении, сохраняя при этом свои национальные особенности.

В этой книге мы рассмотрим несколько полезных открытий, которыми антропология может обогатить миссионеров. Я полагаю, что мои читатели достаточно хорошо знакомы с Библией и стоят на твердом богословском основании, вытекающем из такого знакомства, поэтому мы не станем снова закладывать фундамент. Вместо этого мы обратимся к тому, что антропология предлагает нам для изучения различных народностей в их историческом и культурном контексте и выясним, какой вклад эти знания способны сделать в наше служение. Как было отмечено, зачастую это слабое звено в подготовке евангельских миссионеров.

Прежде чем мы начнем, следует вкратце описать несколько исходных убеждений, положенных в основу данной книги. Любое исследование опирается на те или иные исходные предпосылки, в которых важно отдавать себе отчет. Вначале мы рассмотрим богословские, а затем антропологические основания этой книги и увидим, как они влияют на наше мышление. Затем мы попытаемся соотнести между собой библейские истины и антропологические факты, чтобы обрести более широкий взгляд на миссионерскую задачу. Нужно научиться видеть реальность так, чтобы две эти точки зрения сливались в одну объемную картину. Такой подход поможет нам ясно увидеть нашу задачу в ее глубине.

Богословские основания

Каковы богословские основания данной книги, и в частности, как они относятся к миссионерству? Это важный вопрос, потому что антропологические модели нельзя формулировать в отрыве от богословия. В противном случае это значило бы, что мы проводим границу между вечной духовной природой людей и их тварной временной природой. Подобно тому как человеческая история должна рассматриваться в рамках событий вселенского масштаба, так антропологические модели должны строиться в рамках богословия. Именно библейское откровение дает нам основание, на котором мы строим дальнейшее социальное и историческое понимание людей.

Миссия Бога

Богословие миссионерства начинается с Бога, а не людей. Оно уходит корнями во вселенскую историю о сотворении, грехопадении и искуплении Богом Своих созданий. Его неотъемлемой частью должны быть истины о Божьем откровении людям, о воплощении Иисуса Христа в истории, и спасении, заслуженном Его смертью и воскресением, и об окончательном господстве Христа над всем творением. История человечества – это прежде всего история миссии Бога по искуплению грешников, это история Иисуса Христа, пришедшего в мир в качестве миссионера (Божьего посланника), и история Духа Божьего, действующего в сердцах слышащих.

Именно в этом контексте Божьих деяний в истории следует понимать нашу задачу в мире. Миссия в полном смысле этого слова принадлежит Богу, а мы – лишь часть этой миссии. Наши и стратегии и планы бесполезны и даже разрушительны, если мешают нам в первую очередь искать силы и водительства у Самого Бога.

Авторитетность Писания

В Библии Бог открыл Себя людям, и потому она полностью заслуживает доверия. Это Слово Божье, к которому мы обращаемся не только для того, чтобы услышать весть о спасении, но и чтобы увидеть, как именно Бог достигает в истории человечества Своих целей. Писание является тем стандартом, которым мы измеряем всякую истину и праведность, всякое богословие и нравственность.

Так как Библия является Божьим Словом, мы должны проповедовать ее Благоую весть погибающему миру. Наша основная задача – донести эту весть до людей так, чтобы они могли понять ее и ответить на нее. Можно заниматься различной деятельностью: проповедью, обучением, гумани-

тарной работой, оказывать медицинскую и социальную помощь, – но эти виды деятельности не будут христианской миссией, если они не укоренены в Слове Божьем и не провозглашают Благою весть. Суть миссионерской задачи – свидетельствовать о Благой вести словом и жизнью.

Божье откровение всегда сообщалось людям в определенном историческом и культурном контексте. Следовательно, чтобы понять Писание, мы должны соотнести его со временем и обстоятельствами, в которых оно было дано. Так и Христос пришел на землю в образе конкретного человека, жившего в еврейской культуре два тысячелетия назад.

Христоцентричность

Понимать Писание следует в свете Иисуса Христа. На Него, как на центр, указывает все Божье откровение. Ветхий Завет находит в Нем свое исполнение, а Новый Завет о Нем свидетельствует. Будучи Сыном Божиим, Христос в совершенстве отражает образ Бога. Будучи Сыном Человеческим, Он в совершенстве являет нам Бога. Поэтому Христос стал для нас образцом для подражания, а Его воплощение – образцом для нашей миссии. Конечно, мы не в силах спасти мир, но, как и Он, мы должны стремиться отождествить себя с теми, кому служим, чтобы донести Благою весть о Божьем спасении в понятной для них форме.

Христос также должен быть центром нашей проповеди. Она есть весть о Божьем спасении через смерть и воскресение Христа, равно как и призыв стать Его учеником. Ученичество начинается с глубокого осознания человеческой греховности, а завершается поклонением, когда все на небе и на земле склонится перед Иисусом и исповедует, что Он Господь.

Служение Святого Духа

Миссию нельзя рассматривать в отрыве от непрекращающегося труда Святого Духа в жизни Его народа и слушающих Благою весть. Он подготавливает их сердца к принятию искупительной вести. Дух продолжает Свой труд в верующих для достижения ими духовной зрелости, постоянно устремляя их мысли ко Христу. Служить погибающим, больным духовно и телесно, угнетенным, бездомным и голодным, мы в состоянии только благодаря Его силе.

Царство Божье

Сутью всей проповеди Христа было Царство Божье, в котором Бог трудится в творении и истории, чтобы искупить Себе мир. Личность Христа играет в этом труде главную роль, но он также включает в себя труд Святого Духа в жизни людей и действия Бога в судьбах народов и всей природы.

Миссия Бога распространяется не только на царство в небесах, но и на царство на земле. Он думает о нашей вечной участи, однако Царство имеет прямое отношение к нашему земному благополучию: миру, справедливости, свободе, здоровью, праведности и материальным благам.

Церковь

Центральное место в учении о Царстве занимает Церковь – Божий народ на земле. Через него Бог возвещает Благоую Весть Царства и через него Он укрепляет входящих в Царство. Для успешной миссии требуется богословие Церкви как единого Тела, как сообщества верующих. Именно Церковь способна распознавать и осуществлять миссионерские задачи. Миссия не является задачей отдельных лиц, это обязанность всей церкви в целом.

Священство всех верующих

Церковь – это живое тело, состоящее из множества членов. Каждый из них наделен определенным даром, который должен употребляться на благо всего Тела. Обладая разными дарами, все верующие, тем не менее, имеют равное право приближаться к Богу и познавать Его волю в контексте Церкви. Мы все – священники.

Влияние этой радикальной мысли на миссионерское служение трудно переоценить. Из нее следует, что новообращенные в других странах имеют такое же, как и мы, право читать и толковать Писание. Лишать их этого права – значит отрицать непрекращающийся труд Святого Духа в их жизни. Следовательно, наша задача заключается в том, чтобы познакомить их с Библией и помочь понять, что им говорит через нее Бог. Мы также должны показать пример людей, живущих в послушании Слову. Самое трудное при этом – позволить им то, что мы позволяем себе, – право допускать ошибки и учиться на них.

Священство всех верующих заставляет нас проводить границу между Божьим откровением, данным нам в Библии, и богословием, то есть человеческим пониманием откровения в тех или иных культурно-исторических контекстах. По этой причине мы говорим о Библии в единственном числе, а о богословии во множественном: это богословие отцов церкви, Кальвина, Лютера, анабаптистов и т.д. Как мы увидим из 8-й главы, это разграничение между Библией и ее богословскими интерпретациями не делает богословие относительным. Христианское богословие всегда одной ногой опирается на библейское откровение, а другой – на исторический и культурный контекст ее читателей.

Право каждого христианина читать и трактовать Библию влечет за собой и ответственность за верную передачу библейских истин. Следова-

тельно, наша первая задача – тщательная *эзегетика* текста, цель которой – прояснить смысл библейского отрывка в его первоначальном культурном и историческом контексте. Следующей задачей является необходимость установить применение Слова в нашем собственном историко-культурном контексте и то, каким должен быть наш отклик на этот текст. Это *герменевтика*. Ведь хотя весть Библии обращена к людям всех культур, она должна быть понята и воспринята конкретными людьми, живущими в рамках своего времени и традиций.

Антропологические основания

Необходимо осветить определенные антропологические предпосылки, положенные в основу этой книги. До конца первой четверти XX века в антропологии господствовали теории эволюции культуры. Они, как и средневековое христианское богословие, искали смысл человеческого опыта в истории, но сама история при этом объяснялась с чисто натуралистических позиций, без веры в существование Бога. Культура расценивалась как общее для всего человечества постепенное развитие, но находящееся на разных стадиях прогресса в разных концах света. Считалось, что все общества развиваются от примитивных к сложным, мысль прогрессирует от иррациональной к рациональной, магия развивается в религию, а религия – в науку.

После Первой мировой войны теория эволюции культуры была поставлена под сомнение. Предшествующий войне оптимизм по поводу человеческого прогресса пошатнулся. Более того, исследования показали, что так называемые примитивные сообщества столь же сложны и рациональны, как и «цивилизованные» народы, только на свой лад.

Отрицание идеи «эволюции» культуры вовсе не означает, что нужно полностью отказаться от диахронической или исторической парадигм понимания культуры. Ведь и Библия объясняет человечество с помощью единой вселенской истории, драмы, в которой есть «сюжет» с завязкой, кульминацией и развязкой. Писанию чуждо представление о том, что человеческий опыт – это беспорядочный набор случайных событий без направления и цели, а следовательно, и смысла. И человека, и Божье откровение ему следует понимать в контексте истории. Кроме того, оно утверждает, что движущей силой истории является не слепая случайность, а Божий замысел и человеческий отклик на него.

К тридцатым годам прошлого века теорию эволюции культуры практически вытеснили структурно-функциональные теории, в центре внимания которых находилось разнообразие человеческих обществ как целостных и самодостаточных систем. Общества рассматривались как живые организмы, обладающие различными чертами культуры, каждая из которых оказывает влияние на выживание общества в целом.

Эти теории внесли значительный вклад в понимание нами как социальных структур, так и динамики социологических изменений. Мы воспользуемся этими открытиями в настоящей книге. Однако в крайней форме эти теории тяготеют к детерминизму и склонны принижать роль человека как мыслящего и действующего существа. Таким образом, они объясняют человеческое мышление с точки зрения социальной организации, чем делают относительными все системы верований, в том числе все религии и, в конечном счете, науку. Однако подобный релятивизм подорвал основы учения самих социальных детерминистов. Как отмечает Питер Бергер, «релятивистский анализ, доведенный до предела, обращается против себя самого. Заявления релятивистов становятся относительными, разоблачителей разоблачают. Релятивизм, таким образом, самоликвидируется». Вопреки страхам отдельных антропологов, отход от социального детерминизма вовсе не привел к полному параличу мышления, но, наоборот, дал свободу поднимать новые вопросы в поисках истины и смысла.

Еще одним течением мысли, появившимся после отвержения теорий эволюции культуры, стала культурная антропология. Внимание этой дисциплины было сосредоточено на системах идей и символов. Понятие «культура» теперь стало обозначать не только совокупность человеческой мысли и поведения, но и систему убеждений (верований), стоящих за определенными идеями и поступками, а также символы, в которых эти идеи и поступки находят свое выражение. Культура стала рассматриваться как нечто целое, разнообразные элементы которого совместно обслуживают основные нужды своих членов.

Вместо того чтобы сводить верования и поступки людей к предопределенным реакциям, такая концепция культуры допускает рациональное мышление и придает смысл человеческим решениям. Она помогает нам понять принципы, на которых основана коммуникация между людьми в процессе построения общества, без чего жизнь была бы невозможной. Она также помогает нам оценить различия между культурами, природу межкультурного общения и динамику общественных изменений. Для миссионеров эти знания неоценимы.

В последние годы антропологи стали уделять особое внимание основополагающим посылкам, на которые опираются верования той или иной культуры. Каждой культуре присуще свое собственное мировоззрение, то есть основополагающий взгляд на реальность. Если это действительно так, тогда межкультурное общение на глубочайшем уровне возможно лишь в том случае, если мы понимаем мировоззрение людей, с которыми имеем дело. Отсюда также следует, что слушатели будут воспринимать Благоую весть с точки зрения своего мировоззрения. Значит, если миссионер хочет донести Благоую весть до слушателей с минимальными искажениями смысла, он должен научиться читать не только видимые, но и подразумеваемые символы культуры.

И наконец, антропологи разработали специальные теории, которые занимаются конкретными аспектами человеческого существования. Многие из них оказываются полезными для миссионеров. К примеру, возьмем лингвистику, которая занимается исследованием языков. Она сообщает нам важные сведения о способах овладения языками, о сущности перевода, в том числе Библии. Еще одна теория – психологическая антропология, которая изучает личность человека применительно к культуре и перемена- нам.

В этой книге мы будем обращаться к находкам тех антропологических теорий, которые важны для миссионерского служения. Однако мы будем критически оценивать их с христианских позиций на предмет их совместности с богословским пониманием миссии.

На пути к интеграции

Как нам соединить богословское и антропологическое понимание человека в целостную картину? Сделать это нужно, причем осознанно. Подобно тому как мы пользуемся достижениями науки в быту, будь это электричество, автомобили, компьютеры, лекарства и множество других изобретений, нам не избежать влияния научных открытий на богословие. Это относится как к точным наукам, так и общественным. Без критической оценки влияния этих открытий мы рискуем исказить свое понимание Благ- кой вести.

Любая попытка интеграции должна быть целостной по своей сути. Нельзя просто вырвать отдельные фрагменты научной мысли и «вставить» их в христианское видение мира. Если мы желаем пользоваться достижениями науки, следует прежде разрешить вопрос о том, как вообще наука соотносится с библейской истиной.

В частности, в нашем случае нужно рассмотреть научные теории о человеке и сравнить их с библейским учением о природе людей, потому что наш взгляд на людей будет играть немаловажную роль в том, как мы будем исполнять миссионерское служение. Прибегая к научным открытиям там, где они не противоречат Библии, нам следует искать способы гармоничного и целостного соединения того, что Бог открыл нам через Писание, с тем, что Он явил через творение.

Сегодня термин «целостный» (холистический) используется по-разному. Например, мы используем его по отношению к экологическим или медицинским проблемам. Мы будем использовать этот термин в антропологическом смысле всестороннего и целостного понимания человека, которое не оставляет без внимания ни одну грань человеческого существования.

Многообразие и единство человечества

Как и антропологов, миссионеров интересуют все люди без исключения. Этим они отличаются от большинства людей, которые обычно заняты только представителями своего круга или членами своего общества, оставляя без внимания весь остальной мир, пока происходящее в нем не затронет их интересов. Так, газеты полны новостей о местных происшествиях, но сообщают крайне скудную информацию о мире в целом. В университетах читается множество предметов по европейской истории и литературе, но практически ничего об Индии, Гане или Индонезии.

Говоря «все люди», мы имеем в виду несколько аспектов. Во-первых, сюда относятся все люди по всему миру: люди в Китае, Австралии, Саудовской Аравии, Замбии и др. Далее, это члены всех слоев общества: бедные и слабые в той же мере, как богатые и могущественные. Кроме того, это все люди, когда-либо жившие на земле на всем протяжении истории: в прошлом, настоящем и будущем. Только имея перед глазами такую широкую картину, мы будем способны понять, что значит быть «человеком».

Такое разностороннее изучение людей в самых разных контекстах принесло антропологам и миссионерам осознание многообразия человеческого рода. Люди отличаются своей биологической и психологической организацией. Они создают различающиеся общества и культуру. Как мы увидим далее, эти различия ставят перед нами глубокие философские и богословские вопросы.

С другой стороны, миссионеров, как и антропологов, интересуют человеческие универсалии, то есть то, что свойственно всем людям без исключения. Очевидно, что у всех людей одни и те же физиологические функции. Они принимают пищу, производят потомство, страдают от болезней и реагируют на разнообразные стимулы посредством одних и тех же биологических процессов. Они испытывают радость и боль, как и множество других похожих психологических реакций. Они организуются в общества и создают культуру. Без этих универсалий членам одной культуры было бы просто невозможно понять людей другой культуры. Первым шагом в построении доверительных взаимоотношений является признание нашей общности с другими людьми. Это помогает преодолеть глубокие различия, делящие людей на «своих» и «чужих».

К этому списку христианин добавляет и другие человеческие универсалии. Все согрешили и лишены славы Божьей. Спасение открыто для всех людей посредством смерти и воскресения Иисуса Христа. Другого пути нет, кем бы ты ни был: бедным или богатым, русским или китайцем. Поэтому мы и хотим, чтобы все услышали Благою весть и получили возможность откликнуться на Божий призыв.

Далее, Церковь призвана быть одним Телом, то есть сообществом верующих, преодолевающим расовые и культурные различия путем создания одного нового человечества во Христе. Языки могут быть разными, но Благая весть одна. Культуры могут быть разными, но Церковь одна. Формы поклонения могут быть разными, но Бог один и тот же.

Целостная модель человечества

Нас интересуют не только все люди, но и всесторонний подход к их изучению. Зачастую мы пользуемся фрагментарными подходами. Рассматривая физический аспект человека, подчиненный законам движения, можно исследовать, что произойдет с ним, если он попадет в аварию. Можно рассматривать людей как существа биологические, которым присущи такие процессы, как пищеварение, выброс продуктов жизнедеятельности, воспроизводство, определенные реакции на стресс. Или как существа психологические – продукты сознательных и бессознательных побуждений, мыслей и чувств; далее, как существа социокультурные, которые формируют сообщества и создают системы верований; или как грешников, которые нуждаются в спасении.

Каждая из этих моделей помогает нам понять один из аспектов того, что значит быть человеком. Но как их сложить в одну картину? Как избежать фрагментарного подхода, дробящего человека на части и игнорирующего то, что человек – целостное существо, а не сумма отдельных органов тела, побуждений и мотивов? Существует три подхода к ответу на этот вопрос.

Редукционизм. Простейшим и наиболее распространенным ответом является редукционизм. Допуская, что человеческая жизнь имеет множество аспектов, мы сводим их к какому-то одному объяснению. К примеру, редукционизм в биологии признает, что людям трудно ужиться друг с другом, что у них бывают периоды духовной депрессии, но «объясняется» это чисто биологическими причинами – такими как гормональный дисбаланс или наследственность. В психологическом редукционизме те же явления объясняются сознательными или бессознательными желаниями и типами реакций.

Редукционизм в миссионерстве опасен тем, что мы можем принять чрезмерно упрощенный взгляд на нужды людей. В этом случае мы будем склонны противопоставлять духовные нужды физическим. Но Христос служил человеку во всей его целостности. Естественно, вечному спасению людей должно отдаваться первое место, но спасение в библейском смысле этого слова затрагивает все стороны жизни человека.

Западные миссионеры в особенности должны остерегаться механического редукционизма. Это склонность истолковывать мир в рамках закона

причины и следствия. Это убеждение в том, что в наших силах разрешить все проблемы и достичь всех нужных целей, если только пользоваться правильными методами. Благодаря такому подходу мы сделались властителями природы, но при этом стали смотреть на людей как на предметы, которыми можно манипулировать, если использовать правильные формулы. Даже общественные науки, если ими злоупотреблять, могут стать такими «формулами». Евангелие призывает нас видеть в каждом человеке именно человека, а потому любая успешная миссия начинается с построения взаимоотношений, а не развертывания программ.

Тот же механический подход искушает нас получить контроль над Богом, чтобы добиться собственных целей. Мы составляем план, а затем пытаемся заставить Бога выполнить его. Но Писание призывает нас оставить подобный «магизм» и обратиться к подлинному послушанию и преклонению перед Богом. Миссия – это, в первую очередь, дело Божье, а потому наша задача – следовать Его указаниям. Речь не идет об отказе от планирования или разработки стратегии. Но все это следует делать в смиренности перед Богом, помня, что Он действует, когда и как Ему угодно, причем порой – совершенно необъяснимыми для нас путями.

«Многослойный» подход. Второй путь к целостности — это то, что Клиффорд Гиртц назвал «многослойным» (stratigraphic) подходом. В этом случае различные теории о человеке просто накладываются одна на другую без каких-либо серьезных попыток интегрировать их в одно целое. При этом каждая теория, богословская или научная, служит самостоятельным объяснением той или иной грани человеческой жизни. В итоге мы имеем «лоскутное одеяло», сотканное из фрагментов разнородной информации о людях, полученной совершенно разными методами. Однако

«Многослойный» подход к пониманию человека

Богословские модели
Антропологические модели
Социологические модели
Психологические модели
Биологические модели
Физические модели

Рисунок 2

даже собранные вместе, они не могут дать нам целостного представления о сущности человека (рис. 2).

К примеру, можно предложить голодающим современные методы земледелия, построить больницы для страждущих или открыть школы для неграмотных. Но, занимаясь всем этим, легко упустить из виду, как тесно эти явления связаны между собой: знания способны предотвратить болезнь и помочь людям выращивать сельскохозяйственные культуры, тогда как для обучения нужны хорошее здоровье и полноценное питание. Далее, обычно мы не замечаем того, что голод, болезнь и неграмотность уходят корнями в грех и как, в свою очередь, эти явления порождают другие грехи.

И снова западному миссионеру следует быть осторожным, ведь мы сформировались в обществе, где проводится резкая грань между религией и наукой, сверхъестественным и естественным. Подобное разграничение заимствовано из греческой философии, но никак не из Библии. В итоге мы объясняем события в материальном мире действием независимых законов природы, а Божью деятельность относим к области чудес и знамений. При таком подходе есть склонность рассматривать духовную часть человека отдельно от его тела и проводить четкую границу между благовестием и социальной работой (благотворительностью и др.). Евангельские миссионеры обычно служат только в одной из двух сфер: врачи, учителя и агрономы занимаются физическими нуждами людей, тогда как проповедники заняты их вечным спасением.

Не удивительно, что страдающие и нуждающиеся больше прислушиваются к советам врачей, учителей и агрономов, ведь те помогают им в решении насущных проблем. Слова же проповедника в таком положении кажутся малоактуальными. Следовательно, люди принимают светскую науку отдельно от богословия и отвергают христианство. Как замечает Джон Стотт, нам нужно научиться видеть в людях душу и тело одновременно, ведь человек есть единство того и другого.

Целостный подход к изучению человека

Рисунок 3

«Многослойный» подход к гармонии между наукой и богословием оставляет значительную часть нашего существования вне богословской оценки, отдавая ее, таким образом, во власть подходов, господствующих в светских науках. В долгосрочном плане такой подход подрывает богословие. Нравится нам это или нет, но, пока мы пользуемся благами науки, мы неизбежно впитываем и ее взгляд на действительность, причем часто некритически. Если же мы хотим сохранить свои богословские убеждения, то нужно осознанно разобраться во взаимоотношениях богословских и научных взглядов на человека.

В поисках целостного подхода. Целостного понимания человека нельзя достичь ни с помощью редукционизма, ни с помощью «многослойного» подхода. Вместо этого следует изучить все, что могут сказать нам о людях как наука, так и богословие, а затем сводить эти принципы в единую картину человека как целостного существа, не забывая, что наши знания всегда остаются частичными и несовершенными.

Такой подход с большим вниманием относится к тем открытиям, которые различные науки привносят в наше понимание человека. Среди общественных наук это делает антропология, показывая, как разные достижения каждой из дисциплин соотносятся друг с другом (рис. 3). Так, физические характеристики людей влияют на создаваемую ими культуру. Если бы все люди были одного пола или их рост составлял три метра, то культура и общество были бы другими.

Обратное тоже справедливо: культура накладывает свой отпечаток на внешний вид ее носителей. Люди удивительно изобретательны в изменении внешности по собственному вкусу. Они прокалывают уши, губы, щеки и зубы, чтобы носить украшения, перевязывают головы и ступни, чтобы изменить их форму, носят очки и слуховые аппараты для улучшения зрения и слуха. Они красят ногти и волосы, делают татуировки на коже и надрезы на телах, укладывают волосы в сотни различных причесок. Культура также влияет на представление людей о здоровье и красоте. На Западе, где привлекательными считаются стройные тела, женщины сидят на диетах, а на островах Тонга в южной части Тихого океана, где красота измеряется массой, женщины стараются много есть.

Таким образом, разные модели следует изучать в их взаимодействии друг с другом, обращая внимание на то, как биологические системы влияют на психологию людей, а психологические системы оказывают влияние на физические характеристики. Наконец, важно видеть, как все эти системы формируются культурой и, в свою очередь, сами формируют ее.

Как видно, антропология движется к целостному пониманию человека с точки зрения науки. Но христиане должны задать себе дальнейший

вопрос: как научные модели соотносятся с богословским пониманием природы человека? К сожалению, в течение последнего столетия отношения между наукой и богословием оставляли желать лучшего. Отчасти это имело место из-за упрощенных, редуционистских подходов к познанию. Как наука, так и богословие претендовали на полное и исчерпывающее объяснение реальности и потому игнорировали друг друга. Сегодня же мы все больше отдаем себе отчет в том, что реальность гораздо сложнее, чем наше представление о ней. В лучшем случае, возможны лишь ее объяснения с той или иной точки зрения. Подобно чертежам разных частей одного здания, отдельные области знания показывают нам разные аспекты реальности. Наука дает нам знания о различных структурах эмпирической реальности. Богословие открывает перед нами общую картину всего здания, поворотных моментов в его истории и знакомит с его Строителем.

Взаимодополняемость богословия и науки не означает, что они всегда будут соглашаться друг с другом. Когда возникают противоречия, требуется пересмотр научных положений и богословских доктрин в свете Писания и творения. Поскольку и то, и другое исходит от Бога, при правильном их понимании между ними не будет противоречий.

Миссионерская задача

Дана Мне всякая власть на небе и на земле. Итак идите, научите все народы, крестя их во имя Отца и Сына и Святого Духа, уча их соблюдать все, что Я повелел вам; и вот, Я с вами во все дни до скончания века (Мф. 28:18-20).

Иисус же сказал им вторично: мир вам! как послал Меня Отец, так и Я посылаю вас (Ин. 20:21).

Этими словами Иисус заповедал нам быть Его свидетелями до края земли. Когда-то Церковь располагалась преимущественно на Ближнем Востоке и на Западе с небольшими анклавами в Юго-восточной Индии и Китае. Сегодня Церковь распространилась по всему миру, причем особенно быстро она растет в Африке, Азии, Латинской Америке и на островах Океании. В так называемых странах «третьего мира» неуклонно возрастает интерес и к миссионерству. Благовестники из Кореи трудятся в Лос-Анджелесе, индийцы – в Европе, миссионеры из одних стран Африки служат в ее других концах. Фактически, большинство миссионеров сегодня отправляются на миссию главным образом из этих молодых церквей.

Следовательно, миссионеров уже нельзя отождествлять с представителями Запада. В этой книге слово «миссионер» означает всякого, кто проповедует Благою весть в чужой для него культуре, будь то африканец, служащий в Индии, или латиноамериканец в Испании. Так как книгой в

основном будут пользоваться на Западе, большинство примеров и иллюстраций подобраны для этой аудитории. Тем не менее предлагаемые здесь принципы в равной степени справедливы и для миссионеров из любого уголка мира. Читателю остается лишь подобрать подходящие примеры вместо предложенных автором.

Евангелие и культура

Миссионер сталкивается с множеством дилемм, причем самыми непростыми из них часто оказываются вопросы соотношения Евангелия и человеческих культур. Эти вопросы не новы. Читая книгу Деяний Апостолов, мы видим, что подобные вопросы возникли уже в первой церкви, когда в нее во множестве стали вливаться обращенные из язычников. Должны ли они были становиться иудеями, принимая еврейские установления, такие как обрезание и запреты на употребление нечистой пищи? Каких заповедей Ветхого Завета должна была придерживаться ранняя церковь, а какие элементы иудейской культуры можно было оставить?

Первый церковный собор (см. Деян. 15) был созван именно для того, чтобы дать ответ на вопросы, возникшие в результате миссионерской деятельности. Сегодня похожие вопросы возникают повсюду, где христианская миссия имеет успех. До тех пор пока обращенных нет, работа идет как обычно – миссионер проповедует, учит, транслирует радиопрограммы и т.д. Но едва в той культуре появляются первые христиане, возникает необходимость принятия множества решений. Может ли новообращенный иметь несколько жен? Можно ли, как раньше, приносить еду предкам? Как быть с прежними религиозными обрядами? Стоит ли нам обучать их нашим собственным обрядам или они уместны только в западной культуре? Надо ли миссионерам перенимать образ жизни этих людей? Можем ли мы с чистой совестью петь их песни и участвовать в их празднествах или это противоречит христианскому учению?

Большая часть подобных вопросов касается темы взаимоотношения Евангелия и культуры. С одной стороны, как откровение Бога о Себе и Своих действиях по отношению к людям, Евангелие не является частью ни одной культуры. С другой стороны, оно может быть понято и выражено

только в формах, присущих человеческим культурам. Евангельскую весть невозможно передать другим, не прибегая к языку и мыслительным образам. Более того, Бог избрал одних людей быть Его вестниками другим людям. Даже когда Господь решил наиболее полно явить Себя нам, Он стал человеком конкретной культуры в конкретную историческую эпоху.

Анализ отношений между Евангелием и культурой требует от нас более подробного описания самого понятия культуры.

Определение культуры

В обыденной речи, называя кого-либо «культурным» человеком, люди обычно имеют в виду воспитанность или эстетические вкусы. К примеру, культурный человек слушает Баха и знает, как пользоваться столовыми приборами на официальном приеме. Когда же мы говорим, что «Виктор ужасно некультурный», то, скорее всего, подразумеваем его «нецивилизованное» поведение. В этом смысле слово «культура» является признаком общественной элиты, то есть людей образованных, получивших хорошее воспитание, часто богатых и занимающих видное положение. Отсюда можно сделать ошибочный вывод, что обычные люди, бедняки и маргиналы не имеют культуры.

Но антропологи пользуются этим словом в другом смысле. При этом надо отметить, что среди них до сих пор ведутся дебаты о точном значении этого термина. Мы возьмем за основу простое определение, которое будет усложняться в процессе нашего изучения. Итак, *«культура – это присущая некой социальной группе в большей или меньшей степени согласованная система идей, эмоциональных восприятий и ценностей, а также связанных с ними моделей поведения и материальных предметов, служащих выражением того, как члены данного сообщества организуют и регулируют свой опыт и деятельность»*.

Аспекты понятия культура

Попробуем разобраться в смысле этого определения. Во-первых, культура охватывает идеи, чувства и ценности, которые представляют собой три аспекта, или грани культуры (рис. 4).

Аспект познания (когнитивный). Это совокупность знаний, разделяемых членами одной социальной группы. Она представляет собой концептуальное, или идейное содержимое культуры. Без таких общих знаний существование группы как единого общества невозможно. Они объединяют разрозненный человеческий опыт в категории, которые затем объединяются в различные области познания. Например, европейцы видят в радуге

Три аспекта культуры

Рисунок 4

семь цветов: красный, оранжевый, желтый, зеленый, голубой, синий и фиолетовый. Представители народа телугу из Южной Индии видят столько же цветов, но разделяют радугу на два основных цвета: *эппас*, то есть теплые цвета (от красного до оранжевого), и *пацас*, то есть холодные цвета (от бледно-желтого до фиолетового).

Знания формируют убеждения о том, что реально и что нет. К примеру, большинство жителей Западного полушария верят в существование атомов и электронов, которых, впрочем, никогда не видели. Деревенские жители Южной Индии верят в существование свирепых *ракшасов*, большеголовых духов с огромными выкатившимися глазами, острыми клыками и длинными волосами. Считается, что они живут на деревьях и скалах, а по ночам нападают на замешкавшихся путников. Даже тем индусам, кто не верит в реальность подобных существ, приходится считаться с присутствием такой категории в их культуре, так же как атеистам на Западе приходится иметь дело с понятием «Бог».

Знания не только помогают сортировать наш опыт по категориям. Они также включают в себя принимаемые верой предположения о природе реальности – что представляет собой наш мир и как он действует. Культура учит людей тому, как строить корабли, выращивать урожай, готовить еду и управлять государством. Она же учит, как общаться с духовным миром: духами предков, богами и др.

Культура, таким образом, формирует базовые понятия, отражающие наше представление о мире. Избавиться от их влияния на наше мышление практически невозможно. Они выражаются в нашем языке и одновременно подкрепляются им. Причем это влияние в значительной степени происходит неявно, когда мы даже не подозреваем о нем. Подобно очкам, культура преломляет наш взгляд на мир, а мы даже не замечаем этого. И лишь когда мы снимаем очки, чтобы протереть стекла, мы вдруг понимаем, насколько сильно они влияют на то, как мы видим мир.

Есть множество способов сохранять и передавать культурные знания. Например, печатная информация – книги, газеты, рекламные плакаты, упаковки для продуктов и др. Многие из нас настолько зависят от письменной информации, что, как только оказываются без нее, начинают испытывать интеллектуальный голод. Без нее им трудно воспроизвести в памяти нужные знания. К примеру, только единицы христиан на Западе помнят наизусть значительные отрывки Библии и богослужебные гимны.

Письменность дала нам прекрасную возможность сохранения знаний, но это далеко не единственный способ. Есть склонность считать неграмотных людей невежественными, однако бесписьменные общества тоже сохраняют и передают большой объем знаний. Для этого используются устные рассказы, поэмы, песни, притчи, загадки. Есть способы и визуальной передачи информации – постановки, танцы, ритуалы и др.

Миссионеру крайне важно иметь в виду такое различие между устными и письменными культурами. В большинстве своем миссионеры были грамотными людьми, поэтому довольно часто не понимали форм коммуникации, присущих устным обществам. Как правило, они приходили к выводу, что самый удобный способ основать церковь – выучить людей читать и писать.

В долгосрочном плане обучение грамоте играет важную роль, особенно в подготовке высшего уровня руководства церкви, однако ни в коем случае нельзя считать это единственным и даже самым эффективным методом основания церкви в устных обществах. Чтобы стать христианином и возрастая в вере, вовсе не обязательно научиться читать. Например, исследователи Люк и Кармен обратили внимание на то, как индийские христиане исповедуют свою веру в пении. Для этого они ввели термин «богословие в песнях». В церкви и дома верующие могут по памяти спеть десять куплетов одной песни и пятнадцать другой. Очень эффективны спектакли под открытым небом. Деревенские жители Индии быстро устают от проповеди и расходятся, но готовы просидеть целый вечер, чтобы узнать, чем закончится пьеса. Миссионеры в разных концах света успешно пользуются для донесения Евангелия песнями, танцами, пословицами и другими способами устной коммуникации.

Аспект эмоционального восприятия (аффективный). Культура также имеет дело с чувствами людей: симпатиями и антипатиями, понятиями о красивом и безобразном, вкусами в еде и одежде, способами получения наслаждения и выражения скорби. В одной культуре любят острое, в другой сладкое или соленое. Члены одних групп открыто выражают свои чувства, поэтому бывают крайне эмоциональны и даже агрессивны, другие с детства приучаются к сдержанности и самообладанию. Одни религии

предписывают медитацию, мистические переживания, а то и наркотики для достижения «внутренней тишины», другие учат достигать состояния экстаза путем безумного пения, плясок и самоистязания. Одним словом, культуры весьма различаются в том, как в них преломляется эмоциональная сторона человеческой жизни.

Этот аспект культуры отражается практически на каждой стороне жизни общества. Он заметен в представлениях о стандарте красоты, вкусовых предпочтениях, выборе одежды, дома, мебели, автомобилей и др. Нельзя представить себе исключительно функциональную, прагматическую культуру, в которой все люди носили бы одинаковую серую одежду и жили бы в безликих, однотипных жилищах.

Эмоции играют важную роль в человеческих отношениях, в представлениях об этикете и общении. Люди выражают любовь или ненависть, восхищение или презрение, как и множество других эмоций, мимикой лица, тоном голоса, жестами и поведением.

Чувства находят особое выражение в искусстве – в живописи, литературе, музыке, танцах, театре, кинофильмах. Все это создается не столько для неких утилитарных целей, сколько ради эстетического удовольствия и эмоциональной разрядки.

Оценочный аспект. Каждой культуре присущи определенные ценности, с помощью которых человеческие поступки и взаимоотношения признаются нравственными или безнравственными. Далее, во всех культурах есть критерии оценки разных сфер бытия: одни профессии считаются престижными, а другие нет; одни манеры хорошими, а другие дурными.

Ценностные суждения можно разбить на три типа. Во-первых, люди каждой культуры оценивают идеи (когнитивные суждения) на предмет их истинности. Например, в средние века европейцы полагали, что малярию вызывают ядовитые вещества в воздухе, сегодня думают, что причиной малярии являются паразиты. Есть культуры, в которых считается, будто малярию вызывают духи, живущие вокруг деревни. В каждом из этих случаев именно культура устанавливает, что следует принимать за истину.

Культура также регулирует эмоциональную (аффективную) сторону человеческой жизни. Благодаря ей люди воспринимают представления о красивом и безобразном, учатся любить одно и презирать другое. В одних культурах красивым считается пение на высоких, пронзительных тонах, в других – глубокое и мягкое. Причем эти представления варьируются даже в пределах одной культуры, в зависимости от ситуации и субкультуры. Смокинг и вечерним платьям не место на катке, а музыка в стиле кантри или шансона обычно неуместна на похоронах.

Наконец, каждой культуре присущи определенные моральные ценности, служащие мерилем того, что «правильно» и «неправильно», что «хо-

рошо» и что «плохо». Например, для жителей Северной Америки солгать хуже, чем задеть чувства людей. Однако во многих других культурах важнее ободрить и поддержать человека, даже если для этого придется как-то «подкорректировать» факты.

Культура предписывает людям некий нравственный код, признающий одни действия праведными, а другие аморальными. В традиционной индийской культуре считается грехом, если женщина ест в присутствии своего мужа. Согласно пословице, в следующей жизни такая женщина будет змеей. В Китае человек учится чтить своих умерших предков, регулярно поднося им пищу. Не делать этого – грех.

В каждой культуре есть свои высшие ценности и идеалы, обязательства и цели. Одна вынуждает людей делать своей высшей целью экономический успех, в другой высшим приоритетом являются слава и честь, в третьей – политическая власть, благорасположение предков или милость Божья.

Все указанные выше три аспекта – идеи, чувства и ценности – крайне важны для понимания сущности человеческих культур, поэтому мы будем часто обращаться к ним.

Евангельская весть и три аспекта культуры. Миссионеру следует всегда помнить, что Евангелие имеет прямое отношение ко всем трем граням культуры. Мы говорим о его интеллектуальном или когнитивном аспекте, имея дело с вопросами познания истины, то есть с пониманием и принятием библейско-богословской информации о Боге. С этой точки зрения нас волнуют вопросы истинности нашего вероисповедания, его соответствия христианскому вероучению.

Далее, Евангелие обращается к чувствам. В присутствии Святого Бога мы ощущаем благоговейный трепет и прикосновение к таинственному. Мы испытываем стыд за сделанные грехи, радость прощения, утешение от общения с братьями и сестрами.

Наконец, Евангелие охватывает ценности и идеалы. Иисус провозгласил приход Божьего Царства, законы которого противопоставлены законам земных государств. Так называемые «культурные» грехи оцениваются в свете совершенных стандартов божественной праведности. Высшим идеалом является следование Христу и преданное служение Ему. Все остальное, поставленное на место Бога, есть не что иное, как идолопоклонство.

При обращении ко Христу все три аспекта культуры играют важную роль. Во-первых, мы должны знать, что Иисус есть Сын Божий, но одного знания недостаточно. Ведь и сатана вынужден признавать Божественность Христа. Во-вторых, мы чувствуем Его любовь и испытываем к Нему взаимные чувства любви и верности. Однако и чувств еще недостаточно. За

ними должны последовать поклонение и послушание, чтобы Христос стал Господином всей нашей жизни.

В жизни обратившегося к Богу тоже обязательно должны присутствовать все три аспекта. Так, нам требуется хорошее, выверенное богословие, основанное на глубоком познании божественной истины. Нам нельзя прожить и без чувств: радости, благоговения, утешения. Все это неременная часть процесса ученичества, когда мы учимся приносить плоды Духа: любовь, радость, мир и т.д. На Западе мы зачастую склонны думать, что плоды – это «чувства». По Библии же, они – ценности, которым мы посвятили себя. Именно поэтому Павел мог повелевать нам любить, радоваться, иметь мир. Христианство призывает нас, прежде всего, посвятить себя Богу и другим, тогда как понимание и чувства обычно приходят позднее.

Миссионеры и пасторы порой делают основной упор на когнитивном аспекте Евангелия. Их занимает знание библейских фактов и богословие. В конце концов, именно этому они и обучались! Естественно, что их методы служения – а это преимущественно проповедь и преподавание – тоже обращаются главным образом к интеллекту. При этом мы склонны недооценивать важность эмоций в жизни людей. Большую часть свободного времени и средств люди тратят в погоне за радостями жизни, покоем и острыми ощущениями от любовных переживаний. Они готовы почти на все, чтобы избежать страданий, боли, страха и горя.

В большинстве случаев именно эмоции играют важнейшую роль в процессе принятия решений. Люди выбирают одежду, покупают автомобили и готовят пищу, руководствуясь не только разумом, но и чувствами. Поскольку это так, то проповедь Евангелия тоже должна обращаться к чувствам, если мы хотим, чтобы люди поверили ей и последовали за Христом. Уча людей истине, нужно отдавать себе отчет в том, что значительная часть людей принимает Евангельскую весть не потому, что она звучит убедительно с рациональной точки зрения, а потому, что они обретают свободу от страхов, получают прощение и радость спасения. А наша задача и состоит в том, чтобы убедить людей ответить на приглашение Христа.

Для возрастания новообращенных в вере церкви нужны глубокая проповедь и качественное обучение. Но при этом важно также найти способы, помогающие христианам выразить себя через музыку, изобразительное искусство, литературу, театр, танцы, ритуалы, празднества и торжества. Во многих случаях протестантизм не вызывал интереса жителей Африки и Азии по той причине, что казался им безрадостным, бесцветным и блеклым по сравнению с их собственными религиями.

Тем не менее, нашей конечной целью является ученичество. Евангелие провозглашается не просто ради информирования людей и не для успокоения их чувств. Оно призывает их стать верными последователями Иисуса Христа.

Формы выражения культуры

Наше определение культуры упоминает «модели поведения» и «материальные предметы». Это те проявления культуры, которые можно видеть или воспринимать другими органами чувств.

Поведение. В основном люди получают представление о том, как себя вести, через посредство своей культуры. В Северной Америке учатся здороваться рукопожатием, есть вилкой и ложкой, ездить по правой стороне дороги и соперничать с другими за лучшие отметки и повышение зарплаты. В Японии люди учатся здороваться поклоном, снимать обувь перед дверью, сидеть на ковриках, есть палочками и помогать друг другу в учебе и работе.

Не все формы поведения формируются культурой. Так, одежда и поведение в официальных ситуациях, например на официальном приеме, четко предписаны, но в повседневной жизни мы не обязаны придерживаться формальностей и можем выбирать из спектра допустимого поведения. Наш выбор диктуется ситуацией (купальные костюмы неприемлемы в классе) и личными предпочтениями. На него также могут влиять экономические, политические, социальные и религиозные обстоятельства нашей жизни.

Можно сказать, что культура диктует некие «правила игры», то есть нормы, по которым живет и функционирует общество. Как игроки на поле, люди время от времени склонны нарушать правила, стараясь при этом избежать последствий. Когда нарушители изобличены, их ждет наказание, когда же нет, они получают преимущества в борьбе за первые места.

В каждой культуре есть свои способы следить за соблюдением этих правил. Сюда могут относиться потеря репутации, сплетни, отвержение обществом, применение насилия. Однако далеко не всех нарушителей наказывают – порой общество словно не замечает некоторых нарушений, особенно сделанных людьми влиятельными и при власти. В тех случаях, когда культурные нормы постоянно нарушаются значительным количеством людей, они могут отмирать, что влечет за собой соответствующее изменение культуры.

Люди не всегда приходят к согласию относительно того, что считать культурными нормами. Как дети на игровой площадке, они спорят о правилах игры. Кто побеждает в таких спорах, тот навязывает всем остальным собственные правила, направляя игру в нужное ему русло.

Материальные предметы. Понятие культуры также охватывает материальные предметы, или продукты культуры: корзины, каноэ, маски, повозки, дома, машины, компьютеры, произведения искусства и тому подобное. Люди живут в природной среде, и им приходится приспосабливать и

использовать ее для достижения своих собственных целей. Для укрытия от дождя и снега строятся хижины, для передвижения по воде – лодки, для возделывания земли – плуги и мотыги. Люди шьют одежду и делают оружие, годное для охоты или войны. Они вырубают леса, строят дороги, перегораживают реки и прорубают тоннели в горах. Однако по мере того, как их деятельность изменяет окружающую среду, им приходится адаптировать и собственную культуру.

Жизнь людей в племенных обществах формируется главным образом самой природой. Они научились изготавливать оружие для охоты, сооружать шалаши и делать одежду, чтобы наилучшим образом приспособиться к окружающей их природе. В сложных индустриальных обществах значительная часть окружающей среды, напротив, формируется культурой. Электричество стирает грань между днем и ночью; машины, самолеты, радио и телефоны сокращают расстояния; печи и кондиционеры создают искусственный климат; фотографии запечатлевают историю на бумаге.

Тем не менее, материальная культура включает в себя больше чем реакцию человека на окружающую среду. Многие из того, что создают люди, имеет целью достижение комфорта и выражение творческих способностей. В примитивных кочевых культурах таких вещей немного, но в современных обществах количество различных изделий немислимо велико. К примеру, в самолете «Боинг 747» насчитывается более 4 500 000 деталей, а ассортимент среднего магазина инструментов – около 15 000 товаров.

Человеческое поведение и материальные предметы легко поддаются наблюдению, тем самым открывая нам дверь к изучению той или иной культуры. Оно может начаться с рассмотрения продуктов культуры – способов их изготовления, назначения, придаваемой им ценности, методов их утилизации и др. Можно также понаблюдать за тем, как ведут себя представители культуры в разных ситуациях, при контактах с другими людьми. Реальность такова, что если при знакомстве с культурой не обращать пристальное внимание на поведение и материальные предметы, то они очень скоро станут обыденными и мы перестанем их замечать.

Символы связывают значение, чувства и ценности с формой

Рисунок 5

Системы символов

Важным элементом нашего определения культуры является слово «согласованная». Дело в том, что поведение людей и материальные предметы не существуют сами по себе. Они тесно связаны с идеями, чувствами и ценностями, господствующими в данной культуре. Связь конкретного значения, чувства или ценности с определенной формой поведения или культурным продуктом называют символом (рис. 5). К примеру, в Северной Америке показать кому-то язык означает насмешку, тогда как на Тибете это символ приветствия и дружбы.

Форма и значение. Связь между формой и значением символов сложна и разнообразна. В одних случаях она совершенно произвольна. Так, компания может выбрать треугольник в качестве своего логотипа, а символом колледжа может стать эскимосская лайка.

Но в большинстве случаев эта связь объясняется историческими и культурными причинами. Например, в древнегреческом языке было слово *polus* со значением «много». Сегодня в нашем языке есть слова «полигамия», «поликлиника», «полимер» и другие, заимствованные именно от этого корня.

Едва появившись, символ становится частью единой системы символов, свойственных данной культуре. Это значит, что его значение проясняется не только словарным определением, но и его отношением к другим символам той же группы. К примеру, мы думаем о слове «красный» относительно всем остальным символам группы «цвет». Поэтому, говоря «красный», мы имеем в виду «не желтый, не оранжевый, не фиолетовый» и так далее. Таким образом, символы одновременно имеют положительное и отрицательное значение.

Символы могут употребляться в разных контекстах, поэтому порой приобретают несколько различных, хотя и связанных между собой значений. Так, слово «красный» может означать цвет предмета, например автомобиля или телефона. Оно же может означать политические убеждения человека. В других случаях мы говорим, что человек «покраснел» от смущения. А красный свет светофора повелевает нам остановиться. Многозначность символов выступает одним из инструментов поддержания единства культуры, интегрируя ее различные сферы в единое целое.

Безусловно, для того чтобы символы стали частью культуры, они должны быть общими для людей одной группы. У каждого из нас есть свои собственные «символы» для общения с собой – например когда мы придумываем способы напомнить себе о том, что нужно сделать. Но частью культуры символ становится только в том случае, если группа людей ассоциирует с его формой одно и то же значение.

Коммуникация с помощью символов

Рисунок 6

Именно общность культурных символов делает возможной коммуникацию между людьми. Поскольку мы не можем обмениваться мыслями в чистом виде, мы должны сначала выразить их в виде символов, понятных другим. И хотя мы передаем только форму символов (речь, поведение, предметы, сигналы и др.), их смысл будет понятен получателям, потому что мы обладаем общей с ними системой символов (рис. 6).

Поскольку общие культурные символы существуют длительное время, люди могут передавать свои знания и чувства друг другу и из поколения в поколение. Этот факт способствует одновременно стабильности и изменчивости культуры. Будучи наследниками культуры, созданной предыдущими поколениями, мы принимаем ее от предков, но, в свою очередь, изменяем ее и передаем следующему поколению. Благодаря такой передаче культуры осуществляется ее накопительная функция – добавляется новая информация, создаются новые продукты. Поэтому важно помнить, что культура одновременно носит исторический и социальный характер.

Неразрывность формы и значения. Связь между формой и значением в некоторых символах настолько близка, что разделить их невозможно. Это часто относится к историческим символам. Так, Мекка, будучи местом рождения Мухаммеда, имеет важное религиозное значение для мусульман. Подобным образом, для христиан крест всегда означает смерть Христа. Можно подобрать другие символы, говорящие о Его смерти, но невозможно изменить факты истории.

Форму и значение можно практически приравнять и в ритуальных символах. В одних культурах люди используют образы лишь как напоминание о богах. В других культурах люди верят, что боги живут в истуканах. В третьих считают, что истуканы и есть боги.

На Западе многие христиане проводят различие между формой и значением. Вечеря Господня напоминает им о последней трапезе Иисуса с учениками, а хлеб и вино только символизируют тело и кровь Христа. Они

говорят: «Мы ходим в церковь, чтобы поклоняться». Другими словами, сам факт посещения церкви не является поклонением. Для них поклонение – то внутреннее ощущение, которое они переживают в церкви. Однако есть и такие христиане, которые не проводят такого различия. Для них принимать Евхаристию – значит есть с Христом, а хлеб и вино воспринимаются как Его реальные тело и кровь. С их точки зрения, идя в церковь, они уже поклоняются, потому что не отделяют внешнее действие прихода в церковь от внутренних мыслей и чувств, которые их туда привели.

Люди на Западе, как правило, разделяют значение и форму, тогда как в традиционных (племенных) и земледельческих культурах их обычно уравнивают между собой. По этой причине на Западе ритуалы далеко не так существенны, тогда как для людей во многих других частях света они просто жизненно важны. Западным миссионерам необходимо учитывать это отличие, иначе им просто не понять, какое место ритуалы занимают в жизни людей, которым они служат.

В главах 5 и 6 мы увидим, как важно миссионерам понимать природу культурных символов не только при переводе Библии на другой язык, но и когда они основывают церковь, и когда вводят в другую культуру христианские ритуалы и символы.

Культурные символы и модели поведения

Культура представляет собой нечто большее, чем случайный набор символов, используемых без всякой связи друг с другом. Как указано в нашем определении культуры, символы связаны с конкретными контекстами и определенными формами поведения. Например, жители Северной Америки при еде чаще всего пользуются вилок или ложкой. Такая ассоциация конкретного символа с определенным применением или контекстом называется культурной чертой. Совокупность культурных черт иногда называют культурными комплексами или системами. За едой американцы пользуются вилками и ложками наряду с ножами, тарелками, чашками, стаканами, стульями, столами, скатертью. Вдобавок, столовые приборы, в зависимости от обстоятельств, должны использоваться определенным образом. Индийцы же едят руками из алюминиевых или деревянных тарелок, сидя на полу.

Конечно, не всякий поступок является во всех случаях частью системы или модели поведения. Когда учитель роняет ручку или школьник поскользывается на льду, это случайность, вовсе не предписанная культурой. Далее, есть и сугубо личные модели поведения, не выражающие никакого культурного смысла – один предпочитает кислое, другой всегда носит темную одежду. Культурными чертами и комплексами называют только те модели поведения, которые имеют смысл для всех членов данного общества.

Использование некоторых черт может быть ограничено одним человеком. Например, носить корону и сидеть на троне может только король, но смысл этих действий понятен всем в культуре. Есть также черты, общие для отдельных групп внутри данного общества. Бейсболисты, секретари, студенты и даже миссионеры имеют свои собственные типы поведения. Далее, одни черты характерны для мужчин, другие для женщин. Наконец, некоторые черты являются общими для большинства членов данного социума. Так, в Соединенных Штатах Америки все люди должны носить одежду в общественных местах и, за некоторыми исключениями, нарушители этого правила подвергаются взысканиям.

Культуры находятся в постоянном изменении, когда старые черты отмирают, а новые появляются. Отсюда не всегда легко отличить, принадлежит ли поступок некой модели или нет. При этом случайные или творческие действия одних людей могут повторяться другими и, таким образом, становиться частью культуры. Примером этого служит один американский миссионер, который решил устроить рождественский сюрприз всем детям из миссионерских семей в одном районе Индии. Нарядившись Санта-Клаусом, он уселся на велосипед и оправился развозить подарки. К несчастью, велосипед «Санты» поскользнулся в грязи и свалился вместе с ним в оросительную канаву. После того случая каждый год орава ребятишек ожидала его падения у той канавы, и, надо сказать, он ни разу их не разочаровал!

Культурные черты и комплексы выстраиваются вокруг системы убеждений (верований). Например, система здравоохранения в западной культуре отражает огромное количество верований о природе болезней, методах их лечения, профессионализме врачей и организации здорового образа жизни. Из таких убеждений вытекают как представления об устройстве и функционировании больниц, так и модели поведения медперсонала. Действия по предписанным культурой моделям, в свою очередь, укрепляют системы убеждений.

В сложных обществах, таких как Европа или США, вряд ли можно говорить о существовании единой культуры. Одни убеждения и практики принимаются всеми, как, например, правостороннее движение. Но значительны и различия. В таком случае уместно говорить о «сегментах культуры». Сегмент культуры – это социальная среда с собственной субкультурой, то есть убеждениями, правилами поведения, материальными предметами, символами, структурой и средой. Так, банк имеет свою субкультуру: информацию, чувства и ценности, соответствующие символы, имущество и модели поведения. Другие сегменты культуры – это супермаркеты, больницы и церкви. От учреждения к учреждению значительно варьируются образ мышления и общения, ценности и цели, используемые или производимые предметы.

В племенных обществах количество субкультур незначительно и различия между ними минимальны. В племени *арунта*, живущем в австралийской пустыне, охота и участие в секретных ритуалах закрыты для женщин. Однако большую часть времени мужчины и женщины проводят вместе, взаимодействуя в одних и тех же культурных рамках.

С другой стороны, в современных городах существует большое множество культурных сообществ, и различия между ними значительны. Своя собственная субкультура существует в религиозных, общественных, политических, образовательных, экономических, эстетических и развлекательных учреждениях. Нужно сказать, что значительные культурные различия существуют даже между начальными школами и средними школами, колледжами и семинариями, хотя они не столь явны при сравнении одной начальной школы с другой или одной семинарии с другой.

В урбанизированных обществах люди являются частью самых разных учреждений, но отождествляют себя лишь с одним или двумя. Городской житель может быть постоянным покупателем супермаркета, клиентом банка, время от времени посещать оперу и бейсбол. Но своей важнейшей ролью он будет считать что-то одно: работу или родительские обязанности в семье, служение дьякона или хориста в церкви, возможно, даже участие в соревнованиях по бильярду или членство в яхт-клубе. Именно в это занятие он будет вкладывать время и в этой роли искать признания со стороны окружающих.

Разнообразие сегментов культуры в современных обществах отражает их растущую сложность и сужающуюся специализацию соответствующих учреждений. В примитивных обществах ежедневные функции – воспитание детей, уход за скотом, работа на поле, забота о больных и религиозные ритуалы – выполняются семьей или более широкой группой родственников. В сложных обществах эти функции выполняются школой, фермой, больницей, церковью и др. Подобное разнообразие отражает и растущую социальную иерархию таких обществ. Сегмент культуры богатых резко отличается от сегмента культуры бедняков, подобно тому как клуб любителей классической музыки отличается от бара в рабочем квартале или как офис корпорации в небоскребе – от управления угольной шахты.

При всем поразительном разнообразии субкультур современные общества представляют собой большие системы, удерживаемые вместе транспортными и коммуникационными сетями, узами торговли, единым правительством и формами общественных отношений.

Интеграция культуры

Культура удерживается вместе не только посредством экономических, социальных и политических связей. На глубинном уровне ее скрепляют ос-

Модель культуры

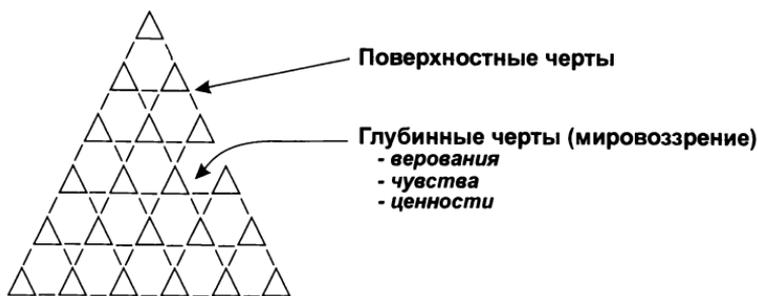

Рисунок 7

новополагающие убеждения и ценности, принятые ее членами. Значительная часть этих знаний лежит на поверхности, то есть члены общества могут рассказать нам о них. Но если копнуть поглубже, мы обнаружим фундаментальные аксиомы о природе вещей, принимаемые людьми как данность. По большей части они просто подразумеваются. Подобно фундаменту, они несут на себе здание всей культуры, при этом в большинстве случаев оставаясь незамеченными. Всякий, кто пытается поставить их под сомнение, считается ненормальным, еретиком или преступником, потому что отвержение этих аксиом ставит под угрозу стабильность всей культуры (рис. 7).

Культурную интеграцию можно проиллюстрировать на примере того, как люди сидят и спят. Жители Северной Америки, как правило, избегают сидеть на полу. Так, заходя в студенческую аудиторию, они занимают свободные стулья, а опоздавшие, которым не досталось места, предпочитают стоять около стен или уходят. Мы тратим немало денег на то, чтобы приобрести различные стулья, кресла, диваны, шезлонги, кресла-качалки, табуретки и т.п. на все случаи жизни.

Как известно, американцы также предпочитают не спать на полу. Путешествуя, они заранее беспокоятся о том, что забронировать отдельный номер в гостинице и чистую постель. Интересно, что они не бронируют себе обед, полагая, что еду каким-то образом раздобудут, а если и нет, то смогут обойтись без нее. Если же ночь все-таки застанет их в аэропорту, они предпочитают спать, свернувшись на кресле, а не растянувшись на полу – ведь ценнее сохранять приличие, чем испытывать комфорт.

Таким образом, в США мы повсюду встречаем некие платформы, или «возвышения». На них сидят, спят, строят дома, хранят имущество и т.д. Японцы же чувствуют себя вполне комфортно, сидя на циновках, брошенных прямо на пол. Индусы убеждены, что все, что нужно для хорошего отдыха, – это простыня, которая сохранит от грязи, и ровное место, на ко-

торое можно прилечь, а мир вокруг нас полон ровных поверхностей: это и залы ожидания, и проходы между креслами поезда, парки и тротуары.

Почему же для американцев так важно сидеть на стульях и спать в постели? Многие из них вряд ли задумывались об этом, просто считая, что это наиболее естественный и удобный способ. На самом деле все объясняется убеждением в том, что полы «грязные». А так как грязь – это плохо, нужно по возможности избегать контакта с полом.

Это убеждение формирует многие другие аспекты нашего поведения. Когда ребенок роняет на пол конфету, а потом сует ее в рот, его мать недовольна. Ведь в тот момент, когда конфета прикасается к полу, каким бы чистым он ни был, она «пачкается». И, входя в дом, американцы не снимают обувь, потому что пол и так грязный.

Что бы изменилось в нашей культуре, если бы мы считали полы чистыми? Скорее всего, мы бы сидели и спали на полу, а входя в дом, снимали бы обувь. Дети бы тоже спокойно играли на полу. Все это, кстати, является описанием традиционной японской культуры.

«В большей или меньшей степени». Нужно сказать, что вряд ли возможно полностью интегрировать все аспекты культуры. Время от времени нам приходится использовать такие выражения, как «более или менее» или «имеет тенденцию». Человек – существо любознательное, познающее разные грани бытия не только для удовлетворения своих потребностей, но и с тем, чтобы просто понять их. Так появляются теории о природе, погоде, болезнях, растениях, рыбной ловле, рождении, происхождении человека и о причинах движения солнца по небосводу. По всей видимости, люди нуждаются еще и в том, чтобы эти теории были более или менее согласованы между собой. Гармония эта отчасти вытекает из присущего культуре мировоззрения. Однако, как и сами люди, их убеждения никогда не бывают до конца последовательными. В их теориях, как, впрочем, и в их поведении, всегда есть пробелы и внутренние противоречия.

Еще труднее увидеть единство различных аспектов культуры в сложных обществах. Дело в том, что разные социальные группы и индивидуумы в нем могут придерживаться различных, порой противоречивых теорий. Например, богатые смотрят на вещи совсем иначе, нежели бедные. То же самое верно и по отношению к представителям разных этнических групп. В медицине и религии одни опираются на народные приметы, другие – на научные или богословские теории. Впрочем, специалисты тоже далеко не всегда согласны между собой. Так, два ученых – христианин и агностик – могут по-разному объяснять причины одних и тех же событий.

А.Уоллес отмечает, что различия в убеждениях людей в современных обществах настолько велики, что правильнее говорить не об общекультурном мировоззрении, а, скорее, о личном. Люди в таких обществах часто

переживают кризис веры, когда их убеждения не разделяются другими людьми. Другими словами, если с ними никто не соглашается, они склонны ставить под сомнение свои собственные взгляды.

Мировоззрение помогает поддерживать культурную стабильность и ее сопротивляемость переменам. В традиционных и сельскохозяйственных обществах люди обычно разделяют одни и те же фундаментальные представления о мире, постоянно подкрепляемые группой. Эти убеждения передаются следующему поколению, чем обеспечивается преемственность культуры. В такой ситуации, когда общество монолитно в своих убеждениях, перемены зачастую воспринимаются негативно, а члены общества, усваивающие новые идеи, становятся изгоями. По этой причине первых новообращенных христиан часто отвергает их собственный народ.

Вместе с тем, внутренние противоречия в мировоззрении могут вести к его пересмотру. Когда противоречия незначительны, люди могут пересмотреть свои убеждения или подкорректировать поведение. Так, если человек из племени видит, что амулет уже не оберегает его от опасности, он просто выбрасывает его и находит новый. Если современной женщине не хватает денег на горючее, она может купить автомобиль поменьше или ездить на автобусе. В средневековье ученым, полагавшим, будто солнце вращается вокруг земли, постоянно приходилось вносить коррективы в планетарную систему Птолемея, чтобы согласовать ее с результатами своих наблюдений.

Интеграция разных элементов культуры осложняется тем, что все культуры находятся в процессе постоянного изменения – одни меняются быстрее, другие медленнее. Они приобретают новые черты, влияние которых со временем ощущается на остальных сферах культуры. В это же время некоторые другие черты утрачиваются. Все это, в свою очередь, ведет к новому культурному синтезу.

Противоречия, соперничающие теории, изменение привычных устоев – все это подрывает внутреннюю гармоничность культуры, но до тех пор пока остается хотя бы минимальная культурная интеграция, организованная общественная жизнь тоже возможна.

Мировоззрение. Люди по-разному видят мир, потому что опираются на разные предположения о природе реальности. Например, большинство жителей западных стран считают, что мир вне их самих реален и что он состоит из неживой материи. Жители Юго-Западной Азии верят, что внешнего мира на самом деле не существует – он лишь иллюзия в их воображении. А представители племенных культур считают землю живым организмом, с которым они должны поддерживать некие взаимоотношения.

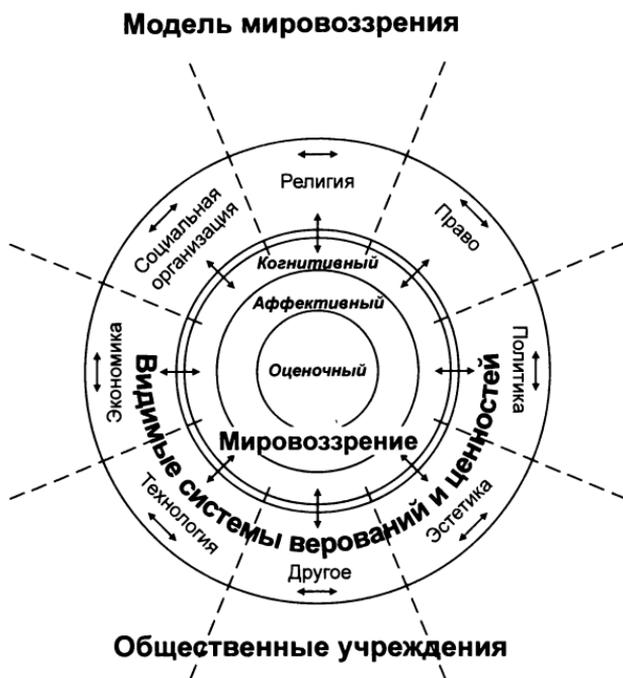

Рисунок 8

Совокупность важнейших убеждений о природе реальности, формирующих верования и модели поведения в той или иной культуре, называется мировоззрением (рис. 8). Ввиду того, что эти предположения воспринимаются как данность, они, как правило, не подвергаются критической оценке и просто принимаются как само собой разумеющееся. Более того, они прочно связаны с самыми глубокими чувствами, поэтому каждый, кто бросает им вызов, подвергается яростной атаке. Люди ведь твердо верят в то, что мир на самом деле таков, каким они его видят. Очень редко они отдают себе отчет в том, что именно мировоззрение формирует их взгляд на мир.

В основе каждого из трех аспектов культуры лежат некие фундаментальные предположения (аксиомы), почерпнутые из непосредственного опыта ее носителей. Они обеспечивают культуру важнейшими когнитивными (познавательными) структурами, с помощью которых люди объясняют себе реальность. Именно они диктуют нам, что «реально» и что нет. На Западе в их число входят атомы, вирусы и всемирное тяготение. В Южной Индии это ракшасы, апсары, бхутамы и другие духи. В странах Центральной Африки это предки, которые после смерти продолжают обитать среди людей.

Когнитивные аксиомы также формируют представления людей о времени и пространстве. К примеру, на Западе принято считать, что время однородно и линейно, то есть оно представляет собой прямую линию, имеющую начало и конец и которую можно разделить на равные отрезки, такие как годы, дни, минуты, секунды. В некоторых других культурах время представляется циклическим – это бесконечное повторение лета и зимы, дня и ночи, рождения, смерти и возрождения, роста и разложения. Третьи же считают, что оно, подобно маятнику, движется то вперед, то назад, причем с разной скоростью, а иногда и вовсе прекращает движение. В некотором смысле это действительно соответствует нашему личному восприятию времени. Хорошее кино всегда слишком быстро заканчивается, а скучная лекция тянется бесконечно. Порой же, когда мы глубоко переживаем присутствие Бога, кажется, что время остановилось.

Когнитивные аксиомы выполняют и множество других функций. Они формируют категории мышления, обуславливающие, кто и что является авторитетом и на какую логику опираться. Взятые вместе, эти идеи привносят в нашу жизнь порядок и смысл.

Аффективные аксиомы лежат в основе наших представлений о красоте, эстетике, стиле. Они формируют вкусы людей в музыке, искусстве, одежде, пище и архитектуре, их отношение друг к другу и в целом к жизни. Например, в культурах, испытавших влияние буддизма школы Тхеравада, жизнь приравнивается к страданию. Даже радостные моменты являются причиной для страданий, потому что человек понимает, что им наступит конец. На практике это означает, что нет смысла стремиться к лучшей жизни на земле. В отличие от такого подхода к жизни, в Соединенных Штатах после окончания Второй мировой войны многие люди ощутили колоссальный прилив оптимизма. Они поверили в то, что усердным трудом и тщательным планированием смогут достичь счастливого и безбедного существования в этой жизни.

Оценочные аксиомы формируют стандарты, или критерии, с помощью которых мы судим о том, что правильно и что неправильно, истинно и ложно, что нам нравится и что нет. К примеру, в Северной Америке принято считать, что быть честным – значит говорить правду, даже если она может ранить людей. В некоторых других странах быть честным – значит говорить людям то, что они хотят услышать, потому что воодушевить их важнее, чем раскрыть правду.

Оценочные аксиомы также устанавливают приоритеты той или иной культуры, посредством чего формируют людские идеалы и объекты их преданности. На протяжении прошедшего века приоритетами американцев были технологии и материальные ценности, а основным родом деятельности стал бизнес. Статус человека по большей части определялся его

состоянием, а в центре культурного дискурса находились экономические темы. Самые высокие здания современных американских городов заняты банками и страховыми компаниями. А вот в сельской местности Индии основной ценностью является религиозная чистота, в особом почете находятся члены священнической касты. Культура этих людей вращается вокруг религии, поэтому центральное место в деревне занимает святилище. В Европе средних веков с ее королями, вассалами, лордами и рыцарями в центре внимания были власть, завоевания и политика. Естественно, что главными строениями в ней были замки и крепости.

Тот факт, что разным культурам присущи неодинаковые представления о нравственности, вызывает множество проблем в межкультурном общении. Среди американских христиан наиболее тяжким грехом считается половая распущенность, поэтому западные миссионеры подчеркивают пристойное поведение между мужчинами и женщинами. Приезжая служить в Южную Азию, они часто не знали, что здесь наиболее тяжким грехом считается вспыльчивость. Они и представить себе не могли, какие последствия влекло за собой их раздражение на индийских прислугу, учеников или пасторов.

Различия между нравственными стандартами от культуры к культуре ставят перед миссионерами множество сложных вопросов. Что нам делать с имеющимися у людей этическими убеждениями? Как объяснить им библейское понятие о грехе? Что на самом деле такое библейское представление о грехе и не навязываем ли мы другим собственные культурные ценности?

Далее, как быть, когда мы не дотягиваем до стандартов людей, которым служим? Например, есть общества, в которых бесплодие рассматривается как проклятие от Бога, посылаемое Им в наказание порочным людям. Следовательно, если первая жена не приносит мужу детей, он должен взять себе вторую. Как быть в этой ситуации миссионерской семье, в которой нет детей? По их убеждениям, взять вторую жену греховно, тогда как отсутствие детей подрывает к ним доверие местного населения.

Таким образом, совокупность когнитивных, аффективных и оценочных предположений обуславливает взгляд людей на мир, делает его понятным и удобным. Мировоззрение также придает людям уверенность в том, что они поступают верно, в соответствии с тем, что представляет собой мир. Оно служит своего рода фундаментом, на котором покоятся их убеждения и ценности, а также общественные институты, в которых протекает их жизнь.

Функции мировоззрения. Вместе взятые, основополагающие аксиомы культуры дают людям более или менее связный способ взгляда на мир.

Мировоззрение человека выполняет несколько важных функций. Во-первых, оно *дает нам интеллектуальные (когнитивные) основания*, на которых строится вся система наших убеждений. Другими словами, если мы принимаем исходные предположения, тогда все наши убеждения и толкования реальности обретают смысл. При этом сами исходные предположения воспринимаются как данность и редко ставятся под сомнение. Как отмечает Клиффорд Герц, мировоззрение предоставляет нам модель, или карту реальности, оно созидает саму структуру восприятия реальности.

Во-вторых, мировоззрение *придает нам ощущение эмоциональной защищенности*. Сталкиваясь с окружающим миром, полным непредсказуемых и бесконтрольных сил, кризисов и опасностей – болезни, голод, смерть и т.д., – и страшая неопределенности, которую несет с собой будущее, люди обращаются к глубинам верований своей культуры в поисках эмоциональной опоры и защиты. Поэтому неудивительно, что предположения, на которых покоится мировоззрение, отчетливее всего проявляются в ритуалах, связанных с рождением, взрослением, браком, похоронами, праздниками урожая, и других событиях, которыми люди отмечают течение своей жизни и циклы природы.

Одна из сильнейших эмоций человека – страх перед смертью. Другая, подобная ей, – ужас перед бессмысленностью. Люди часто готовы принять мученическую смерть, если верят, что она имеет смысл, и если их вера в это достаточно сильна. Мировоззрение крепко связывает эти важнейшие убеждения с эмоциями, поэтому разрушить их далеко не так легко.

В-третьих, мировоззрение *служит обоснованием важнейших культурных норм*, с помощью которых люди оценивают повседневный опыт и принимают решения о том, как поступать. Оно формирует понятия о справедливости, нравственности, о праведности и грехе, о том, как преодолевать зло. Оно же выступает в качестве руководства для нашего поведения. Так, карта города не только указывает названия улиц, но и дает возможность выбрать маршрут к требуемому месту назначения. Мировоззрение предлагает нам своего рода карту реальности и вместе с этим направляет нашу жизнь. Таким образом, оно выполняет не только описательную, но и предписывающую функцию.

В-четвертых, мировоззрение *служит интегрирующим началом всей культуры*. Оно слагает идеи, чувства и ценности в общую картину. Таким образом, мы приобретаем более или менее единое представление о реальности, подкрепляемое глубокими эмоциями и убеждениями.

Наконец, как отмечает Чарльз Крафт (1979), *мировоззрение контролирует процесс культурных изменений*. Мы испытываем постоянную атаку новых идей, предметов, моделей поведения, либо зарождающихся в нашем обществе, либо приходящих извне. Они приносят с собой другие

аксиомы, подрывающие когнитивные структуры, на которых базируется наша культура. Мировоззрение помогает нам отбирать то, что согласуется с собственной культурой, и отвергать чуждое ей. Оно также помогает нам по-другому интерпретировать заимствованные идеи, подгоняя под общую культурную модель. К примеру, деревенские жители в Южной Америке заимствовали необходимость кипятить воду для питья, но не с тем, чтобы убить микробов, а чтобы, по их мнению, изгнать из нее злых духов. Мировоззрение по своей сути консервативно, чем обеспечиваются стабильность культуры и ее устойчивость к изменениям.

Однако в силу того, что ни одно мировоззрение не бывает абсолютно целостным, но все они имеют свой набор внутренних противоречий, они и сами подвержены изменениям. Воспринятые нами новые идеи могут привести к пересмотру принятых убеждений. Обычно люди склонны игнорировать противоречия идей в культуре, но, когда таковые обостряются, мы стараемся снять напряжение. В этом случае те или иные исходные посылки пересматриваются или отвергаются вообще. Результатом становится постепенное изменение мировоззрения, о котором мы подчас и не догадываемся.

Однако в определенных случаях, убедившись, что старое мировоззрение больше не удовлетворяет их потребностям, люди могут полностью отвергнуть его и принять новое, которое находят более подходящим. Так бывает, когда мусульмане или индусы приходят к выводу, что христианство предлагает лучшие ответы на их вопросы, чем их прежняя религия. Подобная перемена мировоззрения лежит в основе того, что мы называем обращением.

Важность культурной интеграции в миссионерстве. Объединение культурных черт, комплексов и систем в единое целое имеет большое значение для миссионерства. Во-первых, как мы увидим далее, чем сильнее интегрирована культура, тем она стабильнее и тем сильнее она сопротивляется любым переменам. Во-вторых, когда изменения затрагивают какую-либо одну сферу культуры, непредвиденные побочные эффекты часто проявляются и в других ее областях.

Во время одной лекции Якоб Лёвен как-то привел яркий пример неожиданного последствия подобного нововведения. Люди одного африканского племени в прошлом всегда тщательно подметали свою деревню. Обратившись в христианство, они прекратили это делать, так что улицы деревень стали заполняться мусором. Миссионеру удалось выяснить, что прежде они боялись приходивших из леса духов, которые, по их мнению, укрывались в старом тряпье, за камнями, в разбитых горшках и другом мусоре. Теперь же, обратившись ко Христу, они перестали бояться духов, а потому утратили и стимул убирать мусор с улиц.

Еще одним примером является многоженство. Во многих регионах мира женщину часто выдают замуж за братьев или ближайших родственников покойного мужа, если тот умирает в молодом возрасте. Запрещая практику многоженства, церковь должна предложить другой способ позаботиться о вдовах и сиротах, ведь они уже не могут обращаться к традиционному решению этой проблемы. Миссионерам нужно понять, что вносимые ими изменения зачастую имеют далеко идущие последствия в разных сферах жизни людей, так что нужно быть внимательными к возможным побочным последствиям.

Обучение культуре

Культура начинается там, где появляются приобретенные взгляды и модели поведения. Именно этим она отличается от инстинктивных биологических реакций. К примеру, когда ребенок случайно касается раскаленной плиты, то, отдернув руку, он, вероятно, воскликнет что-то вроде: «Ай! Больно!». Первая реакция инстинктивная, вторая – приобретенная. Индийский ребенок в этом случае прокричит: «Аррэй!» или «Аббоу!».

Мы приобретаем основные культурные навыки и убеждения в раннем детстве. Все люди рождаются беспомощными, без культуры, языка и какой бы то ни было возможности в одиночку выжить в этом мире. Однако за удивительно короткое время человек превращается в канадца или голландца, китайца или русского. С таким же успехом он мог бы стать членом любого другого общества. Одним из величайших открытий общественных наук стало понимание важности детских лет в формировании человеческой личности. Эти годы также крайне важны для сохранения культурной преемственности поколений. Есть афоризм о том, что каждое поколение должно заново цивилизовать варварские орды, постоянно вторгающиеся в него.

В каждом обществе есть свои способы «окультуривания», то есть обучения нового поколения взглядам и ценностям своей культуры. Однако каждому народу присущ метод «кнута и пряника», то есть метод наказания и положительной мотивации. Родители наказывают своих детей за плохое поведение, общество наказывает взрослых за серьезные нарушения принятых культурных норм. Есть виды наказания, далеко не очевидные – сплетни, колкие замечания, отвержение обществом, лишение поощрений – но весьма эффективные для закрепления в сознании господствующих в данном обществе правил.

Положительная мотивация осуществляется путем создания образа культурных «героев», идеальных персонажей и образцов существующих в обществе ролей. На примере других людей дети учатся тому, что значит

быть хорошим учителем, водителем грузовика или священником. Подобным образом дети обучаются тому, как быть хорошими супругами и родителями.

Культура как принадлежность социальной группы

Последним важным элементом принятого нами определения культуры является тот факт, что культура, как совокупность убеждений, символов, материальных продуктов и моделей поведения, является принадлежностью группы людей.

Человек – существо общественное, в своем выживании он зависит от себе подобных. Во время продолжительного периода детства и в престарелом возрасте люди не могут обойтись без заботы окружающих. Наибольшую радость и высочайшее удовлетворение они могут найти лишь в сообществе других людей, тогда как изоляция от общества является одним из тяжелейших наказаний.

Любые человеческие взаимоотношения требуют определенной степени взаимопонимания. Прежде всего, для этого требуется общий язык, будь то вербальный или невербальный, похожие взаимные ожидания и некий консенсус убеждений. Другими словами, в какой-то мере люди должны разделять общую культуру. Чем больше между ними общего, тем больше вероятность построения взаимоотношений.

Здесь нужно прояснить, что имеется в виду под словом «общество» и как оно соотносится с «культурой». Общество – это группа людей, которые взаимодействуют друг с другом в разных ситуациях, но в границах некоего установленного порядка. Лежащий в основе этих взаимоотношений порядок называется социальной организацией или структурой. Другими словами, форма взаимодействия людей друг с другом и является социальным порядком. Он напрямую связан с культурой, но вместе с тем отличен от нее, так как культура охватывает представления людей об этих отношениях.

Люди не всегда действуют согласно предписаниям культуры. Например, большинство христиан считает, что в воскресенье нужно ходить в церковь, но, если верующий хочет остаться дома, он может найти себе оправдание. Интересно, что, когда люди пытаются нарушить правила культуры, сама культура подсказывает, как это сделать. Можно сказать пастору, что вы болеете или уезжаете, однако ни в коем случае нельзя говорить, что вам не нравятся его проповеди или что вы терпеть не можете одного из членов церкви.

Даже самоубийство, крайний акт социального отвержения, формируется культурой. Мужчины в западной культуре выбирают пистолет или автомобильную аварию, а женщины – таблетки. В Индии женщины топятя в открытых колодцах, тогда как мужчины предпочитают повешение.

Отношения между обществом и культурой являются диалектическими. Люди создают социальные структуры с тем, чтобы облегчить или упорядочить свою жизнь, а затем они обучают этому своих детей. Таким образом, убеждения о структурах становятся частью культуры, которая формирует жизнь их потомков. Далее, на взаимоотношения людей влияют новые идеи и продукты культуры, если таковые принимаются обществом. Так, появление автомобилей сделало людей более мобильными, что привело, в частности, к переселению обеспеченных людей из центра города в пригороды.

В племенных обществах социальные и культурные границы четко определены. «Культура» и «общество» такой группы людей, объединенной общим языком, культурой и территорией, тесно связаны. В более сложных обществах, как крестьянских, так и городских, культурные и общественные границы не такие четкие, а отношения между ними сложнее. К примеру, Лос-Анджелес охватывает огромное число субкультур, но его жители участвуют во множестве одних и тех же социальных структур – правительство, политические партии, магазины, банки и т.п. При этом члены одной субкультуры, скажем, корейские иммигранты, вовлечены не только в мероприятия своего этнического сообщества. Наравне с представителями других культур, они ходят в школы, работают на заводах и живут по соседству с членами других культурных сообществ.

Что же в таких случаях составляет общество? Здесь нам нужно вернуться к понятию «сегментов культуры». Каждое социальное учреждение, в сущности, образует отдельный сегмент культуры, так как включает в себя сообщество людей, социальную структуру и собственную субкультуру. Члены группы взаимодействуют друг с другом, принимая на себя соответствующие роли. В школе это учителя, ученики, администраторы, уборщицы и другой персонал, где все придерживаются одних и тех же убеждений о том, как должны строиться их взаимоотношения. Они также обладают общим знанием (значительная часть которого хранится в библиотеке), общими способами выражения своих чувств, общими ценностями и правилами.

В банке другая группа людей взаимодействует по-другому. Здесь используются роли клиента, кассира, управляющего и президента. Они тоже обладают неким общим знанием, чувствами и нормами. Больница представляет собой еще один сегмент культуры, где имеется свое сообщество людей и внутренняя субкультура.

В сложном обществе люди переходят из одного сегмента культуры в другой и из одной субкультуры в другую, словно меняя маски, то есть принимая на себя соответствующие роли. В зависимости от сегмента они выбирают одежду, меняют манеру речи, выражают разные чувства и говорят о разных предметах. Стороннему наблюдателю может показаться, что в каждой ситуации он имеет дело с другим человеком.

В рамках одной культуры все индивидуальные сегменты культуры тесно связаны друг с другом. Школы, банки, больницы и церкви в пределах одного города не только охватывают одних и тех же людей, они еще связаны общими системами права, экономики, коммуникации.

Отдельные субкультуры неразрывно связаны с другими в масштабах одного региона или страны. К примеру, людей и учреждения в США объединяет общая история и вера в свободу и демократию. Они пользуются одной валютой и почтовыми марками, они скреплены множеством других культурных связей. Здесь уместно говорить о разных уровнях культурной интеграции: внутри сегментов культуры внизу пирамиды и внутри национальной и даже интернациональной культуры на ее вершине.

Евангелие и культура

Мы увидели, что культура охватывает то, как люди мыслят, чувствуют и поступают. Каким образом соотносятся между собой Евангелие и культура? Не является ли Благая весть частью какой-либо отдельной культуры? И если да, то какую культуру нужно принять, чтобы стать христианином? Очевидно, не европейскую или американскую, ведь они сформировались значительно позднее во времени и в сущности своей не являются христианскими. Возможно, иудейскую культуру времен Иисуса Христа? Но вот вопрос новообращенных из язычников в Деяниях: «Должны ли мы становиться иудеями, чтобы стать христианами?».

Для ранней церкви вопрос этот оказался далеко не простым. И все же она дала на него отрицательный ответ. Да, евангельскую весть следует понимать в контексте иудейской культуры, сложившейся в период от Авраама до Христа, но она является не чем иным, как вестью от Бога, открытой в рамках той культуры. Следовательно, она не может быть ограничена этими рамками.

Тем не менее, споры продолжают и сегодня. Каждому христианскому сообществу свойственно приравнивать Благую весть к своей культуре, что нередко приводит к разделению церквей по причине культурных различий. В миссионерской работе последствия были столь же неблагоприятными. Отождествляя христианство и западную культуру, миссионеры утверждались в чувстве собственного культурного превосходства. Требуя от людей принять западную культуру как условие обращения в христианство, миссионеры делали Благую весть чужой для всех других народов.

Что же такое тогда Евангелие и как оно связано с человеческими культурами? Говоря о Евангелии, мы имеем в виду откровение Бога о Самом Себе посредством Своих дел и, в особенности, посредством воплощения, а важнейшее свидетельство об этом самораскрытии Бога содержится в Библии. Отношение библейского откровения к человеческим культурам –

вопрос непростой. Пожалуй, наилучшей аналогией является воплощение самого Христа. Будучи истинным Богом, Христос стал настоящим человеком, не утратив при этом Своей Божественности. Так и Евангелие, будучи откровением Бога о Себе, сообщается нам через посредство человеческой культуры, не теряя при этом своего божественного характера.

Чтобы лучше понять динамику взаимоотношений между Евангелием и человеческими культурами, нам следует рассмотреть три важных принципа.

Евангелие не отождествляется ни с одной культурой

Первый принцип состоит в том, что Евангелие нужно отличать от любой культуры, так как оно представляет собой Божье откровение, а не продукт человеческих рассуждений. Не будучи частью ни одной культуры, Евангелие может успешно выражаться посредством любой из них.

Неспособность провести грань между евангельской вестью и культурой – одна из наиболее слабых сторон современного миссионерства. Слишком часто проповедники христианства приравнивали Благоую весть к собственной культуре. На практике это вело к безоговорочному осуждению большей части национальных обычаев и одновременному навязыванию новообращенным своих собственных обычаев. В результате слушатели начинали рассматривать Евангелие как чужое, и в частности, западное. Они отвергали его вовсе не потому, что не хотели покориться владычеству Христа, но лишь потому, что обращение часто предполагало отвержение собственного культурного наследия и социальных связей.

Второй негативный результат отождествления Евангелия и культуры заключается в том, что миссионерство неоднократно использовалось для оправдания западного империализма. Христиане недавно основанных Соединенных Штатов были твердо убеждены, что Бог особо благословляет их страну, а они – Его избранный народ. Религиозность и патриотизм шли рука об руку. Политические партии и власти пользовались христианскими символами и идеями для достижения своих целей. Но когда христианство используется для оправдания чисто политических или культурных деяний, оно становится не более чем «гражданской религией».

Первые граждане США верили, что Бог на их стороне и по этой причине их страна лучше остальных. В их глазах цели Божьи совпадали с целями их страны. Колонизация, военные действия оправдывались как средство христианизации мира. Не удивительно, что во многих частях света христианство ассоциируется с милитаризмом и империализмом.

Третьим негативным последствием отождествления Евангелия и культуры стало более расплывчатое понятие о грехе. Каждой культуре присущи

свои собственные представления о том, что греховно. По мере изменения культуры меняются и понятия о грехе. Так, раньше на Западе считалось грехом, если женщина надевала брюки, сегодня же это вполне приемлемо. Раньше общественность осуждала молодые пары, сожительствующие без брака, но сегодня во многих кругах это уже не вызывает такой реакции.

Культурные определения греха меняются со временем, что дает повод сегодня многим утверждать, будто грех как таковой относителен и что моральных абсолютов не существует. Они обращают наше внимание на то, что церкви, некогда запрещавшие молодым людям ходить в кино, сегодня проводят там молодежные мероприятия. Следовательно, кто может утверждать, что добрачные сексуальные отношения, которые сегодня все еще порицаются, однажды не будут восприниматься как норма? Таким образом, если мы не проводим четкого разграничения между библейскими нормами и культурными представлениями о грехе, мы не сможем отстаивать абсолютную природу библейских стандартов святости.

Христиане должны твердо заявлять, что есть установленные Богом стандарты праведности, в соответствии с которыми будут судимы люди всех культур. Евангелие – это благая весть о том, что для греха есть прощение.

Евангелие выражается через посредство культуры

Второй принцип состоит в том, что, отличаясь от культуры, Благая весть всегда находит свое выражение только в формах той или иной культуры. Люди не могут принять ее без своего языка, символов, ритуалов. Если мы хотим, чтобы люди услышали Благую весть и поверили в нее, она должна воплотиться в формы, свойственные их культуре.

На когнитивном уровне человек должен понять истину Благой вести. На эмоциональном уровне он должен испытать благоговейный трепет и прикосновение к таинственному. А на оценочном уровне Благая весть должна призвать его ответить верой. Такой процесс переноса Благой вести в другую культуру с тем, чтобы люди поняли ее и ответили верой, называется «контекстуализацией».

Библия красноречиво свидетельствует о том, что Бог вступает в общение с людьми в их конкретных обстоятельствах, в их непосредственном культурном контексте. Бог говорил с первыми людьми в прохладе Эдемского сада. Он обращался к Аврааму, Моисею, Давиду и другим израильтянам в рамках изменяющейся еврейской культуры. Слово стало плотью и обитало во времени и пространстве, в конкретной культурной среде среди других граждан тогдашнего иудейского общества. Сравнение проповедей ап. Петра на Пятидесятницу и ап. Павла в афинском ареопаге показывает, что апостолы адаптировали свое послание в соответствии со своей ау-

диторий. Евангелия и Послания также по-разному обращались к людям разных народов. Любая настоящая коммуникация Благой вести должна следовать библейскому образцу; миссионер должен нести Благою весть на понятном в той или иной культуре уровне.

Любая культура обладает приемлемыми средствами донесения Благой вести. В противном случае при обращении в христианство людям пришлось бы отказываться от своей культуры. Это не значит, что Благоя весть может быть понята во всей своей полноте в рамках какой-либо одной культуры. Тем не менее, люди способны постичь достаточно для того, чтобы обрести спасение и духовно возрастать, оставаясь при этом в собственной культурной среде.

Суть Благой вести может быть выражена средствами любой культуры. Вдобавок к этому, каждая отдельно взятая культура способна пролить свет на те грани Благой вести, которые остаются в тени или вообще незаметны в другой культуре. Церкви разных стран помогают нам увидеть «многообразную премудрость Божию», подчеркивая разные стороны Божественного откровения. Богословие, накрепко привязанное лишь к одной конкретной культуре, упускает эту важную истину из виду.

Евангелие призывает все культуры к преобразению

Третий принцип состоит в том, что Евангелие бросает вызов греховной человеческой культуре. Подобно тому как земная жизнь Христа была обличением нашей греховности, так и весть о Царстве Божьем становится мерилем, по которому судятся все созданные людьми культуры (рис. 9).

Не все в человеческих культурах подвергается осуждению, ведь они создаются людьми, сотворенными по образу Божьему. Следовательно, каждая из них содержит много положительного. Любая культура вносит в жизнь ее членов определенный порядок, делая ее не только возможной, но и осмысленной.

Однако вследствие падения человека каждая культура содержит в себе греховные структуры и модели поведения, в том числе рабство, апартеид, угнетение, эксплуатацию и войны. Благоя весть осуждает все это в той же степени, как и грехи отдельно взятых людей.

Всякое контекстуальное богословие должно не только утверждать положительные ценности своей культуры, но и осуждать те ее стороны, которые несут на себе отпечаток человеконенавистнических и даже демонических сил. Кеннет Скот Латурет отмечает: «Христианство не может чувствовать себя абсолютно комфортно ни в одной культуре, если оно, конечно, не утратило совершенно своей сути. Сохраняя верность собственным принципам, оно неизбежно вступает в противоречие с культурой».

Указывая заповеданный Богом путь и оценивая нашу жизнь и культуру по Его стандартам, Благоя весть исполняет пророческую роль. Там же, где

Евангелие: адаптация к культуре и вызов культуре

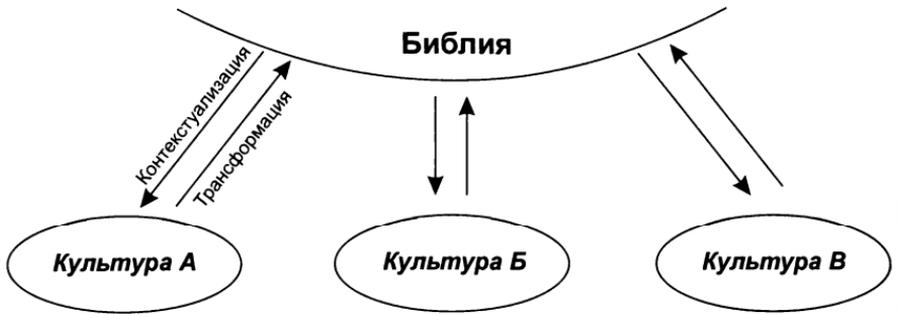

Рисунок 9

Благая весть утратила этот пророческий голос, существует серьезная опасность того, что она сама подвергнется искажению вследствие компромисса с чуждыми ей идеями и ценностями. По словам Чарльза Табера:

Один из серьезнейших пороков западного богословия – совершенно некритично принимать небиблейские ценности и принципы и даже придумывать объяснения ужаснейшим злодеяниям человечества, тем самым лишая Евангелие всякой силы.

Та же опасность грозит сегодня недавно созданным церквам, которые пытаются некритически контекстуализировать Благую весть в своей культуре. Нирмал Минц предостерегает:

Есть форма рабства, которую трудно заметить, но в которой с легкостью может оказаться национальная церковь. Возрождение национального самосознания в стране и расцвет всевозможных форм неоязычества может постепенно проложить себе дорогу в церковь и даже занять ведущее место в ее жизни и деятельности. Церковь батаков в Индонезии почти поддалась такому искушению и на какое-то время оказалась в узах национализма и неоязычества... Учение и практика таких церквей противоречат Духу Христову.

Каждая церковь, как и каждый отдельно взятый христианин, должны постоянно задавать себе вопросы о том, что такое Благая весть и что такое культура и каковы их отношения. В противном случае мы рискуем утратить евангельские истины.

Евангелие и культура: упражнение

Цель этого упражнения – помочь вам оценить собственные взгляды на ряд вопросов, которые считаются важными в тех или иных протестантских деноминациях. Как христианину, живущему в межкультурной среде, вам нужно научиться видеть границу между существенными вопросами, важными для церкви в любое время и любой культуре, и второстепенными.

Часть I

Разделите все нижеперечисленные пункты на две категории:

Важные вопросы, то есть заповеди, установления, действия, важные для церкви в любом веке. Отметьте их буквой **В**.

Спорные вопросы, то есть заповеди, установления, действия, которые могут быть важны для церкви, а могут и не быть таковыми в зависимости от обстоятельств. Отметьте их буквой **С**.

1. Приветствовать друг друга святым целованием.
2. Не обращаться в суд для разрешения тяжб между христианами
3. Не есть мяса, употребляемого в языческих ритуалах.
4. Женщинам покрывать голову во время молитвы или пророчества.
5. Умывать ноги друг другу перед Вечерей Господней.
6. Посвящать в служители с возложением рук.
7. Петь без музыкального сопровождения.
8. Не есть крови.
9. Воздерживаться от блуда.
10. Совместно участвовать в преломлении хлеба (Вечеря Господня).
11. Во время причастия употреблять только настоящее вино и пресный хлеб.
12. Во время причастия употреблять только виноградный сок.
13. Для исцеления больного помазать его елеем.
14. Женщины не имеют права учить мужчин.
15. Женщины не должны заплетать волос, носить золото или жемчуг.
16. Мужчины не должны носить длинных волос.
17. Не употреблять никаких алкогольных напитков.
18. Рабство допустимо, если с рабами хорошо обращаются.
19. Не вступать в брак.
20. Стремиться получить дар говорения на языках.
21. Стремиться получить дар исцеления.
22. Поднимать руки при молитве.
23. Кто не работает, тот пусть не ест.
24. Каждый день выделять «тихое время» для общения с Богом.
25. Ставить пресвитеров и дьяконов в каждой церкви.
- 26.

27. Избирать пресвитеров путем голосования.
28. Исповедовать свои грехи друг другу.
29. Исповедовать свои грехи втайне перед Богом.
30. Отдавать Богу не менее 10% своих доходов и урожая.
31. Строить здание для богослужений.
32. Публично исповедовать Христа через водное крещение.
33. Креститься погружением.
34. Креститься во взрослом возрасте.
35. Креститься в детстве или младенчестве.
36. Избегать многоженства.
37. Не разводиться ни по какой причине.
38. Не разводиться, кроме как по причине прелюбодеяния.

Часть II

Подумайте о том, на каком основании вы считаете одни пункты важнее других. Какими принципами вы руководствовались? Опишите свой подход одним емким предложением. Ваш принцип должен объяснять каждое решение. Постарайтесь при этом быть как можно честнее с собой.

Часть III

Еще раз взгляните на свои решения. Затем ответьте на следующие вопросы:

Насколько важны для вас все «важные» пункты? Смогли бы вы стать частью общины, которая не практикует некоторые из них?

Есть ли в списке «важных» пунктов те, что важнее других?

Есть ли в этом списке такие пункты, которые никак не связаны с учением Библии?

ЧАСТЬ 2

Миссионер

Культурные различия и начинающий миссионер

Радость путешествия и романтика посещения новых мест – такие чувства испытывает любой новичок на миссионерском поприще. Мы пробуем экзотическую еду, ездим на рикшах, покупаем искусно расшитые покрывала на местных базарах. Задумчиво бродим по храмам и наблюдаем, как люди приносят жертвы своим богам. Все именно так, как мы ожидали!

А затем... начинается реальная жизнь. Приходит осознание того, что теперь это наш дом. Здесь вырастут наши дети, и для них эта страна станет родной. Да и нам самим предстоит влиться в этот народ с их странными обычаями и непонятным языком, прежде чем мы научимся успешно рассказывать им Благую весть. Внезапно то, что казалось столь романтичным и восхитительным, становится пугающим и чужим. Приходят вопросы: а сможем ли мы вжиться в эту культуру? сможем ли мы по-настоящему отождествиться с этими людьми и открыть здесь церковь? да и вообще, просто выжить? Оказавшись в такой ситуации, мы сталкиваемся с одной из серьезнейших проблем всех начинающих миссионеров – проблемой культурных различий.

Различия в культуре

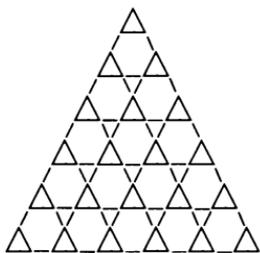
Люди создали колоссальное многообразие культур. Они питаются разной едой, строят разные дома, говорят на разных языках и приветствуют друг друга по-разному. Женщины с острова Яп носят доходящие до щиколоток юбки из травы, мужчины народа динка мажут тело пеплом; мусульманки в общественных местах скрываются под паранджой, а жители островов южных морей носят лишь пробки в проколотых губах. Масаи в

Кении при помощи полых стрел берут кровь у коровы и смешивают ее со свежим молоком, считая такой продукт исключительным деликатесом. Китайцы, как правило, не едят молочных продуктов, но любят свинину. Мусульмане и ортодоксальные евреи гнушаются свинины, зато любят молоко. Некоторые африканские племена производят масло, но лишь для того, чтобы натирать им тело в декоративных целях.

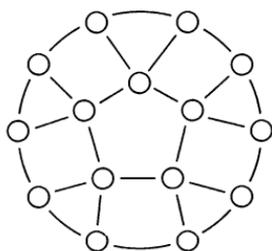
Что касается способов взаимоотношений людей и их представлений о собственном мире, то тут различия не столь заметны, хотя в действительности они гораздо глубже. Так, американские фермеры выращивают урожай с тем, чтобы кормить собственные семьи. На островах Тробриан мужчины выращивают урожай, чтобы кормить своих сестер и их детей, тогда как сами вместе с детьми живут за счет пищи, выращенной братьями их жен. Народ шиллук в Судане считает скорпионов и крокодилов своими родственниками, а американские индейцы с юго-востока едят кактус пейотль (лофофору), чтобы увидеть охраняющих их духов. Престарелые эскимосы раньше выходили на лед умирать, чтобы не истощать зимой и без того скудные запасы еды. Все люди созерцают вокруг себя один и тот же мир, только воспринимают его сквозь призму собственной культуры. Причем они зачастую не отдают себе отчета в том, как эти «очки» культуры окрашивают видимый ими мир (рис. 10).

Антрополог Эдвард Холл продемонстрировал различия в восприятии времени разными народами. Поскольку жизнь всех людей протекает во времени, может показаться, что все воспринимают его одинаково. Но это далеко не так, утверждает Холл. Американцы высоко ценят пунктуальность и считают, что прийти «вовремя» означает +/- пять минут от назначенного времени. Когда кто-либо опаздывает на 15 минут, ему следует извиниться, но не обязательно объяснять причину своего опоздания. Опоздание же больше, чем на полчаса считается проявлением неуважения и требует весьма уважительной причины (рис. 11).

Разные народы по-разному видят окружающий мир

Народ А

Народ Б

Холл отмечает, что по египетским традициям слуги обязаны придти в назначенное время, чтобы продемонстрировать свое послушание. Однако люди одного социального статуса должны показать свою независимость, что они и делают, приходя на встречу в «подходящее» время, то есть на час позже. Извиняться же должен тот, кто опоздает еще на полчаса.

Когда встречу между собой назначают два американца или два египтянина, проблем не возникает, ведь они понимают друг друга. Если же это встреча между египетским пастором и американским миссионером, может возникнуть недоразумение. Американец приходит «вовремя», то есть в назначенное время. Впрочем, египтянин тоже приходит «вовремя», но часом позже. Первый недоволен и жалуется (впрочем, необоснованно) на то, что египтянам не свойственна пунктуальность, тогда как египтянин озадачен кажушейся услужливостью миссионера.

Различия в культуре порой приводят к забавным ситуациям. Юджин Найда рассказывает о первых миссионерах на Маршалловых островах. Они получали почту однажды в год, когда в их места заплывал корабль. Однажды судно пришло на день раньше обычного, когда миссионеры находились на соседнем острове. Капитан оставил почту островитянам, в руки которых наконец попало то, чего миссионеры всегда ожидали с таким нетерпением. Незнакомые со странными обычаями иностранцев, аборигены решили выяснить, что привлекательного было в этих предметах. Они решили, что письма, должно быть, вкусные, и приготовили их на огне, однако те оказались несъедобными. По возвращении миссионеры с сожалением узнали, что их почта за весь год превратилась в кашу.

Но различия в культуре могут приводить и к более серьезным недоразумениям. Например, две миссионерки, трудившиеся в Центральной

Восприятие времени в двух разных культурах

	Время по-арабски	Время по-американски
На 5 минут раньше		
Назначенное время	«вовремя» для слуг	«вовремя» для всех
На 5 минут позже		краткое извинение рекомендуется
На 10 минут позже	опоздание для слуг	краткое извинение необходимо
На 15 минут позже		слегка невежливо
На 20 минут позже		требуется полное извинение
На 30 минут позже		неуважительно
На 45 минут позже		крайне неуважительно
На 1 час позже	«вовремя» для равных	непростительно
На 1 час 15 минут позже	опоздание для равных	

↑ степень опоздания

Мексике, были крайне осмотрительны в своих отношениях с мужчинами, но не видели ничего плохого в употреблении за завтраком сока лайма. Однако индейцы были уверены, что у девушек есть любовники, потому что местные женщины использовали лаймовый сок для срыва беременности, называя его «детоубийцей».

В следующих трех главах мы поговорим о влиянии различий в культуре на *миссионеров*. Затем в главах 6 – 8 мы рассмотрим их влияние на *проповедь Благой вести*. Наконец, в главах 9 – 11 мы увидим, как они воздействуют на *двухкультурное сообщество*, в котором бок о бок трудятся миссионеры и местные верующие.

Как влияют на миссионера культурные различия? Мы начнем с рассмотрения тех трудностей, которые испытывают начинающие миссионеры, а в главе 4 взглянем на проблемы, с которыми миссионерам регулярно приходится иметь дело в межкультурном служении.

Культурный шок

Входя в новую культуру, мы испытываем одновременно повышенный интерес и некоторую боязнь. Поэтому поступление в миссию обычно сопровождается высоким уровнем личной удовлетворенности (рис. 12). Еще бы! Сбывается мечта, приближается то, что мы так усердно планировали и ради чего получали образование!

Прощание с церковью обычно вызывает много положительных эмоций. До сего дня мы сидели на церковной скамье, но теперь мы в центре вни-

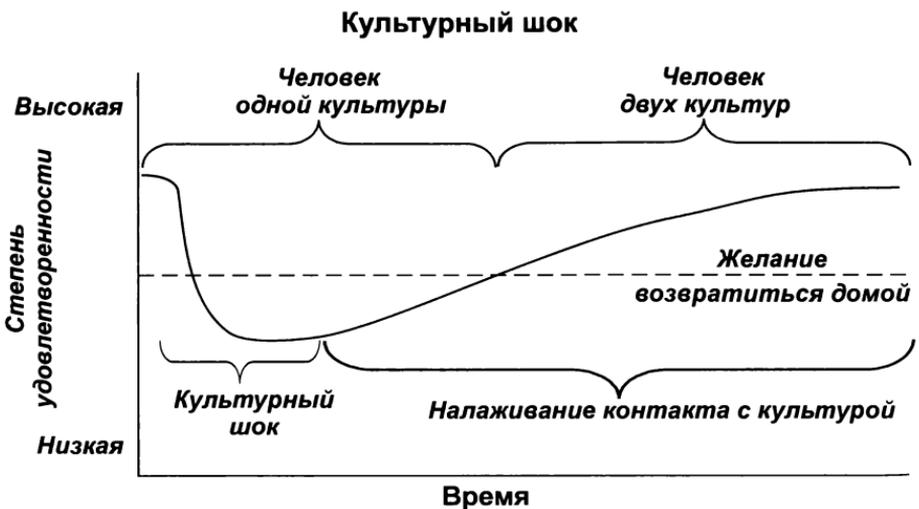

Рисунок 12

мания и даже пастор на какое-то время отошел на задний план! Затем прощание в аэропорту: грусть от расставания с близкими, но вместе с ней – радостное ожидание будущих приключений.

Самолет приземляется в незнакомой стране, а удовлетворенность по-прежнему высока. Мы устали с дороги, но впереди – знакомство с новым для нас миром. Трудно поверить, что мы уже здесь!

Мы заходим в ресторан. Когда нам приносят обед, оказывается, что узнаваема лишь половина продуктов. Остальное выглядит отталкивающе: то ли червяки, то ли муравьи. Не утолив голода, мы идем на рынок, желая купить апельсинов, однако продавщица совершенно не понимает нас. Внезапно мы осознаем, что не все в мире говорят по-английски. Отчаянно голодные, мы, как дети, показываем на рот и живот, потом – на апельсины. Когда продавщица наконец понимает, в чем дело, и взвешивает фрукты, возникает еще одна проблема: как расплатиться? Мы не понимаем ее слов и путаемся в местной валюте. В отчаянии мы протягиваем ей деньги, чтобы она выбрала сколько нужно. При этом мы почти не сомневаемся, что нас обсчитают. Вдобавок ко всему, вокруг собрались дети и потешаются над нами. Им кажется очень забавным то, что с виду богатые и образованные люди не умеют говорить на языке, которым здесь владеет любой трехлетний малыш. Внутри закипает негодование, нам хочется доказать свою образованность, но тщетно – здесь она бесполезна.

На следующий день хозяева отсылают нас на автобусе в другой конец города с указаниями выйти через пять километров, где слева будет большой коричневый дом, а справа – маленький зеленый. Мы уверенно пускаемся в путь, но через несколько остановок видим коричневый дом слева и зеленый справа. Понимая, что нужно ехать дальше, мы обнаруживаем, что каждая следующая остановка похожа на предыдущую. Нас постепенно охватывает страх заблудиться, но возвращаться поздно, а воображение рисует картины того, как мы до конца своих дней будем путешествовать на автобусе по незнакомому городу.

Потом мы заболеваем и нас ведут к местному врачу. Это жутковато, потому что кажется, что здесь все врачи – шаманы. Смогут ли они действительно вылечить нас? Тревоги все умножаются, и начинает казаться, что, кроме собственного выживания, мы почти ничем не занимаемся. Все вокруг кажется странным, люди – похожими друг на друга, у нас практически нет друзей, к которым можно обратиться за помощью. Но мы неспособны признать свое поражение и возвратиться домой. В отличие от туристов, мы даже не можем позволить себе снять номер в местной гостинице, чтобы на время оказаться в знакомой обстановке. Куда же испарились все наши мечты?

Причины культурного шока

Чем же вызвана эта психологическая нестабильность при погружении в новую культуру? Может показаться, что причиной всему – царящая вокруг грязь и нищета, но это не так. Это даже не страх перед болезнями, хотя люди, испытывающие культурный шок, зачастую чрезмерно озабочены своим здоровьем и гигиеной. Культурный шок – это дезориентация, которую мы переживаем, когда все прежние правила и ориентиры культуры, известные нам с детства, перестают действовать. Лишившись привычного образа жизни, мы растеряны, напуганы и рассержены. Мы редко отдаем себе отчет в том, что с нами происходит, а тем более, что с этим делать.

Культурный шок затрагивает большинство людей, глубоко погружающихся в новую культуру. Ему подвержены не только выезжающие за границу жители Запада, но и африканцы, переезжающие в США, и корейцы, приезжающие в Индонезию. Отдельные случаи бывают крайне тяжелыми, в других случаях культурный шок переносится сравнительно легко. Тяжесть шока зависит как от степени различия культур, так и от личности самого человека и его способности адаптироваться к новой ситуации.

Каковы причины, симптомы и течение «болезни»? (Культурный шок замечательно описан у Майрона Лосса (1983), многое здесь будет заимствовано из его труда.)

Языковой шок

Первый шок в новой культуре вызван неспособностью полноценно общаться с окружающими. Еще в раннем детстве мы научились говорить, жестиковать, затем писать. Делая это много лет, мы даже перестали замечать сам процесс коммуникации, поскольку все действия стали почти автоматическими.

Однако в новой среде мы оказываемся полностью лишенными столь необходимых средств общения с окружающими. Как дети, с большим трудом и постоянно запинаясь, мы пытаемся выразить простейшие мысли. Уильям Смолли пишет об этом так:

Даже после многих недель обучения [миссионер] бывает неспособен обсудить ничего, кроме цены картофеля. Он не в силах продемонстрировать свой интеллект и образованность, что было так важно для поддержания общественного статуса на родине. Встречая умных и образованных людей, он отвечает им, как ребенок или идиот, потому что на лучшее пока не способен...

У изучающего новый язык всегда присутствует ощущение, что люди смеются за его спиной; впрочем, так оно и есть. Изучение языка утомительно, скучно и досадно. Все в языке кажется неудобным и нелогичным, потому что логичность связана с привычными способами мышле-

ния и речи. Она укоренена в языке и соответствующей академической традиции.

Многие американцы, начав изучать язык за рубежом, со временем оставляют попытки овладеть им. Обычно это происходит так: все меньше времени для занятий и все больше контактов с соотечественниками. А в некоторых случаях это даже приводит к болезни – настоящему физическому заболеванию.

Некоторые люди считают, что просто неспособны овладеть языком. Другим мешают психологические барьеры: они не могут заниматься тем, что непонятно или не получается. Но овладеть никаким языком невозможно без регулярной практики и неизбежных ошибок. Языковой шок загоняет человека в угол: он неспособен учиться, а без этого не может нормально функционировать в обществе. Загнанный в угол, он ищет выхода. Смолли продолжает:

Такие миссионеры постоянно вынуждены опираться на костыль перевода. Главное для них – выяснить, как перевести то, что они хотят сказать, на местный язык. Они наивно полагают, что, выучив перевод нескольких английских фраз (или даже «прочитав» целую проповедь), теперь знают язык. Но они упускают важные элементы целевого языка по той причине, что подходят к нему через призму английского. И вот это упущенное постоянно досаждают им, потому что они не в силах понять многое из того, что происходит вокруг.

Некоторые миссионеры так и не осваивают местного языка и до самого конца работают через переводчиков – иногда сорок лет и больше!

Изменение привычного ритма жизни

Еще один досадный фактор при культурном шоке – это изменение привычного ритма жизни. В родной культуре мы без труда ходим в магазин, готовим, проводим банковские операции, стираем, отправляем почту, посещаем стоматолога, приобретаем рождественскую елку, оставляя себе при этом время на работу и досуг. В новой же обстановке даже простейшие дела требуют огромных психологических затрат и значительно больше времени. В некоторых странах на приготовление еды требуется в два-три раза больше времени, потому что сначала нужно разжечь огонь, а куры еще бегают по двору, когда мы их приобретаем. По воспоминаниям Элизабет Эллиот:

Вдобавок было много разных мелочей, которыми не следовало пренебрегать ради безопасности. Каждая из них требовала не больше минуты. Скажем, вымыть листья салата. «Избегайте сырых овощей» – хороший совет для туриста, но если вы собираетесь жить в этом месте – именно

жить, а не выживать, — то вам иногда захочется сырых овощей. В руководстве написано на несколько секунд опускать все, включая листья салата, в кипяток. Это, без сомнений, убивает все бактерии, но вместе с ними и всякий вкус у салата.

Первый год в новой стране часто отнимает все силы на элементарное выживание. Мы отдаем все время приготовлению пищи, стирке, покупкам, постройке дома и его ремонту, а на то, ради чего мы, собственно, сюда и приехали, времени просто не остается. Постепенно нарастает раздражение, ведь мы не можем как следует заняться учением или проповедью, наставничеством или переводом Библии. Более того, мы просто не в силах что-то изменить.

Перемены во взаимоотношениях

Жизнь человека вращается вокруг отношений с родственниками, друзьями, коллегами по работе, начальниками, кассирами банка, клерками и даже незнакомцами. Благодаря этим отношениям мы находим свое место в обществе и понимаем, кто мы такие. Если наше восприятие самих себя противоречит тому, что думают о нас другие, мы отчаянно пытаемся изменить их мнение. Когда же этого не происходит, мы вынуждены менять представление о себе. Мало кто может поддерживать чувство собственного достоинства без постоянного подтверждения его со стороны других. Даже сплетни лучше, чем полное безразличие.

Поддерживать отношения нелегко даже в собственной стране, где мы в силах понять, что происходит, а в чужой стране эта задача вообще кажется неосуществимой. В то время как мы сами взываем о помощи, другие члены семьи тоже борются с похожими проблемами, так что им самим требуется усиленное внимание с нашей стороны. В семье нарастает взаимное раздражение, потому что мы все вместе вдруг оказались в стрессовой ситуации, а вокруг так мало близких людей, способных нас поддержать. Наши коллеги-миссионеры, если таковые имеются, зачастую тоже не готовы нам помочь. Они всегда заняты и к тому же кажутся такими уверенными в этой стране, что мы боимся признать перед ними свою слабость. Ведь сейчас мы тоже «миссионеры». Мы чувствуем себя виноватыми в том, что не можем легко приспособиться к новой культуре, а поэтому закрываемся, боясь поделиться своими страхами.

Построение взаимоотношений с местными жителями кажется еще более сложным. Мы с трудом говорим на их языке и не понимаем всех тонкостей их отношений. Нам непонятен их юмор, а наши анекдоты вызывают у них лишь недоумение. Попытки прислушиваться к их бытовым разговорам вытягивают из нас все силы. Даже посещение церкви, поначалу радовав-

шее своей новизной, становится тягостным и приносит мало духовного подкрепления. Мы испытываем глубокое одиночество, не имея рядом никого, с кем можно было бы поделиться сомнениями в самих себе.

Добавьте к этому потерю положения уважаемых в обществе, зрелых людей. В родной стране мы знаем, кто мы, потому что занимаем различные должности, носим ученые степени и принадлежим к разным социальным группам. Однако в новой обстановке наше старое положение не имеет никакого значения. В попытках стать кем-то приходится начинать все заново. Мы должны начинать все сначала, чтобы стать кем-то. Ричард МакЭлрой отмечает:

В первые же дни освоения языка начинающий миссионер переживает «ролевой шок». В родной стране он был успешным и уверенным в себе лидером. Теперь он снова становится учащимся, в то время как какой-то старшеклассник втолковывает ему основы испанской фонетики, без конца поправляя его. Если миссионер внутренне не согласится с изменением ролей, его постоянно будут сопровождать чувства неуверенности и уязвленного самолюбия. Подобный опыт в некоторых людях вскрывает самые отрицательные качества: упрямство, грубость, замкнутость и сверхкритичность.

Еще одним шоком становится появление в доме слуг. Часто они необходимы, чтобы выполнить дела, которые дома обычно делались с помощью бытовой техники или полуфабрикатов – подогреть воду для стирки, зарезать и ошипать курицу и т.п. Мы очень скоро понимаем, что если бы не слуги, времени на служение не оставалось бы вообще. Кроме того, если мы не нанимаем слуг, нас критикуют. Но как строить с ними отношения? Христиане стремятся к равенству, поэтому мы приглашаем их за стол как гостей, однако это противоречит взгляду местного населения на положение слуги в доме, да и ставит самих слуг в неловкое положение. Их присутствие в доме неудобно еще и тем, что личного пространства, которое мы так ценим, теперь становится меньше.

Даже попытки как-то поучаствовать в жизни общества могут вызывать стресс. Мы пробуем заниматься местным рукоделием или участвовать в необычных спортивных состязаниях, но все выходит медленно и неуклюже, как у детей. Более того, в каждом сомнительном занятии мы склонны видеть опасную религиозную подоплеку.

Неспособность понимать происходящее

По мере формирования личности каждый приобретает понимание происходящего вокруг. Он знает, чего нужно ожидать от жизни и что ожидается от него. Американец знает, что вести автомобиль нужно по правой

стороне дороги, что не следует торговаться с продавцом при покупке сахара, а у билетной кассы нужно становиться в очередь. Индус знает цену рупии, умеет торговаться при покупке сари и понимает смысл *Тирупатхи Венкатесвара*. В любой культуре подобные знания просто необходимы для понимания происходящего вокруг и обретения смысла в жизни.

В другой стране большая часть наших прежних знаний оказывается бесполезной, а то и опасной. Мы указываем на что-то пальцем, но это обижает людей, потому что для них это неприличный знак. Мы предлагаем помощь один раз, а если от нее отказываются, мы не повторяем предложения. И только впоследствии мы узнаем, что у многих народов принято всегда отказываться от первого предложения помощи, после чего мы должны предложить ее во второй раз. В результате мы часто попадаем в весьма неловкое положение. Уильям Смолли приводит еще один пример:

Когда я впервые приехал в Париж для изучения французского, мне, как и многим моим соотечественникам, было трудно понять, кому и когда нужно пожимать руку. Казалось, французы постоянно обмениваются рукопожатием, причем, на наш взгляд, без всякой на то причины. Мы чувствовали себя довольно глупо, постоянно пожимая руки, и рассказывали друг другу истории о том, что французские дети вечером пожимают руки родителям перед тем, как отправиться спать... Столь небольшая и безобидная разница в манерах вызывала чувство дискомфорта, а вкупе со множеством других факторов стала для многих причиной культурного шока.

Если наши знания раз за разом подводят нас, мы впадаем в отчаяние, ведь кажется, что жизнь выходит из-под контроля. В долгосрочном плане, наиболее серьезным последствием культурного шока может стать именно ощущение бессмысленности, возникающее вследствие подобной неразберихи. Начинает казаться, что мы окончательно теряем связь с реальностью.

Эмоциональная и ценностная дезориентация

Культурный шок имеет не только когнитивный аспект, он также включает эмоциональную и оценочную дезориентацию. На эмоциональном уровне мы чувствуем себя обделенными и растерянными. Местная музыка кажется лишенной гармонии, пища – вкуса, развлечения бессмысленны. Хочется услышать знакомую музыку, поесть привычной пищи, посмотреть вечерние новости и заняться чем-то привычным, чем мы обычно развлекались дома. Даже когда мы овладели словами и грамматикой языка, пройдет немало времени, прежде чем станут понятными такие тонкости, как ирония, сарказм, поэзия и игра слов.

Здесь можно добавить элемент раздражения, вызываемого межкультурной обстановкой. Когда первый восторг от пребывания за рубежом прохо-

дит, начинается тоска по дому, а вместе с ней приходит неприязнь ко всему чужому и непривычному. К тому же нас гложет чувство вины за то, что мы не оправдываем собственных ожиданий. Мы злимся, что никто не сказал нам о том, что все будет именно так, а также потому, что наш прогресс в этой культуре оказывается столь ничтожным.

На уровне ценностей нас начинает раздражать то, что нам кажется безнравственным: неприличная одежда, бессердечие к бедным, очевидные с нашей точки зрения случаи воровства, жульничества и взяточничества. Еще больший шок вызывает то, что окружающие, оказывается, считают наше поведение столь же безнравственным. К примеру, в Новой Гвинее местные люди осуждали миссионеров за скупость, потому что те не всегда делились с ними своей едой, одеждой, одеялами и оружием. А ведь нужно делиться со всеми! Кстати, местные жители поделились бы с миссионерами, если бы у тех кончалась еда.

Индийцы считали одежду миссионерок непристойной. Дело в том, что, по их представлениям, наиболее привлекательными местами женского тела являются икры ног. Поэтому приличные женщины носят сари до щиколоток, тогда как миссионерки носили юбки до колен.

Симптомы культурного шока

Первые несколько дней в новой культуре представляют собой хаотичную смесь восхитительных открытий и шокирующих впечатлений. Американцы в Индии ужасаются при виде саламандр на стенах комнат. При виде змей в траве они мгновенно вспоминают, что каждый год от их укусов умирает двадцать тысяч индийцев. Индусы же, приехав в США, ужасаются, когда узнают, что каждый год в автокатастрофах погибает сорок тысяч американцев.

Первоначальный шок, каким бы глубоким он ни был, не представляет серьезной опасности. Настоящей проблемой является постепенное психологическое отклонение, происходящее незаметно, когда кажется, что с нами все в порядке. Оно искажает восприятие реальности и сказывается, в том числе, и на физическом самочувствии. Каковы же симптомы этого межкультурного недуга?

Повышающийся уровень стресса

Стресс – неизбежная часть нашей жизни, причем без него мы вряд ли смогли бы вполне наслаждаться жизнью или чего-то в ней добиться. Однако слишком высокий уровень стресса пагубен для здоровья. Когда же этот уровень превышает допустимые нормы? Конечно, стресс с трудом

Стресс, вызванный переменами в жизни

Событие	Уровень стресса в баллах
1. Смерть супруга	100
2. Развод	73
3. Смерть близкого родственника	63
4. Серьезная болезнь или травма	53
5. Вступление в брак	50
6. Ухудшение здоровья члена семьи	44
7. Беременность	40
8. Появление нового члена семьи	39
9. Изменение финансового положения	38
10. Изменение места и сферы работы	36
11. Изменение обязанностей на работе	29
12. Изменение жилищных условий	25
13. Изменение условий или времени работы	20
14. Смена места жительства	20
15. Изменение привычек проводить свободное время	19
16. Перемены в церковной жизни	19
17. Перемены в социальных связях или деятельности	17
18. Изменение количества семейных встреч	15
19. Изменения в режиме питания	15

Таблица 1

поддается измерению, тем не менее Т. Холмс и М. Масусу предложили примерную шкалу, по которой оценивается уровень стресса, вызванного различными жизненными ситуациями (табл. 1).

Стрессовое состояние имеет свойство накапливаться и продолжает давать о себе знать еще долгое время после того, как вызвавшие его события остались в прошлом. Чтобы измерить уровень стресса, испытываемого в данный момент, нужно сложить баллы, набранные за прошедший год. Холмс и Масусу выяснили, что только треть людей, набравших меньше 150 баллов, подвергаются опасности серьезно заболеть в ближайшие два года. Среди тех, кто набрал больше 150 баллов, в эту группу риска попадают уже 50%, а среди тех, у кого общая сумма баллов более 300, – 80%.

Если ориентироваться на эту шкалу, можно сделать вывод, что в течение первого года служения большинство миссионеров должны быть разбиты и подавлены. В этот год все они, как правило, проходят через резкое изменение финансового статуса, перемену места работы и места проживания, изменения в режиме отдыха, церковной жизни, социальных связях и питании. Если речь идет о молодой семье, то добавьте к этому их недавнюю свадьбу или рождение ребенка. Вдобавок ко всему, они переживают стрессы, вызванные переездом в совершенно новую для них культуру, – уровень стресса этой категории Холмс и Масусу вообще не пытаются измерить. Так, Джеймс Спрэдли и Марк Филлипс считают, что только изучение языка, необходимого в повседневной жизни, обходится начинающим миссионерам в более чем 50 баллов стресса. Поэтому не стоит удивляться, что многие миссионеры-новички набирают более 400 баллов.

Физические заболевания

Одним из распространенных последствий высокого уровня стресса могут стать физические заболевания. Среди наиболее распространенных болезней, вызванных длительным состоянием стресса, – хронические головные боли, язва желудка, боли в пояснице, повышенное давление, сердечные приступы и хроническая усталость. Стресс также ослабляет способность сосредоточивать внимание и делает человека более уязвимым перед несчастными случаями. Как отмечает Сесил Осборн:

Эмоциональный стресс вызывает дисбаланс химических веществ в организме, результатом чего становится дисфункция эндокринной системы и некоторых других органов. Организм теряет способность сопротивляться бактериям, которые обычно находятся под контролем. Поскольку разум, посредством неосознанных процессов, старается переложить свою боль, чувство вины и тоску на тело, нам легче перенести физическое недомогание, чем умственную агонию. Когда мы болеем физически, мы обычно находим у окружающих сочувствие, а это некое проявление любви. Но тот, кто страдает от умственной агонии или депрессии, чаще всего услышит совет «взять себя в руки» или «прекратить ныть».

Болезнь в чужой стране лишь усиливает тревогу, в особенности если там недоступно качественное медицинское обслуживание, к которому мы привыкли дома. В такой обстановке легко заикнуться на собственном здоровье и начать переоценивать любые признаки недомогания. Подобные страхи не совсем безосновательны. Нам действительно могут угрожать неизвестные болезни и опасности, поэтому разумная осторожность вполне оправдана.

Духовный упадок и депрессия

Наиболее серьезными последствиями стресса являются депрессия и ощущение полного краха. Мы чувствуем себя неудачниками. Застигнутые врасплох, мы больше не в силах справляться с проблемами адаптации к новой культуре. Мы чувствуем себя крайне уставшими от необходимости постоянно приспосабливаться к новому стилю жизни, оттого что постоянно оказываемся в непонятных ситуациях. Все это требует постоянного напряжения сил. А для полноценного отдыха остается так мало времени – ведь миссионерам не подобает расслабляться, когда вокруг столько работы! Мы теряем поддержку миссионерского сообщества, потому что не решаемся признать свои слабости перед сильными, волевыми и чужими нам людьми. В итоге, рядом нет человека, который мог бы оказать нам пасторскую опеку.

Над нами по-прежнему нависает дамоклов меч нереалистичных ожиданий. Согласно распространенному представлению, миссионер – это закаленный в духовных битвах первопроходец, с легкостью переносящий великие лишения; это святой, который никогда не грешит; это выдающийся проповедник, врач или какой-либо другой служитель, преодолевающий все трудности. Одним словом, это творческая и мужественная личность, всегда оказывающаяся победителем над обстоятельствами. В молодости мы почти убеждены, что станем такими, едва пересечем океан.

Не удивительно, что мы впадаем в глубокую депрессию, когда выясняется, что мы всего лишь обычные люди. Переезд за границу никогда не менял немощную и склонную к греху человеческую природу. Не порождал и новых талантов. По-видимому, Л. Кайдель передает ниже чувства очень многих миссионеров:

Я стал совершенно ясно видеть свои качества, далекие от образа Христа: вспыльчивость, ропот на неизбежность обстоятельств, законническую мотивацию, недоброжелательность к любому, кто препятствовал моим планам...

Сюда нужно добавить постоянную усталость. Вспоминаю совет своего пастора перед моим первым отъездом в Конго: «Помни, ты не обязан сделать все за первый год»... Еще прежде, чем закончились первые два года на миссионерском поле, я оказался на больничной койке. Ощущение было такое, будто ненасытные и бесконечные требования обязательств вытянули из меня все силы, до последней капли.

Проблема усугубляется тем, что мы начинаем трудиться еще усерднее, когда кажется, что мы терпим неудачу. Таким образом мы пытаемся сохранить собственную самооценку, но страх неудачи лишь высасывает послед-

нюю энергию. А потерпев поражение, мы делаем вывод, что не пригодны на служение Богу.

Есть искушение скрывать свои слабости, примеряя те или иные маски. Какое-то время можно обманывать других и даже себя, но в конечном итоге становится ясно, что все это бесполезно. По словам Д. Карлсона:

Подобно другим нерешенным внутренним противоречиям, ношение «маски» отнимает массу энергии и причиняет множество сопутствующих проблем, таких как страх, раздражительность, беспокойство, тревога, усталость, самооправдание и обвинения в сторону окружающих. Во многих случаях все заканчивается откровенной ложью...

Отказ сбросить маски не только провоцирует внутренний конфликт и хроническую усталость. Он мешает духовному росту — как личному, так и окружающим. Рост возможен лишь при условии общения с искренними людьми, когда мы видим, как они справляются с жизненными проблемами. Христианский руководитель должен быть готов первым сбросить всякое лицемерие, если ждет того же от других. Только увидев, что колосс «покоится на глиняных ногах», люди почувствуют себя достаточно безопасно, чтобы начать делиться своими нуждами и сложностями.

Этапы культурного шока

Переживая состояние культурного шока, важно отдавать себе отчет в том, что со временем все трудности адаптации к новой культуре закончатся. Более того, мы не только можем с честью выдержать это испытание, но и обратить его в положительный опыт, который лучше подготовит нас к последующему труду. Первые два года — важнейший период в приспособлении к новой культуре. То, как мы адаптируемся в этот период, наложит свой отпечаток на все годы дальнейшего служения.

К. Оберг выделяет несколько стадий, которые мы обычно проходим, учась жить в новой культуре.

Стадия «туриста»

Первой реакцией на новую культуру обычно бывает восторг. В компании с другими миссионерами мы останавливаемся в гостиницах или квартирах, мало чем отличающихся от привычного для нас жилья. Дни протекают в общении с людьми, знающими наш язык и относящимися к нам с пониманием, и за осмотром достопримечательностей. На ночь мы снова удаляемся в места, в определенном смысле изолированные от чужой культуры. Вероятней всего, нам показывают самые красивые места и знакомят с важными людьми, которые оказывают нам гостеприимство. Естественно, мы отзываемся о местной культуре только добрыми словами.

Этот «медовый месяц» может длиться от нескольких недель до нескольких месяцев в зависимости от обстоятельств. Настоящие туристы уезжают прежде, чем этот срок истечет, а вернувшись домой, рассказывают истории об интересных людях и удивительных обычаях. Но миссионеры приезжают надолго. Это значит, что им нужно подготовиться к трудному путешествию, цель которого – стать частью новой культуры.

Разочарование

«Туристическая» стадия завершается, когда из людей внешних мы стараемся превратиться в членов данного общества. Мы приобретаем или берем в аренду жилье, принимаем на себя ответственность за свою жизнь и стараемся внести какой-то вклад в общественную жизнь. На этом этапе и начинаются разочарования и беспокойство. Появляются проблемы с языком, покупками, передвижением и даже стиркой. Мы беспокоимся о чистоте питьевой воды, пищи, постели, боимся, что нас обманут или ограбят. Кроме того, начинаем чувствовать себя одинокими. Те, кто, как казалось, тепло приветствовал нас, вернулись к своим обязанностям и больше не интересуются нашими проблемами.

В результате нарастает разочарование. Чужая культура больше не кажется завораживающей, скорее, непостижимой и закрытой. Нашей естественной реакцией становится враждебность, потому что мы не чувствуем себя в безопасности. Мы начинаем придирается к культуре, сравнивая ее с собственной. У нас формируются стереотипы и карикатурные образы страны и ее жителей. Мы критикуем людей, считая все их недостатки доказательством их лени и неумения. Все это ведет к отчуждению от культуры, тогда как мы стараемся найти укрытие в узком кругу друзей-иностранцев или проводим дни дома, где пытаемся воссоздать атмосферу родной культуры.

Этот этап является критической точкой болезни. От нашей реакции на него зависит, останемся мы или нет и сумеем ли адаптироваться к новой культуре. Эмоциональное состояние большинства миссионеров в этот период опускается ниже линии «желания вернуться домой» (рис. 12). Мы ждем писем с родины и мечтаем о том, что будем делать, вернувшись к близким. Мы пишем письма с просьбой об отзыве, но не отправляем их. В конце концов, что скажут наши друзья и церковь, если мы вернемся вот так?

Но в это самое время, часто почти незаметно, протекает еще один процесс. Мы приобретаем навыки жизни в новой культуре. Неожиданно мы понимаем, что можем делать покупки на новом языке и пользоваться местными деньгами. Среди местного населения появляются друзья, что делает

наши дни веселее. Беседы с более опытными миссионерами и местными церковными лидерами утешают и ободряют, так что большинство из нас выбрасывают заявления об отзыве и начинают долгий путь изучения языка и адаптации к новой культуре. Тому, кто не способен осуществить этот переход, лучше уехать прежде, чем случится нервный срыв.

Выздоровление

Первым признаком выздоровления часто бывает вновь проснувшееся чувство юмора. Мы начинаем смеяться над собой и вместо критики шутишь над окружающими. В нас просыпается сочувствие к другим, которым, как кажется, еще труднее, чем нам. Хотя убеждение в превосходстве нашей культуры по-прежнему может оставаться с нами, мы начинаем учиться жить в этой культуре.

Наше отношение к местным людям и их культуре особенно важно на этой стадии, потому что модели поведения, сформировавшиеся в этот период, скорее всего, останутся с нами навсегда. Если мы разовьем в себе положительное отношение к людям, будем учиться принимать и ценить их, это станет прочным фундаментом для изучения культуры и позволит нам стать единым целым с ними. С другой стороны, если мы будем оставаться отчужденными и сохранять отрицательный настрой, то, скорее всего, так и останемся чужаками и никогда не сблизимся с местным населением. А поскольку мы являемся образцом Евангелия для этих людей, то и оно покажется им далеким и чужим.

Наш первый год, и даже первый месяц в другой стране не просто чрезвычайно важен в формировании постоянного отношения к данной культуре. Это именно то время, когда мы можем легче всего адаптироваться. У нас нет особенных представлений о том, что нам делать, но есть сильный идеализм, побудивший нас к переезду. Поскольку мы еще не вошли в удобную колею, которая закрывает нам глаза на то, что на самом деле происхо-

Не «зашкаливают» ли миссионеры?

Т. Нортон Стерретт

Можно ли сказать, что миссионеры «зашкаливают»? Конечно, можно. Я именно такой, поэтому могу сказать точно.

Когда-то миссионер был самым обычным человеком. Он одевался как все, любил играть в теннис и слушать музыку.

Но еще до того, как поехать на миссию, он стал каким-то «не таким». Одни восхищались им, другие жалели. Его знали как человека,

который оставляет родителей, перспективы и дом ради идеи. Он казался таким «идейным».

Но теперь он вернулся домой совсем другим человеком. Некоторые вещи – вполне серьезные – ему совсем не кажутся таковыми. Его не интересует даже чемпионат Кубка Дэвиса. Ясно, что он видит мир не так, как другие люди. Даже возможность лично познакомиться с Исааком Штерном оставляет его невозмутимым. Начинаешь задаваться вопросом, где его носило.

Итак, где же его носило?

Там, где идет открытая и безжалостная борьба со злом – война, а не состязание. Где мода на одежду не имеет значения, потому что слишком мало времени, чтобы ею заниматься. Где люди жаждут его помощи, и большинство из них даже не знают, что он в силах им помочь. Где жара – это 50°С в тени, а он не может себе позволить оставаться в тени.

Кажется, что не только пространство, но и время прошло мимо него. Когда говоришь с ним о «Роллинг Стоунз», он удивленно смотрит на тебя. Когда упоминаешь «Звездные войны», он спрашивает, что это такое. Интересно, как долго его здесь не было?

Итак, как долго его не было? Достаточно долго, чтобы тридцать миллионов человек отошли в вечность без Христа, так и не имея возможности услышать Благою весть. Некоторые отошли прямо у него на глазах, когда опрокинулся неустойчивый паром, когда разразилась эпидемия холеры или когда индуисты подняли бунт против мусульман.

Как долго его не было? Достаточно долго, чтобы дважды перенести амebную дизентерию, выходить жену при постоянных приступах малярии, получить известие о смерти матери еще до того, как узнать, что она заболела.

Как долго? Достаточно долго, чтобы увидеть, как несколько «изгоев» пришли ко Христу, как они впитывали учение Библии, которое он провозглашал. Достаточно, чтобы вместе с ними преодолевать гонения со стороны родственников и видеть, как они превращаются в сплоченную команду верующих. Достаточно, чтобы видеть, как эта группа становится церковью и начинает благовествовать своему обществу.

Да, его долго здесь не было.

Поэтому он и другой. Только теперь все это кажется неуместным. В конце концов, раз он теперь здесь, можно было бы обращать больше внимания на моду, на то, что происходит в стране, на отдых и общественную жизнь.

Да, конечно, он мог бы.

Только большую часть времени он не может забыть, что за деньги, которые придется потратить на новый костюм, можно купить три тысячи евангелий и что за то время, какое один американец отдает своему бизнесу, пять тысяч индийцев или китайцев отходят в вечность без Христа.

Поэтому когда миссионер приходит в вашу церковь или домашнюю группу, помните, что он наверняка будет отличаться от вас. Если время от времени он будет запинаться, пытаться вспомнить слово, это потому, что он много лет говорил только на иностранном языке и, скорее всего, прекрасно владеет им. Если он не проповедник, то ему, скорее всего, долгое время не доводилось говорить по-английски с кафедры. Возможно, он гораздо красноречивее на площади индийского базара.

Если вам кажется, что он не такой открытый и понятный, как ваш молодежный благовестник или преподаватель в колледже, это лишь потому, что он жил в совершенно другой социальной среде с того времени, как вы пошли в школу, и, может быть, не знаком с принятым здесь неформальным общением.

Да, миссионер однозначно «зашкаливает».

Но только по чьей шкале? Вашей или Божьей?

Впервые напечатано в студенческом журнале HIS, Inter-Varsity Christian Fellowship, © 1948, 1960, 1967, 1982. Используется с разрешения.

дит, у нас больше желания сближаться с людьми и понимать их культуру. В этом смысле культурный шок – не просто то, что нужно перетерпеть. Как утверждают Брустеры, это самый важный и плодотворный период всего нашего миссионерского опыта. Пользуясь их терминами, можно сказать, что именно в этот период мы «привязываемся» к новой культуре.

Привыкание

Последняя стадия культурного шока наступает, когда нам становится комфортно в новой культуре, когда мы знаем достаточно для того, чтобы жить полноценной жизнью, не ощущая тревоги. Мы не просто принимаем местную пищу, одежду и обычаи, они даже начинают нам нравиться. Мы дорожим дружбой с местными людьми и чувствуем, что наш труд становится плодотворным. Задумываясь о том, что нам когда-то придется уехать отсюда, мы понимаем, что будем скучать по этой земле и ее людям.

Можно привыкать к новой культуре по-разному. Например, замкнуться в своего рода «гетто», сохраняя дистанцию и делая вылазки на служение. Еще один вариант – отвергнуть свое прошлое и пытаться «подстраиваться под местных». Третий вариант – это принять новую культуру и выработать некий ее синтез с нашей собственной. В следующей главе мы рассмотрим эти варианты и то, как они влияют на служение миссионера.

«Обратный» культурный шок

Мысль о том, что по возвращении домой после долгого пребывания за границей вы снова испытаете культурный шок, может вас удивить. В конце концов, вы возвращаетесь в знакомую культуру! Однако эта культура изменилась, как, впрочем, и вы сами, – часто глубже, чем кажется. Исследования показывают, что людям, особенно удачно адаптировавшимся к чужой культуре, труднее всего привыкнуть к родной культуре после возвращения домой (Брислин и Ван Бурен).

Возвращение в старую культуру во многом подобно вхождению в новое общество. Поначалу мы ощущаем радость возвращения. Мы снова рядом с близкими людьми: родственниками, друзьями и коллегами. Мы становимся центром внимания и гордости, когда люди слушают наши диковинные рассказы. Мы идем в ресторан и покупаем себе гамбургеры и мороженое, о которых так мечтали за границей. Одним словом, мы намереваемся продолжить жизнь с того места, на котором она остановилась.

Но после того, как первая волна энтузиазма проходит, мы принимаем себя за непростую задачу адаптации в местной культуре. В этот момент мы испытываем серьезное раздражение и непонимание. То, что раньше было таким естественным, теперь кажется бестактным и расточительным в этом нуждающемся мире. Люди кажутся такими ограниченными! Они вскоре теряют интерес к нашим историям и переходят на более важные темы: изменения в последних моделях машин, местная политика, городские сплетни и спорт. Нам трудно общаться даже с друзьями и родственниками, потому что они нас слушают из вежливости, но не понимают. Или постоянно задают глупые вопросы, как например: «А в Гватемале есть сотовые телефоны?».

Наша растерянность усиливается еще и тем, что все это происходит неожиданно. Мы становимся чужаками в собственной стране! Мы принимаем на себя совершенно неожиданную роль. Мы не вписываемся в жизнь, которая когда-то была столь важной, но теперь кажется столь эгоцентричной и полной излишеств.

Наша первая реакция – оборонительная. Мы начинаем раздражаться и критиковать местные обычаи. Занимая позицию превосходства, мы закрываемся от всех общественных событий. Иногда мы жалеем, что вернулись «домой». Мы начинаем понимать, что у нас больше нет того дома, что был раньше. Мы стали странниками на земле.

Джозеф Шенк так описывает это чувство:

Самое лучшее описание того состояния, которое испытываешь в первые шесть месяцев после возвращения, – это «вакуум». Мы были в центре всевозможной деятельности, а теперь мы в стороне. Мы не состоим ни в

каких комитетах, не имеем важных знакомств в городе. В церкви люди побаваются сказать что-либо, что побудит нас начать речь о несправедливости (или что-то в этом духе), поэтому разговоры остаются крайне поверхностными. Вечера проходят необычно спокойно, если только нас не зовут куда-нибудь выступать.

Еще одно подходящее сравнение – «пробуксовка». За границей мы отстали от жизни в экономическом и технологическом плане. Наш словарный запас сузился. Наша одежда, машины, бытовая техника и дома не соответствуют стандартам современников. Поскольку ценность личности в США и Канаде в основном определяется этими показателями, очень возможно, что мы испытаем моменты сомнений в себе. Ощущая такую потерянность, мы покупаем в кредит все перечисленные вещи, которые здесь так важны. И затем выясняем, что на последующие много лет зажаты в очень тесные экономические рамки.

Второй тип реакции – это попытаться изменить культуру. Через год после возвращения мы подвергаемся опасности превратиться в мрачных, озлобленных людей. Мы не в силах воспринимать окружающее нас богатство и используем каждую возможность рассказать «местным», как бедно живет весь остальной мир. Но люди, кажется, не особенно желают это слушать, что только усиливает разочарование и подталкивает к тому, чтобы искать общения с иностранцами или другими бывшими миссионерами.

Однако, со временем мы так или иначе привыкаем к собственной культуре. Порой процесс нашего привыкания может быть разрушительным как для нас самих, так и для окружающих. Мы начинаем обижать людей, закрываемся, а то и вообще меняем место жительства.

И все же со временем мы вновь обретаем свое место в обществе. Постепенно мы узнаем достаточно много о спорте и политике, чтобы поддержать беседу. Мы приобретаем некоторые сведения о последних стилях музыки и одежды, так что уже не выделяемся из толпы. Мы понимаем, что снова можем построить благополучную жизнь в родной стране. Однако самое главное – мы понимаем, что мы уже не те люди, которые уехали отсюда, и что за годы жизни за границей в нас произошли глубокие перемены, так что мы уже никогда полностью не сможем снова ощутить себя здесь как дома.

При возвращении нам полезно рассматривать родную культуру как иностранную и входить в нее точно так, как мы входили когда-то в чужую культуру. Зачастую мы склонны с гораздо большим терпением относиться к людям в других странах, чем в своей собственной. Нужно учиться у «местных» и, насколько это возможно, сближаться с ними, не отрицая при этом того, кем мы стали. Нам нужно принять и тот факт, что они не смогут полностью понять нас, потому что не имеют нашего опыта.

Учимся адаптироваться к новой культуре

При переезде на новое место каждый человек испытывает неудобства, хоть и в разной степени. Туристы могут свести этот шок к минимуму, каждый вечер возвращаясь в гостиницу «Хилтон» – островок Америки в океане чуждых традиций. Там они чувствуют себя как дома и набираются сил для нового дня, полного приключений. Но миссионеры приехали сюда с тем, чтобы это место стало их новым домом.

Культурный шок редко бывает смертельным. Приобретая терпение и опыт, мы способны научиться жить в обстановке новой для нас культуры. Мы научимся есть местные блюда и даже начнем любить их. Мы сможем ездить на общественном транспорте и, даже если заблудимся, сможем найти дорогу домой. Мы достаточно овладеваем языком, чтобы вести бытовые разговоры и покупать апельсины на рынке. Мы начнем ориентироваться в местных деньгах и ценах. У нас появятся друзья, и мы увидим, что не все местные люди на одно лицо. Мы выясним, что местный врач вполне может нас вылечить, так что мы не умрем от первой болезни. Одним словом, мы научимся не просто выживать, но и жить, и даже наслаждаться новой культурой. Уровень удовлетворенности будет расти. Это место станет нашим «домом».

Разные люди по-разному переживают культурный шок. Отчасти это зависит от характера. Одни люди гибки по природе и могут жить в окружении непонятого. Следовательно, им несложно адаптироваться в новой культуре. Другие крайне устойчивы к изменениям и хотят полностью контролировать все происходящее в жизни. Сила шока во многом обусловлена и степенью различий между родной и новой культурой. Чем глубже эти различия, тем больше нужно меняться для вхождения в новую культуру.

Но культурный шок зависит еще и от личного отношения к культурным различиям. В наших силах не только справиться с нагрузками, связанными с адаптацией в новой культуре, но даже превратить это в захватывающий процесс личного роста. Вполне возможно сблизиться с окружающими так, что наше служение будет более эффективным.

Определите свои тревоги

Первый способ ослабить культурный шок – это распознать, что вас беспокоит, и назвать все тревоги своим именем. В незнакомых ситуациях людям свойственно беспокоиться, поскольку многое им непонятно. Страх – важная человеческая реакция, побуждающая нас реагировать на конкретную опасность. Однако затянувшийся страх может перерасти в тревогу – чувство неуверенности и страха перед неясной, часто невидимой опасностью. В какой-то мере это страх перед неопределенностью, которую

мы испытываем в новой обстановке. Самым разрушительным элементом культурного шока является именно эта тревога, а не какая-то конкретная опасность.

Как бороться с тревогой, если мы даже не знаем врага в лицо? Проверенный способ – это четко определить, что нас тревожит, и разобраться с этим. Если мы посмотрим на свои страхи осознанно, то поймем, что многие из них неоправданны. От других можно избавиться, если в чем-то изменить свой образ жизни. В любом случае, большинство из них покинут нас, когда мы научимся жить в новой культуре. Далее, помогает осознание того, что беспокойство – естественная человеческая реакция, с которой можно научиться справляться, а не пытаться скрыть в надежде, что она уйдет сама собой.

Познание новой культуры

Изучение новой культуры может стать как пыткой, так и захватывающим приключением. Все зависит от того, с каким отношением мы входим в ситуацию. Боясь неизвестного, мы постараемся замкнуться в узком кругу друзей, состоящем в основном из коллег-миссионеров и местных христиан. Другими словами, мы попытаемся по возможности реконструировать островок западной культуры, в котором и будем жить. Результатом будет маленькая христианская община, по большому счету изолированная от мира. В ней мы можем проводить миссионерскую работу с минимальными неудобствами, но и минимальным свидетельством окружающим.

Вместо этого можно идти в мир, чтобы познавать новую культуру. Поначалу тревоги возрастут, но вскоре мы выясним, что игра стоит свеч. По мере возрастания знания о культуре страхи перед неизвестным будут уменьшаться. Кроме этого, мы увидим, что изучение новой культуры и знакомство с новыми людьми будут приносить радость и удовлетворение. Мы узнаем, что многие люди жаждут нашей дружбы и радуются, когда мы предпринимаем даже минимальные усилия к пониманию их обычаев. Все они с удовольствием будут учить нас своей культуре, если только мы захотим быть прилежными учениками.

Лучше всего изучать культуру, участвуя в ней. Хотя очень полезно прочитать все возможное об этой стране еще до приезда в нее, это не заменит участия в жизни окружающих. Например, вместо того чтобы покупать продукты на всю неделю, можно ходить в магазин каждый день и покупать всего понемножку. Можно общаться с посетителями кофейни или разговаривать с людьми на деревенской площади. Можно приглашать их к себе домой и ходить к ним в гости (в конце концов, наша культура им так же интересна, как их культура – нам). Мы увидим, что количество знакомств и возможность участия в местной общественной жизни быстро увеличиваются, если только стремиться строить личные отношения с людьми.

Очень важно сразу же войти в культуру – прежде чем мы войдем в привычную рутину, способную изолировать нас от людей. Как отмечают Брустеры, лучше окунуться в новую культуру и почувствовать жизнь так, как чувствуют ее местные люди, чем сначала обосноваться в чужестранной «крепости», из которой потом совершать «вылазки» на служение. Брустеры добавляют: «С первого дня необходимо развивать как можно больше глубоких отношений с местным населением. Приезжий должен с самого начала открыть свои нужды, он должен желать учиться. Люди помогают тем, кому нужна помощь! Потом, когда возникнут потенциально стрессовые ситуации, он сможет заручиться помощью местных жителей, их советом и пониманием».

Как правило, если мы входим в культуру в качестве учеников, местные жители с радостью возьмутся за то, чтобы нас учить, ведь они гордятся своей культурой. Изучая ее, мы будем строить взаимоотношения, которые введут нас в местное общество.

Интересно, что изучение новой культуры является важным средством благовестия. У нас появляется больше возможностей свидетельствовать людям, когда мы входим в культуру как ученики, а не как миссионеры. В ответ на наш интерес к ним они станут интересоваться нами и нашими убеждениями. Если мы их ученики, они не будут видеть в нас угрозы для себя.

Наконец, старательное изучение языка и культуры чрезвычайно важно для будущего миссионерского служения. В первые несколько лет нужно научиться правильно говорить на местном языке, что потребует массы времени и упорных занятий. Миссионеру так хочется начать передавать свои мысли, что он склонен забывать о грамматике и произношении. В результате он начинает говорить, но с тяжелым иностранным акцентом, еще и неверно строя предложения. Вначале следует потратить время на постановку правильного произношения, потому что ошибки быстро превращаются в подсознательные привычки и остаются с нами навсегда.

Точно так же, изучать местную культуру следует в начале своего служения. Именно в это время мы больше всего замечаем различия в культурах. Позднее, когда все наше время будет уходить на работу, мы перестанем ощущать странность местных обычаев. Чтобы приобрести глубокое понимание культуры, нужно начать ее изучение сразу же по приезде и продолжать его до конца своих дней.

Построение доверия

Недостаточно только познавать другую культуру и учиться ценить ее. Можно все это делать и тем не менее оставаться чужаками, к которым люди будут относиться с подозрением. Как говорит Марвин Майерс, самым важ-

ным шагом при вхождении в культуру является завоевание доверия. Нам будут слушать, только если нам доверяют.

Мы редко задумываемся о том, что доверие зависит от того, насколько мы ценим взаимоотношения. Так как обычно мы строим отношения с прагматической целью: вести бизнес, учить, учиться или вступить в брак, то наше внимание больше сосредоточено на том, чего мы хотим достичь, чем на самих людях. Как правило, мы задумываемся о состоянии наших отношений только тогда, когда они не ладятся.

В нашей собственной культуре существует множество индикаторов, помогающих нам оценить статус отношений с другими людьми. Сюда относятся должности и роли (обычно мы доверяем проповеднику или судье), социальный контекст (мы рассчитываем на то, что кассир в магазине не обсчитает нас) и социальное положение (мы с большей подозрительностью относимся к бродягам, чем к хорошо одетому человеку).

Однако в чужой культуре эти индикаторы нам неизвестны. Поэтому крайне трудно судить, кому можно доверять, а кому нет. Не знаем мы и того, как показать окружающим, что мы сами достойны доверия. В результате всякий раз, когда в город приезжает новый человек, возникает много взаимных подозрений, особенно если этот человек – иностранец. Отношения с людьми в работе миссионера должны стоять выше другой деятельности, особенно на начальном этапе. Доверие к проповеди зависит от доверия к проповеднику.

Созидание доверия начинается с *интереса* к тем людям, которым мы служим, и их всецелого *принятия*. Окружающих мало интересует, что привело нас на миссию. У них есть свои собственные мотивы для общения с нами. Люди будут продолжать отношения с нами лишь в том случае, если эти мотивы удовлетворяются. Намного позднее, когда отношения сформируются, они будут их поддерживать уже ради самого общения и дружбы.

Интерес к людям должен быть неподдельным. Если мы строим отношения только для того, чтобы достичь собственных целей, окружающие вскоре заметят это и почувствуют, что их «используют». Подобная скрытая форма манипулирования людьми неизбежно вызовет их негодование.

Настоящий интерес к людям может иметь самые разные проявления. Он очевиден в желании узнавать людей, их жизнь и культуру. Он символически выражается в нашей готовности носить местную одежду, есть местную пищу, приходить к ним в гости. Он выражается в гостеприимстве, когда мы, в свою очередь, приглашаем их к себе домой и позволяем нашим детям играть вместе. Этот интерес проявляется и в официальных ритуалах, визитах, обменах подарками, приемах и официальных знакомствах. Язык официальных отношений нужно особенно тщательно изучать и заранее обговаривать со знатоками местной культуры, потому что тут ошибка может стать публичным оскорблением, которое потом будет очень

трудно исправить. М. Майерс рассказывает о том, как он пригласил на прием заместителя мэра одной деревни, когда сам мэр был в отъезде. Однако вскоре выяснилось, что этим он обидел хозяина, организовавшего прием. Социальный статус хозяина был выше, чем социальный статус заместителя мэра!

Принятие возможно, когда мы любим людей такими, какие они есть, а не такими, какими мы хотели бы их видеть. Поначалу это нелегко – отчасти потому, что они так отличаются от нас, а отчасти потому, что мы приезжаем с огромным желанием видеть их изменившимися. В результате мы порой бессознательно отвергаем людей как личности: прерываем их в разговоре, смеемся над их высказываниями, ставим под вопрос их убеждения, смотрим на них свысока и считаем свою культуру лучше. Или же просто избегаем их, забываем их имена, не доверяем им деньги или поручения. Один миссионер никогда не давал билеты на руки «местным», потому что боялся, что они их потеряют. Поступая так, он выражал недоверие столь же открыто, как если бы сказал это словами.

Созидание взаимоотношений требует *открытости*. Это улица с двусторонним движением. Прежде чем нам станут доверять, доверять должны мы. Если мы хотим, чтобы нам открывали свою жизнь, надо открыть свою. Надо снять маски, которые мы носим, чтобы произвести впечатление, и позволить всем увидеть, какие мы есть на самом деле, показывая и свои слабости, и страхи, и сильные стороны. Доверие также требует постоянства. Надо быть предсказуемыми, чтобы окружающие знали, чего от нас ожидать; а сказанное в частной беседе должно соответствовать тому, что мы говорим на публике. Нет никакого смысла хвалить местные обычаи, если наедине с друзьями мы отпускаем по их поводу едкие замечания, ведь то, что мы делаем наедине, отражает наше истинное отношение к местным жителям.

И наконец, доверие нужно возвращать. Сначала оно очень хрупкое и уязвимое. Поэтому нам следует сосредоточиться на построении взаимоотношений. Мы часто соглашаемся с окружающими не потому, что принимаем сказанное ими, а в знак доверия. Несогласие на ранних стадиях общения часто рассматривается не как разница во мнениях, а как неприятие собеседника. Со временем, когда отношения укрепятся, они смогут выдержать споры и разногласия. Отношения также могут служить хорошим мостом для благовестия. Люди начинают доверять проповеди, так как доверяют проповеднику. Последняя стадия добрых отношений подразумевает полное доверие к другому человеку и полную готовность вверить себя в его руки.

В первые годы служения в новой культуре нет задачи важнее, чем построить доверительные отношения с окружающими. Без этих отношений люди не станут слушать Благою весть, а мы никогда не будем приняты в их жизнь и общество.

Ожидания в сравнении с достижениями

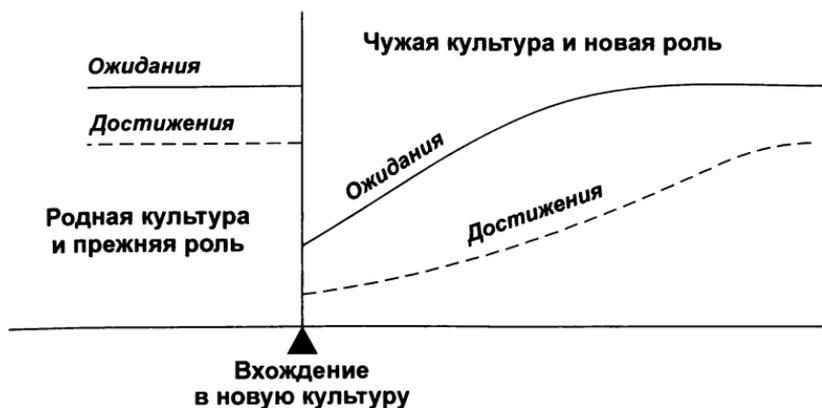

Рисунок 13

Как справляться со стрессом

Еще один способ преодолеть культурный шок – это свести стресс к минимуму. Оказавшись в новых обстоятельствах, мы испытываем сильное напряжение, поэтому нам нужно следить за своими чувствами, чтобы заметить в себе или других членах нашей семьи раздражительность, напряжение, отсутствие гибкости, а то и готовность взорваться в любую минуту. Что можно сделать, чтобы уменьшить стресс, прежде чем он разрушит нас?

Ставьте реалистичные цели. Одним из эффективных способов уменьшения стресса является постановка реалистичных целей. Как отмечает Майрон Лосс, западные христиане приравнивают духовность к напряженной деятельности, а отдых обычно рассматривают как трату времени. Надо понять, что прежде всего Бог работает над нами самими. Свой прогресс лучше измерять не тем, что мы делаем, а тем, кем мы становимся. Необходимо помнить, что мы всего лишь люди. Нам нужно время для себя и для семьи: для досуга, отдыха и физических упражнений; для чтения и личного роста, а также для общения с Богом. Только если мы будем духовно и физически здоровы, Бог сможет использовать нас в Своей работе. Не стоит сгорать на спринтерской дистанции. Стоит проводить свои дни так, чтобы послужить Богу всю жизнь.

Есть еще одна причина, по которой в первые годы служения необходимо ставить перед собой реалистичные цели. Дело в том, что в непривычной обстановке мы просто не в состоянии работать с обычной производительностью. Нам требуется больше времени и энергии даже для простейших

дел: найти магазин, где продаются необходимые вещи, копировальный центр или банк, где можно обналичить чек. Ко всему этому еще добавляется раздражение от того, что мы никак не можем «перейти к работе», ради которой приехали. Большая часть нашей энергии тратится просто на выживание, а то небольшое, что остается, мы должны отдавать изучению новой культуры.

Майрон Лосс составил график ожиданий и реальных действий в новой обстановке (рис. 13). Он отмечает, что в родной культуре ожидания хорошо адаптировавшихся людей лишь слегка превосходят их реальные действия. В другой культуре этот разрыв значительно увеличивается. Единственный способ справиться со стрессом, вызванным разрывом между ожиданиями и действительностью, – это ставить перед собой более реалистичные цели.

Не относитесь к себе чересчур серьезно. Второй способ облегчить стресс – это правильно смотреть на самих себя. Для каждого человека вполне естественно видеть себя в центре событий и считать настоящее самым важным моментом. Но тогда все наши действия кажутся чрезвычайно важными, а мы каждое мгновение находимся в напряжении.

Стоит рассматривать все текущие возможности в контексте служения всей нашей жизни. Если пропустить завтрашнее собрание, которое сегодня кажется столь важным, через пять лет никто об этом не вспомнит. С другой стороны, изучение языка и общение с людьми, которое сейчас якобы отрывает нас от работы, через несколько лет может показаться самым серьезным достижением нашего раннего служения.

Свою работу необходимо рассматривать и в более широких рамках служения наших коллег: миссионеров и местных христиан. Никто не призван к тому, чтобы нести единоличную ответственность за всю работу. Мы нужны, но не незаменимы. Понимание этого освобождает от ложного самомнения.

Юмор – превосходное лекарство от самомнения, показатель внутренней уверенности и здоровой самооценки. Вместе с окружающими надо смеяться над своими ошибками, ведь при изучении новой культуры их допускаешь часто, и порой они очень забавные. Помните, что смеются не над нами, а над нашим странным поведением и культурными ляпами. Если мы научимся смеяться вместе с окружающими, это поможет преодолеть страх перед ошибками, который так часто не дает сделать что-то новое. Лучше всего мы постигаем новую культуру, когда пробуем, ошибаемся, смеемся, снова пробуем и учимся на ошибках.

Еще одним средством от стресса является гибкость. Когда мы чувствуем себя неуверенно и эгоцентрично, то часто становимся придирчивыми и негибкими. Тогда любое изменение в планах и любое неожиданное

событие приводят к серьезному внутреннему стрессу. Однако сложно полностью распланировать всю жизнь, особенно если находишься в другой стране, да еще работаешь с людьми. Поэтому очень важно не особенно держаться за свои планы и были гибкими в жизни и общении с другими людьми.

Прощение служит третьим противоядием от стресса. Благовестие и христианское руководство очень легко заражают человека духом перфекционизма, способным разрушить его христианскую жизнь. Все начинается с того, что мы не можем простить себя, а затем и других миссионеров, местных христиан и неверующих людей вокруг нас. Проповедь божественного прощения и спасения испаряется, и стресс, возникающий из самой глубины нашей сущности, разрушает нас.

Однако сутью Благой вести является прощение грехов и ошибок. Пока мы живем на земле, мы не будем святыми, застрахованными от всякого греха и искушения. Мы лишь спасенные грешники, которые помогают друг другу следовать за Христом и преодолевать человеческие слабости. Следуя примеру Петра, мы должны возрастать в прощении к себе и окружающим. Нужно вновь и вновь познавать, что наша праведность не наша заслуга. Это Божий дар кающимся грешникам.

Еще одним средством противодействия стрессу является благодарность. В непривычной обстановке легко замечать все плохое и пренебрегать хорошим. Если на минуту остановиться и подумать о всех событиях этого дня, то увидишь множество радостных моментов: мы выучили новый глагол, познакомились еще с одним человеком или с благоговением наблюдали за закатом. Радость и благодарность приносят в нашу жизнь глубокий внутренний мир.

Заботьтесь о себе. В другой стране бывают моменты, когда уровень стресса возрастает независимо от всех стараний, так что все усилия снизить напряженность только добавляют ее. Нам просто все надоедает, и мы хотим уехать. В такие моменты нужно отрешиться от новой культуры и «побаловать» себя. Можно почитать хорошую книгу, выехать с семьей на пикник или взять отпуск на несколько дней. Когда тоска по родине становится особенно сильной, может помочь поездка в город и обед в ресторане современного отеля. Наша сущность навсегда останется укорененной в культуре нашего детства, и от этого невозможно полностью избавиться. Иногда все, что нам нужно, – это краткое погружение в родную культуру, и мы вновь можем вернуться в новую культуру.

Однако важно помнить об одной опасности. Когда мы находимся за границей, всегда существует соблазн изолироваться от местного населения и сформировать свое маленькое «гетто». Это поможет временно облегчить стресс, но в дальнейшем только усложнит проникновение в новую культуру.

ру, а ведь именно оно способно освободить нас от стресса, возникающего на стыке культур.

Заботиться о себе также означает, что можно отслеживать время возникновения особо стрессовых ситуаций. Бывают периоды, когда мы готовы рискнуть и попробовать что-то совершенно новое, но в другие моменты, когда мы и так находимся в состоянии стресса, стоит избегать новых ощущений. Изучение новой культуры всегда влечет за собой стресс, необходимый для нашего роста. Поэтому нужно не столько избегать стресса, сколько учиться управлять им.

Делитесь своими трудностями с другими. Павел советует нам «носить бремена друг друга», что в равной степени применяется и к миссионерскому служению. Миссионер должен заботиться о нуждах окружающих, особенно о нуждах своих супруги и детей. Это убережет его от эгоцентризма как побочного эффекта сильного стресса.

Однако у этого совета две стороны. Нужно носить бремена окружающих, но и быть готовым делиться с ними собственными нуждами, позволяя им нести нашу ношу. Для каждого миссионера чрезвычайно важно иметь человека, которому можно рассказать о своих трудностях и обратиться за советом. Часто мы склонны думать, что поскольку мы занимаем руководящую должность, то не имеем нужды в опеке. Но это далеко не так. Как раз именно поэтому нам нужен человек, способный помочь духовным или личным советом. Работа миссионера, как и все остальные, имеет свои специфические проблемы и искушения. К сожалению, миссии часто не заботятся о наставниках для миссионеров, поэтому миссионерам приходится искать их самим.

Когда культурный шок позади

В первый год или два нашего служения культурный шок может занимать все наши мысли. Но, как ни трудно в это поверить, явление это преходящее, связанное с началом жизни в новой культуре. Изучение же культуры должно продолжаться в течение всего времени служения.

Культурный шок – крайне важный опыт, ведь благодаря ему мы формируем отношение к ситуации и людям, а это, в свою очередь, будет определять суть и эффективность всего последующего служения. Поэтому важно знать, что происходит, когда мы входим в новую культуру, и регулировать свои реакции соответствующим образом.

Алиса Иванская в своем анализе мировоззрения жителей северо-западных штатов выяснила, что те разделяют мир на три основные сферы. Первая – это «ландшафт». Сюда входят природа, погода, политика, спорт и

другие события, которые находятся вне их контроля. Ландшафт дает большинство тем для повседневных бесед. Они обсуждают времена года, события на политической арене и Олимпийские игры. Они едут в отпуск, чтобы потом рассказать об этом на работе или в церкви.

Вторая сфера – это «оборудование». Сюда относятся «инструменты», которые используются для работы и достижения разных целей. За оборудованием ухаживают, пока оно нужно и подлежит ремонту, а затем его выбрасывают. В эту группу входят трактора и скот, карандаши и книги, стулья и кровати, одежда и дома. Это то, что люди используют «для работы», то есть вещи.

В третью категорию попадают те, кого американцы северо-запада относят к «людям», – это те, с кем они общаются, кого воспринимают как чувствующих, мыслящих и любящих, то есть себе подобных.

Иванская сделала поразительное открытие: ее респонденты не всех людей воспринимают как «людей». Чужаков, например американских индейцев, они воспринимают как «ландшафт». В резервации они приезжают так же, как и в зоопарк или на осмотр достопримечательностей. Далее, мексиканских рабочих-эмигрантов они тоже рассматривают как «оборудование», которое ценится лишь за продуктивность и выбрасывается, когда становится ненужным. Единственные люди, которых американцы северо-запада считают «людьми», – это родственники и друзья.

Эта иллюстрация важна для миссионеров. Мы все склонны воспринимать незнакомых людей в чужой культуре как ландшафт. Мы также склонны рассматривать тех, кто работает на нас, как оборудование, будь то медсестры, секретари или слуги. Самая большая перемена, которая должна произойти с нами при адаптации в другой культуре, состоит в том, что нужно научиться рассматривать местных жителей как «людей», подобных себе, а их культуру – как свою. Разружьте мысленный барьер, разделяющий людей на «вас» и «их». Вместо этого мыслите в категориях «мы». Здесь нет ничего нового, так как в этом и состоит сердцевина христианского благовестия о Божьей любви к людям.

«Воплотившийся» миссионер

Итак, мы адаптировались в новой культуре, пережили культурный шок, овладели языком в достаточной степени, чтобы начать работу, и уже приобрели друзей среди местного населения. Мы обустроили свой дом, и жизнь вошла в повседневную колею. Серьезные проблемы с различиями в культуре остались позади, или, по крайней мере, нам так кажется.

В действительности, адаптация к новой культуре только начинается. наших познаний хватает, чтобы жить и работать с минимальным стрессом. Но мы начинаем осознавать, что, если действительно хотим понять эту культуру и стать ее частью, нам еще многое предстоит узнать о ней. Появляется смутное подозрение, что мы еще не столкнулись с наиболее глубокими вопросами, связанными с различиями в мировоззрении. Тем не менее, на данном этапе мы уже готовы принять на себя сложнейшую задачу изучения культуры и слияния с ней. Это значит, что нам предстоит стать «воплотившимися» миссионерами. На пути к этому нам не избежать богословских вопросов, возникающих в связи с культурными различиями.

Отождествление с новой культурой

Как мы увидели, культура имеет три различных аспекта: знание, чувства и ценности. Желая стать полноценными членами общества, мы наткнемся на камни преткновения в каждом из этих аспектов. Что это за препятствия и как их преодолеть?

Межкультурные недоразумения

Первым препятствием к полному вхождению в другую культуру является недостаточное ее понимание. Как видно, это относится к когнитивному аспекту – недостаток знаний, необходимых для понимания другой культуры, часто ведет к путанице.

Такие недоразумения часто бывают довольно забавными и безобидными. Если в Индии есть левой рукой, это вызовет смех, потому что индусы пользуются левой рукой только для грязной работы. Если в Японии протянуть кому-нибудь руку для рукопожатия, то в ответ тебе любезно поклонятся.

Однако бывают и более серьезные случаи. Протянуть индусу подарок левой рукой – это уже оскорбление. Это даже хуже, чем дать пощечину. Настолько же оскорбительно смотреть, как ест человек из высшей касты. Одну американскую пару пригласили на свадьбу брахманов высокой касты. По завершении церемонии иностранцам первым подали еду, потому что они едят мясо и им нельзя есть с ритуально чистыми брахманами. После обеда американка отправилась поблагодарить хозяйку за гостеприимство и нашла ее на кухне. Но она не имела ни малейшего понятия о том, что присутствие на кухне ритуально нечистого человека осквернило всю еду, приготовленную для других гостей-брахманов, и несчастной хозяйке пришлось готовить заново целый пир!

Юджин Найда рассказывает об одном случае в Африке. Поначалу туземцы были дружелюбны к миссионерам, но затем стали их избегать. Те попытались выяснить причину такого поведения. Наконец один пожилой человек сказал им: «Когда вы приехали, мы стали наблюдать за вашими странными действиями. Вы привезли с собой консервные банки. На одних была изображена фасоль. Вы их открывали, внутри была фасоль, и вы ее ели. На других была нарисована кукуруза, в банке тоже была кукуруза, и вы ее ели. На третьих было нарисовано мясо, внутри тоже было мясо, и вы его ели. Когда у вас родился ребенок, вы стали покупать банки, на которых нарисован младенец. Вы их открывали и кормили этим мясом своего ребенка!» Африканцы совершенно логично пришли к этому выводу, однако это было не больше чем досадное недоразумение.

Еще в одном случае миссионеры привезли с собой домашнюю кошку. Но в том племени кошек держали только колдуны, так как туземцы верили, что по ночам колдуны выходят из тела и переселяются в кошек, чтобы странствовать по хижинам и красть души людей. На следующее утро те, чьи души были таким образом похищены, чувствуют сонливость и недомогание. Если после того они не пойдут к шаману, чтобы вернуть их душу, они совсем ослабеют и умрут. Когда туземцы увидели у миссионеров кошку, все решили, что миссионеры – колдуны. Их опасения подтвердились,

когда миссионер стал проповедовать о том, что они приехали, чтобы «собрать души»! А затем, когда жена миссионера мыла голову в реке, жители деревни увидели, как пузырьки пены от шампуня стекают с ее головы. Никогда прежде они не видели мыла, поэтому решили, что пузырьки и были теми самыми душами, украденными миссионерской четой.

К сожалению, непонимания возникают не только в межличностных отношениях, но и в отношении Благой вести. Например, новообращенные в горных районах Новой Гвинеи как-то пришли к миссионеру и попросили научить их сильной молитве. И хотя он уверял их, что рассказал им все о молитве, они настаивали на своем. Они сказали ему, что говорили, говорили в свои ящики, но ничего не произошло. Когда миссионер спросил, что они имеют в виду, туземцы принесли ему маленький самодельный ящик из бамбука с ручкой впереди. Они сказали: «Мы говорим в этот ящик, поворачиваем ручку, но ничего не происходит». И тут миссионер понял, в чем дело. Они часто видели, как он заходит в кабинет, включает коротковолновый радиоприемник и просит сахара, мяса, консервов и почту. А на следующий день прилетал самолет Миссионерского Авиационного Общества со всеми товарами, которые он просил. Люди, ничего не знавшие о коротковолновом радио, были уверены, что миссионер научил их слабым молитвам, а сильные оставил себе!

Преодоление недоразумений. Есть две причины подобных недоразумений: непонимание местных людей и их культуры миссионерами и непонимание миссионеров местными жителями. Чтобы преодолеть первое, нам нужно прийти в культуру в качестве учащихся. Нужно поставить изучение культуры во главу угла на протяжении всего срока миссионерского служения, потому что только в этом случае мы сможем донести Благою весть так, чтобы она была правильно понятой.

Поскольку мы несем людям Благою весть, то склонны считать себя скорее учителями, чем учащимися. Но в таком случае мы не стараемся узнать этих людей, познакомиться с их обычаями и верованиями. Если мы ставим себя выше своих слушателей, им будет трудно воспринимать нас и то слово, которое мы несем.

Как ни странно, но когдаходишь в культуру в качестве ученика, а не учителя, появляется больше возможностей для благовестия. Люди гордятся своей культурой, и если быть прилежными учениками, они с удовольствием научат нас своим традициям и пригласят нас войти в их жизнь. Когда же они начнут доверять нам, то заинтересуются и нашими убеждениями. Став их друзьями и членами их общества, мы сможем легче благовествовать им.

Опасность таится в том, что, поверхностно изучив местную культуру, мы склонны думать, что теперь действительно ее понимаем. Но так бы-

вает очень редко. Годы изучения покажут, насколько мы далеки от того, чтобы видеть культуру такой, какой ее видят местные жители. Признаком неполного понимания культуры является то, что какая-то ее часть остается неясной. При этом нужно помнить, что для ее носителей культура всегда понятна. Если что-то нам кажется неясным, значит, мы просто должны продолжить изучение культуры.

Чтобы преодолеть недопонимание местными жителями наших обычаев, нужно быть открытыми и объяснять им свои действия. Как только будет установлено минимальное доверие, могут возникнуть такие вопросы: «Почему вы спите в кровати?», «Вы действительно едите мясо?», «Почему вы еще не обручили свою дочь, ведь ей уже шесть лет?», «А сколько это стоит?», «Сколько вы зарабатываете денег и что вы делаете с такой большой суммой?».

Местные жители обращают пристальное внимание на наше странное поведение: как мы питаемся и готовимся ко сну, как чистим зубы и пишем письма. Им хочется попробовать в деле наши странные приборы: радио, магнитофон, фотоаппарат, плиту или фонарик. Куклы наших детей передаются из рук в руки, да и сами дети порой становятся объектом пристального внимания. А посмотрев все, они продолжают говорить о нас у колодца и на деревенской площади. Зачастую многим миссионерам такая утрата личного пространства дается нелегко. Но подобные исследования важны для построения доверия. Даже когда они понимают это, их терпению может прийти конец после двадцатой попытки объяснить, как работает диктофон.

Взгляд «извне» и «изнутри». Изучая чужую культуру и рассказывая о своей, мы вскоре замечаем, что на культуру существует несколько точек зрения. Во-первых, мы учимся смотреть на свою собственную культуру изнутри. Мы выросли в ней и считаем, что это единственно правильный взгляд на реальность. Антропологи называют такой взгляд изнутри «эмическим» (emic).

Однако при столкновении с другой культурой мы вскоре начинаем понимать, что смотрим на нее извне. Мы исследуем понятия культуры, используя собственные категории. Позже мы узнаем, что люди другой культуры тоже оценивают нашу культуру со своей точки зрения. Значит ли это, что мы навсегда обречены смотреть на мир других людей лишь со своей точки зрения? Если да, то возможно ли вообще межкультурное понимание?

Межкультурное понимание возможно, и мы постоянно являемся тому свидетелями. Многие люди переезжают из одних стран в другие, и представители самых разных народов взаимодействуют в различных ситуациях. Взаимное понимание может быть достаточно хорошим, пусть и не идеальным. Поначалу может казаться, что нужно отвергнуть собственную

культуру и «обратиться» в другую, чтобы по-настоящему понять ее. Например, можно утверждать, что миссионеры должны отречься от своей культуры и полностью принять другую. Но это невозможно, потому что мы никогда не сможем полностью стереть отпечаток нашей собственной культуры на глубинном уровне мыслей, чувств и ценностей. Даже если бы у нас это получилось, это не всегда хорошо. Как отмечают Анна и Якоб Лёвен, наша ценность для местных жителей во многом состоит в нашем знании внешнего мира. В определенном смысле мы являемся своего рода брокерами культуры, которые живут между двумя мирами и передают информацию из одного в другой. Даже когда мы слились с принявшей нас культурой, насколько это возможно, мы все равно остаемся людьми извне.

В большинстве своем западные миссионеры придерживаются родной культуры. Исключением из этого правила могут быть «миссионеры-эмигранты». Большинство из них называют ее «домом» и надеются вернуться туда, выйдя на пенсию. Миссионеры-эмигранты, к примеру испанцы и португальцы XVIII – XIX веков, поселялись на новом месте и становились гражданами этой страны. Их дети вступали в брак с местными жителями и со временем полностью сливались с местным населением. Однако даже в этом случае эмигранты первого поколения не освобождаются полностью от родной культуры. Требуется несколько поколений, чтобы потомки переселенцев полностью ассимилировались в новом обществе.

Как же тогда возможно понимание другой культуры и межкультурное общение? Глубоко вникая в другую культуру, мы узнаем, что существуют различные взгляды на реальность. Это вынуждает нас выходить за рамки мышления своей культуры и думать по-другому.

Сначала мы учимся видеть мир глазами местных жителей, хотя это получается далеко не идеально. Затем мы оттачиваем способность к анализу на более глубоком уровне и формируем «метакультурные» концептуальные рамки, которые позволяют нам встать выше как собственной, так и чужой культуры, что позволяет сравнивать их и переводить понятия из одной в другую. Благодаря этому процессу мы начинаем замечать аксиомы своей собственной культуры, которые до сего времени воспринимали как само собой разумеющееся. Например, мы начинаем видеть, что члены нашей культуры представляют себе время в виде бесконечной реки, движущейся в одном направлении. Другой народ видит его как вращающуюся карусель, которая всегда возвращается в одно и то же место. Поняв это, мы начинаем сравнивать две концепции времени и видеть сходства и различия между ними.

Развитие метакультурных рамок характерно именно для «двухкультурных» людей – тех, кто смог глубоко вникнуть в две разные культуры и

отождествиться с ними.¹ Более широкий взгляд позволяет им в какой-то мере отстраниться от родной культуры и овладеть искусством перевода верований и обычаев из одной культуры в другую. Такие люди становятся посредниками культуры, которые, словно торговцы, путешествуют от одной культуры к другой и содействуют межкультурному обмену идей и материальных предметов.

Взгляд человека, не привязанного ни к одной из культур, называют «этическим» (etic).² Антропология специализируется в развитии этических моделей с целью изучения и сравнения культур, но в определенном смысле все бикультурные люди формируют такие модели, потому что без них межкультурное общение и взаимопонимание было бы просто невозможным.

Эдвард Холл приводит прекрасный пример того, как этическое сравнение культур может помочь нам понять людей другой культуры и найти общий язык для общения с ними. Он говорит, что пространство, как и время, является невербальным языком и чаще всего истолковывается неправильно в межкультурном общении. Например, американцы во время беседы обычно отстоят на дистанции 1 – 1,5 метра друг от друга. Находясь на таком расстоянии, они обсуждают политику, местные происшествия, недавний отпуск, погоду или другие темы, в обсуждении которых может принять участие кто угодно. Холл называет это расстояние (от 1 до 3,5 метра) социальной зоной. Американцы часто чувствуют себя обязанными общаться с людьми, находящимися в этой зоне, например поговорить с теми, кто в соседнем кресле в самолете или на стадионе.

За пределами социальной зоны находится общественная зона. Людей в этой зоне можно не замечать, потому что они слишком далеко для нормального общения. Когда же требуется еще более тесное общение, мы понижаем голос и подходим ближе друг к другу: от 30 до 90 см. Холл называет это персональной зоной.

И наконец, замечает Холл, интимная зона распространяется от точки физического контакта до 30 см. Это расстояние мы используем для самого тесного личного общения.

У латиноамериканцев похожий пространственный язык, только их зоны меньше. При приветствии они часто обнимаются, а при разговоре стоят ближе друг к другу. Пока североамериканцы и латиноамериканцы остаются в своей культуре, путаницы не возникает. Однако когда они встречаются, возникают непонимания. Во время бесед на общие темы, которые мы приписываем социальной зоне, североамериканцам бывает неприятно, что латиноамериканцы входят в их персональную зону. Поэтому они отступа-

---

¹ В последующих главах мы будем пользоваться принятым в русскоязычной литературе термином «бикультурный» (здесь и везде далее примечания переводчика).

² Не путать с этическим в значении «моральный» (ethic).

ют назад, пока не окажутся на комфортном расстоянии. Теперь латиноамериканцам становится некомфортно: для них мы в общественной зоне и практически недостижимы. Они начинают приближаться, чтобы оказаться в нашей персональной зоне. В результате у нас складывается впечатление, что латиноамериканцы слишком навязчивы, тогда как им кажется, что мы холодны и неприступны. Предлагая теоретические рамки, в которых можно сравнивать две культуры, Холл помогает нам понять разницу между ними, чтобы сделать переход из одной в другую более комфортным.

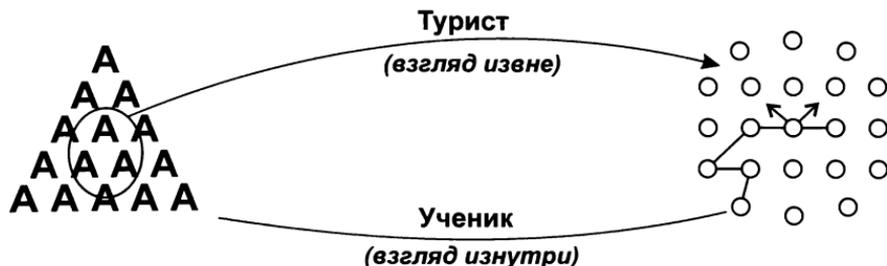
Эмическое и этическое понимание культуры дополняют друг друга. Первое необходимо для того, чтобы понять, как люди видят мир и почему они реагируют на него именно таким образом. Второе необходимо для того, чтобы сравнивать одну культуру с другими и соотносить ее понимание мира с реальностью.

Оба эти подхода важны и в миссионерском служении. Крайне важно понимать местных жителей и их образ мыслей, чтобы успешно переводить Благую весть на их модели мышления. Нам также нужно понимать Писание в контексте его культуры, чтобы переводить его в местную культуру, не теряя при этом божественной сути. В этом смысле и миссионер, и его проповедь должны «воплотиться». Другими словами, чтобы представить Благую весть с наименьшими искажениями ее смысла, им предстоит стать своими в местной культуре. С другой стороны, они всегда останутся чужаками: миссионер – как представитель другой культуры, а Благая весть – как Божье откровение.

Этноцентризм

На когнитивном уровне межкультурные различия вызывают непонимание, а на аффективном уровне – ведут к этноцентризму, которые являются

Этноцентризм – чувство культурного превосходства

Помните: люди любят свою культуру! Нам следует научиться ценить ее вместе с ними и не осуждать то, что нам в ней не нравится.

вполне естественной реакцией человека, впервые сталкивающегося с чужой культурой. Возникает чувство, будто своя культура цивилизованная, а другие – примитивные и отсталые. Такая реакция основана больше на эмоциональном отношении, чем на рассуждении.

Корнем этноцентризма является человеческая склонность рассматривать поведение других людей сквозь призму собственных эмоциональных аксиом, что сопровождается глубокими чувствами одобрения или неодобрения. Столкновение с другой культурой ставит под угрозу нашу собственную. Естественная защитная реакция – избежать этой угрозы, сделав вывод о том, что наша культура лучше, тогда как другие люди менее цивилизованы (рис. 14).

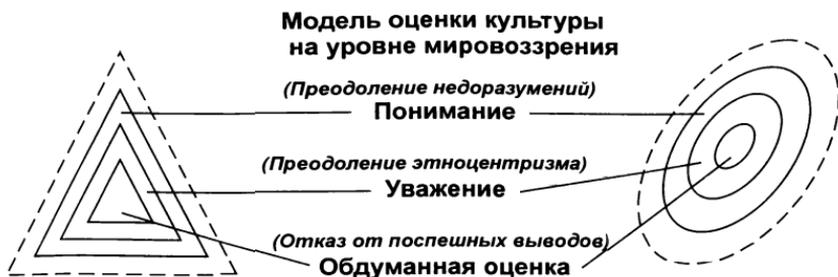
Однако этноцентризм – явление двустороннее. В то время как нам кажется, что другой народ примитивен, они считают нецивилизованными нас. Это можно проиллюстрировать таким образом. Некие американцы пригласили в ресторан гостившего в Америке индийского ученого, и один из них, никогда не бывавший за границей, задал неизбежный вопрос: «А правда, что в Индии едят руками?». Естественно, подтекстом шла невысказанная мысль, что есть руками нецивилизованно и неопрятно. Американцы берут руками ломтики моркови, чипсы и бутерброды, но ни в коем случае не картофельное пюре с подливой или жареное мясо. Индийский ученый ответил: «Понимаете, в Индии на это смотрят по-другому. Перед едой я всегда тщательно мою руки и ем только правой рукой. Кроме того, никто, кроме меня, не берет в рот мои пальцы. А когда я смотрю на ложку или вилку, у меня часто возникает вопрос, у скольких людей во рту она уже побывала!».

Этноцентризм всегда имеет место там, где присутствуют различия в культуре. Американцев приводит в шок, что в других странах нищие живут на улице. Другие народы ужасаются тому, что мы передаем заботу о стариках, больных и о телах умерших совершенно незнакомым людям.

Этноцентризм можно встретить и внутри одного общества. Родители и дети могут критиковать друг друга, поскольку они выросли в разных сегментах культуры. Люди одной национальности считают себя лучше других; городские жители критикуют деревенских; а люди высшего общества свысока смотрят на бедняков.

Решением проблемы этноцентризма является понимание друг друга. Для этого нужно научиться ценить различные культуры и их обычаи. Но чувство превосходства и негативное отношение к чужим обычаям залегает так глубоко, что от него не так-то просто избавиться. Один из способов преодоления этноцентризма – это стать учеником среди людей, к которым мы приехали, потому что чувство превосходства часто укоренено в незнании того, что жизнь можно строить по-другому. Еще один способ –

Оценка другой культуры

Помните: нельзя судить о чужой культуре на основании ценностей своей культуры. Мы должны оценивать ее с помощью 1) «бикультурной шкалы», которая не зависима ни от одной культуры и оценивает как ту, так и другую; 2) по Писанию и Божьему откровению.

Рисунок 15

это разобраться с философскими вопросами, поднимаемыми культурным плюрализмом. Если не изучать их, мы будем испытывать подсознательный страх перед другой культурой, ведь ее принятие поставит под сомнение уверенность в правильности нашей родной культуры. Третий способ преодоления этноцентризма – это избегать стереотипов, но видеть в каждом человеке личность, подобную нам. Понимание того, что все мы люди, устраняет множество преград в отношениях. И наконец, мы должны помнить, что люди любят свою культуру, и если мы хотим привести их ко Христу, это нужно делать в контексте их культуры.

**Жизнеспособный миссионер:
ученик, «меняла», рассказчик**

Дональд Н. Ларсон

Каждому миссионеру желательно выработать три роли, чтобы оказаться жизнеспособным среди местных неверующих: это ученик, «меняла» и рассказчик. Сначала лучше быть учеником. Через три месяца к этому можно добавить менялю, а еще через три – рассказчика. А еще через три месяца, оставаясь учеником, «менялой» и рассказчиком, можно принимать на себя остальные роли, которых требует ваша работа.

Позвольте пояснить. Если миссионер хочет оказывать на людей влияние, ему, как человеку постороннему, нужно найти путь к центру культуры. Одни роли помогут ему в этом, другие – нет. Его первооче-

редная задача – найти те роли, которые окажутся наиболее подходящими и эффективными. А затем он может начать искать способы рассказать о своей вере через те роли, в которых его принимают.

Ученик

Будучи учеником, я делаю особый акцент на изучении языка – главного средства общения в новой культуре. Если я пытаюсь его выучить, люди понимают, что я настроен серьезно, потому что прилагаю усилие к тому, чтобы общаться с ними понятным им образом. Каждый день я учу и применяю на практике что-то новое. Каждый день я разговариваю с новым человеком. Каждый день я говорю что-то новое. И так я постепенно достигаю того уровня, где меня начинают немного понимать, и я немного понимаю людей. За три месяца можно многому научиться.

Каждое утро я занимаюсь с учителем языка (мы занимаемся по готовой программе или по той, что я сам составляю). Он учит меня всему необходимому для разговора с людьми в течение дня. Я упражняюсь с ним по этому материалу и большую часть утра провожу в занятиях языком. Затем во второй половине дня я иду в общественные места и завожу все естественные знакомства с местными жителями, разговаривая с ними, насколько мне позволяет мое ограниченное знание языка, начиная с самого первого дня. Я завожу один разговор за другим и тем самым говорю им: «Я учусь. Пожалуйста, поговорите со мной и помогите мне». С каждым собеседником я усваиваю чуть-чуть больше и говорю чуть-чуть свободнее, начиная с самого первого дня.

В конце трех месяцев я поговорил уже с несколькими десятками людей, научился задавать простые вопросы, говорить о простых вещах, передвигаться по городу, угадывать значение новых слов, а самое главное – немного чувствовать себя на новом месте как дома. За три месяца я не могу выучить язык «полностью», но могу научиться заводить беседы, частично контролировать их и узнавать немного о языке от каждого, с кем встречаюсь.

«Меняла»

С началом четвертого месяца я беру на себя еще одну роль – я обмениваюсь опытом и знаниями с людьми моего нового места жительства. Теперь мы видим друг в друге часть человечества, а не просто членов разных народов или стран. К этой роли меня готовит проживание в различных местах или изучение антропологии и схожих наук. Я также вооружен альбомом фотографий, показывающих, как по-разному живут люди.

Следующие три месяца каждое утро я учусь описывать фотографии в своей коллекции с учителем языка. Этим я повышаю знание языка, заложенное в первые месяцы. Я учусь описывать эти фотографии и отвечать на возможные вопросы о них. Послеобеденное время я провожу в общении с людьми, используя фотографии в качестве наглядных пособий. Я рассказываю о том, как живут другие люди, чем они зараба-

тывают на жизнь, что делают на досуге, от чего им бывает больно и как они борются за выживание и полноценную жизнь.

В конце этой второй фазы я утверждаю себя не только в качестве ученика, но и в качестве того, кто интересуется другими людьми и желает обмениваться информацией. Мое знание языка все возрастает. Я знаколюсь со многими людьми. В зависимости от размера и сложности моего населенного пункта, я становлюсь хорошо известным человеком. Я становлюсь мостом между местными людьми и большим миром, по крайней мере символически.

Рассказчик

В начале седьмого месяца я снова перемещаю акцент на другую роль. Теперь я становлюсь рассказчиком. Каждое утро я провожу с учителем языка. Теперь я учусь рассказывать людям, с которыми встречаюсь, очень простую историю и по возможности отвечать на их вопросы. Истории, которые я рассказываю, говорят о блуждании израильского народа в пустыне, о пришествии Христа, об образовании нового Божьего народа, о том, как Церковь распространяется по всему миру, в том числе и здесь, и наконец, свою собственную историю встречи со Христом и жизненного пути. По утрам я составляю эти истории и активно заучиваю их. Затем после обеда я выхожу в людные места, как делал уже несколько месяцев, но теперь встречаюсь с людьми как рассказчик. Я по-прежнему являюсь учеником и «менялой», но теперь у меня добавилась еще одна роль – рассказчика. Каждый день я рассказываю свою историю как можно большему количеству людей.

К концу этой третьей фазы у меня уже есть знакомые и друзья. Со мной произошло множество того, что никогда не забудется. Я произвел положительное впечатление как ученик, «меняла» и рассказчик. Теперь я готов взять на себя новую роль, а затем – еще и еще.

Журнал «Миссиология» (№ 6, апрель 1978, с.158-161)

Преждевременные выводы

На когнитивном уровне появляются недопонимания, на аффективном – этноцентризм, а на оценочном уровне мы делаем поспешные выводы (рис. 15). Сталкиваясь с другой культурой, мы начинаем судить о ней прежде, чем научимся ценить и понимать ее. При этом мы пользуемся ценностями и мерилami своей собственной культуры, а не учитываем метакультурные рамки. Следовательно, другая культура кажется нам менее цивилизованной.

Культурная относительность. Преждевременные выводы, как правило, ошибочны. Более того, они закрывают дверь к дальнейшему общению и взаимопониманию. Каков же выход?

Научившись понимать и ценить другие культуры, антропологи стали уважать их за целостность и уникальные способы организации человеческой жизни. В одних обществах сильнее развиты технологии, в других крепче семьи. Но все они «работают», то есть делают жизнь возможной и осмысленной. Из признания целостности всех культур возникло понятие культурной относительности – мнение о том, что все культуры одинаково хороши и ни одна из них не может судить другие.

Позиция культурного релятивизма чрезвычайно привлекательна. Она оказывает уважение другим людям и их культуре и избегает ошибок этноцентризма и преждевременных выводов. Она также занимается сложными философскими вопросами истины и нравственности, при этом никого не осуждая и признавая за каждой культурой право искать свои собственные ответы. Однако полностью принимая относительность культуры, мы утрачиваем понятия об истине и праведности. Если все объяснения реальности одинаково оправданны, уже нельзя говорить об ошибке, и если всякое поведение оправдано контекстом своей культуры, уже нельзя говорить о грехе. Тогда нет надобности в Благой вести, а следовательно, и в миссии.

Какие же существуют альтернативы? Как нам избежать ошибок поспешных и этноцентричных суждений, при этом отстаивая то, что истинно и праведно?

За пределами относительности. Мы все больше понимаем, что человеческая мысль не свободна от оценочных суждений. Ученые ожидают друг от друга честности и открытости в публикации своих открытий и осторожности в выборе тем для исследования. Исследователи, занимающиеся общественными науками, должны уважать права своих клиентов и людей, которых изучают. Бизнесмены, правительственные чиновники и другие люди также имеют ценности, по которым живут. Мы не можем не делать суждений, и никакое общество не может существовать без них.

Но на каком основании можно судить другие культуры, не впадая в этноцентризм? Каждый человек имеет право на собственное мнение, в том числе относительно другой культуры. Но эти суждения должны быть хорошо обоснованы. Мы должны понять и оценить другую культуру *прежде*, чем судить ее. Вместо этого мы склонны судить преждевременно, основываясь на незнании и этноцентризме.

У христиан есть другие стандарты для оценки действительности, а именно, библейские нормы. Они являются божественным откровением и судят все культуры, одобряя сотворенное людьми добро и порицая зло. Естественно, неверующие люди могут отвергать библейские нормы, пользуясь своими собственными представлениями. Мы можем лишь свидетельствовать о Благой вести в духе любви, позволяя ей говорить за себя.

В конце концов, истина зависит не от того, что мы думаем или говорим, но от самой реальности. Когда мы свидетельствуем об истине, мы делаем это не с позиции нашего личного превосходства, но утверждаем евангельскую истину.

Но как нам избежать трактовки Писания с точки зрения собственной культуры? Как не допустить навязывания другим собственных культурных норм? Во-первых, нужно признать, что мы бываем предвзятыми в трактовке Писания, а потому важно быть открытыми к исправлению. Вдобавок к этому, нужно позволить Благой вести совершать свой труд в жизни новообращенных, а через них – и в их культуре. Ведь тот же самый Святой Дух, Который ведет нас, трудится в них, «наставляя их на всякую истину».

Во-вторых, нужно изучать ценности обеих культур: той, в которой служим, и своей собственной. Благодаря такому подходу можно выработать метакультурные рамки, которые позволят нам сравнивать и оценивать две культуры. Искреннее желание понять другую систему ценностей действительно помогает нам преодолеть узость монокультурной точки зрения. Это даст возможность ценить доброе в других системах и более критично относиться к своей собственной.

Поскольку культурная предвзятость сказывается даже на формировании метакультурной системы ценностей, на этом этапе важно просить помощи у зрелых христиан из другой культуры. Они лучше нас смогут увидеть наши пробелы в зрении, как и мы лучше видим их культурные предрассудки.

Критическая герменевтика, включающая в себя диалог между христианами из разных культур, может помочь всем нам развить более свободное от культурной предвзятости понимание открытых в Библии нравственных стандартов Бога. С одной стороны это сохранит нас от законничества и навязывания чуждых норм без учета конкретной ситуации. С другой – сохранит нас от ситуативной этики, которая по сути своей крайне относительна.

Интересно, что достичь такого межкультурного понимания Библии невозможно, если прежде не испытать разрушение личных монокультурных взглядов на истину и праведность. Когда мы впервые понимаем, что нормы другой культуры отличаются от наших, возникает желание отвергнуть их без какого-либо исследования, а свои собственные провозгласить библейскими. Но это только лишит нас возможности увидеть библейское решение для проблем другой культуры. Кроме того, это делает Благоую весть чужой для членов этой культуры.

В определенном смысле, свобода от монокультурных предрассудков приходит, когда мы понимаем, что ценности нашей культуры не абсолютны. Тогда мы начинаем больше ценить другие культуры. Но такие взгляды можно выработать лишь в том случае, если избегать преждевременных

суждений о другой культуре и стараться глубоко понять и полюбить ее прежде, чем судить о ней. Когда мы входим в другую культуру, то наша собственная больше не контролирует нас так, как раньше. Интересно, что, становясь людьми двух культур, мы начинаем больше ценить другую культуру и критичней относимся к своей собственной.

Пережив разрушение своих собственных культурных абсолютов и столкнувшись с бездной относительности, мы можем выйти за пределы как монокультурности, так и культурной относительности, к утверждению межкультурных норм Писания. Истинно метакультурный взгляд может также помочь нам приблизиться к библейской точке зрения в понимании реальности.

Оценка трех аспектов культуры. Всем людям свойственно выносить суждения о том, что истинно и что нет, что правильно и что нет, что им нравится и что нет. Миссионер должен научиться оценивать как свою, так и местную культуру во всех трех их измерениях.

На когнитивном уровне следует рассмотреть различные способы восприятия реальности, например, представления об охоте, земледелии, строительстве домов, воспроизведении потомства и болезнях. К примеру, в Южной Индии сельские жители верят, что болезни причиняют разгневанные местные богини. Следовательно, чтобы остановить эпидемию, нужно принести им жертвы. Понять поведение местных жителей можно, поняв, во что они верят, хотя для остановки эпидемии лучше выбрать достижения современной медицины. С другой стороны, изучив их знания об охоте на диких животных, мы, возможно, придем к выводу, что в этом местные понимают больше нас.

Кроме примет и целительства, важно изучать религиозные верования, потому что они будут влиять на их восприятие Писания. Возможно, в культуре уже имеются понятия о Боге, грехе, спасении, но их может быть недостаточно для верного понимания Благой вести.

На аффективном уровне мы обнаружим, что выражение «о вкусах не спорят» во многом справедливо. Некоторые народы любят острую пищу, другие – сладкую или соленую. Одни народы любят одежду ярких цветов и дома с остроугольной крышей, едят руками и смотрят спектакли. Другие выбирают темную одежду и плоские крыши, едят ложками и поют печальные песни. Но даже на этом уровне культура, предпочитающая мир и сострадание, может быть лучше той, что проповедует ненависть и месть.

На оценочном уровне «хороши» очень многие нормы культуры. Часто особенной ценностью является любовь к детям, забота о престарелых и помощь нуждающимся. Но, с другой стороны, есть нормы, противореча-

щие библейским ценностям, – такие как рабство, охота за головами, сжигание вдов на погребальных кострах или угнетение бедных.

В каждой культуре можно найти много ценного, что стоит не только сохранять, но и поощрять. Например, люди многих культур гораздо больше американцев ценят отношения между людьми и заботу о неимущих, чему мы можем у них поучиться. Мы также обнаружим «нейтральные» области, которое не стоит менять. В большинстве случаев деревянные дома не хуже кирпичных или глиняных, а платье ничем не лучше сари или саронга. Однако в любой культуре есть и порочные явления. Поскольку все люди грешны, не стоит удивляться тому, что созданные ими культуры и социальные структуры испорчены грехом. Бог желает преобразить не только людей, но и общественное устройство этого мира.

Жизнь в двух мирах

Становясь бикультурными людьми, мы чувствуем себя так, словно наш внутренний мир раздвоился. Как примирить эти два мира между собой?

Отвержение

Первый вариант – это отвергнуть один из них. Легче всего отвергнуть культуру, в которой мы служим. Естественно, мы не можем оставить это общество – в конце концов, мы приехали для миссионерской деятельности. Но мы можем отвергать местную культуру менее заметными способами. Например, заклеить ее как «примитивную», а в этом случае не стоит принимать ее всерьез. Можно попытаться воссоздать родную культуру у себя дома или в «миссионерских гетто», превратив их в островки безопасности в чужом море. Оба этих подхода закрывают двери для содержательного благовестия. Во-первых, люди очень скоро поймут, что мы не любим их. Во-вторых, Благая весть придет к ним, облаченная в «иностранные одежды».

Второй вариант – это отвергнуть свою собственную культуру и «прикинуться» местным. Может показаться, что это идеальный вариант. Разве нам не сказано полностью слиться с местным населением ради Благой вести? Однако этот подход обычно не приносит успеха по ряду причин. Во-первых, у нас могут быть неправильные мотивы отказа от своей культуры. Можно мучиться глубоким чувством вины за то, что мы из богатой страны. Ведь мы знаем, что Благая весть призывает нас жить скромно и помогать бедным. Однако с этой внутренней духовной проблемой лучше разобраться прежде, чем ехать на миссию. От нее не убежишь за границу. Возможно, мы ощущаем себя «белыми воронами» в своей стране, чужими среди своих соотечественников. Побег в другую страну не решит психологических проблем, вызывающих подобное отчуждение.

Во-вторых, в определенном отношении мы не сможем сделаться «местными», несмотря на все старания. Миссионер не похож на чистый лист бумаги, на котором можно писать новую культуру. Наша память уже заполнена записями нашего детства и юности. Отвержение прежней жизни означает подавление самих себя. Со временем это подавление вызовет озлобление, психические срывы, болезни. Слияние с другой культурой не может проходить путем отрицания какой-то части себя самого.

В-третьих, как бы мы ни старались, местные жители всегда будут считать нас иностранцами. Уильям Рейберн сделал такое открытие для себя после многих лет жизни с индейцами племени кечуа. Он одевался как они, ел их пищу, усвоил себе местную походку, но его все равно называли «патрончито». Несмотря на все усилия слиться с ними, они все равно считали его чужаком. Наконец, отчаявшись, он спросил их, почему они не принимают его за своего. Их вождь подошел к нему, обнял за плечо и прошептал: «Мы называем тебя "патрончито", потому что тебя не родила индейская женщина».

В-четвертых, отказ от своей культуры делает нас менее полезными для местной церкви в качестве мостиков с внешним миром. Становясь своими в новой культуре, мы становимся соперниками в борьбе за ресурсы и руководящие должности. Но будучи посторонними, сблизившимися с местным населением, мы являемся источником новых идей и защитниками, способными отстаивать их интересы в большом мире.

Некогда изолированные общества больше не могут жить в изоляции. Желая того или нет, они попадают в окутывающую мир экономическую и политическую паутину. Мало зная о том, как действует внешний мир, они часто становятся жертвами эксплуатации. Их выгоняют с их земель, потому что у них нет документов на владение землей; они вынуждены заниматься только земледелием, потому что им нужны деньги для уплаты налогов; они лишаются своей культуры, которую поглощают разрастающиеся города. Миссионер в этой ситуации может сыграть двойную роль: защищать народ и его культуру от внешнего вторжения и готовить их для встречи с современным миром, частью которого они рано или поздно станут.

Разделение

Другим вариантом решения проблемы жизни в двух мирах является разделение. Выбирая этот вариант, мы адаптируемся к той культуре, в которой живем, но разделяем в своем разуме разные культуры. Например, в Африке мы ведем себя по-африкански. В США же мы живем и думаем по-американски. Эти два мира мы и не пытаемся соединить.

Все люди двух культур используют разделение, и часто оно бывает самым быстрым решением проблемы жизни в двух мирах. Колин Тернбул

описывает современных состоятельных африканцев, рожденных и выросших в деревнях, которые сегодня живут в современных городских домах. Их городские жены одеваются по европейской моде и водят детей в англоязычные школы. Они водят машины, пьют виски, летают на реактивных самолетах и снимают номера в международных гостиницах. Однако, навещая своих деревенских родственников, они переодеваются в дашики, говорят на родном языке, едят традиционную пищу и в некоторых случаях имеют вторую и третью жен, которые воспитывают их детей в местных традициях. Тернбул описывает одного африканца, который жил в городе в двухэтажном доме. Второй этаж был оборудован по-современному, а первый – как принято в его племени!

Миссионеры также разделяют культурные миры. Нам приходится часто перемещаться из одной культуры в другую и из одного контекста в другой внутри одной культуры. Утром мы встречаемся с брахманами – вождями индийской деревни, днем – с неприкасаемыми, а на следующий день – с государственными чиновниками. Это требует умственного «переключения скоростей». Мы учимся жить в различных плоскостях и справляться со внутренним стрессом, вызванным перемещением из одной плоскости в другую.

Однако если разделение заходит слишком далеко, оно может иметь серьезные последствия. Во-первых, миссионера могут обвинить в двуличии и лицемерии. Эта опасность невелика, если люди одной культуры не видят нас в другой обстановке. Но рано или поздно это произойдет. Местные люди прочитают отчеты или статьи, которые мы пишем своим церквям, увидят нас в компании иностранных гостей или государственных чиновников. Если они заметят большую разницу в нашем поведении, то заподозрят нас в нечестности и в том, что мы стремимся походить на них не из любви, а для достижения каких-то своих целей.

Во-вторых, разделение не решает проблему внутреннего напряжения, которая возникает от жизни в двух мирах. Переход из одного контекста в другой сам по себе уже повышает стресс, но жизнь в двух культурах с противоречивыми верованиями, чувствами и ценностями вызывает серьезный внутренний конфликт. К примеру, на Западе учат уважать частную собственность, а нам приходится служить в обществе, где все: еда, одежда и инструменты – принадлежит группе и может использоваться всеми наравне. Постоянные переходы из одной культуры в другую вызывают внутреннюю путаницу и чувство неуверенности, а в крайних случаях ведут к кризису идентичности и к так называемой культурной шизофрении.

Разделение – это тактика, которую приходится использовать всем людям двух культур в некоторых сферах жизни, однако она не разрешает глубоких проблем, вызываемых проживанием в двух или более культурах.

Объединение

В долгосрочном плане наиболее эффективная стратегия – это работать над объединением двух культур в себе. Для этого нужны четко сформированные метакультурные рамки, позволяющие увидеть и принять хорошее и истинное в любой культуре и отвергнуть порочное и ложное. Кроме здорового восприятия культурного разнообразия, они также дают нам четкое понимание того, кем являемся мы, живя в двух культурах.

Для христиан метакультурный взгляд должен основываться на библейской истине. Божественное откровение должно лежать в основе всех наших верований, чувств и оценок. А история избавления Богом человечества должна быть общим фоном для понимания всей человеческой истории.

Положив это основание, мы также должны разрешить вопросы, возникающие из-за культурных различий, не только по отношению к миссии, но и к единству церкви. С одной стороны, церковь является многокультурной человеческой организацией, а с другой, это одно духовное тело. Христос разрушил разделяющие нас преграды, чтобы, несмотря на все различия, мы могли быть едины. Он делает относительными все культуры, потому что Он есть Царь и Судья всех людей.

Уровни отождествления с культурой

Христос преподавал нам Божий образец служения. Чтобы спасти нас, Бог сделался истинным человеком, не перестав при этом быть совершенным Богом (Флп. 2:5-8). Так и мы должны как можно ближе отождествить себя с людьми из целевой культуры, не идя при этом на компромисс со своей сущностью во Христе.

Образ жизни

Прежде всего, мы говорим об отождествлении, или сближении, на уровне образа жизни. Естественно, для этого нужно хорошо овладеть языком, потому что чужака более всего выдает речь с ломаными предложениями и тяжелым иностранным акцентом. В большинстве случаев можно одеваться как местное население, есть их пищу так, как едят они, и пользоваться их правилами этикета. Можно даже научиться жить в соответствии с их понятиями о времени и пространстве.

Многим миссионерам труднее приспособиться к местному жилью и транспорту. Поскольку людям с Запада нелегко преодолеть зависимость от автомобилей, на административных собраниях миссии очень часто поднимается вопрос об этом. Мы заявляем, что они повышают нашу эффектив-

ность, так как мы можем проповедовать на большем количестве собраний и делать больше, не изнуря при этом свое тело. Это может быть и так. Но все же стоит учитывать, что во многих странах машины имеются лишь у чиновников, богачей или «иностранцев». Кроме того, не стоит измерять успех количеством произнесенных проповедей и собраний, которые нам удалось посетить.

Дома могут представлять собой трудность в слиянии с местным населением. Мы привыкли к определенному типу домов, поэтому местное жилье нам часто кажется плохо спланированным для наших целей. Ванные не такие, кухня находится на дворе, прачечная представляет собой набор тазиков, а зал и спальня совмещены. Еще сложнее дается нам невозможность уединиться. На Западе дом служит таким личным «святилищем», в котором человек может укрыться, когда давление внешнего мира становится слишком сильным. Но у многих других народов двери дома всегда открыты для друзей и родственников, которые могут прийти без предупреждения, а потом без приглашения остаться на обед, да еще и на ужин. Кроме того, по дому постоянно перемещаются слуги.

Таким образом, нужно признать, что здесь наши возможности слияния с другой культурой ограничены – все зависит от разницы между культурами, от характера человека и особенностей местного населения. Легче полностью подстроиться под чужую культуру на короткое время: на год или два, чем на всю жизнь, да еще и с семьей. Кроме того, одним людям адаптироваться легче, чем другим. Нужно постараться сблизиться с культурой настолько это возможно, но не ценой душевного здоровья и служения. Нужно помнить и о том, что люди не всегда довольны своей культурой и могут искать лучшего образа жизни. Образ жизни миссионеров должен отражать не только местную культуру, но и посылы для местных жителей способы улучшить свою жизнь.

Самые сложные вопросы в сближении с культурой связаны с нашими детьми. Мы готовы пожертвовать собой, но правильно ли жертвовать детьми? Конечно, можно позволять детям играть с местными детишками, но как быть в вопросах учебы, свиданий и брака? Мы вернемся к этой теме в 9-й главе. Сейчас нам достаточно запомнить то, что, поскольку наши дети никогда полностью не смогут принадлежать родной нам культуре, дать им шанс узнать мир – возможно, один из самых больших подарков, которые мы можем им сделать.

Роли

Менее очевидной является необходимость работать с местными лидерами, а при случае и под их руководством. Как ни старайся сблизиться с местными жителями, если наше общественное положение выше их по-

ложения, то между нами будут стоять барьеры. Мы часто полагаем, что миссионер автоматически должен стоять во главе организации, в которой служит. Или что слова миссионера имеют больший вес, чем слова окружающих.

Очень важно, чтобы в уже существующих церквях миссионеры были готовы служить наравне с местными лидерами, а со временем и подчиниться им. Например, медсестры-миссионерки должны показывать уважение в работе с местными врачами, как и миссионеры-благовестники, которые служат под руководством местных руководителей церкви.

В таких ситуациях возникают проблемы. У местных лидеров церкви может и не быть видения на благовестие или основание церквей, а доктора могут быть больше заинтересованы в созидании своей собственной репутации, чем в благосостоянии пациентов. Но эти проблемы существуют в церквях по всему миру. В таких ситуациях нужно по возможности стараться принести перемены в существующую структуру, не идя при этом на компромисс со своим призванием. Подробнее мы разберем эти проблемы в главе 10.

Отношение к людям

Сближение не происходит автоматически, если мы живем как местное население и становимся частью их общественных структур. Оно начинается с нашего отношения к ним. Мы можем жить в похожих домах, работать под руководством местных лидеров и даже женить своих детей на их детях, но если мы чувствуем отдаленность от них и собственное превосходство, они вскоре это заметят. С другой стороны, если мы живем в «иностранных» домах и едим «инострannую» пищу, но действительно любим их, это тоже не останется незамеченным для них.

Искренняя любовь к людям поможет нам относиться к ним с уважением, доверяя им не только свои вещи, но и власть, и руководящие должности. Она не позволит нам смотреть на них свысока, словно они дети, а то и с презрением, словно они дикари. Она вселит в наши сердца глубокое желание рассказывать им вверенную нам Благую весть.

Сближение на уровне отношения к людям служит основой для всего прочего. Как ни странно, но когда мы действительно любим местных жителей и видим в них личности, подобные нам, то различия в образе жизни и положении уже не кажутся столь важными. Есть какая-то невидимая связь, соединяющая нас с ними. Такая любовь гораздо сильнее, чем чувство долга, помогает нам сблизиться с ними в служении и образе жизни. Для христианина в этом нет ничего нового. Как писал апостол Павел: «И если я раздам свое имение и отдам тело свое на сожжение, а любви не имею, то я ничто» (1 Кор. 13:3).

Культурные аксиомы западных миссионеров

Как мы убедились, две основные проблемы, с которыми сталкиваются миссионеры, прибывая в другую культуру, – это недопонимания и поспешные выводы. Опасность этих проблем в том, что мы к ним не готовы. У каждого из нас уже есть сложившиеся представления о действительности, поэтому мы редко задаем себе вопросы о том, видят ли другие реальность такой же, как и мы. Ведь кажется совершенно очевидным, что жизнь именно такова, какой мы ее воспринимаем.

Но другие люди видят мир по-иному и в своем восприятии реальности отталкиваются от других исходных предпосылок. Поэтому их мировоззрение – то, как они видят жизнь, – может коренным образом отличаться от нашего.

Как распознать ошибочные суждения, формирующиеся при контакте с другой культурой? Естественно, для этого нужно изучать эту культуру с тем, чтобы увидеть, как сами ее носители видят ее. Это должно стать делом всей нашей жизни.

Но не менее важно осознавать свое собственное мировоззрение. Может показаться, что мы уже все знаем о своей культуре и ее убеждениях. На самом деле это не так. Безусловно, мы многое знаем о своей культуре, но, как правило, редко осознаем те глубинные представления о природе реальности, на которых основывается наше понимание мира. Изучение собственного мировоззрения позволит выявить области непонимания и обнаружить проявления этноцентризма по отношению к другой культуре. Только так мы сможем построить мосты взаимного принятия с местными людьми.

Изучая мировоззрения

Если мировоззрение покоится на глубинных и часто неосознаваемых убеждениях, то можно ли его изучить? Это непростой вопрос. Естественно, наши выводы не всегда будут верными. Изучая культуру, мы делаем выводы о содержании ее основных аксиом на основании местных убеждений и обычаев. Для этого мы стараемся найти общие черты в многообразии верований и моделей поведения, объясняющие их наилучшим образом. Мы исследуем язык, чтобы выяснить категории, какими люди пользуются для организации мышления. Мы изучаем их символы и ритуалы, такие как праздники и обычаи, связанные с рождением, браком и смертью. Именно они часто раскрывают наиболее глубокие верования людей. Порой мы способны видеть аксиомы, лежащие в основе другой культуры, лучше, чем свои собственные. Родную культуру мы впитываем еще в детском возрасте, поэтому принимаем ее аксиомы как нечто само собой разумеющееся. Точно так же, иностранцы видят наши аксиомы гораздо лучше нас, поэтому важно прислушиваться к тому, что они говорят о нас. Первой нашей реакцией обычно бывает желание отвергнуть их наблюдения как слишком критичные. Однако, поразмыслив, мы часто соглашаемся с ними.

Мы также начинаем видеть свою культуру намного четче, когда возвращаемся домой из-за границы. Как мы уже видели, вхождение в другую культуру заставляет нас в какой-то степени отрешиться от своей собственной. Когда же мы возвращаемся домой, то словно видим ее новыми глазами.

Существует несколько способов изучения мировоззрения. Самый простой из них (мы будем пользоваться именно им) – это искать общие темы, проходящие через всю культуру. Эти темы выражаются по-разному во многих сферах жизни. Например, изучая североамериканскую культуру, можно сделать вывод, что люди в ней стремятся к удобству и материальному благосостоянию. Это видно в том, какие дома они строят, какие автомобили приобретают и какие товары доступны в магазинах. Это проявляется и в том, что статус человека оценивается по его материальному положению, как и в том, что им бывает трудно приспособиться к условиям жизни в других странах мира.

Североамериканское мировоззрение в сопоставлении с другими взглядами на мир

Каковы главные темы американского мировоззрения и как они сопоставляются с главными темами в других культурах? Чтобы лучше справиться с этой задачей, мы предельно упростим ее. В Северной Америке

существует множество культур, лейтмотивы которых значительно различаются. В лучшем случае можно предложить некоторые главные темы, присущие доминирующей в США культуре, особенно ее среднему классу, но при этом необходимо помнить о множестве существующих исключений.

Время от времени мы будем ссылаться на лейтмотивы из других культур, чтобы оттенить главные темы путем сравнения. Естественно, многое из сказанного ниже представляет собой широкие обобщения, и все же они могут помочь нам задуматься о своем мировоззрении и его отличиях от других взглядов на мир. Каждый из нас должен подробно исследовать аксиомы собственной культуры, как и аксиомы тех людей, среди которых мы трудимся и строим мосты взаимопонимания и уважения.

Реальный и рациональный мир

Большинство американцев убеждены в том, что мы живем в реальном существующем мире вне нас самих. Этот мир рационален, упорядочен и подчинен законам природы, которые могут быть исследованы и объяснены человеческим разумом. Материя подчиняется законам физики и химии, а животный мир – законам биологии, психологии и социологии. Важность науки в нашем обществе является одним из доказательств такого убеждения.

Поскольку мир реален, мы принимаем историю всерьез. Мы четко разделяем реальные события и мифы, факты и вымысел, реальность и сны или иллюзии. Такое восприятие реальности основано на иудео-христианском убеждении в том, что Бог сотворил вселенную, которая существует отдельно от Него, но зависит от Него. Оно прямо противоположно мировоззрению людей в Южной и Юго-Восточной Азии, где внешний мир представляется иллюзией, «сном бога». Люди существуют лишь как проекции этих сновидений. Чтобы раскрыть реальность, нужно заглянуть вглубь себя посредством медитации и понять, что люди – лишь часть единого вселенского духа. Понятно, что в таком мире люди мало что могут узнать об истине путем систематизированного научного исследования окружающего мира.

Естественно, что ссылки на историю для доказательства истинности Благой вести не являются аргументом для тех, кому сама история кажется лишь плодом воображения. Для таких людей библейские истории являются мифом, а не реальными фактами.

«Картезианский» дуализм. Когда Благой весть была принята эллинистической культурой с преобладающим в ней неоплатоническим мировоззрением, она подверглась определенному истолкованию. Библейский дуализм, разделяющий Бога и творение (включающее в себя духов, людей и природу), был вытеснен противопоставлением духа и материи, души и

тела. Этот греческий дуализм господствовал в западной мысли с XVII века и привел к резкому разграничению между наукой и религией.

Изначально наука рассматривалась как служительница христианского богословия. Однако со временем она обрела независимость и заняла главенствующее положение в современном мире. Сегодня многие люди на Западе прибегают к науке для объяснения реальности, ограничивая религию сферой чудес, видений и других «высших материй», таких как сотворение мира и загробная жизнь.

По этой причине западные миссионеры часто отделяли «духовное служение», то есть благовестие и пасторскую работу, от «социального евангелия», которое занимается материальными проблемами этого мира. В церкви они проповедовали Благоую весть, но в открываемых ими школах и больницах пользовались исключительно наукой. В результате они непреднамеренно содействовали распространению секуляризма, потому что люди принимали предлагаемые миссионерами достижения науки, отвергая при этом их религиозное учение.

Большинство культур не проводят четкой границы между естественным и сверхъестественным: с их точки зрения, сверхъестественное пронизывает естественное. Поэтому мы не должны удивляться тому, что христиане из этих культур в некотором смысле понимают библейскую весть лучше нас, так как не противопоставляют «духовный» и «человеческий» аспекты Благой вести.

Человек и природа. Американцы проводят четкую границу между человеком и другими формами жизни. Мы считаем, что люди имеют особую ценность. Такой подход отчасти уходит корнями в христианское наследие и сформировался благодаря представлению о том, что люди обладают бессмертной душой. Эта идея прямо противоположна взглядам многих других народов, которые рассматривают человека как один из многих видов жизни. Природа как таковая считается живой. Животные и даже неодушевленные предметы имеют дух, так что человек ничем не выделяется среди растений, гор, камней и рек.

Поскольку большинство американцев считают человека особым творением, они ставят его во главе природы. Человек должен подчинить ее и заставить служить себе. Эдвард Стюарт комментирует:

Страстное стремление американцев контролировать физический мир не имеет параллелей в других культурах. Отчетливей всего оно проявляется в сугубо «инженерном», технологическом подходе к природе, обществу, человеку. Считается, что власть над законами природы дана людям ради приобретения материальных благ.

С одной стороны, подобное отношение к миру побудило американцев исследовать мир, развивать науку и технологии. Ментальность «борьбы с природой», которая заставляет людей «укрощать стихию», «бороться с болезнями» и «покорять космос», тоже проистекает отсюда. С другой стороны, ее следствиями стали пагубная эксплуатация природы и пренебрежение состоянием экологии.

Во многих обществах отношения между человеком и природой воспринимаются иначе. В большей части Азиатско-Тихоокеанского региона люди считают себя частью природы, а не противопоставляют себя ей. Например, в Америке дома строятся так, что они возвышаются над всем окружающим, а в Японии формы и линии домов, наоборот, подчеркивают единство природной среды и человеческих построек.

Ветхозаветные иудеи считали себя садовниками природы. Они полагали, что природа блага и добра, а Божья заповедь «подчинять» себе землю не означает борьбу с ней. Напротив, люди призваны к тому, чтобы заботиться о природе. Западные христиане обязаны своим представлением о враждебности природы в большей степени греческой философии, чем Библии.

Есть также культуры, в которых люди видят свою задачу не в контроле над миром природы и не в слиянии с ним. Напротив, они считают себя поработанными им. Например, колумбийские метисы считают природу одушевленной присутствием духов и опасной.

Солнце, луна, звезды, ветер и дождь, жара и холод, свет и тень – все это может пагубно влиять на тело и разум. Прохладный воздух около реки и жар от нагретых камней опасны так же, как тени некоторых деревьев и сырость леса. Опасности видятся в природе повсюду, а попытка их понять и преодолеть рассматривается как безрассудство.

Поэтому люди занимают позицию подозрительности и беспомощности, что распространяется не только на физическую среду их обитания, но и на общественно-политическую жизнь.

Материализм. Поскольку мы проводим границу между духовной и материальной реальностью, нас не должно удивлять, что американцы склонны оценивать людей по тому, чем те обладают. Мы измеряем успех человека в основном количеством его материальных благ. Более того, счастье мы приравниваем в большей степени к материальному состоянию, чем к интеллектуальному и духовному благополучию. Кондоун и Юсеф пишут: «Стремление к счастью в представлении многих американцев означает накопление имущества и физического комфорта».

Такой акцент на материальном богатстве можно увидеть на примере американского бизнеса. Как правило, высшей ценностью в нем является прибыль, а не благосостояние работников. Престарелым, инвалидам или

отстающим трудно найти место в такой системе. Когда компании переживают кризис, работники низшего звена попадают под сокращение гораздо раньше, чем урезается зарплата топ-менеджеров.

Находясь за границей, американцы оценивают другие культуры по уровню их технологического развития. Стюарт отмечает, что «американец за границей практически неизбежно будет оценивать местное общество по собственным стандартам материального благосостояния, в его представлении понимаемого как достаток, комфорт, здоровье». Сравнивая свою культуру с той, в которой служат, миссионеры обращают внимание на повозки и велосипеды вместо автомобилей, керосиновые лампы вместо электричества, костры и сушеные продукты вместо газовых плит и холодильников. Естественно, мы делаем вывод о том, что мы цивилизованнее.

Стюарт отмечает, что американцы убеждены в том, что имеют право на материальное благосостояние и физический комфорт. Они ожидают, что передвижение будет быстрым и удобным, пища – чистой и здоровой, а дома – комфортабельными и оборудованными бытовой техникой, центральным отоплением и горячей водой.

Право на личное владение имуществом. Акцент на материальном связан с глубоким убеждением, что имущество может находиться в личной собственности. Мы покупаем землю, дома, машины и другие вещи, так что они становятся нашими и ими никто не может пользоваться без нашего разрешения. Мы можем также продать их, не получая разрешения от родственников или соседей.

Концепция личной собственности прямо противоположна представлениям большей части племенных сообществ, у которых земля, лодки, дома и даже пища принадлежат широкой группе людей: семье, роду, а то и целому племени. Имуществом можно пользоваться, но продавать его нельзя. В качестве примера можно привести недавний отказ одного племени американских индейцев продавать свои земли. По утверждению старейшин, ныне живущие и их предки были не против продажи, но с ней не согласились еще не рожденные члены племени, потому что в случае продажи земли именно они потерпят урон.

Миссионеры часто не понимают смысла общинного владения имуществом. Например, они ищут возможности купить землю, а затем пытаются продать дома, которые построили на ней, но во многих племенах все это всегда принадлежало группе людей. Или миссионеры не разрешают окружающим пользоваться своими вещами и брать без спросу еду из своих запасов, за что их, естественно, считают скупыми.

Прогресс. В большинстве своем американцы верят в прогресс. Мы стремимся к лучшей жизни, и прежде всего в материальном плане. Мы считаем, что главные проблемы этого мира – технологические, а значит, исправить их можно, имея больше денег и проводя больше научных исследований. «Прогресс» означает комфорт, здоровье, высокий уровень жизни для всех, отсутствие трудностей и опасностей. Мы убеждены, что в мире достаточно ресурсов для того, чтобы все люди так жили.

Джордж Фостер выяснил, что в земледельческих общинах люди считают основные ресурсы – землю, богатство, здоровье, дружбу, власть, положение и безопасность – ограниченными и недостаточными для всех. Следовательно, жизнь представляет собой соперничество, в результате чего появляется подозрительность к окружающим и убеждение, что, если один вырывается вперед, остальные начинают проигрывать. В таком обществе не поощряется усердная работа с целью преуспевания. Напротив, людей поощряют поддерживать существующее положение вещей и ничего не менять, а преуспевающих часто бойкотируют.

Аналитический подход

Американцы любят анализировать жизнь. Мы считаем, что мир не только реален, но и упорядочен. Мы считаем, что при тщательном исследовании можно понять, почему происходит то или иное, и исправить то, что идет не так.

Важнейшим способом такого анализа является наука. Мы пользуемся ее методами, чтобы разделить окружающий мир на категории и установить причинно-следственные связи между явлениями. Полученные таким образом знания становятся инструментом, с помощью которого мы контролируем мир вокруг себя. Когда возникают проблемы, мы полагаем, что их можно решить, если будет достаточно времени и денег.

Аналитический подход к разрешению проблем распространяется практически на все области жизни на Западе. Когда происходит несчастный случай, мы хотим выяснить, почему это случилось и кто виноват. В быту мы хотим знать, кто оставил включенным свет или открытой дверь, чтобы определить «виновного». Если какая-то организация испытывает трудности или не достигает поставленных целей, мы полагаем, что есть проблема, которую следует решить. Все это подразумевает веру в упорядоченность мира и в то, что люди способны распознать этот порядок и при необходимости повлиять на обстоятельства.

Во многих других культурах мир видится как непознаваемый по своей сути или неподвластный человеку. С нашей точки зрения это фатализм, ведь люди в таких обществах не прилагают практически никаких усилий для изменения жизни. Но так они видят мир. Другие народы видят мир как множество взаимосвязанных причин и следствий. Поэтому планировать

что-то очень сложно, а вину за происходящее просто невозможно возложить на какое-то одно обстоятельство, человека или причину.

Мышление противопоставлениями. Анализируя жизнь, американцы сортируют реальность на противоположные категории, часто приписывая им нравственную оценку. Вот как об этом говорят Аренсберг и Нихофф:

Особенностью западного мышления являются двусторонние суждения: нравственно – безнравственно, законно – незаконно, правильно – неправильно, грех – добродетель, успех – неудача, чистый – грязный, цивилизованный – примитивный, практичный – непрактичный, интроверт – экстраверт, светский – религиозный, христианский – языческий. Как правило, эти категории либо положительны, либо отрицательны с моральной точки зрения. Положительная характеристика ситуации или действия оправдывает наши усилия в этом направлении, а отрицательная оправдывает противоположные действия.

К примеру, множество американцев убеждены, что другие страны должны быть либо на стороне США, либо на стороне Советского Союза.¹ При этом они не оставляют места для политического нейтралитета тех стран, которые хотят идти своим собственным путем и иметь дружеские отношения с обеими державами.

Американцы также проводят четкое разграничение между работой и отдыхом. На работе люди зарабатывают на жизнь, подчиняются шефу и постоянно заняты. Отдых – это возможность расслабиться и насладиться жизнью; во время отдыха можно делать все, что угодно.

Работа занимает важное место в жизни среднего американца. Не иметь работы – значит быть социальным изгоем. Один индийский антрополог, изучавший жизнь американской деревни, выяснил, что, когда он пытался заговорить с людьми на улицах, те просто игнорировали его. Когда же он нанялся на работу к одному местному фермеру, то стал в этом обществе своим.

Отдых сильно отличается от работы во многих отношениях. Как пишут Аренсберг и Нихофф:

Большинство людей, занятых в сельском хозяйстве, предпринимательстве или производстве, воспринимают работу как обязанность, которую приходится выполнять ради денег, ради достижений или успеха, нравится им это или нет. Работа имеет положительную ценность, ведь «человек должен быть занят делом».

Отдых – это совсем другое дело. Это отдушина от работы, не имеющая особой цели, кроме как сделать работу более эффективной. Мы приписываем

---

¹ Первое издание книги вышло в 1985 году, в разгар «холодной войны».

ваем отдыху меньшую ценность, поэтому, когда наступает время трудиться, отдых и развлечения нужно отложить в сторону.

Таким образом, работа является серьезной частью жизни, а отдых – развлечением. На работе мы словно автоматы, а на отдыхе снова становимся личностями. Подобное разделение между работой и отдыхом непостижимо в тех культурах, где работа и отдых тесно переплетаются в повседневной жизни. Постройка дома или рыбная ловля становятся поводом для всей общины вместе поработать, попеть и потанцевать, а весенний сев является общественным мероприятием, где люди поют и общаются.

Еще одно разграничение, характерное для американской культуры, это различие между общественной и частной жизнью. В обществе мы занимаемся бизнесом, политикой и другой деятельностью; здесь мы должны подчиняться общественным нормам и вести себя наилучшим образом. В отличие от этого, дом – это своего рода убежище, где мы можем выражать себя, как того хотим. До недавнего времени только мужчины могли проявить себя в общественной сфере, тогда как женщины должны были содержать дом (т.е. частную сферу), где мужчина мог бы отдохнуть после тяжелого трудового дня.

Планирование. В рациональном и упорядоченном мире вполне возможно планировать будущее: ставить цели и достигать их, предвидеть проблемы и предупреждать их. Поэтому очень важно планировать наперед.

Мы также верим, что у людей есть право выбора. Жизнь подконтрольна человеку, и он может сделать все, что действительно захочет. Но выбор влечет за собой ответственность. В Америке много усилий тратится на поиск виновного. Тем, кто добивается успеха, аплодируют, а те, кто терпит неудачу, подвергаются осуждению.

Учитывая нашу склонность к планированию, не стоит удивляться, если жизнь в стране, где люди не привыкли планировать наперед, вызывает раздражение. Еще более нас раздражает то, что во многих культурах люди не только не планируют, но и считают это неправильным. По мнению некоторых антропологов, сегодня Запад в большем объеме, чем технологии, экспортирует управленческие навыки, основанные на планировании и руководстве организацией.

Прагматизм. Подходя к жизни с точки зрения «проблема-решение», мы склонны рассматривать несколько вариантов действий. При выборе из этого спектра решений нас больше интересует, какое из них «работает», а не какое правильное. Прагматизм проявляется и в том, что мы редко задумываемся, являются ли преследуемые нами цели стоящими сами по себе.

Мы лишь хотим знать, как достичь цели, а средства ее достижения автоматически признаем хорошими, если они эффективны.

В большинстве других культур такой подход считается неправильным. Люди убеждены, что быть хорошим человеком и строить отношения куда важнее, чем эффективно выполнять работу, и что неверно пользоваться сомнительными методами для достижения благих целей. Естественно, нас оценивают по тому, как мы поступаем и обращаемся с окружающими. Мы можем достичь больших успехов в выполнении своей работы, но, если наш образ жизни не отражает наших слов, люди не воспримут их всерьез. Дж.Ф. Вайсдем пишет о своем опыте основателя церкви в Новой Гвинее так:

Бог приходит к людям в лице Своих посланников. Именно по их поведению они судят о Боге. Если миссионерам удастся войти в жизнь туземцев, приспособиться к их быту, выучить их язык и стать для папуасов друзьями, советниками и помощниками, то это доверие к миссионерам со временем перейдет и на Бога. Ведь о Нем неизбежно судят по миссионерам.

Механистическое мировоззрение

Американцы склонны представлять себе природу в виде механизма, действия различных частей которого определяются внешними силами. Этот механистический взгляд на реальность появился в шестнадцатом веке как раздел физики. Первым разделом физики и была механика. Позднее представители общественных наук, ориентируясь на успех естественных наук, приняли механистические модели людей и обществ.

По словам П. Бергера, механистический взгляд на мир, доминирующий в нашем мышлении, проявляется в двух отличительных чертах американского общества: индустрия и бюрократия. Индустрия относится к природе как к механизму и формирует ее соответственно своим целям. Считается, что она состоит из безжизненных атомов и химических элементов, контролируемых безличными силами. Бюрократия организует деятельность людей так, словно они винтики в машине. Бюрократический подход ориентируется на стандартные роли, например секретарей, шахтеров или медсестер, так что люди становятся взаимозаменяемыми, как болтики в автомобиле. Мы не хотим, чтобы сотрудники приносили на работу личные проблемы, ведь в этом случае нам придется обращаться с ними как с людьми.

В механистическом мире можно контролировать и людей, и природу, если знать правильные формулы. Чтобы владеть ситуацией и преследовать свои цели, не обязательно постоянно согласовывать их с окружающими.

На работе главным является выполнение функций, а не построение взаимоотношений.

Такой механистический подход прямо противоположен большинству мировоззрений мира, которые относятся к природе и людям как к живым существам. В таких обществах жизнь полна взаимосвязей, над которыми человек имеет лишь ограниченный контроль. Отношения ценятся больше работы. Не удивительно, что в этих культурах американцы считаются обезличенными и невежливыми. Когда местные жители бывают в гостях у миссионеров, те настолько заняты работой, что не имеют времени на общение с ними. По мнению местных жителей, это говорит о неверно расставленных приоритетах. Разве отношения не важнее работы?

Производство и прибыль. Вот основные ценности индустрии и бюрократии, критерии их успешности. Поэтому работа и активная деятельность чрезвычайно важны, ведь нужно быть при деле. Праздность и лень относятся к числу наиболее тяжких грехов в нашей культуре. Неудивительно, что, как отмечают исследователи Уорнер, Микер и Илз, статус человека в нашем обществе оценивается в основном по его профессии и доходу.

В большинстве других стран мира понятия *быть* и *становиться* важнее, чем *делать*. К созерцателям относятся с большим почтением. В отличие от героев американской публики, таких как спортсмены, рок-звезды и бизнесмены, достигшие большого успеха, особым уважением пользуются интеллектуалы, мистики и гуру. По этой причине, приезжая за границу, американцы часто сталкиваются с непониманием, особенно в сфере руководства. Они склонны искать молодых, энергичных и влиятельных людей, ориентированных на деятельность. На Востоке же прислушиваются к мудрости пожилых и опытных людей, которые не спешат с ответом.

Количественная оценка. Еще одной характеристикой механистического мировоззрения является измеримость. Без оценки количества сложно оценить выработку и прибыль. Как отмечает Стюарт:

Статистика измеряет все: успех и неудачу, работоспособность, ум, таланты, количество выполненной работы. Количественная оценка жизни глубоко укоренилась в умах американцев. Лишь с большим трудом они могут понять реакцию окружающих на такое отношение к жизни. По мнению многих иностранцев, статистическое описание, скажем, монумента Вашингтону только уничтожит произведенное им впечатление.

Наряду с количественной оценкой подчеркивается масштаб: чем больше, тем лучше. Величие приписывается тем, кто может собрать больше денег, выиграть больше игр или победить в более масштабных сражениях. Такой акцент на величии кажется помпезным в тех странах, где подчерки-

ваеся простота и равновесие, где величие оценивают качествами, которые не всегда легко измерить.

«Конвейерный» менталитет. Важной частью механистического подхода к производству является конвейерный менталитет. П. Бергер указывает на то, что в бюрократии, как и в индустрии, вся работа расчленена на отдельные действия, поставленные одно за другим и выполняемые разными людьми. Такая стандартизация процедур позволяет каждый раз получать одни и те же результаты.

Разделение работы на отдельные задания ведет к специализации. На заводе один человек устанавливает на автомобиль колеса, другой – бампер. В больнице один доктор лечит желудок, другой – глаза или горло.

Подобная фрагментация работы совершенно чужда обществам, где основную роль играет ремесленничество. Как правило, там один и тот же человек производит весь предмет целиком: вначале он представляет себе маску или каноэ, а затем работает над воплощением своего видения. Созданное им является частью его самого. Он художник.

Индивидуализм

Одной из стержневых тем американского мировоззрения является представление о том, что человек – важнейший элемент общества. Каждый из нас – индивидуум, уникальная личность. С раннего детства нас учат самостоятельно думать и принимать решения, мы имеем личные вещи, нас поощряют отстаивать свои права. Даже в группе каждый человек призван сохранять свою индивидуальность. Эдвард Стюарт пишет:

Эгоцентризм ребенка редко ставится под сомнение. Мы считаем очевидным, что каждая личность имеет право принимать решения, владеть имуществом, решать свои проблемы, и вообще смотреть на мир со своей точки зрения.

С индивидуализмом тесно связаны убеждения о том, что каждый человек ценен и что все люди имеют неотъемлемое право на жизнь, свободу и стремление к счастью. Но на Востоке и во многих племенах основным кирпичиком общества является не человек, а группа. Люди рассматривают себя не как отдельную личность, а как часть группы, к которой принадлежат. Личность не мыслится в противопоставлении или отлично от социального звена. К примеру, японцы находят себя только в группе, к которой принадлежат. Так как они задействованы в различных группах, у них есть разные «лица». В подобных ситуациях первое место занимают такие ценности, как сохранение достоинства, уважения к другим, честь и гармоничные отношения. Больше всего ценятся те человеческие качества,

которые способствуют сохранению преданности группе и поддержанию благоприятных общественных отношений. Качества, необходимые для достижения определенных личных целей, второстепенны. Естественно, это будет совершенно непонятно американцу, предложившему объективный и конкретный способ решения той или иной проблемы, который был отвергнут лишь для того, чтобы сохранить чью-то репутацию.

Поиск собственной идентичности. Одна из черт, которую часто замечают в нас иностранцы, – это то, что американцы постоянно находятся в поиске своей идентичности. Поскольку каждый из нас – автономная личность, то наша самооценка во многом привязана к тому, чего мы достигли в жизни. Как следствие, мы испытываем большую потребность в достижениях, желание стать кем-то. Наше общество не поощряет людей с недостатком мотивации.

Акцент на личных достижениях тесно связан с идеей конкуренции между людьми, будь то за материальные ценности, статус или власть, а также с понятием о свободном предпринимательстве. В мире, в котором считается, что всегда можно получить больше материальных благ, чем есть сейчас, приобретение одного человека не обязательно означает ущерб для другого. Поэтому даже проигравшим конкуренция не кажется несправедливой. Мы верим, что выиграть можем каждый, если имеет достаточно сильную мотивацию и усердие.

Поиск своей идентичности несвойственен тем обществам, где основной единицей является социальная группа, а не индивид. Человек с рождения является частью группы и поэтому понимает себя в ее рамках. Индивидуум знает, кто он, потому что принадлежит к определенной семье, роду или клану, которые обладают в его племени определенным статусом. Он знает, что все важные решения по поводу его жизни – такие как брак, местожительство и работа – будут приниматься группой. Хотя это может ограничивать личную свободу, его учат, что самореализация и личностный рост должны всегда уступать место интересам группы. Это, конечно же, противоречит убеждениям миссионеров, поэтому они могут попытаться убедить такого человека бороться за свои права.

Самодостаточность. Американцы воспитываются так, что привыкают надеяться только на самих себя. Френсис Хсу, китайский антрополог, отмечает, что больше всего американцы опасаются остаться без средств и в итоге стать зависимыми от других людей. Когда ломается автомобиль, мы предпочитаем не обращаться за помощью к знакомым. Когда нужны деньги, мы скорее возьмем кредит в банке, чем попросим взаймы у родственника. Далее, если окружающие просят нас о помощи, мы склонны

относиться к такой просьбе серьезно, потому что понимаем, что для этого есть веские причины. Тем не менее нас возмущает, когда кто-то постоянно просит займы, посидеть с их ребенком или куда-то подвезти. Мы ожидаем, что каждый должен сам о себе заботиться.

Упование на самих себя тесно связано с такими американскими ценностями, как независимость, самореализация и личное развитие. Однако даже в США мы находим свою идентичность и самореализацию во многом благодаря другим людям. Как нам удастся объединяться в сообщества при нашем индивидуализме? Отчасти мы делаем это, добровольно присоединяясь к группам, объединенным общими целями или интересами. Членство в таких группах приобретает не по праву рождения или власти, а путем добровольного подчинения группе. Следовательно, нас не должно удивлять, что, хотя многие американцы делают акцент на правах индивидуума, на практике они подчиняются группам, частью которых являются. Мало кто осмеливается быть не таким, как все. Экцентricность – удел тех, кто четко понимает, кто они и какое место в обществе занимают.

Во многих культурах умение полагаться только на себя не всегда расценивается как положительное качество. На Востоке или в Латинской Америке, где существуют крепкие семейные и социальные связи, независимость характерна лишь для одиночек и антисоциальных типов.

В Южной Азии зависимость лежит в основе идеальных отношений. Яркий пример – это отношения *патрон-клиент*. Подобно родителю, патрон полностью отвечает за благосостояние своих клиентов. Он обеспечивает их питанием и небольшим доходом, обязуется выдавать им одежду и одеяла, когда изнашиваются старые, выделяет дополнительную долю риса к празднику и солому для скота. В сущности, клиенты могут просить патрона обо всем, что, по их мнению, он в силах дать, однако это не считается попрошайничеством – ведь христиане тоже не считают, что попрошайничают, прося помощи у Бога.

Со своей стороны, клиенты должны быть полностью верны своему патрону. Они должны работать на него без дополнительной платы всякий раз, когда тому понадобится рабочая сила. Они должны голосовать, а если понадобится, и сражаться за него. При этом клиенты обеспечены гарантированной работой, с которой их не могут уволить. Многие наследуют от родителей право служить определенному патрону. От этих отношений выгоду получают как клиенты, так и патрон. Патрон приобретает влияние и престиж в обществе, а клиент – стабильность и безопасность.

Разница во мнениях о том, что составляет хорошие отношения, приводит к серьезным непониманиям между американцами и азиатами. Американцам не нравится полностью отвечать за своих работников. Они истолковывают просьбы рабочих как попрошайничество. Азиаты же, напротив,

считают нас холодными и безразличными, если мы не желаем строить глубокие, долговечные отношения, подразумевающие полное посвящение друг другу. Американские отношения воспринимаются как поверхностные, потому что ограничиваются только приятельскими отношениями.

Договорные объединения. В обществе, в котором ценятся индивидуализм и личные достижения, отношения не часто бывают крепкими. Мы участвуем в групповой деятельности как автономные личности, объединенные общей деятельностью, а не как коллектив, в котором наши личные права и интересы подчинены правам и интересам группы. Стюарт пишет:

[Американцы] не отдадут себя целиком и полностью какой-либо группе или организации. Они преследуют свои личные цели, сотрудничая с другими людьми, тоже преследующими свои цели. Они принимают цели группы, но если их ожидания не исполняются, они не боятся оставить одну группу и присоединиться к другой.

Такая преданность личным интересам заметна в наших отношениях с родственниками и друзьями. Когда нам удастся найти работу получше, но требующую переезда в другое место, мы готовы оставить друзей и родственников ради карьеры и более высоких доходов. Результатом является высокая мобильность и склонность ограничивать групповую деятельность поверхностными отношениями в добровольных объединениях, из которых мы можем уйти, когда захотим. Мы присоединяемся к ним для удовлетворения свои нужд и уходим, если этого не происходит. Как отмечает Френсис Хсу, основная форма общественной организации в США – это клуб. Клубы служат практически для любых целей. Существуют спортивные клубы, бизнес-ассоциации, компании друзей, группы по интересам, профессиональные общества и специальные рабочие группы, такие как Американское онкологическое общество. Даже церкви мы считаем добровольными организациями, а не группами, основанными на родственных связях и рождении.

Во многих добровольных ассоциациях отношения бывают поверхностными, и сами ассоциации недолговечны. Другие группы, такие как школы, больницы и предприятия, становятся официальными учреждениями с четко организованными ролями и имуществом и существуют дольше. Но даже в этих группах отношения часто бывают поверхностными и ограничены лишь определенными областями жизни, такими как работа, спорт и политика, а люди оставляют за собой право уйти, если они этого захотят.

Подобное понимание добровольности кажется странным в тех обществах, где самые главные отношения передаются по наследству,

а самые крепкие связи соединяют человека с его родственниками и местным сообществом. Эти связи гарантируют долговечность групп, восполняющих все основные нужды человека, но требующих взамен его полной преданности. Личность не может формировать поверхностные связи с совершенно незнакомыми людьми, которые могут оказаться врагами. Хотя во многих случаях чужакам позволено влиться в общину если их принимает какое-то семейство. Например, бывают случаи, когда миссионеров принимают в члены местного племени, после чего они перестают считаться чужаками.

Необходимость в одобрении другими. Американцы хотят нравиться окружающим: в этом они видят признак успеха в общественных отношениях. Поскольку нас волнует, что думают о нас окружающие, мы видим одобрение или порицание в каждом их слове и жесте. «Радостно пожать руку», «с готовностью улыбнуться», «покровительственно похлопать по плечу» и «похвалить» стали нормой нашего поведения. Не имея таких выражений дружбы и одобрения, мы теряемся и становимся неуверенными в себе. Причина этого в том, что нам отказывают в одном из условий для уверенности в себе в индивидуалистической среде. Успех в обществе является важной мерой личных достижений. Стюарт пишет: «Американцы склонны судить о своем личном и общественном успехе по популярности – в прямом смысле по количеству человек, которым они нравятся». Если мы нравимся, значит, заслуживаем любви. Это не обязательно означает, что окружающие тоже должны нам нравиться, как и то, что наши с ними отношения перерастут в дружбу.

Необходимость быть принятыми другими особенно сильна, когда мы оказываемся за границей. Ведь мы ожидаем, что будем нравиться всем, но часто сталкиваемся с болезненным отвержением. По этой причине мы стараемся избегать «непопулярной» работы, хотя и знаем, что ее нужно кому-то выполнять. Подобное желание нравиться часто досаждало нашим коллегам из Европы, которые считают, что всеобщее одобрение не является мерилем успеха и что хорошо выполненное задание само по себе является наградой.

Частная собственность. Американский индивидуализм ярко проявляется в представлении о частной собственности. С раннего возраста у детей есть свои игрушки и своя комната. Возможно, их учат делиться тем, что у них есть, но никто не оспаривает того, что эти вещи принадлежат им. Затем собственностью становится практически все: книги, земля, автомобили, дома и т.д. Есть и исключения. Рыбы и птицы являются общественной собственностью до тех пор, пока не пойманы. Воздухом и океаном также

могут пользоваться все. Частная собственность дает исключительное право распоряжаться вещью, поскольку покупатель становится ее полноправным владельцем и может уничтожить ее, если пожелает.

Многие культуры, в которых собственностью владеет племя или семейство, не разделяют американское представление о частной собственности. Земля индейцев, например, принадлежала родам, или кланам. Молодой человек, который нуждался в земле, обращался к старейшинам рода, и те выделяли ему участок, который закреплялся за ним, пока он обрабатывал его. Если он прекращал обрабатывать участок, земля возвращалась во владение семьей. Когда в Америку прибыли колонисты из Европы, им позволили пользоваться землей, которую до них еще никто не обрабатывал. Индейцы считали, что те подарки, которые гости дали за землю, были не больше чем знаками благодарности за временное пользование землей. Позднее, когда племени снова понадобилась земля для своих нужд, они попросили пришельцев уйти. В их понимании земля индейцев никогда не могла быть отчужденной от ее законных хозяев, потому что она принадлежала не только ныне живущим, но также их предкам и еще не родившимся потомкам. Колонисты же считали, что купили землю за свои небольшие подарки, так что требование вернуть землю, которую, как им казалось, индейцы сами же и продали, они стали называть «дар по-индейски».¹

Филантропизм. Одним из проявлений веры американцев в ценность каждой отдельно взятой личности является филантропизм. Они быстро реагируют на просьбу о помощи и щедро помогают окружающим, если случается несчастье. Всем известно, что американцы активно помогают жертвам голода, землетрясений, военных действий, сиротам и другим нуждающимся.

Готовность помочь страдающим – это прекрасное наследие нашей культуры. К сожалению, оно достаточно часто носит официальный, обезличенный характер. Во многих странах филантропизм выражается прежде всего в гостеприимстве, что подразумевает личные отношения с нуждающимся. В сущности, это значит принять пострадавшего в свой дом и свою общественную жизнь. Как отмечает Мортимер Ариас, ветхозаветным израильтянам было сказано благовествовать своим соседям именно таким образом.

Нужно отдавать себе отчет в том, что в менее обеспеченных странах люди, как правило, не делятся со всеми подряд: они просто не в состоянии это делать. Тем не менее у них есть свои весьма выборочные и личностные способы оказания помощи. Например, на Ближнем Востоке хромые, увечные и слепые выстраиваются около мечети или церкви, где им пода-

---

¹ То есть когда даритель просит вернуть обратно подаренную им вещь.

ют милостынью. Наивная реакция американца на это зрелище часто бывает осуждающей: «Бедные люди! Должно быть, этот народ очень жестокий и отсталый, если не заботится о них!».

Равенство

Американская концепция достоинства каждого человека тесно связана с еще одной аксиомой американской культуры, а именно, равенством всех людей. Межличностные отношения обычно мыслятся как горизонтальные, имеющие место между автономными личностями, равными друг другу.

Равенство для нас предполагает равные возможности, а не автоматическую уравниловку всех людей до единого социального и экономического уровня. Мы отвергли социализм как форму правительства и идеализируем демократию, где каждый имеет право голоса в процессе принятия решений, но большинство не нарушает прав меньшинства.

Безусловно, равенство не всегда является практикой в повседневной жизни, и то, как в нашем государстве относились к женщинам и чернокожим, служит ярким тому свидетельством. И все же, когда чернокожие и женщины призывают к равным возможностям для себя, мало кто из американцев решится публично заявить, что это люди второго сорта, а значит, должны довольствоваться своим низким положением.

В большинстве культур мира идея равенства всех людей является абсурдной, а социальная иерархия считается нормой не только для людей, но для всех форм жизни. Как в животном мире одни животные властвуют над другими, так и среди людей одни поставлены над другими. К примеру, в Южной Азии рожденные в разных кастах считаются разными по природе и имеют различные права и обязанности в обществе. Рожденные в низших кастах считаются нечистыми из-за грехов прошлой жизни. Только путем страдания и смиренного принятия своей участи они смогут искупить эти грехи, после чего переродятся в более высокой касте или станут богами. Таким образом, утверждать, что все люди от рождения равны, – то же, что говорить, будто справедливость не восторжествует, а грех не будет наказан.

Неофициальность. Благодаря вере во всеобщее равенство американцы чувствуют себя неловко в рамках иерархических отношений. Как правило, они находят способы и в них установить атмосферу равенства. Так, начальник может весело шутить в компании своих подчиненных, командир может поинтересоваться личными нуждами младшего по званию и предложить ему чашечку кофе перед разговором. Тем не менее за всей этой видимой формой равенства обычно скрывается негласная, но вполне определенная иерархия, основанная на положении в обществе, уровне дохода,

образовании или власти.

Иногда неофициальность является ценным качеством для американцев за границей. Однако в большинстве случаев она истолковывается неверно, особенно в тех культурах, где подчеркивается соблюдение формальностей. Аренсберг и Нихофф отмечают:

В странах, где общественное положение играет важную роль, не оказать человеку должного почтения значит оскорбить его. Склонность американцев превращать каждого знакомого в обычного или «среднестатистического» человека посредством неформального и полухулиганского тона крайне опасна. Неофициальность лучше проявлять в виде учтивости, скромного образа жизни и неподдельной доброты к каждому человеку. Но если под ней понимается принижение статуса или пренебрежительное отношение к тому, кого высоко ценит общество, тогда лучше избегать подобной «неформальности». Американские шутки, многие из которых выросли на почве нашего представления о равенстве, лучше оставить дома.

Пока мы основательно не изучим культуру и образ мышления местных жителей, лучше всего вести себя уважительно ко всем и сохранять определенную сдержанность.

Свободное предпринимательство и конкуренция. Американцы высоко ценят конкуренцию и с раннего возраста поощряют детей стремиться к победам. Школьники соревнуются за отметки и на спортивной площадке, потому что знают цену победы и успеха. Паркер Пальмер отмечает, что американская система образования превратилась в тренировочную площадку, где молодое поколение учится конкуренции и способности полагаться на себя. Вырастая, американцы конкурируют в борьбе за положение в обществе, власть, славу и достаток. Неудачникам, слабым, отстающим и медлительным не остается места. При этом считается, что выиграть может любой, если только приложит нужные усилия.

С понятием конкуренции тесно связано понятие свободного предпринимательства. У всех должны быть равные шансы на успех, тогда как конкуренция гарантирует, что победу одержат лучшие. В основе всего лежит понятие «честной игры»: каждый должен играть по одним и тем же правилам. В спорте есть арбитры, которые наблюдают за соблюдением правил. В обществе же есть правительство, которое должно следить за соблюдением справедливости.

Такое представление о конкуренции и личных достижениях чуждо многим народам. Например, индейцев племени *хоти*, народ *кикуйю* в Кении и тайцев с ранних лет учат не конкурировать и не спорить с другими, особенно со сверстниками и старшими. Поэтому в школе они помогают друг дру-

гу делать домашнее задание и не стремятся выполнить работу первыми. Естественно, они не спорят с учителями, которые обычно старше по возрасту. Во время спортивных состязаний там не любят вести счет, потому что не хотят выигрывать у своих соплеменников. Такое отношение к жизни практически непостижимо с точки зрения многих североамериканцев.

Прямодушие и конфронтация. Благодаря неофициальности и акценту на выполнение поставленных задач в отношениях с окружающими мы любим прямоту, а если потребуется, готовы вступить в конфронтацию. Сталкиваясь с той или иной проблемой, мы немедленно хотим докопаться до ее причины. Как поясняет Стюарт: «Мы называем это «взглянуть фактам в лицо», «взять быка за рога», «раскрыть карты» и получить информацию «из первых рук». На практике это означает говорить с людьми прямо, называя вещи своими именами». У нас всегда не хватает времени на излишнюю вежливость, соблюдение этикета и построение прочных взаимоотношений.

В противоположность этому японская культура подчеркивает учтивость и достижение целей непрямыми, косвенными путями. Умение правильно «маневрировать» в процессе общения ценится очень высоко. Резкость и открытая конфронтация ставит людей в неловкое положение и высмеивается в обществе. В отличие от американцев, которые разбирают дела и принимают важные решения на деловых встречах, японцы предпочитают закулисные переговоры с глазу на глаз. На официальных встречах оглашаются и утверждаются уже принятые решения.

Во многих других странах, например Таиланде, вместо конфронтации для достижения согласия прибегают к третьей стороне. Важные дела, как правило, решаются через представителей, а не путем прямых переговоров между двумя сторонами. Это относится даже к принятию таких сугубо личных решений, как выбор супруга или покупка дома.

Сотрудничество. Это может показаться противоречием, но конкуренция среди американцев осуществляется на фоне сотрудничества, ведь любая конкуренция требует согласованных действий отдельных людей и групп. Например, в футбол играют команды, хотя в конечном итоге слава часто достается отдельным людям. Следовательно, нас не должно удивлять, что американцы известны своим умением работать вместе, даже преследуя сугубо личные цели.

Способность совмещать конкуренцию и сотрудничество объясняется тем, что американцы не посвящают себя полностью какой-либо группе или организации, однако готовы сотрудничать до тех пор, пока видят в этом какую-то пользу для себя лично. Они соглашаются с целями группы и играют по ее правилам, но, если их ожидания не исполняются, они свободно оставляют ее и присоединяются к другой группе.

Способность сотрудничать даже с теми, кто не всегда с нами соглашается, является ценным качеством американцев за границей, помогая нам служить своего рода «катализаторами» в объединении окружающих для совместной работы. Но это качество бывает неверно истолковано. Люди в других культурах могут посчитать нас оппортунистами, готовыми пожертвовать своими принципами ради достижения цели.

Приоритет времени над пространством

Американцы очень ценят время. Его мало, поэтому его нельзя терять и растрчивать впустую. Более того, время – деньги, потому что работа и зарплата связаны с временем, ведь работодатели покупают время своих работников. Ориентируясь на сроки и объемы выполненной работы, они выплачивают зарплату. Авиакомпании устанавливают точные расписания, а пассажиры раздражаются, если им приходится ждать. Время является одним из основных средств организации сложной деятельности американского общества. Школы, офисы и производство – все живет по часам.

Такое отношение к времени в корне чуждо людям из неиндустриальных обществ. Так, в большинстве земледельческих культур работа привязана не к отрезкам времени, а к неотложным делам, сезонам, смене температуры и осадков, к церемониальным циклам. Ритуалы, постановки и церковные службы начинаются, когда все в сборе, и продолжаются до тех пор, пока программа не завершится. Навещая друг друга, друзья и родственники не смотрят на часы. В таких культурах американцы часто попадают впросак, ожидая, что все придут на собрание «вовремя» или что какие-то мероприятия будут регулярно посещать одни и те же люди.

Линейность времени. Американцам время представляется в виде прямой линии, имеющей начало и конец. Оно течет с постоянной скоростью и не повторяется, поэтому может быть измерено и распланировано. При линейном понимании времени возникают два важных вопроса: как все началось и как все закончится? Естественно, что эти вопросы всегда играли важную роль в западной мысли, как религиозной, так и светской. В христианском богословии сотворение и эсхатология – крайне важные темы, связанные с учением о спасении и вечной участи человека.

Однако во многих культурах время не считается линейным и не рассматривается как «ресурс». Например, на большей территории Африки время видится эпизодичным и прерывистым, нет эталонных часов и единой шкалы времени. Вместо этого есть разные виды времени: мифическое время, историческое время, ритуальное время, сельскохозяйственное время, сезонное время, солнечное время, лунное время и так далее. У каждого из них различная продолжительность и качество. Возделыванием земли

занимаются в сельскохозяйственное время, тогда как рождение, браки, похороны и праздники происходят в ритуальное время. В какой-то мере американцам знаком такой подход к времени, потому что наш календарный год начинается 1 января, финансовый год может начаться 1 июля, а учебный год – осенью. Но в Африке не существует одной фундаментальной системы времени, с которой связаны все остальные. Все они сложно переплетены одна с другой. Кроме того, в центре внимания находится не время как таковое, а приближающееся событие.

В некоторых племенах время видится как маятник, раскачивающийся взад-вперед. Люди в таких культурах говорят о возвращении времени назад и даже о его остановке. В Южной Азии время и циклично, и линейно. Люди рождаются и перерождаются бесконечно, но эти циклы являются частью жизни божества, имеющей начало и конец.

Ориентация на будущее. Линейное время устремляется в будущее, поэтому для американцев будущее важнее прошлого. Мы планируем свое будущее так, словно в силах контролировать его, и ожидаем впереди только лучшего. В результате мы не особенно стремимся узнавать о своих предках и сохранять семейные и народные традиции. Старое с готовностью отвергается ради нового. Девизы вроде «Сегодня первый день остатка твоей жизни» и «Планируй наперед» отражают нашу жизненную философию. Такое понимание времени тесно связано с нашей верой в прогресс и необходимость действовать.

На Западе время рассматривается как ресурс, который следует распределять и контролировать. Дж. К. Кондон пишет, что «средний американец отдает себе отчет в том, как скоротечно время, поэтому старается контролировать его «расход» с помощью всевозможных планов и расписаний. Таким образом, характерная для американцев тяга к деятельности принимает форму устремленности в будущее». Мы ведем календари и планируем свое расписание на недели, а то и на месяцы вперед. Это часто встречает непонимание у представителей тех культур, где в гости заходят без предупреждения. Программы наших предприятий, авиалиний и школ расписаны до минуты, что опять-таки непостижимо для людей из тех стран, где мероприятия начинаются, когда все в сборе.

Традиционная африканская мысль сосредоточена на прошлом, а не на будущем. Как отмечает Джон Мбити, существует три подразделения времени: 1) мифическое прошлое – длительный период, в течение которого происходили великие события в данном племени; 2) недавнее прошлое – более короткий период, когда жили предки, которых еще помнят; 3) настоящее, включающее в себя ближайшее прошлое и ближайшее будущее. Важны лишь великие события, произошедшие в прошлом, а не то, что может произойти в будущем.

С другой стороны, традиционная китайская мысль наибольший акцент делает на настоящем, которое охватывает как ближайшее прошлое, так и ближайшее будущее. Стюарт по этому поводу пишет:

Следовательно, китайская концепция времени не дает китайцам таких же способов рационального объяснения прошлого и предсказания возможного будущего, которое американцы находят в законе причины и следствия. Китайцы акцентируют внимание на самом событии и ищут его объяснения в других факторах, происходивших одновременно с ним... Такой подход к времени способствует скорее их единению с окружающей средой, чем попытками подчинить ее себе. Он больше поощряет адаптироваться к ситуации, чем изменять ее.

Акцент на молодежи. С характерной для американцев устремленностью в будущее тесно связана ориентация на молодежь. Как можно увидеть по рекламе и индустрии развлечений, там редко представлены пожилые люди. На работе молодых людей зачастую считают более продуктивными и многообещающими, чем пожилых, даже несмотря на опыт и чувство ответственности последних.

Предпринимается очень мало попыток вовлечь пожилое поколение в общественную жизнь. Считается, что, когда человек выходит на пенсию, он уже ничего не может предложить обществу. Стариков, не способных ухаживать за собой, часто помещают в дома престарелых, где они живут отдельно от своих детей и за ними ухаживают чужие люди.

Такая ставка на молодежь в других странах мира – больше исключение, чем правило. Во многих обществах на пожилых людей смотрят положительно, как на носителей жизненного опыта и мудрости. Им оказывается уважение, отдаются почетные места, с ними советуется по поводу принятия семейных и общественных решений. В таких культурах нет отхода от общественной жизни (общественная жизнь не предполагает выхода на пенсию). Да и вообще «выход на пенсию» в современном понимании – это явление XX века, причем в основном на Западе.

Приоритет времени над территорией. Одна из характеристик традиционных земледельческих и племенных культур, менее всего понятная американцам, – это представление о земле и ее связи со временем. Для нас время куда важнее, чем земное пространство. Земля – это ресурс, собственность, которую можно продать и купить, как и все остальные товары. Время же ценно тем, что наша жизнь тает с каждым днем.

Такое главенство времени над пространством прослеживается в американском интересе к течению истории. Мы ставим даты на чеки и заявления, отмечаем дни рождения, годовщины и другие важные события своей

жизни. Нам трудно понять людей, которые считают земное пространство более важным, чем время.

Однако для многих культур земля священна и важнее, чем время. Земля связывает людей с предками, героями и богами так, как время связать не может. Люди понимают, что не могут возвратиться в прошлое и прожить те дни, когда их великие предки вершили свои великие дела, но они могут пойти на то место, где произошли эти события. Вот, например, дерево, посаженное предком. Вот холм, на котором наши предки победили наших врагов и основали наше племя. Раджа Рао описывает этот взгляд на пространство так:

В Индии трудно найти деревушку, даже самую маленькую, где не было бы своей *стхалапураны*, то есть легендарной истории. В прошлом какой-то бог или богоподобный герой обязательно проходил через эту деревушку... Может быть, под тем священным фикусом отдыхал Рама, на этом желтом камне Сита сушила свою одежду после купания, а сам Махатма во время одного из своих многочисленных скитаний по стране спал в той низенькой хижине у деревенских ворот. Так прошлое соединяется с настоящим, а боги – с людьми...

Возможно, американские христиане ближе всего подходят к такому взгляду на реальность, когда приезжают в Палестину и видят землю, которую Бог дал Аврааму, ходят по улицам города, построенного Давидом, и поднимаются на холм, где умер Иисус. Пространство каким-то образом делает прошлое реальным и исполненным значения. Оно, подобно мосту, соединяет нас с библейскими временами.

По мнению Дэниэла Келли, именно нечувствительность миссионеров к взглядам на землю и взаимоотношения, вкуче с акцентом на времени и достижениях, стали главными препятствиями в служении американским индейцам. Миссионеры не смогли понять важность пространства и предков в жизни людей, которым служили.

Акцент на интеллектуальном созерцании

Еще одной фундаментальной темой американского мировоззрения является акцент на отвлеченных, умозрительных концепциях, а не на том, что можно познать посредством органов чувств в виде звуков, запахов, вкусовых ощущений или прикосновений. Отголоски такого понимания познания слышны даже в таких словах и фразах, как «мировоззрение», «я понимаю»¹ или «рассмотрим ситуацию».

Западный акцент на видимом мире уходит корнями в греческую философию. Уолтер Онг пишет:

¹ I see – устоявшаяся фраза в английском языке, дословно означающая «я вижу».

Идеи Платона словно открыли новый мир, противоположный старому миру поэтов, которых он высмеивал. В центре старого мира находились повседневные дела и трудности обычного человеческого существования. Этот мир был теплым и человечным, в отличие от абстрактного и холодного мира «идей» у Платона. Сказания о старом мире были наполнены деятельными личностями и живыми событиями. В противоположность этому, идеи Платона неподвижны, расположены где-то за пределами человеческой истории. Согласно старым представлениям, знания черпаются из непосредственного человеческого опыта, тогда как по Платону они проистекают из созерцания абсолютно объективных и абстрактных идей, познать которые можно лишь чисто умозрительным путем.

Естественным результатом такого взгляда на мир стало распространение грамотности и изобретение печати. Однако большая часть населения Земли продолжает жить в бесписьменных обществах, где преобладающие знания о мире состоят из непосредственных впечатлений людей о происходящих событиях и воспоминаниях о них. Поскольку эти идеи не запечатлеваются на письме, воспоминания со временем истолковываются по-другому. Не существует понятия окончательной, неизменной реальности, вместо этого преобладает ощущение, что мир представляет собой динамическое взаимодействие людей и других существ.

Мысль и ее выражение в бесписьменных культурах зачастую бывают высокоорганизованны, однако способы ее организации в основном неизвестны или неприемлемы с точки зрения народов с развитой письменностью. Она выражается в поговорках, пословицах, загадках, мифах и других формах. В большинстве своем содержание такого мышления охватывает конкретные человеческие переживания, а не философские абстракции и преподносится в форме взаимодействия между рассказчиком и слушателем, а не односторонней коммуникации. Западным миссионерам нужно отдавать себе отчет в том, насколько письменность сформировала модели мышления, кажущиеся нам совершенно естественными, но чуждые для людей из бесписьменных обществ.

Отвлеченное знание. Письменность отделяет информацию от ее источника. Мы читаем книги и оцениваем их не столько по тому, достоин ли автор доверия (ведь часто мы его не знаем), а по ценности изложенных в них мыслей. Мы склонны строить абстрактные системы идей, не связанных напрямую с повседневной жизнью.

Миссионеры нередко повинны в том, что разделяют системы идей и повседневную жизнь. В книгах и проповедях мы излагаем абстрактные идеи, пытаясь исправить когнитивные представления своих слушателей. На лекциях мы больше времени посвящаем описанию правильного бого-

словия, чем его применению к проблемам, с которыми новообращенные сталкиваются в реальной жизни.

Развитие абстрактной системы мышления является важной задачей церкви, особенно для руководства. В некотором смысле они несут ответственность за сохранение истинного смысла Благой вести в контексте своей культуры и его защиту от интеллектуальных нападков других философских систем. Но нельзя забывать, что бесписьменные народы мыслят повествовательно, для них важны конкретные примеры, их волнуют конкретные проблемы человеческого существования. Они рассказывают о том, что пережили и что их волнует. Рассказывая притчи, Иисус обращался к близким для людей темам, формам мышления и коммуникации. Имея дело с обычными людьми в бесписьменных культурах, мы тоже должны подчеркивать личностный характер и конкретную суть Благой вести.

Коммуникация в устных обществах всегда привязана к человеку: они слушают в конкретном контексте и об услышанном судят по его жизни. А это значит, что мы должны стараться и жить так, как проповедуем. Иначе нас просто не услышат.

Хранение информации в печатных текстах. Американцы чрезвычайно ценят письменную информацию и больше доверяют печатному слову. Считая, что письменность является высшей формой коммуникации, они вкладывают много средств в школы, книги, журналы и другие письменные источники. Сами того не сознавая, они часто свысока смотрят на неграмотных людей, словно те крайне невежественны и ничего не знают.

Акцент на грамотности всегда был сильной стороной работы миссий, так как они приложили большие усилия к обучению людей грамоте и распространению напечатанных Библий, брошюр, заочных курсов и книг. Мало кто задумывался о традиционных устных формах общения, принятых в бесписьменном обществе. Тем не менее значительная часть мировых культур зависит от устной информации, сохраняемой в песнях, пословицах, загадках, рассказах, сценках, танцах, ритуалах и риторике. Всем этим можно и нужно пользоваться как средствами донесения Благой вести. Людям не обязательно изучать грамоту для того, чтобы услышать Благоую весть и понять суть Евангелия. Хотя письменность играет важную роль в современном мире и будет постепенно охватывать все больше бесписьменных народов, не нужно ждать этого момента, чтобы нести людям Благоую весть.

Знания в противоположность мудрости. Располагая эффективной системой для хранения и передачи информации, американцы очень ценят знания. Книги, энциклопедии, компьютерные сети открывают умеющему

читать доступ к огромному количеству информации. В школах детей учат приобретать знания часто ради самих знаний, а получившие научную степень пользуются в нашей культуре большим уважением.

При всем том наши знания часто не имеют прямого отношения к повседневной жизни. Университетские преподаватели далеко не всегда могут служить примером достойного образа жизни, да и в церкви под ученичеством часто понимается приобретение знаний о вере, а не преображенное ею повседневное существование. Господство Иисуса Христа для многих из нас означает мысленное или словесное согласие с тем, что Он Бог, а не жизнь в послушании Его заповедям.

В отличие от знаний, устные культуры ценят мудрость – способность решать повседневные вопросы для блага общества и его членов, делая знание актуальным для жизни. Поэтому неудивительно, что мудрость учителя проверяется по качеству его жизни.

Миссионеру важно понять, что местные руководители, с которыми ему приходится работать, могут казаться необразованными и невежественными, но при этом быть очень мудрыми в решении различных житейских и церковных проблем. Многие из них достойны того, чтобы поучиться их умению эффективно работать с людьми и применять Писание к повседневной жизни.

Систематизация знаний. Письменность позволяет нам организовывать огромное количество информации в стройные и последовательные системы знаний, что позволяет многократно возвращаться к ним и оттачивать их. Она также способствует развитию рационального мышления, отделяя мысли от чувств. Печатная страница никогда не сможет передать того эмоционального заряда, который несет устное выступление.

Западным миссионерам свойственно стремление систематизировать и обосновывать все свои действия. Мы подчеркиваем долгосрочное планирование, логическое развитие образовательных программ и ясную структуру учреждений. В школах мы преподаем системы знаний, а в церкви печемся об абстрактном богословии. Когда люди опаздывают или вовсе не приходят на встречи, это причиняет нам досаду.

Важно понять, что в бесписьменных обществах жизнь воспринимается такой, какова она в действительности, то есть как серия разнообразных, но хаотичных событий, порой никак не связанных одно с другим. Жизнь состоит из серии препятствий и неожиданностей, иногда приятных, но часто досадных. Крестьянин хочет вспахать поле, но ему надо дожидаться дождя. Только он начал обрабатывать землю, как к нему на несколько дней заезжают дальние родственники. В это же время заболевает и требует внимания ребенок, а разбойники крадут скот. Если учесть все предъявляемые к

такому человеку требования, неудивительно, что он не находит места для планирования и пунктуальности.

Глубокое, систематическое мышление необходимо, и в особенности тем руководителям, которые заложат богословские основания для молодых церквей, чем помогут им лучше понять себя и свою роль во взаимодействиях с окружающим миром. Но и таким служителям не следует забывать, что наиболее эффективная коммуникация имеет место там, где люди общаются категориями, почерпнутыми из конкретного жизненного опыта.

Культурные предубеждения миссионеров

Мы кратко рассмотрели основные аспекты американского мировоззрения. Естественно, их гораздо больше, и даже те, что мы перечислили, заслуживают более детального рассмотрения в плане их содержания и влияния на нашу жизнь.

Не все западные миссионеры придерживаются перечисленных аксиом, потому что мы все формировались в разных субкультурах. Тем не менее, полезно внимательно ознакомиться с ними, ведь мировоззренческие аксиомы по большей части не явны, а американский образ мышления укоренен в нас гораздо глубже, чем мы готовы признать.

Работая в межкультурной ситуации, важно отдавать себе отчет в том, в чем и в какой степени предубеждения нашей культуры оказывают свое влияние на нас, потому что это поможет контролировать природный этноцентризм и избегать многих недоразумений в отношениях с людьми. Отсюда не следует, что нужно полностью отказаться от своих убеждений. Без определенных культурных аксиом вообще нельзя понять ни культуру, ни свой личный внутренний мир.

Аксиомы собственной культуры нужно тщательно исследовать еще и потому, что многие из них противоречат христианской вере. Безусловно, христианство оказало глубокое влияние на американскую культуру, однако наша культура не является христианской в своей сути. Поэтому ее следует критически оценивать в свете Писания, а иначе можно с легкостью принять культурные предубеждения за евангельскую весть и начать проповедовать людям «смесь» того и другого.

ЧАСТЬ

Благовестие

Культурные различия и коммуникация

В предыдущих главах мы рассмотрели, как культурные различия влияют на личность миссионера. Но не менее сильное влияние они оказывают на его проповедь. Каждому обществу присущ особый взгляд на мир, что отражается в его языке и культуре. Не существует неподвижных языков, как нет ни одной богословски нейтральной культуры. Поэтому межкультурный перевод и коммуникация – задачи непростые. Не понимая этого, мы рискуем в лучшем случае проповедовать неэффективно, а в худшем – предлагать людям искаженную и малопонятную форму Благой вести.

Различия в культуре влияют на проповедь по-разному. Во-первых, если сами проповедники не будут пользоваться доступными для слушателей формами коммуникации, то никто не примет их проповедь. Нет смысла говорить на языке суахили¹ в индийской деревне или показывать ритуальный танец, если люди не знакомы с такой формой коммуникации или отвергают ее. Во-вторых, саму Благою весть нужно перевести так, чтобы люди поняли ее с минимальными искажениями. Это означает не просто перевести ее на местные слова, схожие по значению со словами оригинала, но и проверить, как понимаются эти слова в более широком общественном контексте. Не искажают ли они содержание нашей проповеди? В-третьих, проповедь должна быть выражена в формах местной культуры (контекстуализирована). Архитектуру церковных зданий, формы поклонения и стили руководства тоже нужно адаптировать к культуре. Обряды, связанные с рождением детей, свадьбами, похоронами и другие ритуалы должны быть христианскими, оставаясь

¹ Один из языков Африки.

при этом истинно национальными. И наконец, нужно выработать богословие, через которое Писание будет говорить к местным жителям в их историческом и культурном контексте.

В этой главе мы рассмотрим первый из этих вопросов: как перевести Благою весть в формы другой культуры с тем, чтобы эффективно донести ее до слушателя?

Роль символов в процессе коммуникации

Коммуникация – это передача информации от «отправителя» к «получателю», которая происходит между людьми, животными и даже приборами. Пчелы сообщают друг другу, где найти мед. Люди вкладывают информацию в калькуляторы, таймеры подают школьные звонки, светофоры регулируют уличное движение, собаки предупреждают о появлении воров, дирижеры управляют оркестрами, компьютеры – самолетами. Во всех этих случаях передается информация с целью вызвать какие-то изменения, в чем и заключается одна из основных целей коммуникации.

В данной главе нас интересует коммуникация не в общем смысле, а межличностная коммуникация: между Богом и людьми и между разными людьми, потому что без этого миссионерство невозможно как таковое. Межличностная коммуникация отличается от других видов коммуникации тем, что как «отправитель», так и «получатель» – разумные существа, и их сообщения содержат не только слова о конкретной реальности, но и выражение абстрактных мыслей и чувств.

Мысли и чувства нельзя передать напрямую из одного разума в другой. Для этого их нужно выразить в формах, которые получатели смогут воспринять посредством органов чувств (рис. 16). Такие чувственно воспринимаемые формы, за которыми закреплено какое-то содержание, называют символами

Передача информации посредством символов

Рисунок 16

Природа символов

Символ – понятие более сложное, чем может показаться на первый взгляд. Он представляет собой связь между формой и значением в умах людей, которые пользуются им для достижения конкретных целей в конкретных ситуациях. Таким образом, понятие символа неразрывно связано с такими понятиями, как (1) значение, (2) форма, (3) участники процесса коммуникации, (4) функции, (5) контексты (рис. 17).

Например, в одних ситуациях мы говорим *дерево*, имея в виду определенный вид растений (« посадить *дерево*»). В другом контексте это слово используется в значении генеалогической последовательности (« вот рисунок моего генеалогического *древа*»), строительный материал (« отделка *деревом*») и так далее.

Представители других культур для выражения сходных значений используют другие формы. Индийцы используют слово «четлу», говоря о деревьях (растениях), и слово «сантханаму», говоря о генеалогии.

Коммуникация возможна благодаря культуре, ведь, чтобы коммуникация состоялась, группа людей должна пользоваться одними и теми же символами. Это значит, что члены группы должны ассоциировать одни и те же формы с одними и теми же значениями, в схожих контекстах и для схожих целей. В свою очередь, коммуникация создает социальные группы с общей культурой.

Виды символов. Символы не существуют сами по себе, они являются частью более широких систем, внутри которых отдельные символы находят свое значение и применение. К примеру, есть устная речь, состоящая из тысяч слов, есть письменный язык, состоящий из букв, есть цветовые коды, такие как цвета светофора, есть определенные формы дорожных знаков и даже запахи, несущие в себе определенную информацию (табл. 2). Как мы видели ранее, использование времени и пространства тоже несет смысловую нагрузку. Даже молчание часто имеет свое определенное значение.

Взаимоотношения между элементами символа

Рисунок 17

Существует множество различных систем символов

1. Разговорный язык	Речь, радиотрансляция
2. Параязык	Ритм, высота звука, резонанс, артикуляция, интонация, темп речи, паузы, эмоциональный тон
3. Письменный язык	Письменность, надписи, афиши
4. Изображения	Дорожные знаки, карты города, магические знаки, астрологические таблицы, диаграммы, графики, воинские знаки отличия, университетские нашивки, логотипы
5. Кинесика	Жесты, движения рук и ног, выражения лица, зрительный контакт, позы
6. Звуки	Музыка (рок, джаз, вальс и т.д.), колокола, гонги, барабаны, хлопушки, ружейный салют, храмовые трубы
7. Пространство	Дистанция при разговоре, толпы, близость, расстояние между докладчиком и аудиторией, марш в порядке ранга (иногда называемый проксемикой)
8. Время	Значение понятий «вовремя» и «опоздание», важность времени, новогодние празднества, относительный возраст общающихся, последовательность событий в ритуалах
9. Прикосновение	Объятия, рукопожатия, вождение слепых, прикосновение к ногам друг друга, возложение рук на голову, пытки, религиозные бичевания
10. Вкус	Торты и сладости к празднику, престижные блюда, национальные блюда, трубки мира, «холодная» и «горячая» пища в Южной Азии, вегетарианство, священная пища
11. Запах	Духи, благовония, задымленная хижина шамана, запах тела, запах цветов
12. География	Священные горы, священные деревья, запрещенные территории, священные реки, исторические места
13. Молчание	Паузы в предложениях, пустая страница, тишина в суде или в храме, пустое место в японском искусстве, отсутствие ответа
14. Ритуалы	(Ритуалы используют многие из вышеперечисленных систем, но придают символам другой аспект, а именно, реконструкцию символического представления.) Свадьбы, похороны, ритуальные жертвы, церковные службы, Вечеря Господня
15. Предметы материальной культуры	Архитектура, мебель, декор, одежда, косметика, символы богатства, такие как часы, машины, дома, шляпы

Таблица 2

Каждая из этих систем символов используется для сообщения определенного типа информации. Например, для передачи когнитивного сообщения обычно мы пользуемся словами, а для передачи чувств – жестами и тоном голоса. В действительности, большую часть времени, в особенности при живом общении, мы одновременно используем несколько систем:

устную речь, параязык, язык тела, а также временные и пространственные символы. А. Мерабиан подсчитал, что в обычном разговоре двух американцев 38% информации передается вербально, а более 60% приходится на невербальную коммуникацию!

Значение символов. При помощи символов мы сообщаем мысли, чувства и ценности. Формы символов закрепляются за определенными значениями двумя различными способами. Во-первых, многие символы связаны с событиями повседневной жизни. Они указывают на птиц, деревья, цвета, счастье, ревность, воровство и тысячи других конкретных человеческих переживаний, которые люди распределяют по категориям. Но называя какой-либо предмет, символы выделяют его из множества других предметов той же категории. К примеру, когда мы говорим «красный», мы представляем себе определенный цвет. Но вместе с этим мы говорим «не фиолетовый», «не оранжевый» и так далее. Таким образом, символы частично приобретают свое значение через отношение к другим символам, принадлежащим к той же сфере. Значения, в которых символы указывают на одно, а не на другое, иногда называются денотативным значением.

Во-вторых, символы имеют коннотативное значение. Это значение, которое приобретают символы, принадлежащие к другим областям мыслей и чувств. Например, говоря «Красная Армия», «красна девица», «с красной строки», «ради красного словца», «красная цена», мы выражаем словом не цвет, а некое другое значение из области политики, экономики и др.

При изучении другого языка достаточно просто узнать денотативное

Эксплицитные и имплицитные значения слов

	Денотативное значение	Коннотативное значение
Эксплицитное значение	Слова как обозначения наблюдаемых предметов, действий, признаков	Мысли, чувства и ценности, сознательно ассоциируемые с этими словами
Имплицитное значение	Слова как отражение мировоззрения, или системы категорий в данной культуре	Глубокие верования, чувства и суждения, неосознанно ассоциируемые с этими словами

Таблица 3

значение слов, но выяснить коннотацию бывает сложнее потому, что мы не всегда осознаем ее существование, обнаружить которое можно, лишь наблюдая за использованием символов в различных контекстах. Важно узнавать и те и другие значения символов, которыми мы пользуемся. Не зная их, мы рискуем быть неверно понятыми. Так, например, один чело-

век, слыша молитву пастора о себе: «Господи, сделай его мужем веры», возразил: «Но я уже женат на Наде!»¹

До сих пор мы рассматривали эксплицитное² значение символов. Но символы относятся не только к сознательному миру мыслей и чувств человека. Они также отражают скрытые аксиомы, которых люди придерживаются в своем взгляде на мир. Подобные значения называются имплицитными.³ Именно они часто создают наибольшие проблемы в межкультурной коммуникации, потому что ни мы, ни даже сами носители языка о них часто не подозревают. Носители языка воспринимают их как должное, потому что видят мир именно таким, а нам трудно их обнаружить потому, что

Категории живых и неживых существ в английском языке

1. Разделите следующие слова на несколько простых категорий

дерево	собака	женщина	муха	лев
мужчина	песок	Бог	вирус	бесы
куст	девочка	камень	корова	цветок
жук	ангелы	бактерии	муравей	Микки Маус

2. Категории, обычно используемые англоговорящими людьми для классификации этих слов

Сверхъестественное	Сверхъестественные существа <i>Бог, ангелы, бесы</i>
Естественное	Люди <i>Женщина, мужчина, девочка</i>
	Животные <i>Лев, собака, корова</i>
	Растения <i>Дерево, куст, цветок</i>
	Насекомые <i>Муха, жук, муравей</i>
	Микробы <i>Бактерии, вирусы</i>
	Неодушевленные предметы <i>Песок, камень</i>

Рисунок 18

¹ Автор приводит другой пример: один банкир, услышав, что Иисус спасает, ответил: «Ну и что, я тоже этим занимаюсь» (в английском языке слово save, «спасать», также имеет значение «экономить», «копить»).

² Явное.

³ Скрытые.

люди не всегда могут их сформулировать. Часто мы узнаем о них, только наблюдая, как окружающие используют эти символы в различных контекстах (табл. 3).

Имплицитные значения лучше всего видны на следующем примере. Когда первые миссионеры приехали в Южную Индию, перед ними встал вопрос: каким словом называть Бога. В языке телугу есть несколько слов на выбор: «парамешвара» – Правитель всего, «бхагавантхуду» – Достойный поклонения, «ишваруду» – Верховный Шива и «девуду» – Бог. Первые три не подходили, потому что ассоциировались с определенными богами индуистского пантеона, поэтому переводчики выбрали последнее слово.

Однако анализ имплицитных значений этих слов раскрывает нам некоторые проблемы в использовании любого из них для перевода библейской концепции Бога. Если мы попросим англоговорящих людей распределить слова по категориям природы, они делают это определенным образом (рис. 18). Большинство поместят *мужчину*, *женщину*, *мальчика* и *девочку* в одну категорию и назовут ее «люди». *Дерево* и *куст* они поставят вместе и назовут их «растения». Они поставят *льва*, *собаку* и *корову* вместе в категорию «животные». *Песок* и *камень* они классифицируют как «неодушевленные предметы», а *Бога*, *ангелов* и *бесов* отнесут к категории «сверхъестественных существ». Многие не знают, куда вписывать *бактерии*, *вирусов*, *мух* и *жуков*, и поэтому создают для них отдельные категории. Что касается *Микки Мауса*,

Американская концепция жизни

Творец	<p>Бог Вечный Сверхъестественный Бесконечный</p>
Творение	<p>Человек Естественный, но обладающий вечной душой А ←————→ Б Отношения между людьми горизонтальны по своей сути</p>
	<p>Животные Временны</p>
	<p>Растения</p>
	<p>Неодушевленный мир Безжизненный</p>

Категории живых и неживых существ на языке телугу

Брахман (высшая космическая сила)

Майя (проходящий мир иллюзий)

Боги (дэвы, парамешвара и т.д.)
Ангелы
Бесы (ракшасы, апсары и т.д.)
Люди (высшая каста, средняя каста и низшая каста)
Животные (коровы, потом львы, собаки и т.д.)
Растения
Неодушевленные предметы

Рисунок 19

то его отбрасывают, заявляя, что он вообще относится к другой системе категорий, а именно, «вымышленные герои», а не «реальные существа».

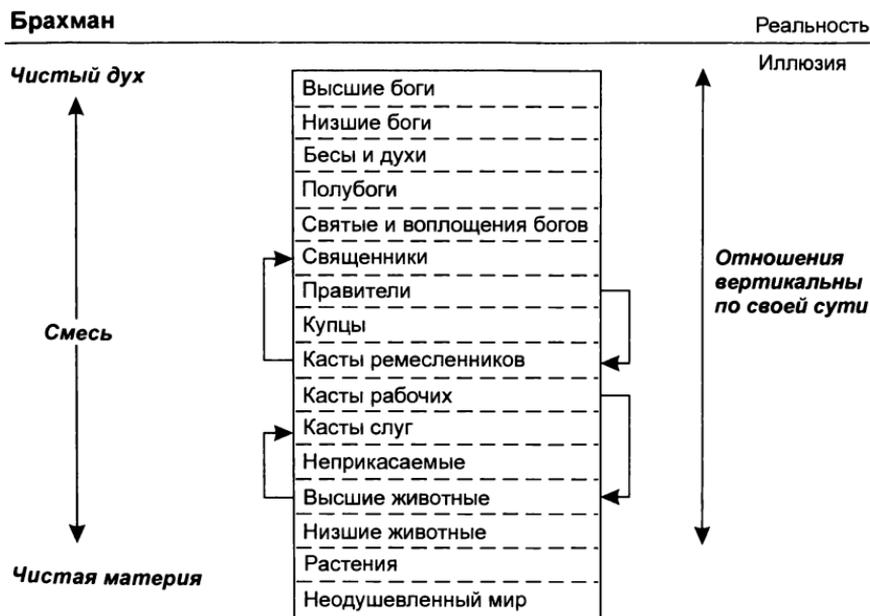
Эта классификация обнаруживает фундаментальные философские и богословские аксиомы. Во-первых, проводится четкая грань между сверхъестественными и естественными существами. Большинство людей на Западе говорят о первых в религиозном смысле и мысленно помещают их в какой-то другой мир, часто это ад или рай. Про остальное они говорят в научном смысле и помещают их на землю.

Во-вторых, все живое разделено на четкие категории по форме жизни. Например, можно есть животных, но нельзя людей, потому что жизнь первых каким-то образом отличается от жизни последних. Точно так же мы поклоняемся Богу, но поклонение людям считается кощунством, потому что тогда поклонение отдается тем, кто не является богами. Наконец, проводится четкая граница между «живыми» существами и «неживыми» вещами, органическим и неорганическим миром, одушевленными и неодушевленными предметами.

Если попросить носителей языка *телугу* распределить по категориям те же самые слова, они сделают это по-другому (рис. 19).

Очевидно, что фундаментальные аксиомы, лежащие в основе классификации телугу, отличаются от категорий английского языка. Во-первых, нет четкого разграничения между видами жизни; напротив, *вся жизнь считается одинаковой*. Это основное верование индуизма (*эка дживам*). Следовательно, если между богами и людьми не существует принципиальной разницы, можно поклоняться святому или гуру. С другой стороны, раз нет реального отличия жизни людей и животных, то убить корову, а для некоторых даже собаку или жука, – это убийство!

Индийская концепция жизни

Во-вторых, всё живое, в том числе и боги, относится к «сотворенному» миру. Само слово *творение* может запутать нас, потому что вся вселенная, ее боги, духи, люди, животные и растения являются лишь снами в разуме великого бога Брахмы, который, в свою очередь, порожден Брахманом. Поэтому все это майя, то есть преходящее и иллюзорное. Сам же Брахман не живое существо, а высшая безличная сила. И наконец, сама земля одушевлена. В определенном смысле она тоже живая и потому достойна уважения.

Культурные различия и системы символов

В разных культурах сформировались разные символы. Мы знаем, что языки отличаются друг от друга, но можем не осознавать, насколько различаются язык тела, тон голоса, вкусы и даже молчание. Исследователь Самарин отмечает, что американское племя черноногие часто могут молчать пять минут, даже придя с кем-то пообщаться, а народ *гбея* из Центральноафриканской Республики разговаривает после трапезы, а не во время нее. Навещая больных, *гбея* принимают скорбное выражение лица и молча сидят, показывая солидарность с больным. Самарин добавляет: «Между посетителями может протекать небольшая беседа, но больной в ней не участвует. Западного человека сильно настораживает, когда такие утешители сидят, уставившись в пустоту».

Культурные отличия присущи даже системам символов, используемым для похожих целей в коммуникации. К примеру, американские протестанты передают религиозное учение в основном в песнях и устном слове. Во многих племенных культурах религиозная информация передается в танцах, бое барабанов, спектакле, песнях и, большей частью, в ритуалах, в которых суть вести разыгрывается, как бы заново повторяясь. В таких культурах проповедь может и не иметь большого религиозного значения. Поэтому миссионеру важно использовать те системы культурных символов, которые уместны для возвещения Благой вести в данном контексте.

Перевод

Если бы символы, и в частности слова, имели только эксплицитное денотативное значение, перевод сообщения из одной культуры в другую не был бы сложным. Например, можно было бы указать на дерево и спросить, как это называется. А затем пользоваться этим словом всякий раз, говоря о деревьях. Конечно, пришлось бы выстраивать слова в соответствии с правилами грамматики. Однако слова имеют еще и коннотативные значения, многие из которых имплицитны, что значительно осложняет перевод.

Форма и значение

Здесь нам нужно вернуться к различию, которое мы провели между формой и значением в символах и культуре. Обычно нам свойственно отождествлять их, то есть мы не замечаем разницу между звуками, составляющими слово «дерево», и значениями, которые ассоциируются у нас с этими звуками. Это происходит потому, что в разговоре с людьми той культуры, в которой мы выросли, нам нет нужды проводить такие различия. Кроме того, в таком разговоре нет необходимости указывать на коннотативные и денотативные значения слов.

Однако при переводе сообщения на язык другой культуры мы осознаем различие между формой и значением. Нам также приходится иметь дело с денотативными и коннотативными значениями слов. В разговоре мы вскоре выясняем, что другие люди называют один и тот же предмет (дерево) *chetlu*, или *Vaum*, или как-нибудь еще, и если мы хотим с ними общаться, то должны использовать их слова. При этом мы редко задумываемся о том, что это же самое относится и к другим сферам коммуникации, например к жестам, архитектуре, формам поклонения и одежде. Например, некоторые народы снимают шляпу, чтобы показать уважение к окружающим, а другие для этого снимают обувь. Подобным образом, нужны песни, написанные на местные мелодии и ритмы, чтобы местные жители их поняли. Если музыка воспринимается как иностранная, даже при переводе слов на мест-

ный язык мы коммуницируем, что это религия иностранцев.

Еще более сложный вопрос вызывает коннотативное значение. Насколько оно важно для перевода? Многие ранние миссионеры подчеркивали в коммуникации важность денотативного значения. Поэтому их переводы были «буквальными», или формальными. Желая сказать «пастух», они выбирали местное слово, обозначающее человека, который пасет овец. Или, переводя слово «дверь», они использовали местный термин с ближайшим денотативным значением. При этом часто миссионеры и не подозревали, что коннотативные значения этих слов отличались от того, что подразумевали они. Например, в народе *телугу* «пастухи» занимаются тем, что пасут овец (денотативное значение), но считаются развратниками и пьяницами (коннотативное значение). Поэтому то, что слышали люди, порой существенно отличалось от того, что пытались сказать миссионеры.

Денотативное значение наиболее важно при констатации фактов. Мы говорим, например: «Маша пошла в город». Обычно на другой язык это предложение переводится без сложностей. Но в большей части сообщений, особенно в тех, что содержат аналогии, аллегории, метафоры, юмор, идиомы и тому подобное, коннотативное значение играет такую же, если не большую роль. И поскольку эти различные формы играют важную роль в религиозной мысли, их нельзя игнорировать. Например, в некоторых частях Латинской Америки «отцы» часто считаются неверными, холодными и авторитарными. «Матери» же, наоборот, верные, любящие и благосклонные. В таких ситуациях легко прийти к непониманию, возникающему, когда мы называем Бога нашим Отцом, потому что при этом мы имеем в виду не то, что Он наш биологический предок, а что Он ведет Себя как «отец», и для нас это понятие имеет положительный смысл.

Чтобы свести к минимуму непонимания, современные переводчики подчеркивают важность динамического перевода, в котором главным является сохранение коннотативного значения. В некоторых случаях это может означать изменения символа или слова. В Библии описывается, как мытарь «ударял себя в грудь» в знак покаяния. Как подмечает Найда, это может показаться очень странным жителям Западной Африки, на языке которых выражение «ударять себя в грудь» означает «гордиться своими успехами». Говоря о покаянии, они скажут «бить себя по голове».

До сих пор мы говорили о переводе в целом. В проповедях, учении, музыке и переводе христианских книг мы свободны в выборе слов и символов, лучше всего передающих значение (денотативное или коннотативное), которое мы желаем донести. А как быть с переводом Библии? В переводе нельзя допускать чрезмерных вольностей, однако мы хотим, чтобы читатели правильно понимали текст.

Юджин Найда и Вильям Рейберн предлагают некоторые принципы допустимого изменения формы и денотативного значения, чтобы сохранить коннотативное значение и при этом придерживаться текста. Во-первых, переводчики не должны изменять текст оригинала, когда в нем говорится об исторических событиях. Нельзя изменить то, что Иисус был обрезан на восьмой день, хотя некоторые народы считают, что это жестоко по отно-

Сохранность смысла в разных культурах

Юджин А. Найда и Вильям Д. Рейберн

...Об исходных предпосылках и ценностях культуры порой говорят так, словно они составляют единое целое, лишенное любых внутренних противоречий. Однако это далеко не так. Даже в Библии можно обнаружить разные исходные предпосылки. Генотеизм (когда один Бог признается высшим по отношению к другим богам), встречающийся в некоторых местах Ветхого Завета, уступает место монотеизму, который отвергает само существование других богов. Система жертвоприношений Ветхого Завета полностью отвергается в Новом. Многоженство Ветхого Завета отмирает в Новом. Иисус ссылался на выдержки из Закона – «вы слышали, что сказано...», – но затем давал этим заповедям совсем иное толкование. Именно разница в исходных предпосылках дала повод для первого конфликта в церкви, вызванного вопросом о том, на каких основаниях язычники могут быть приняты в христианские общины.

Библия отражает культурные представления не только жителей Древней Палестины, так как в ней содержится информация о некоторых предпосылках древнегреческой и римской культур. В посланиях Иоанна прослеживается борьба ранней церкви с гностицизмом, в основе которого лежало изначальное разделение духа и материи и который старался объяснить воплощение и воскресение именно с этой точки зрения (согласно учению гностиков, на кресте умер человек Иисус, но не предвечный Христос).

Если мы готовы признать наличие разных исходных предпосылок в тексте Библии, еще важнее понять, что у большинства современных народов совершенно другие культурные аксиомы. Например, можно думать, что мышление «современного» представителя западного мира основано на «научной точке зрения». Действительно, большинство интеллектуалов придерживаются чисто светского, «научного» взгляда на мир, для которого характерны: (1) объяснение жизни на основании биологической эволюции, (2) механистическое понимание вселенной, не требующее существования «высшего разума», (3) толкование истории, основанное на действии чисто человеческих сил, действующих в

определенных географических рамках, и (4) этические ценности, выведенные из природы человека и являющиеся по существу гуманистическими. С таким мировоззрением тесно связаны отрицание сверхъестественных существ, магии и практически полное отсутствие интереса к религии.

Однако большинству современных людей такой «научный» подход к жизни совершенно чужд. Возможно, они отвергают официальную религию, но не отказываются от веры в приметы, астрологию, обращаются к помощи ясновидящих, медиумов, колдунов, пользуются амулетами (заячьи лапки, счастливые монетки, изображения и т.д.). Многие, даже претендуя на «научность» своей точки зрения в отдельных областях жизни, при этом страшатся сглаза и ищут сверхъестественного исцеления от болезней. В реальности, многие люди, независимо от своей приверженности тому или иному мировоззрению, имеют довольно странную смесь убеждений и редко пытаются разрешить лежащие в его основе противоречия. Они верят в то, во что хотят верить, – в каком-то смысле «перераспределяют риски» и довольствуются как сомнениями, так и верой из вторых рук.

Учитывая значительные различия в бытующих в одном и том же обществе исходных предпосылках, не стоит удивляться, что существует такая разница между культурой Библии и другими культурами мира. С другой стороны, сравнивая библейскую культуру с современной культурой Центральной Африки, можно подумать, что здесь разница должна быть особенно очевидной. На самом деле между ними много похожего: многоженство, вера в чудеса, практика благословений и проклятий, рабство, обычаи мщения, жертвоприношения, вера в видения и сны. Скотоводческое племя навахо видит в Библии много параллелей со своим образом жизни: овцеводство, изгнание злых духов, коллективная ответственность, народные приметы о погоде, предсказание событий и ожидание конца света, который принесет с собой изменение существующего порядка вещей.

В определенном смысле Библия является легче всего переводимой религиозной книгой в мире, поскольку написана в определенное время и в определенном месте – в западной оконечности Плодородного полумесяца, ставшего колыбелью культурных особенностей, ценностей и жизненных укладов множества народов. Если бы кто-нибудь задумал сопоставить культурные черты Библии с особенностями других народов мира (т.е. более двух тысяч разных народностей), он бы увидел, что в культурном отношении Библия удивительно близка ко многим из них – значительно ближе, чем к технологичной культуре западного мира. Не удивительно, что сегодня именно в западном мире Писание принимается с наименьшей готовностью.

Важным достижением христианства в наши дни является быстро растущее количество «этнических» церквей. По некоторым данным,

только в Африке за последние двадцать лет около пятнадцати миллионов человек присоединились к независимым церквям, в которых с готовностью принимается учение Библии, но отвергаются традиционные установления западного христианства. Эти люди чувствуют инстинктивное единство с миром Библии, но при этом ощущают себя «не в своей тарелке» в западных церквях, во многих случаях весьма далеких от этого мира.

С другой стороны, было бы неверно преувеличивать различия между библейской и современной культурой, как делают многие исследователи. Антропологи неоднократно отмечали, что в мире гораздо больше того, что объединяет людей в единое человечество, чем того, что разделяет их на отдельные группы. Такие культурные универсалии, как взаимность в межличностных отношениях, отклик на доброту и любовь, стремление найти смысл жизни, признание склонности человеческой природы к злу, самообману и оправданию греха, нужда в чем-то (или Ком-то) более великом, чем мы сами, свойственны всем людям без исключения. Эти же характеристики, близкие всем людям независимо от культурных границ, постоянно подчеркиваются в Писании.

Писание пришло к нам из глубины веков и из другой культуры, и все же оно поразительно актуально. Долгое время современным людям говорилось, что их проблемы являются прямыми следствиями технологии, урбанизации и индустриализации, но сегодня для многих очевидно, что у людей, которых мы встречаем на страницах Библии, были такие же проблемы и нужды, что и у наших современников: влечение к греху даже вопреки желанию поступать правильно, чувство вины, потребность в прощении, стремление к победе над грехом, желание любить и быть любимыми. То, что все эти универсалии представлены в контексте конкретных исторических событий реальной жизни, делает Библию весьма живой и привлекательной для людей из самых разных культур.

В сравнении с важнейшими документами и устными традициями других религий Библия уникальна описаниями реальных событий, в которых задействованы реальные люди. В то время как индуистские писания в основном повествуют о подвигах богов, Библия повествует о действиях Бога в человеческой истории. В отличие от религиозных трактатов буддизма (которые в основном содержат философские и этические принципы) и Корана (который сосредоточен на наставлениях и предупреждениях пророка), Библия укоренена в истории и состоит в основном из рассказов о том, как Бог участвовал в исторических событиях, являя Свое могущество, милость и другие качества. Поэтому библейская вера прочно покоится на фундаменте истории – точнее, на характере Бога, Который действует в ней.

Кроме того, Библия повествует о деяниях Бога в совершенно конкретных ситуациях. Отсюда следует, что непосредственный историче-

ский контекст библейского отрывка крайне важен для богословия. По этой причине христиане почти инстинктивно боролись с разнообразными попытками отделить истины Писания от их культурного и исторического контекста. В ответ на одну из таких попыток переместить библейский рассказ в африканский контекст вождь одного племени спросил: «Если все действительно так и было, то почему наши деды не рассказали нам об этом?» Иными словами, попытки сделать библейское повествование слишком современным могут поставить под сомнение его достоверность.

С точки зрения библейского богословия иудео-христианской традиции, откровение Бога в истории – в ее конкретные моменты и в конкретных географических местах – имеет большую важность. Следовательно, повествование о библейских событиях нельзя изменять. Но, учитывая, что понимание смысла того или иного события зависит от набора исходных предпосылок, явно отличающихся от исходных предпосылок целевой культуры, что делать переводчику, дабы не допустить серьезного искажения смысла?

Во-первых, ему не следует рассчитывать на то, что он донесет Слово настолько понятно, что любой читатель полностью уяснит его без всяких дополнительных комментариев о лежащих в основе библейского отрывка исходных предпосылках. Другими словами, нельзя ожидать, что переводчик настолько совершенно переведет Слово на уровне лингвистики и культуры, что оно будет полностью соответствовать толковательным рамкам целевой культуры. Сделать так – значит лишить Слово его конкретного пространственно-временного выражения. Перевод не должен создавать впечатление, будто описанные события произошли несколько лет назад в соседнем городишке. Напротив, необходимо перевести Слово (и при необходимости приложить к переводу соответствующие сопутствующие комментарии), чтобы читатели поняли его так, как его должны были понять первые его адресаты.

Процесс воссоздания коммуникационного события путем восстановления его значения (или значений) для первоначальных участников называется экзегетикой. А выявление параллелей между библейским повествованием и современными событиями – это задача герменевтики. Она стремится определить степень актуальности библейского текста для современного слушателя с тем, чтобы добиться от него ожидаемого Писанием отклика. Толкование включает в себя как экзегетику, так и герменевтику. Задача исследователя Библии – пролить свет на проблемы экзегетики, тогда как проповедник должен помочь людям понять актуальность библейской вести в совершенно другой культурно-языковой ситуации.

Ождин А. Найда и Вильям Д. Рейберн, «Сохранность смысла в разных культурах» (Meaning Across Cultures, Maryknoll, N.Y., Orbis, 1981), стр. 26-30.

шению к новорожденному. В таких случаях следует предоставлять людям дополнительную информацию в сносках и учить их понимать иудейские обычаи того времени. Точно так же многие народы совершенно не знают, что такое бросать жребий, и поэтому этот момент необходимо пояснить дополнительно. Но мы не имеем права добавлять эту информацию к тексту:

Более сложен вопрос идиом и образных выражений. Как, например, перевести «белее снега», «жернова» или «верблюды» тем людям, которые никогда не видели ничего подобного? Можно сказать «очень, очень белый», «тяжелый камень» и «животное под названием верблюд». Так, в некоторых частях Западной Африки слово «престол» переводится как «царский стул», а в других местах слово «волк» может переводиться как «шакал» или «животное, похожее на гиену». Найда и Рейберн отмечают:

В некоторых случаях прямой перевод невозможен из-за особых символических ценностей, ассоциируемых в этой культуре с теми или иными предметами. Например, в балийском языке ехидна считается райской змеей, поэтому фраза «порождения ехидны» (Мф. 3:7; 12:34; 23:33; Лк. 3:7) вряд ли будет воспринята как осуждение. Однако можно передать значение этой фразы, заменив ее на более общий термин, например «вредное животное».

Перевод имплицитных значений

Самая существенная проблема, с которой мы сталкиваемся, состоит в том, что слова в каждой культуре имеют имплицитные значения, отражающие мировоззрение данной культуры. Как мы уже убедились, на языке телугу нет слов с точно такими же значениями, что и у библейских слов «Бог», «люди», «грех», «спасение» и т.п. Как же нам сохранить смысл божественного откровения?

Взять, к примеру, слово «девуду», используемое первыми миссионерами для обозначения Бога в переводе Библии на язык телугу. Мы убедились, что это слово означает высшее существо, но отнюдь не первопричину всего. Существует много «дэвов», и все они принадлежат к преходящему миру иллюзий. Кроме того, нет принципиальной разницы между ними и людьми. Поэтому, пользуясь словом «девуду», мы теряем многие библейские значения, ассоциируемые с Богом. Он больше не является Творцом всего, и Его воплощение просто означает, что более высокое создание помогло более низкому. Очевидно, что использование этого термина представляет некоторые проблемы. Ну, а «парамешвара», «бхагавантхуду» и «ишваруду»? Они тоже относятся к этой вселенной и, как и «дэвы», в конце света перестанут существовать отдельно, слившись с Брахманом, источником всего. А как же слово «Брахман»? Дело в том, что это не личность, с которой можно иметь отношения, а высшая сила.

Что же делать переводчикам? Можно использовать слова, которые означают богов-личностей, как, например, «девуду», но они не вечны и не всемогущи; можно использовать слово «Брахман», но это не личность; или же можно ввести иностранное слово «Бог» или «Теос», но тогда их никто не поймет. При переводе часто возникают похожие дилеммы.

Реальность такова, что простого соответствия между словами в разных языках не существует. Следовательно, при переводе неизбежно некоторое искажение оригинала. Во-первых, теряется часть значения оригинала; во-вторых, добавляется значение, не присутствующее в оригинале (рис. 20).

Как избежать потери значения и добавления лишних значений при переводе Библии, а также в проповеди или учении? В некоторых случаях придется придумать новые слова или заимствовать их из другого источника. Например, в английской Библии есть еврейское слово «шекель» и латинское слово «cubit»), означающее локоть как меру длины. Но эти слова непонятны большинству читателей, особенно тем, кто не принадлежит к церкви.

Обычно следует выбрать наиболее подходящее слово из местного языка, а затем через проповедь и учение пояснять, чем библейское значение слова отличается от обычного значения в этой культуре. Например, в случае с переводом слова «Бог» на язык телугу можно использовать слово «девуду», потому что оно означает бога-личность, но затем нужно разъяснить, что Бог Библии является первопричиной и источником всего, а не просто высшим существом во вселенной и что люди – это отдельные творения, а не просто проявления одного божественного духа. Прояснять этот смысл нужно постоянно, потому что большинство людей среди *телугу* будут по-прежнему пользоваться словом «девуду» в его индуистском значении.

Примеры искажений смысла, происходящих в тех случаях, когда христиане не обращают внимания на скрытые значения символов своей культуры, можно найти и в западном христианстве. Мы видели, что большин-

В разных языках разные категории

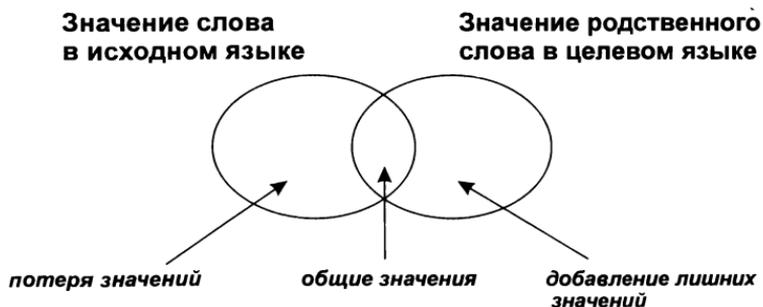

Рисунок 20

Сравнение трех мировоззрений: еврейское, греческое, современное

Рисунок 21

ство христиан на Западе ставят в один ряд «Бога», «ангелов» и «бесов» как существ сверхъестественных, отличая их от естественных существ, таких как люди и животные. Однако это граничит с ересью. В Библии прослеживается лишь одно существенное отличие – между Богом-Творцом и всем остальным творением. Никогда не следует ставить Бога в одну категорию с кем-либо еще.

Тогда почему же мы ставим Бога, ангелов и бесов в один ряд? Причиной тому является распространение на Западе греческого мировоззрения во время эпохи Возрождения (рис. 21). В еврейском мировоззрении Бог – это отдельная категория. Все остальное зависит от Его непрекращающейся работы в творении. Кстати, в иврите даже нет слова «природа» в смысле самоподдерживающегося космического порядка. Согласно же греческому мировоззрению, боги (*theoi*) принадлежат к области сверхъестественного, населенного всевозможными духовными существами. Естественная область включает в себя людей, животных, растения и другие объекты материального мира. Когда западная культура усвоила греческое мировоззрение, христианское богословие тоже восприняло его предпосылки. Одним из результатов стало представление о «двухъярусной» вселенной, в котором секуляризированная наука объясняет естественный порядок, а религия имеет дело со сверхъестественным.

Перевод Библии – сложная задача, и тому, кто за него берется, необходимо специальное образование. Но поскольку переводом библейских идей на язык и понятия местных культур приходится заниматься всем миссионерам, им тоже следует отдавать себе отчет в том, сколь многогранен этот труд.

Межкультурная коммуникация

Большую часть своего времени мы посвящаем коммуникации: разговариваем, читаем, слушаем радио, смотрим телевизор, одеваемся соответственно случаям и, как напоминают нам психологи, говорим сами с собой. Мы редко задумываемся о процессах коммуникации, потому что наше внимание сосредоточено на тех сообщениях, которые мы посылаем и получаем. Лишь когда коммуникация нарушается, мы начинаем анализировать процессы и думать, почему произошел сбой.

В действительности, любой процесс коммуникации охватывает несколько процессов, протекающих одновременно (рис. 22). Отправитель, намереваясь передать сообщение, кодирует его с помощью символов и отправляет получателю, который принимает символы и декодирует их, чтобы понять смысл сообщения. Затем следует ответ получателя. Все это происходит в определенном контексте, который влияет на конечный результат. Как мы увидим, сбои в этом процессе могут быть вызваны несколькими причинами, особенно в межкультурной ситуации.

Невербальная коммуникация (парасообщения)

Коммуникация происходит в трех рассмотренных нами аспектах культуры. На когнитивном уровне это передача информации, на аффективном – выражение чувств, на оценочном – передача оценочных суждений (например, одобрение или порицание). В большинстве случаев все три аспекта коммуникации происходят параллельно друг другу, хотя в центре внимания стоит какой-либо один из них.

Есть много способов передачи информации. Например, обряды или

Коммуникация как процесс передачи и приема информации

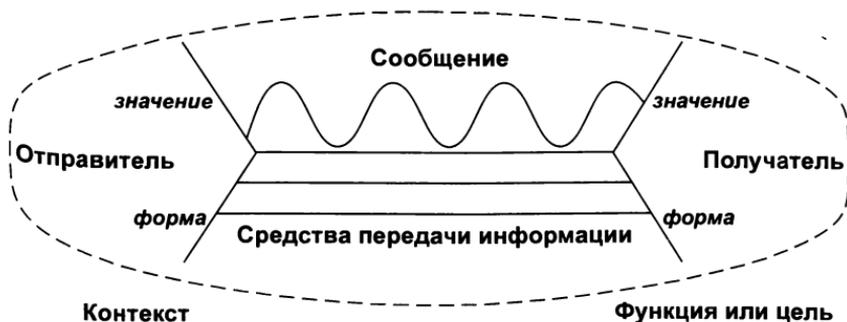

Рисунок 22

драматические постановки, в которых обыгрываются сообщения. Часто для этого используются знаки, например светофоры, поворотники и колокола. Но самый распространенный метод передачи когнитивной информации – это язык в устной или письменной форме, потому что абстрактные мысли человека лучше всего выражаются именно посредством слова. Следовательно, овладение местным языком особенно важно для миссионерской деятельности. Преодоление культурных границ не имеет смысла, если мы не можем эффективно донести Благою весть словами.

Наряду с когнитивными сообщениями, мы передаем чувства, эмоции и даже свое отношение к собеседнику. Мы выражаем радость или гнев по поводу обсуждаемого вопроса, шутим или говорим серьезно, выражаем печаль или сарказм, говорим сдержанно или критично. Для передачи чувств используем поэзию, возвышенную речь, иронические замечания, насмешки, проповеди и др. Мы также передаем свои оценочные суждения – своими словами и действиями мы показываем, верим ли мы людям, нравится ли нам то, что они говорят, считаем ли мы их честными или обманщиками.

В процессе обычной коммуникации в центре внимания, как правило, оказывается один из этих видов сообщений. Другими словами, это главное сообщение, которое мы стремимся передать. Например, преподавание в западной культуре сосредоточено на передаче когнитивной информации, а через музыку, поэзию, искусство и театр мы стараемся выразить чувства и настроения. В свою очередь, проповедь используется в большей степени для передачи информации и в меньшей – для выражения чувств, хотя в основном она сосредоточена на ценностях и принятии решений.

Хотя мы нацелены на передачу одного сообщения, бессознательно мы передаем намного больше. Например, в обычном разговоре мы стараемся выразить мысли, но через выражение лица, жесты, тон голоса, позу, расстояние между собеседниками и использование времени мы передаем чувства и ценности, такие как недоверие, участие, презрение, невнимание, согласие и любовь. Причем порой мы даже не подозреваем об этих второстепенных сообщениях.

Второстепенные (вспомогательные) сообщения, или парасообщения, создают непосредственный контекст, в котором протекает процесс коммуникации, чем определяют, как следует понимать главное сообщение. Например, они подсказывают, как нужно понимать значение слов говорящего: как иронию, сарказм, юмор, двусмысленность или в прямом смысле. Парасообщения также указывают на то, что говорящий думает о получателе.

Как правило, мы реже отдаем себе отчет во второстепенных сообщениях, потому что не они являются целью общения. Но они от этого не стано-

Процент запоминания информации

	Через три часа	Через три дня
<i>То, что мы слышим</i>	70%	10%
<i>То, что мы видим</i>	72%	20%
<i>То, что мы слышим и видим</i>	86%	65%

Таблица 4

вятся менее реальными. Оглядываясь в прошлое, мы часто вспоминаем переданные чувства гораздо живее, чем мысли. Мы также больше доверяем второстепенным сообщениям, чем основным. На этом уровне труднее солгать, ведь мы коммуницируем неосознанно и тем самым выражаем свои подлинные чувства. Например, ребенок может не сознаваться, что стащил печенье, но при этом у него виноватое лицо. Это одна из причин, по которой нам хочется видеть лица людей, беседа с ними.

Невербальная коммуникация играет важную роль в миссионерстве. Проповедуя Благою весть, можно заявлять, что мы любим людей, но невербальные сообщения могут громко кричать о том, что это совсем не так. Может быть, мы ощущаем себя «праведными», посещая своих знакомых, но они будут думать иначе, если мы не приглашаем их к себе. Невербальные сообщения важны не меньше слов, ведь если первые не совпадают со вторыми, люди перестанут нам доверять.

Способы передачи информации (вербальные и невербальные)

Как мы увидели, для передачи сообщения можно использовать много различных систем символов: слова, тон, жесты, место, время и т. п. Наш выбор будет зависеть от обстоятельств, личных предпочтений и культуры. У одних народов прикосновение служит обычным способом выражения симпатии, у других оно полностью запрещено. У одних танцы и обряды имеют важное значение, а у других – нет.

Обычно мы используем несколько средств передачи информации одновременно: одни для передачи сообщения, другие – чтобы выразить парасообщения. Бывают случаи, когда мы пользуемся несколькими средствами, чтобы усилить одно и то же сообщение. Это хорошо помогает запоминать сообщения (табл. 4). Три дня спустя мы помним в три раза больше того, что видели, чем того, что только слышали. Но когда зрение и слух используются вместе, мы запоминаем в шесть раз больше. Это имеет огромное значение для проповеди Благой вести.

Системы символов имеют еще одну важную функцию – хранение информации. Все народы хранят знание по-разному. Письменные народы зависят от письменных документов в такой степени, что практически не

применяют другие методы хранения информации. Мы делаем заметки, записываем свои мысли, читаем книги, журналы, надписи и рекламу. Мы строим библиотеки и подшиваем бесконечные кипы бумаг. В церкви мы знаем наизусть только начальные куплеты большинства гимнов. Без письменности мы бы потерялись.

Люди в бесписьменных культурах надеются на свою память, для чего усиливают ее различными средствами. Информация сохраняется в песнях, стихах, пословицах, загадках, обрядовых песнях и рассказах, которые помогают при необходимости восстановить ее. Чтобы закрепить нужные знания в памяти, люди в таких культурах часто прибегают к повторению или различным действиям: поют одни и те же песни по многу раз, разыгрывают истории в постановках, танцах и обрядах. Такие предметы культуры, как дома, храмы, изваяния и картины, служат важным инструментом для сохранения религиозных и других верований. Как мы уже видели, знания культуры ассоциируются с миром окружающей их природы.

Из вышесказанного можно сделать несколько выводов для проповеди Благой вести. Во-первых, нужно подбирать такие средства, которые соответствуют сущности передаваемого сообщения в той культуре, в которой мы их коммуницируем. Проповедники из письменных культур, где большой акцент делается на образованности, склонны считать единственными способами благовестия вербальную и письменную форму. Мы не понимаем того, что бесписьменные народы вовсе не «безграмотны» – они обладают колоссальным объемом культурных знаний и множеством способов их сохранения. В таких культурах нужно использовать местные средства для донесения Благой вести – конкретные и содействующие ее запоминанию. Не стоит совсем игнорировать письменность, но если мы хотим говорить с людьми на понятном им языке, важно использовать те средства, которыми этот народ уже располагает.

П.И.Люк и Джон Кармен отмечают важность пения для проповеди и запоминания Благой вести в бесписьменных народах. Исследования в нескольких деревенских церквях Индии, где большинство христиан неграмотны и не умеют читать, показывают, что у них есть богословие, сохраняющееся главным образом в песнях. Авторы назвали его «песенным богословием». Люди собираются по вечерам и по памяти поют по десять-двенадцать куплетов одной песни за другой. К счастью, большинство их песен имеет более глубокое богословское содержание, чем многие песни на Западе.

Отправитель и получатель

Сообщение предполагает наличие отправителя и получателя. Применительно к миссионерскому служению мы имеем в виду, что и те, и другие – люди. Процесс коммуникации начинается с отправителя, который выбира-

ет средства коммуникации и кодирует свое сообщение в форму символов (речь, жесты, письменное сообщение). В родной культуре подобный процесс доведен практически до автоматизма, так что мы редко задумываемся о нем. В итоге большая часть нашего внимания сосредоточена на формулировании сообщения. Только когда механизм дает сбой – например когда мы пытаемся говорить на другом языке, – мы начинаем давать себе отчет в процессе кодировки сообщения.

Кодировка зависит от многих факторов. Естественно, для передачи сообщения отправители используют символы данной культуры. Сюда относятся не только слова, но и жесты, использование времени и пространства и т. п. При этом нам не всегда очевидно то, что мы кодируем сообщения, руководствуясь собственным опытом. Выбор слов и произношение, те чувства, которые мы приписываем символам, и даже сами сообщения, которые мы посылаем, определяются такими факторами, как возраст, пол, положение в обществе, географическое положение, прошлый опыт и отношение к жизни. С другой стороны, важно помнить, что в коммуникации не все определяется культурой, так как у нее есть и личностное измерение.

Далее, кодирование принимает во внимание контекст. Каждый из нас по нескольку раз в день плавно перестраивается с одного набора символов на другой, с одного вида сообщения на другой в зависимости от того, где мы находимся и к кому обращаемся. Мы по-разному общаемся с друзьями, супругами, учителями, пасторами, полицейскими и начальниками. Свой язык существует в суде, политике, торговле, в каждой из наук, в религии и досуге.

И наконец, кодирование многослойно. Например, в простой беседе мы выбираем сообщение и облекаем его в слова, тщательно изменяя их по категориям времени, рода, числа, падежа и другим грамматическим признакам. Мы расставляем их в нужном порядке и произносим звуки с достаточной точностью, чтобы слушатель смог распознать их. Одновременно с этим мы практически неосознанно кодируем невербальные сообщения, которые выражают наше отношение к собеседнику и оценочные суждения тоном голоса, жестами и другими парасредствами.

В сознании получателя процесс протекает в обратном порядке: ему нужно декодировать полученные формы символов, чтобы получить их значения. Подобно отправителю, он пропускает принятое сообщение через призму убеждений и ценностей своей культуры и через личный опыт. Если слушатель принадлежит к культуре, враждебно настроенной по отношению к христианству, то, скорее всего, ему будет сложно беспристрастно выслушать Благоую весть. Может быть, вашей беседе предшествовал неприятный опыт общения с христианами, что тоже повлияет на отношение собеседника к Благой вести.

Таким же образом получатель декодирует невербальную информацию, которой пользуется для оценки главного сообщения. Можно говорить правильные вещи, но вряд ли кто поверит в них, если они произносятся презрительно и свысока. Как бы мы ни старались скрыть эти чувства, они все равно будут заметны.

Как определить, была ли коммуникация успешной? Обычно принято думать, что коммуникация состоялась, если нам удалось выразить (т.е. отправить) сообщение. Например, миссионеры оценивают успех коммуникации по количеству сказанных ими проповедей, проведенных библейских уроков и случаев свидетельства о Христе. Когда они сталкиваются с непониманием, то часто реагируют примерно таким образом: «Я же уже сказал, что...» или «Вы не слушали, когда я...». Во всех этих случаях они исходят из того, что коммуникация подразумевает только *отправку* сообщений.

Однако, поразмыслив, мы увидим, что коммуникация – это больше чем только отправка сообщений. Коммуникацию можно назвать успешной лишь в том случае, когда отправитель и получатель разделяют общую систему символов и когда второй понимает, что хотел сказать первый. Как отмечает Чарльз Крафт, успех коммуникации следует оценивать не по количеству посланных, а по количеству полученных сообщений. Другими словами, *коммуникация должна ориентироваться на получателя*. В проповеди нет смысла, если люди не понимают сказанного, так как проповедь должна быть понятной людям и отвечать на их духовные нужды.

Если процесс коммуникации должен быть ориентирован на получателя, тогда ответственность за то, чтобы сделать сообщение понятным, ложится на отправителя. Безусловно, бывают случаи, когда слушатели намеренно искажают значение услышанного, однако в большинстве случаев именно отправитель должен позаботиться о том, чтобы сделать свое сообщение ясным. Ему следует постоянно проверять, понимают ли его получатели, и если нет, то не нужно их в этом обвинять. Правильней будет найти более подходящий способ выражения своих мыслей и начать весь процесс сначала.

Информационные «фильтры» и обратная связь

Между смыслом отправленных нами сообщений и тем, как их поняли наши слушатели, может быть большая разница. Джеймс Энгель отмечает, что люди, как правило, видят и слышат то, что хотят видеть и слышать. Наши глубинные убеждения, чувства и ценности действуют подобно фильтрам, которые пропускают то, что мы хотим услышать, и отбрасывают то, что не хотим. Получатель информации может уклониться от самого акта коммуникации или не воспринимать сообщение, даже если слышит его. Далее, он может так истолковать его значение, чтобы оно удовлетворяло

его целям, если не желает меняться в ответ на него. С другой стороны, если получатель считает сообщение актуальным и полезным для себя, он старается внимательно слушать. Энгель подчеркивает тот факт, что аудитория может делать с полученной информацией все, что угодно: от нее зависит, будет сообщение приятно ей или нет. Поэтому очень важно стремиться сделать передаваемое сообщение ясным, достоверным и актуальным для тех, к кому мы обращаемся.

Как узнать, правильно ли понято наше сообщение? В этом помогает обратная связь, когда мы слушаем получателей сообщения. К сожалению, мы бываем настолько заняты отправкой сообщения, что совершенно неспособны услышать их отзывы. Поэтому, как отмечает Стивен Нил, коммуникация начинается с искусства слушания.

Слушание, кроме внимания к словам, еще означает, что нужно «настроиться на волну» парасообщений – чутко следить за выражением лица, жестами, тоном голоса и позами слушателей, потому что все эти знаки могут сказать многое как об отношении слушателей к нам, так и их реакции на сообщение.

Многие формы коммуникации, например проповедь, учение, радиовещание и распространение литературы, не дают возможности немедленной обратной связи. В этом случае следует подойти творчески и подумать, как можно оценить качество процесса коммуникации. К примеру, преподаватель может пригласить учеников к обсуждению темы, а затем внимательно слушать их комментарии. Миссионер может спросить у слушателей, что они поняли из его проповеди. Работник СМИ может провести анкетирование, чтобы узнать, какая аудитория слушает или читает его материалы и какова степень их понимания этих материалов. Во всех подобных случаях к результату нужно относиться как к своего рода судье – если наше сообщение не понято, значит, мы не смогли его ясно выразить.

Обратная связь должна корректировать способы нашей коммуникации быстро и постоянно. Если мы обнаруживаем, что сообщение не понимают на когнитивном уровне, нужно снизить темп, упростить материал, повторить его еще раз, проиллюстрировать на конкретных примерах или сделать паузу и выделить для вопросов. Если слушатели сомневаются, настроены враждебно или отвергают нас, вместо проповеди нужно сконцентрироваться на построении взаимоотношений. Полезно также исследовать свои парасообщения, чтобы выявить возможные источники непонимания на эмоциональном уровне.

Помехи

Еще одним препятствием в процессе коммуникации являются «помехи», то есть все, что отвлекает людей от принятия сообщения. Когда мы слушаем радио, то, если на какой-то волне слишком много шумов, мы пе-

реключаемся на другую станцию. Точно так же учащиеся теряют интерес к занятиям, если вентилятор работает слишком громко, если в классе слишком жарко или холодно, если у учителя странные манеры или сильный акцент. Подобным образом необычная одежда и повадки миссионера, его аппаратура или плохое знание местного языка – все это может мешать людям внимательно выслушать Благою весть.

Несоответствие слов делам проповедующего – еще одна разновидность помех. Когда миссионер говорит о жертвенности и простоте христианской жизни, но ездит на дорогом автомобиле и одевается в одежду от модных дизайнеров или, говоря о любви к людям, никогда не приглашает их к себе домой, то люди в таких случаях, как правило, больше доверяют невербальной информации.

Чужеродность – это вид несоответствия, характерный для межкультурных ситуаций. Наши сообщения могут быть понятны, но наши действия кажутся странными и отвлекающими. Например, миссионерки в Индии носили юбки до колена, не зная, что в этих деревнях обнажать икры ног считается непристойным. А в Новой Гвинее миссионеры не всегда делились с другими своими личными вещами, такими как пища, лампы, пишущие машинки и ружья, как это было принято у всех местных жителей.

Двусторонняя коммуникация

Личная коммуникация редко бывает односторонней. Нередко бывает так, что, едва собеседник начнет говорить, мы тут же начинаем обдумывать ответ. В свою очередь, пока мы говорим, он тоже только и ждет, чтобы вступить в разговор. В таком случае есть опасность того, что собеседники просто не слушают друг друга. Качественная коммуникация предполагает, что мы уделяем выслушиванию слов собеседника столько же времени, сколько своим собственным словам. Коммуникация подразумевает диалог, в котором обе стороны слушают и учатся друг у друга (рис. 23).

Двусторонняя коммуникация особенно важна в миссионерской работе. Мы обладаем бесценным сокровищем – Благой вестью, но нам также многому предстоит научиться у своих слушателей. Именно благодаря такому обучению мы отождествляемся с образом жизни местных жителей и создаем отношения взаимного доверия.

Интерпретация и отклик

Получатели интерпретируют информацию в рамках своего культурного контекста и личного опыта. Зачастую они выслушивают сообщение далеко не беспристрастно, отбрасывая то, чего не понимают или не хотят принять.

Понятое прибавляется к предыдущему запасу знаний, но при этом его значение часто изменяется таким образом, чтобы соответствовать прежним убеждениям. Следовательно, люди часто искажают сообщение, чтобы услышать то, что хотят слышать. По одним исследованиям, при обычной коммуникации в рамках одной культуры люди понимают всего лишь около 70% сказанного. В межкультурной ситуации этот показатель, вероятно, не превышает 50%. Поэтому нам так необходима обратная связь. Если мы хотим, чтобы нас поняли, нужно выражаться четко, ясно, конкретно и неоднократно повторяться.

Результатом двусторонней коммуникации является тот или иной отклик. Новая информация часто ведет к принятию решений. Когда люди получают точную информацию о Благой вести, они способны осознанно на нее откликнуться. Однако для принятия решений одной информации недостаточно, так как для большинства людей не менее важны чувства. Миссионеры, как и большинство людей в нашей культуре, научены принимать решения на основании логической информации. Однако в повседневной жизни, например при покупке машины или одежды, они тоже руководствуются предпочтениями, ориентируясь не только на качество, но и на цвет, фасон и т.д. Важно понять, что в отклике людей на Благоую весть чувства играют не менее важную роль, чем знание ее содержания.

Способы и контекст донесения Благой вести влияют на то, какие чувства она вызывает. Например, люди, только что научившиеся читать, особенно доверяют печатной информации. Опытные телезрители, напротив, цинично относятся к телевидению, хотя и продолжают его смотреть, чтобы получать нужную им информацию.

Двусторонняя коммуникация

Рисунок 23

На чувства людей также влияет степень доверия к говорящему. Если, по их мнению, он не заслуживает доверия, то сообщение не принимается. И наоборот, если они чувствуют, что миссионер действительно любит их, они более открыты к Благой вести.

Важнейшими решениями людей являются те, которые влекут за собой серьезные перемены в их жизни. Обращение – это прежде всего изменение на уровне ценностей. Изменений в познаниях и чувствах недостаточно. Только когда мы видим изменившееся поведение человека и преданность новым идеалам, можно говорить о господстве Христа в его жизни и начале процесса ученичества.

Однако принятые решения обычно переоцениваются в свете последующих событий. Люди, решившие обратиться ко Христу, позже могут не выдержать общественного давления или каким-то другим образом осмыслить свой отклик в свете новой информации. Особенно это относится к тем новообращенным, которые получают мало поддержки в вере со стороны поместной церкви. Как и все мы, они постоянно оценивают свои убеждения в свете убеждений наиболее окружающих, и, если не получают от них поддержки, их вера ослабевает. На успех коммуникации и принятие решений оказывают влияние не только личные факторы, но и динамика общественных отношений.

Коммуникация выполняет множество функций. Например, в учебном классе ее основной задачей является донесение и усвоение информации. Время от времени можно вставлять шутки, чтобы сделать работу более приятной, но развлечение не является нашей целью. И напротив, концерты организуются для развлечения и выражения чувств. Церкви существуют

Коммуникация выполняет разные функции

Коммуникативные функции

Когнитивная	– запрашивать и получать информацию
	– координировать деятельность
	– сохранять и передавать культурное наследие
Аффективная	– выражать чувства и настроения
	– развлекать
	– поклоняться
Оценочная	– формулировать и поддерживать социальные нормы
	– выражать статус и престиж
	– распределять общественные статусы и ресурсы

для поклонения и общения, а суды – для восстановления нарушенных прав и социальных норм (табл. 5).

Важно помнить, что для определенных функций используются соответствующие средства и они неодинаковы в разных культурах. Например, в племенных сообществах обучение и религиозное поклонение, как правило, выражается в обрядах. Сельские африканцы во время богослужений используют танцы, а индийцы – постановки и сольные песни. Проповедь в привычной для нас форме у таких народов является редкостью, они часто непонятны людям и быстро наскучивают. Но если в индийской деревне представить Благоую весть в форме спектакля, то большинство селян придут на него и пробудут до самого конца. Поэтому важно использовать те средства, которые приемлемы для передачи соответствующей информации в данной культуре.

Контекст

В заключение стоит упомянуть еще один важный аспект коммуникации – контекст. Коммуникация всегда происходит в определенной обстановке и по конкретному поводу, от чего будет зависеть характер информации и ее толкование. Слова, произнесенные актером в спектакле, могут иметь совершенно другое значение в реальной жизни. Жесты, которые мы используем в церкви, могут выглядеть неуместно в других ситуациях. Слова, которые судья произносит в зале судебных заседаний, обладают совершенно другим весом, чем те, что он произносит в беседе с другом. Так и сказанное миссионером в частной беседе будет воспринято не так, как сказанное с кафедры.

Важная составляющая любого контекста – это аудитория. До сих пор мы рассматривали коммуникацию между двумя людьми. Но в реальной жизни в этом процессе прямо или косвенно задействовано много других сторон. Это лучше всего видно в следующей иллюстрации. Двое студентов разговаривают между собой. Мимо проходит преподавательница. Чтобы впечатлить ее, они тут же переводят беседу на другой уровень. На первый взгляд может показаться, что они все так же продолжают говорить друг с другом, но на самом деле они теперь работают на более широкую публику.

Аудитория играет особенно важную роль в публичной коммуникации. Например, беседуя с людьми на полях служения, миссионер должен учитывать аудиторию своей миссионерской организации и направивших его церквей. И наоборот, выступая в своей родной церкви, ему нужно думать о том, как были бы восприняты его слова теми, среди которых он трудится. В прошлом национальные церкви ничего не знали о том, что миссионеры рассказывают о них на родине во время отпуска. Сегодня ситуация изменилась благодаря возможности путешествовать и широкому распространению публикуемых материалов.

Миссионер и коммуникация

Итак, как все вышесказанное применяется к служению миссионеров? Во-первых, нужно понимать, что в нашей работе эффективная коммуникация играет ведущую роль. Нет смысла жертвовать своей жизнью и ехать за десятки тысяч километров, если мы не способны преодолеть последние три метра. Коммуникация – сложный процесс, поэтому мы должны постоянно оценивать его эффективность. Тщательное обдумывание того, насколько успешно мы доносим (или не доносим) Благовую весть, будет очень полезным в нашей работе.

Во-вторых, следует обращать больше внимания на имплицитные элементы коммуникации. Мы посвящаем много времени изучению местного языка и культуры, но нас редко учат имплицитной стороне коммуникации. Далее, мы редко задаемся вопросом, какие способы коммуникации лучше всего подходят для проповеди Благой вести в данной культуре, особенно если принятые в ней способы передачи информации чужды нашей родной культуре. Как следствие, мы порой даже не замечаем наиболее эффективные способы достучаться до людей.

В-третьих, процесс коммуникации должен быть ориентирован на получателя. Вполне естественно думать наоборот: коммуникация – это то, что делаем мы. Но нужно научиться измерять ее эффективность тем, что и как слышат люди. Если они не понимают нас, нужно менять свои методы. Люди смогут ответить на весть о спасении лишь в том случае, если смогут понять ее в своем культурном и личном контексте.

Наконец, проповедуя Благовую весть, никогда не следует пренебрегать тем, что Святой Дух совершает Свой труд в сердцах слушателей, готовя их к принятию Благой Вести. Без этого никакое подлинное обращение невозможно. Чтобы донести Свое слово нам, а затем, через нас, и другим людям, Бог пользуется несовершенными средствами человеческой коммуникации. Он в силах употребить даже неумелую проповедь для свидетельства о Себе. Это совершенно не оправдывает недостаток хорошей коммуникации, но важно помнить, что в конечном итоге успех в коммуникации Благой вести зависит от Бога. Отсюда следует, что наше свидетельство всегда должно сопровождаться молитвой и послушанием водительству Святого Духа.

Критическая контекстуализация

Когда люди обращаются ко Христу, что им делать с обычаями и традициями своей культуры? И как миссионер должен относиться к традиционным для них убеждениям и образу жизни?

Прибывая в новый регион, миссионеры приходят не на пустое место: они находят общество с развитой культурой, удовлетворяющей основным потребностям людей и делающей жизнь возможной. Они также сталкиваются с философскими и религиозными убеждениями, дающими людям ответы на многие из важнейших вопросов. Как миссионерам относиться к существующим культурным убеждениям и обычаям? Считать их порочными или благими?

Традиционная культура

Как мы убедились, культура состоит из систем убеждений и обычаев, основанных на представлениях народа о себе, окружающем мире и высшей реальности. На какие именно убеждения и обычаи христианам нужно дать ответ?

Материальная культура

Люди производят предметы для потребления и развлечения. Они строят дома из ветвей, глины, камней или цемента. Изготавливают долбленые лодки, аутригеры, яхты и пароходы; нарты, повозки и самодвижущиеся экипажи; палки-копалки, мотыги, плуги и бороны; кожаные кошельки, корзины, кастрюли и урны. Приручают собак, свиней, кур, буйволов, лам,

слонов и обезьян; выращивают пшеницу, рис, ямс, перец, цикорий, сливы, кофе, люцерну, шпорник, пустырник, мятлик и тысячи других растений; а также ловят рыбу, птиц, крабов и амаров.

Люди изготавливают лекарства. Сельские жители Южной Индии размалывают листья деревьев индиго, сушеные плоды алычи и железный порошок, смешивая все это с соком корней дерева и овечьей мочой, а затем мажут седые волосы, чтобы они стали черными. Лечение от простудных заболеваний: употреблять горячую, соленую, острую пищу, часто сплевывать, делать массаж, нюхать табак и не спать.

Для лечения и защиты люди также используют заклинания и магию. Бирманцы лечат больных, погребая их фигурки в крошечных гробах. Сямские колдуны делают чучела опасно больных людей и читают над ними заклинания в уединенных местах. Мусульмане изготавливают миниатюрные Кораны и вешают на шею. А индийские крестьяне распевают священные мантры или делают магические начертания на медных пластинках, вешая их на руки или на пояс (рис. 24).

Другие предметы используются для религиозных целей. Если в племени *йоруба* в Западной Африке умирает один из близнецов, люди изготавливают фигурку, напоминающую очертания человека, которую мать носит с собой. Это не только не дает живому ребенку скучать по умершему близнецу, но также служит пристанищем духу умершего ребенка, который не будет беспокоить оставшегося в живых. Племя *хайда* с северо-западного побережья Северной Америки вырезает тотемные столбы в память о предках. Другие народности изготавливают фетиши, иконы, идолов, строят храмы, мечети, высоты и другие капища.

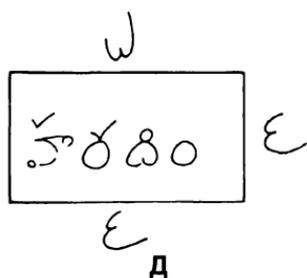
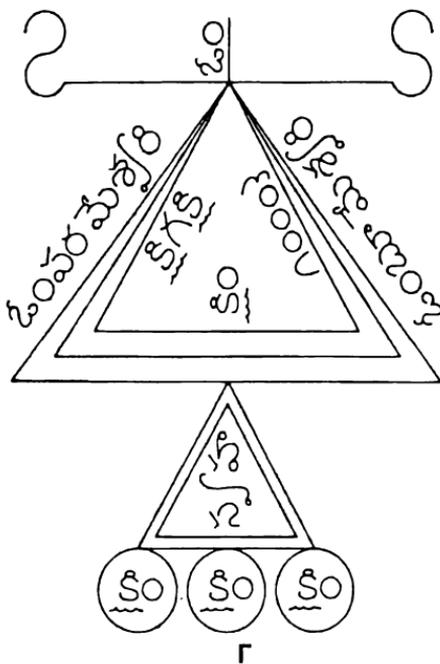
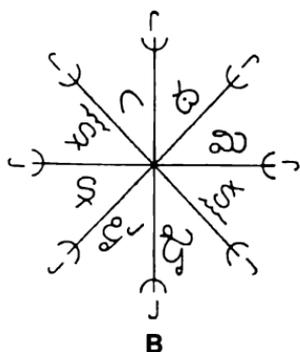
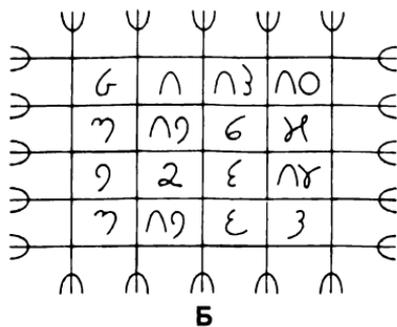
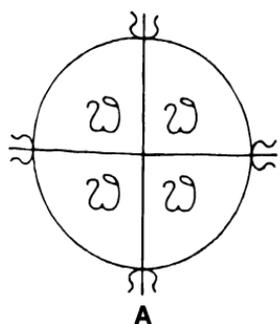
Христианин должен отреагировать на эти и множество других предметов материальной культуры. Как быть со всем этим?

Выразительная культура

Каждая культура дает народу способ выражения своих чувств, будь то радость или восторг в результате развлечения, горечь разлуки и смерти, творческие проявления местных художников или философов или благоговение и страх перед богами и духами.

Музыка – одно из самых распространенных средств выражения. В Центральной Африке она связана с обрядами и развлечением, активно использует барабаны и танцы. В Тибете о начале религиозных служб извещают звуком длинных труб. В Южной Индии во время посадки риса женщины поют трудовые песни. Ожидая смерть, американские индейцы поют своим духам-хранителям. Североамериканцы слушают классическую музыку, кантри и вестерн, джаз или рок.

Магические заклинания из Южной Индии

Правильное использование этих магических заклинаний в деревне в Южной Индии автоматически дает желаемый результат. Эти заклинания состоят из мощных образов, звуков и слов. А: Янтра от головной боли. Нужно начертить ее на латунной пластинке, обмотать ее ниткой, после чего зажечь перед ней свечу, посыпать желтым и красным порошком и привязать к голове. Б: Янтра от бесплодия. Написать на бумаге или медной пластинке и привязать к руке бесплодной женщины. В: Используется от малярии. Г: Богу Нарасимха, для силы и общей защиты. Д: Для молодых мужчин. Если написать ее на бумаге и привязать к руке, это вызовет любовь понравившейся женщины. (Существуют также заклинания, защищающие женщин от похотливых мужчин, которые пользуются этим заклинанием).

Люди поют о многом. Женщины из племени баленги в Центральной Африке поют такие колыбельные:

*Что плачешь ты, мое дитя?
Небо чисто, солнце светит.
Что плачешь ты?
Пойди к отцу, тебя он любит.
Пойди и расскажи ему, о чем ты плачешь.
Как! Все плачешь ты?
Тебя отец любит, тебя я ласкаю,
Но ты все печалишься.
Так расскажи же мне, дитя, что плачешь ты?*

Индийские матери поют дочерям:

*Будь благословенна, дочь царя гор,
Девушки будут петь о твоей красоте в золотой колыбели,
Спи, дитя с глазами, подобными лилиям, спи спокойно,
Ты избрана Шивой, играй своими игрушками.*

Люди также говорят пословицами и загадывают загадки. Афоризм одной индийской деревни гласит: «*Мухи, ветер, блудницы, нищие, крысы, вожжи деревень и сборщики налогов – эти семь всегда всем докучают*».

Другая пословица звучит так:

*Жена, которая отказывается доедать оставшееся после мужа,
в следующей жизни станет буйволом,
Жена, которая наряжается, когда муж в отъезде,
в следующей жизни станет свиньей,
Жена, которая ест до возвращения мужа,
в следующей жизни станет собакой,
Жена, которая спит на кровати и заставляет мужа спать на полу,
в следующей жизни будет змеей.*

Или вот еще:

*Святой, произносящий звук «Ом»,
Будет един с тобой,
О, великий бог Рама.*

В любой культуре люди молятся. Сельские жители Ганы молятся предкам во время погребальной церемонии:

Ты покидаешь нас сегодня; мы совершили твои похороны. Пусть никто из нас не заболевает. Да будут у нас деньги, чтобы расплатиться за твои похороны. Женщины да рожают детей. Да живем мы все. Да живет вождь.

А вот индейцы племени *пауни* из Северной Америки молились неизвестному всевышнему Богу:

*Отец, к тебе взываем мы!
Отец богов ты и людей,
Отец всего, что слышим мы,
Отец всего, что видим мы.
Отец, к тебе взываем мы!*

Также над реальностью человеческой жизни и судьбы размышляют народные поэты и философы. Часто они дают очень практичные ответы и глубокое понимание действительности. Один древнеиндийский мудрец так описал человеческую жадность в шуточной песне:

*Нищий на кладбище бежал,
Там «Встань, усопший друг!» – воззвал. –
Сними с меня мой тяжкий груз
Безденежья, ведь я томлюсь,
Желаю лучше я иметь
Покой твой – хорошо тебе».
Молчал покойник, думал: «Да,
Страшнее смерти – нищета».*

Рассказ – одна из наиболее распространенных форм устного народного творчества. Все народы рассказывают истории о превратностях жизни и странных обычаях других народов. Существуют сказки для детей, рассказы для женщин и мужчин. Люди рассказывают сказания о проис-

Демон, уничтоживший себя

Когда-то демон Басма учился у бога Ишвары наукам и искусству. Парвати, жена Ишвары, восхищалась учеником и просила Ишвару оказать ему особое благодеяние. Наконец Ишвара, благодаря просьбам жены, раскрыл демону тайную мантру, известную как «заклинания сущности огня», которая давала ему власть превращать все, к чему он прикоснется, в огонь и пепел.

Со временем Басма влюбился в Парвати и хотел соблазнить ее. Он решил прикоснуться к Ишваре, чтобы сжечь его, когда же тот увидел, что идет Басма, то убежал.

Великий бог Маха Вишну увидел это и решил покончить с демоном. Он принял обличье еще более прекрасной женщины и сотворил золотые качели. Когда Басма увидел качающуюся на качелях и поющую любовные песни женщину, то моментально влюбился в «нее» и спросил, кто она такая.

– Разве ты не видишь, я женщина! – отвечал Вишну.

– Ты замужем? – спросил Басма.

– Нет, – сказал Вишну.

– Выходи за меня замуж! – взмолился демон.

– Да, но я не доверяю мужчинам. Поэтому положи руку себе на голову и поклянись, что будешь верен и никогда не покинешь меня, – сказал Вишну.

Басма был так очарован, что забыл о заколдованной руке. Он прикоснулся к своей голове, чтобы поклясться в верности прекрасной женщине, и тут же превратился в пепел.

хождении мира и своего племени. Подобные рассказы, которые также называют мифами, передают фундаментальные представления о природе вещей, особенно о природе человека и его связи с предками, духами и богами.

В таких религиях, как буддизм, ислам и индуизм, эти истории и связанное с ними религиозное учение собраны в священных книгах: Трипитака (буддизм), Коран (ислам), Веды и Пураны (индуизм).

Ритуальная культура

В другой культуре миссионерам сложнее всего касаться обрядов, потому что обычно они повествуют о важнейших моментах жизни и отражают глубинные убеждения народа. Как христианам относиться к ним?

Обряды жизненного цикла. Все люди задаются вопросом о смысле жизни. Отчасти это выражают обряды, отмечающие такие события, как рождение, посвящение во взрослую жизнь, брак и смерть. Они часто раскрывают наиболее важные представления людей о природе и судьбе человека и его месте в мире.

Ребенок становится человеком не только благодаря биологическому рождению. Он должен превратиться в социальную личность, члена общества. Часто это совершается через загадочные обряды, благодаря которым ребенок становится человеком. Например, в африканском пле-

мени чагга ребенка официально показывают родственникам матери на четвертый день после рождения. Через неделю, пройдя сложную церемонию, он становится членом клана отца. Еще через месяц его выносят на улицу и поднимают по направлению к снежной вершине Килиманджаро с молитвой: «Наш Бог, наш Вождь, веди этого ребенка, и пусть он растет и поднимается, как дым!».

Омодо

Вальтер А. Тробиш

Во время одной из своих поездок я пошел в африканскую церковь, где меня никто не знал. После служения я разговорился там с двумя мальчиками.

- Сколько у тебя братьев и сестер? – спросил я первого.
- Три.
- Они все из одной утробы?
- Да, мой отец христианин.
- А у тебя? – обратился я ко второму.

Мальчик замедлил с ответом: он считал в уме. Я тут же понял, что он из семьи многоженца.

- Нас девять, – наконец сказал он.
- Твой отец христианин?
- Нет, он многоженец, – прозвучал типичный ответ.
- Ты крещен?
- Да, и все мои братья и сестры тоже, – добавил он с гордостью.
- А их матери?
- Они все крещены, но только первая жена принимает причастие.
- Отведи меня к отцу.

Мальчик привел меня на подворье с отдельными хижинами. Там царил чистота, порядок и благосостояние. У каждой жены была отдельная хижина и кухня. Отец, симпатичный высокий и полный представительный мужчина средних лет, принял меня без всякого смущения и с нескрываемой радостью. Назовем его Омодо. Он был осмотрительным, умным, хорошо образованным человеком с ясным умом и редким чувством юмора. Он не стал извиняться за многоженство – он им гордился. Позвольте изложить краткое содержание нашего разговора, который продлился несколько часов.

– Добро пожаловать в хижину бедного грешника! – эти слова сопровождались добросердечным смехом.

– Скорее, богатого грешника, – парировал я.

– Святые редко заходят в это место, – сказал он, – не хотят заразиться грехом.

– Однако они не боятся принимать твоих жен и детей. Я только что познакомился с ними в церкви.

– Я знаю. Каждому из них я даю по монете для пожертвований. Кажется, я даю половину бюджета церкви. Они с радостью берут мои деньги, но со мной не хотят иметь ничего общего.

Я сидел задумавшись. Через некоторое время он продолжил:

– Мне жаль пастора. Отказываясь принимать деревенских многоженцев в члены церкви, он сделал паству бедной и зависимой от субсидий из Америки. Он создал церковь из женщин, которым каждое воскресенье говорит о том, что многоженство – это грех.

– Но разве твою первую жену не задело, когда ты взял вторую?

Омодо посмотрел на меня чуть ли не с жалостью:

– Это был счастливейший день ее жизни, – наконец сказал он.

– Расскажи мне, как все произошло.

– Однажды она вернулась домой с огорода, принесла воду и дрова. Она стала готовить ужин, а я сидел у хижинки и смотрел на нее. Вдруг она повернулась ко мне и стала насмехаться надо мной. Она назвала меня бедняком, потому что у меня только одна жена. Она указала на жену соседа, которая могла заниматься детьми, в то время как другая жена готовила еду.

– Бедняк, – повторил Омодо, – я многое могу вынести, но только не это. И я вынужден был признать, что она права. Ей действительно нужна была помощь. Она уже выбрала для меня вторую жену, и они прекрасно ладят.

Я обвел глазами двор и увидел красивую молодую женщину 19 – 20 лет, выходящую из одной из хижин.

– Мне было туго, – добавил Омодо. – Ее отец назначил за нее очень высокий выкуп.

– Ты хочешь сказать, что именно та жена, которая толкнула тебя на многоженство, единственная в семье принимает причастие?

– Да, она рассказала миссионеру, как ей трудно делить любовь ко мне с другой женщиной. По правилам церкви, на моих женах нет греха, потому что у каждой из них только один муж. Я, отец, единственный грешник в семье. Поскольку грешники не допускаются к причастию, я не могу в нем участвовать. Понимаешь, пастор?

Я совершенно запутался.

– И еще, – продолжал Омодо, – они все молятся, чтобы я был спасен от греха, только они не согласовали, от какого греха меня нужно спасать.

– Как это?

– Ну, пастор молится, чтобы я перестал совершать грех многоженства. Мои жены молятся, чтобы я не совершил греха развода. Интересно, кого первого услышат?

– То есть твои жены боятся, что ты станешь христианином?

– Они боятся, что я стану членом церкви. Скажем так. Для меня это разные вещи. Понимаешь, они могут иметь со мной близость, только если я не принадлежу к церкви. Если я стану членом церкви, их брачные отношения со мной станут греховными.

– А ты хочешь стать членом церкви?

– Пастор, не искушай! Как можно стать членом церкви, если это означает неповиновение Христу? Христос запретил развод, но не многоженство. Церковь же запрещает многоженство, но требует развода. Как я могу стать членом церкви, если хочу быть христианином? Для меня единственный способ быть христианином – оставаться вне церкви.

– А ты разговаривал об этом с пастором?

– Он не смеет со мной об этом говорить, потому что прекрасно знает, что у некоторых из дьяконов есть вторая жена, но тайно. Единственная разница между нами в том, что я честен, а они лицемеры.

– А миссионер с тобой разговаривал?

– Да, один раз. Я сказал ему, что с таким высоким уровнем разводов в Европе у вас просто последовательная форма многоженства, а у нас одновременная. Ему этого хватило. Больше мы не встречались.

Мне нечего было сказать. Омодо проводил меня в деревню. Ему явно нравилось, что его видят с пастором.

– Но скажи, почему ты взял третью жену? – спросил я его.

– Я ее не брал. Я унаследовал ее от своего покойного брата вместе со всеми детьми. Вообще-то, мой старший брат должен был взять ее в порядке очереди. Но он дьякон в церкви. Для него предоставить такую защиту вдове – грех.

Я посмотрел ему в глаза:

– Ты хочешь стать христианином?

– Я христианин, – ответил Омодо без улыбки.

Я медленно шел по тропинке, и мне на ум пришел стих: «Вожди слепые, оцезивающие комара, а верблюда поглощающие!».

Как церковь может взять на себя ответственность за Омодо? Мне очень жаль, что больше я не встретился с Омодо, ведь я познакомился с ним во время поездки. Я просто передаю вам содержание нашего разговора, потому что в нем вкратце отражается отношение многоженца к церкви. Всегда полезно посмотреть на себя со стороны.

Я задал себе вопрос: а что бы я делал на месте пастора в деревне Омодо?

Племя *кикуйю* из Восточной Африки после рождения ребенка зарывает его плаценту на целинном поле и покрывает это место травой и зерном, чтобы дать ребенку силу, а матери – способность рожать еще. Если родилась девочка, отец срезает четыре стебля сахарного тростника, а если мальчик, то пять, дает сок матери и младенцу, а остатки зарывает справа от дома, если родился мальчик, и слева, если девочка. Чтобы отпраздновать

это событие, он приносит в жертву козла, а чтобы очистить дом, приглашает знахаря. Четыре или пять дней мать и дитя проводят одни, а муж приносит овец в жертву благодарения Богу и предкам.

Центральным обрядом жизни в большинстве сообществ является свадьба. Она изменяет общественный порядок, отпуская из отчего дома одного или обоих супругов. Брак создает семью, говорит о плодородии и детях; ему часто приписывается глубокий религиозный смысл. У народа бхотия в Тибете этот процесс занимает по меньшей мере три года! Вот некоторые этапы этого процесса: 1) астрологи определяют, будет ли брак счастливым; 2) дядя девушки и юноши выступают посредниками и обмениваются подарками в момент произнесения обещаний; 3) посредники устраивают пир и призывают на пару благословение богов; 4) через год все родственники с обеих сторон приходят на большой пир, где выплачивается выкуп за невесту; 5) еще через год астролог вычисляет благоприятное время для соединения жениха и невесты, ламы или священники приходят на праздник, двое «похитителей» пытаются украсть девушку, но их прогоняют, гости дарят невесте подарки, и девушка возвращается домой, 6) еще через год родители дают невесте приданое и везут ее в дом жениха. На этом брачные церемонии заканчиваются.

Похороны – один из самых устрашающих обрядов. Широко распространено верование, что дух усопшего отходит к предкам или несколько лет остается недалеко от дома, влияя на дела живых. Похороны также могут привлечь злых духов, которые будут досаждают ближайшим родственникам усопшего.

Похожие верования бытуют в Индии в народности кол. Сразу после смерти труп кладут на землю, чтобы душа могла найти путь к подземному жилищу мертвых. Тело омывают и красят в желтый цвет, чтобы отогнать злых духов, которые пытаются помешать душе в пути. Затем умершего кладут на погребальный костер вместе с рисом и его инструментами. В рот покойнику кладут рисовые лепешки и серебряные монеты на дорогу в загробный мир. После кремации мужчины собирают кости, складывают в горшок, который подвешивают в доме умершего. По дороге на землю бросают рис на случай, чтобы, если душа, несмотря на все предосторожности, вернется, ей было что покушать и она не причиняла никому вреда. Через некоторое время покойник «сочетается» с духами подземного мира, это сопровождается песнями, танцами и пиршеством. Наконец, кости хоронят в поле.

Обряд посвящения менее всего понятен западным миссионерам. Большинство жителей земного шара вводят детей во взрослую жизнь через ритуал, который нередко связан с испытанием страданиями, отделением от родителей и деревни, а также посвящением в гендерные роли взрослых. Те, кто эти обряды не прошел, считаются детьми или неполноценными людьми вне зависимости от их возраста.

Например, у народа *чагга* в Восточной Африке существует несколько ритуалов, знаменующих переход во взрослую жизнь. Когда дети достигают полового созревания, им прокалывают уши. Эта церемония по-особому связывает их с дедами по линии отца, а также с дядьями по линии матери. Затем их церемониально посвящают в домашнюю и сельскохозяйственную работу, и, в признание их нового статуса, им впервые предлагают попробовать дичь и пиво. С этого момента подростки узнают о своих предках через рассказы и песни. Затем, примерно в двенадцать лет, им удаляют два нижних зуба и приносят их в жертву первому предку. И наконец, им делают обрезание. Этот ритуал превращает девочек и мальчиков в женщин и мужчин.

Считается, что через эти обряды посвящаемые умирают для детства и возрождаются в мир взрослых. Так, в племени *коре* в Западной Африке мальчиков на пятнадцать дней отводят в лес. Роща посвящения расположена к западу от деревни – символ смерти, которую им предстоит пережить. В роще старейшины хлещут их колючими ветками и горящими факелами. Ветки символизируют боль ухода из прежней жизни и трудности в приобретении новых знаний, а факелы – божественное просвещение.

Теперь считается, что посвящаемые «мертвы», захоронены в роще и обнесены колючими заборами. В то же самое время они считаются зародышами, которые вот-вот возродятся уже взрослыми. Матери приносят в лес пищу, но не видят своих сыновей, которые остаются совершенно беспомощными и пассивными; их должны кормить старейшины.

Наконец, новичков накрывают большим одеялом из шкур животных, а ведущий распевает над ними молитву воскресения и плодородия: «Если небо искривилось, будет дождь. Пусть пшеница будет много, пусть рождаемость умножается, пусть болезни уйдут, пусть мертвые (посвящаемые) вернуться к жизни навеки и веки, и веки». Когда одеяло снимают, новички возрождаются во взрослую жизнь.

Некоторые обряды посвящения знакомят с половой жизнью. Ричард Турнвальд описывает сложный обряд посвящения девушек из племени *банаро* в Новой Гвинее:

В течение девяти месяцев девушек держат в запертой комнате в родительском доме и дают им вместо воды суп из саго... Наконец, женщины открывают комнату, девушек выпускают оттуда и разрешают выйти из дома. Женщины берут заранее приготовленные кокосы и бросают их в девушек, одновременно заталкивая их в воду и продолжая швырять в них кокосы. Девушки выбираются из реки на берег, получают порцию саго и свинины, а затем их наряжают и украшают серьгами, палочками для носа, бусами, браслетами и ароматическими травами. После этого женщины совершают танец.

В тот же самый вечер... на улицах деревни собираются мужчины. Старики совещаются друг с другом, распределяя девушек по обычаю. Мне

так объяснили этот обычай. Девушкой должен овладеть отец выбранного жениха, но он «стыдится» и просит своего родственника, своего мунду, посвятить ее в тайны супружеской жизни вместо него. Этот человек соглашается. Мать девушки передает ее отцу жениха, говоря ей, что тот поведет ее на встречу с домовым...

Жениху не позволено прикасаться к девушке, пока та не родит ребенка. Этот ребенок называется «ребенком домового». Когда он появляется на свет, мать говорит: «Где твой отец? Кто был со мной?» Жених отвечает: «Я не его отец. Это ребенок домового». На это она отвечает: «Я не знала, что была с домовым».

В свою очередь, жениха в племени *банаро* в интимную жизнь посвящает жена друга его деда.

Обряды исцеления и достижения процветания. Все народы ищут процветания в виде потомства, хорошего урожая, успеха в любви или особой власти. Также все сталкиваются с болезнями, смертью, засухой, наводнениями, землетрясениями и т. п. У каждого народа есть народные средства для борьбы с этими напастями. Но что делать, если человеческого знания недостаточно? В такие моменты многие народности обращаются к религиозным и магическим ритуалам.

Например, девушки в Гвинее в Западной Африке приносят фетишам вырезанные фигурки кормящих грудью женщин, если хотят забеременеть, а юноши стреляют из ружей и угрожающе размахивают мечами, желая прогнать демонов. У чукчей дух исцеления овладевает шаманом, он начинает говорить на непонятных языках и отправляется в мир духов, чтобы привести назад заплутавшую душу больного. Во времена Нового Завета греки ходили к оракулам, предрекавшим будущее и помогавшим людям избежать опасности.

Многие народности боятся злых духов и знают, как изгнать бесов из человека или целых селений. На Бали на перекрестке дорог за деревней готовят пир для бесов. Затем, размахивая зажженными от святого огня в храме факелами и производя сильный шум, демонов сгоняют на застолье. Затем все вдруг стихает, и люди крадучись идут домой, оставляя бесов пировать. Весь следующий день стоит тишина и люди не работают. После пира демоны хотят вернуться домой, но, поскольку в деревне не слышно никаких звуков, они думают, что там никого нет, и уходят.

Годичный цикл

Многие ритуалы по природе коллективные и отмечаются всем сообществом. Среди них годовые циклы, отмечающие смену времен: начало

года, недельные циклы и лунные фазы, посев или сбор урожая и другие ритуалы плодородия, а также смена времен года.

Например, китайцы в полночь на Новый год на полчаса закрывали ворота между китайской и монгольской частями Пекина. На двери домов и посудные горки вешались кусочки красной бумаги и подобные предметы. После этого приносили жертвы предкам и богам и все родственники, собравшиеся на встречу Нового года, ели праздничный ужин. Многие китайцы все еще устраивают фестиваль голодных духов, в ходе которого кормят духов блуждающих предков, чтобы ублажить их и удержать от вреда живым.

Подобным же образом индусы, мусульмане и буддисты совершают множество ежегодных обрядов, отмечающих важные события в религиозном календаре. К этому нужно добавить национальные или светские праздники, такие как день независимости, день памяти и дни рождения национальных героев.

Празднества, ярмарки и паломничества

Люди любят праздники. Не стоит удивляться, что они используют любой удобный случай, чтобы попеть, потанцевать, поиграть и разделить совместную трапезу.

Существует много различных праздников: светских и религиозных, радостных и грустных, региональных и государственных. Например, все мусульмане отмечают Рамадан и Курбан-байрам, а многие из них соблюдают дни *вали*, или святых. На протяжении первых одиннадцати дней после Нового года у китайских буддистов проходит праздник прощения, а в течение всего года они чтят различных бодхисатв или низших богов. Индусы отмечают празднества *холи*, *дивали*, *угади*, *маха-шиваратри* и множество других. Проведенное в одной индийской деревне исследование показало, что в течение года на праздники индуистские, мусульманские, христианские или кастовые приходится триста дней!

У христиан тоже есть свои религиозные праздники: день святого Фомы Кентерберийского (29 декабря), Богоявление (6 января), Чистый понедельник, Пасха, Вознесение, Пятидесятница и, конечно же, Рождество.

Во многих культурах существуют и другие обряды, например религиозные ярмарки с базарами и уличными представлениями, спектаклями, песнями и религиозными процессиями; народные пиршества и празднества; спортивные мероприятия, паломничества по святым местам.

Отношение к традициям

Как христианам относиться к этому? Как новообращенным относиться к своему культурному прошлому: пище, одежде, лекарствам, песням,

танцам, мифам, ритуалам и всему, что составляло неотъемлемую часть их жизни до того, как они услышали Благою весть? Какова ответственность миссионеров в данных вопросах перед молодыми церквями? Насколько можно адаптировать Благою весть к культуре, чтобы она при этом не потеряла своей сути? Кто должен принимать решения в отношении старой культуры? Мы каждый день сталкиваемся с этими важнейшими вопросами в своем служении.

Отрицание прошлого: отказ от контекстуализации

В прошлом решения часто принимали миссионеры, и они были склонны отвергать большую часть старых обычаев как «языческих». Они часто осуждали барабаны, песни, спектакли, танцы, украшение тела, особый тип одежды и пищи, брачные церемонии и похоронные обряды, потому что считали, что все это прямо или косвенно связано с традиционной религией и потому неприемлемо для христиан.

Иногда причиной отрицания был этноцентризм миссионеров, которые уравнивали Благою весть с собственной культурой и, следовательно, считали все остальные традиции негодными. Иногда миссионеры понимали, что в традиционной культуре трудно провести четкую границу между религиозными и нерелигиозными обычаями. Во многих сообществах религия – центр культуры, ею пропитано абсолютно все, не существует различия между религиозными и светскими убеждениями, поведением и учреждениями, как в современном обществе. Но даже эти миссионеры считали, что большую часть обычаев нужно отвергнуть без разбора из-за их религиозного подтекста.

Такое огульное отвержение культурных традиций создало массу проблем. Во-первых, образовался культурный вакуум, который нужно было чем-то заполнить, и слишком часто это делалось за счет импортирования традиций миссионера. Вместо барабанов, кимвалов и других народных инструментов появлялись органы и пианино. Вместо создания новой поэзии, которая ложилась бы на народные мелодии, переводили западные гимны и песни. Циновки заменяли скамьями, строили церковные здания в британско-американском стиле, хотя они не вписывались в пейзаж с вигвамами или глиняными хижинами. Пасторы должны были проповедовать в костюмах при сорокаградусной жаре перед едва одетой аудиторией. Поэтому неудивительно, что христианство часто считалось иностранной религией, а новообращенные христиане – чужаками в родной стране.

Неудивительно также, что христианство часто неправильно воспринималось. Например, миссионеры в Индии отказались от красных сари для невест, поскольку этот цвет носили индусы. Взамен они ввели белые сари, которые должны были символизировать чистоту, – не отдавая

себе отчета, что в Индии красный цвет означает плодородие, а белый – бесплодие и смерть.

Вторая проблема, связанная с подавлением старых культурных обычаев, состоит в том, что они просто уходят в подполье. Например, в Африке часто формальное христианское бракосочетание проводят в церкви, после чего возвращаются в деревню на традиционное празднование. В конечном счете, если языческие обычаи практикуются тайно, они смешиваются с христианским учением и образуют «двоеверие» – синкретическую смесь христианских и нехристианских верований. Так, африканские рабы в домах латиноамериканцев учили детей своих хозяев поклоняться африканским духам. Когда дети выросли и начинали ходить в католическую церковь, они объединяли католическое почитание святых и африканские народные верования в особую форму поклонения духам, выглядевшее по-христиански.

Третья проблема, связанная с огульным отвержением традиционной культуры, в том, что миссионеры и руководство церкви становятся полицейскими, а новообращенные не растут, так как им не дают принимать собственные решения. Церковь растет духовно, только если ее члены учатся самостоятельно применять учение Библии к своей жизни.

Принятие прошлого: некритическая контекстуализация

Второй подход к прежним обычаям состоит в некритичном принятии их в церкви. Старые культурные обычаи считаются в основном безвредными, и при обращении в христианство от народа требуются минимальные изменения или вообще не требуются.

Защитники этого подхода обычно испытывают глубокое уважение к другим народам и их культуре и понимают, насколько народ ценит свое культурное наследие. Они также признают, что «чуждость» Благой вести была одним из главных препятствий к ее принятию во многих странах. Поэтому они призывают к некритической контекстуализации, сводящей к минимуму изменения в жизни новообращенных.

У этого подхода также есть серьезные минусы. Во-первых, он не учитывает, что наряду с личными прегрешениями существуют коллективные грехи и грехи культуры. Грех может гнездиться в структуре и обычаях общества и выражаться в форме рабства, угнетающих структур и секуляризма. Грех содержится в культурных убеждениях людей и проявляется в коллективной гордости, обособлении от других народов и идолопоклонстве. Благая весть призывает к покаянию не только отдельных людей, но и целые народы и культуры. Контекстуализация должна означать передачу Благой вести понятным народу способом, который ставит людей по отдельности и коллективно перед решением отречься от своих порочных обычаев.

Поскольку христиане первого поколения часто особенно глубоко чувствуют призыв к изменению, они решительно отвергают некоторые старые обычаи. Они слишком хорошо понимают их значение и поэтому, став христианами, не хотят иметь с ними ничего общего. Однако отвержение старого самим народом радикально отличается от перемен, навязанных им извне.

Второй минус не критической контекстуализации состоит в том, что она ведет к синкретизму. Если христиане будут сохранять верования и обычаи, противоречащие Благой вести, то со временем они смешаются с их новой верой и породят различные формы неоязычества. Совершенно очевидно, что новообращенные приносят с собой багаж прошлых обычаев и не могут мгновенно изменить все, что нужно. Даже у зрелых христиан многие сферы жизни нужно пересмотреть в свете библейской истины. Но все они должны возрастать во Христе, а это означает, что необходимо постоянно сверять свою христианскую жизнь с нормами Писания. Этот критический настрой отсутствует в наивной контекстуализации.

Преобразование прошлого: критическая контекстуализация

Если миссионерское служение одинаково страдает и от полного отвержения, и от не критического принятия старого, что же нам и новообращенным делать с их культурным наследием? Третий подход можно назвать критической контекстуализацией. В этом подходе старые обычаи и традиции не отвергаются и не принимаются без рассмотрения. Сначала их изучают, определяя отведенное им в культуре значение и место, а затем оценивают в свете библейских норм (рис. 25).

Как это происходит? Во-первых, индивидуум или церковь должны осознать необходимость подходить ко всем сферам жизни с библейской точки зрения. Это понимание может возникнуть, когда молодая церковь столкнется с рождением детей, браками или смертью. Тогда-то и нужно решать, какими должны быть христианские обряды, связанные с рождением, браком и похоронами. Или же оно может возникнуть, когда члены церкви увидят необходимость рассмотреть и другие обычаи своей культуры. Важнейшей задачей руководства церкви является определение сфер жизни, которые следует подвергнуть критическому рассмотрению, ведь если церковь не будет взаимодействовать с окружающей культурой, в общину могут незаметно проникнуть псевдохристианские обычаи. Это видно на примере не критического усвоения в западных церквях окружающих нас обычаев свиданий, свадеб, похорон, а также музыки, развлечений, экономических структур и политических традиций. Никогда не следует забывать, что вера призывает нас к новым убеждениям и изменению жизни.

Отношение к прежним обычаям

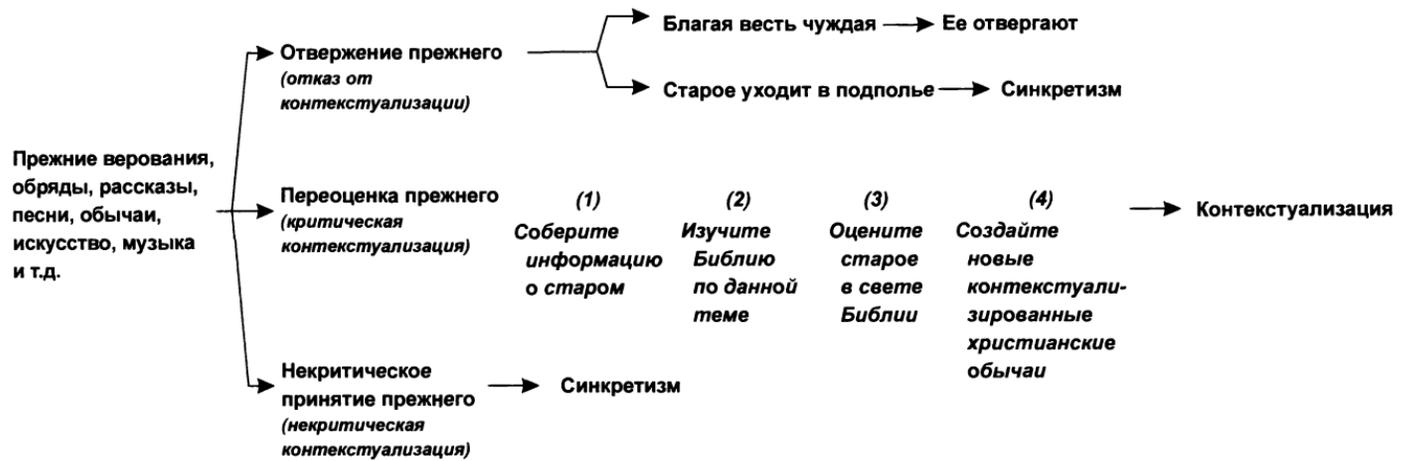

Рисунок 25

Во-вторых, местное руководство церкви и миссионеры должны помочь общине собрать информацию и проанализировать связанные с рассматриваемым вопросом обычаи, *не подвергая их критике на данном этапе*. Например, рассматривая похороны, нужно проанализировать обряды, сначала описав каждую песню, стихотворение, танец, рассказ и действие, составляющие церемонию, а затем обсудить их значение и место в обряде. В данный момент наша цель – понять старые обычаи, а не оценить их. Если мы сразу подойдем к традиционным верованиям и обрядам критично, с нами не станут открыто говорить о них, боясь осуждения. Мы просто загоним старое в подполье.

В-третьих, пастор или миссионер должен вести в церкви изучение Библии в связи с этим вопросом. Например, похороны или свадьба – это хорошая возможность показать представления христиан о браке и смерти.

Это очень важный шаг, потому что, если народ не будет ясно понимать и принимать библейское учение, они не смогут разобраться со своим культурным прошлым. Здесь наибольший вклад пастора или миссионера – экзегеза библейской истины. Очень важно также, чтобы община принимала активное участие в изучении и толковании Писания и чтобы прихожане могли расти в умении различать истину.

В-четвертых, община должна критически оценить свои старые обычаи в свете новых библейских идей и принять решение об их использовании. Очень важно, чтобы верующие сами принимали решение, потому что для изменения жизни им нужно быть уверенными в библейской истине. Для перемен недостаточно одной лишь уверенности руководства в их необходимости. Руководители церкви могут рассказать о своих личных убеждениях и указать на последствия различных решений, но, если они не хотят превратиться в полицейских, необходимо позволить прихожанам самостоятельно принять окончательное решение. В конце концов люди сами начнут действовать в соответствии с принятым решением и отвергнутый ими обычай уже не уйдет в подполье.

Оценка народом собственной культуры исходит из его сильных сторон. Люди знают свою культуру лучше миссионеров, и им легче критиковать ее, если они утвердились в библейском учении. К тому же, учась применять принципы Писания в жизни, они растут духовно.

Община может по-разному реагировать на старые верования и обычаи. Многие сохраняются, потому что они не противоречат Библии. Например, западные христиане считают, что вполне приемлемо есть гамбургеры, петь светские песни вроде «Дом на просторах», носить деловые костюмы или водить машины. Их культура немногим отличается от культуры нехристиан, и многое в ней взято из их дохристианского прошлого.

Другие обычаи будут решительно отвергнуты общиной как неподобающие. Причины этого не всегда очевидны для миссионера или другого постороннего человека. Они могут и не видеть большой разницы между песнями и обрядами, которые местные верующие отвергают, и теми, которые оставляют. Но местные жители лучше знают глубокое скрытое значение своих обычаев и их смысл в культуре. С другой стороны, иногда миссионеру придется поднять вопросы, которые люди не учли, потому что сами они часто не осознают предпосылки своей культуры.

Иногда люди преобразуют старые обычаи и придают им явно христианское значение. Например, Чарльз Уэсли писал христианские тексты на мелодии популярных кабацких песен. А первые христиане использовали синагогальный стиль поклонения, изменяя его под свои убеждения. Они также собирались в дни языческих празднеств, чтобы отмечать христианские события, например рождение Христа. Со временем языческие значения забылись. В наши дни подружки невесты являются для западных христиан символом поддержки и дружбы. Однако в дохристианском прошлом они были отвлекающим маневром: их посылали впереди невесты, чтобы служить приманкой и отвлечь на себя худой глаз. Люди верили, что, поскольку сами девушки замуж не выходили, эта сила на них не действовала. Невесты же считались очень уязвимыми для сглаза и могли заболеть или даже умереть от этого. Иногда христиане сохраняют языческие религиозные предметы, но секуляризуют их, как, например, европейская церковь поступила с греческим искусством.

Иногда поместная церковь заменяет отвергнутые старые обычаи христианскими символами и обрядами, заимствованными из другой культуры. Например, народ может перенять похоронные обычаи из культуры миссионера, а не сохранять свои собственные. Такие функциональные замены часто бывают эффективными, потому что сводят к минимуму культурное смещение, которое произойдет при простом удалении обычая.

Иногда поместная церковь добавляет иностранные обряды, чтобы подчеркнуть связь с христианским наследием. У всех христиан две традиции: традиция собственной культуры и христианская традиция. Введение таких обрядов, как крещение и Вечеря Господня, не только дает новообращенным способы выражения веры, но и символизирует их связь с исторической вселенской Церковью. Еще одним примером является решение жениха и невесты в Америке использовать библейских обряд омовения ног как символ взаимного повиновения.

Люди могут создавать и другие символы и ритуалы, чтобы донести христианскую веру в формах своей культуры. Например, христиане одного племени решили поднимать своих новорожденных детей над головой и посвящать их Христу. Когда в одной семинарии в Индии решили провести

посвящение центра миссиологии, преподаватели, сотрудники и студенты искали приемлемый способ выразить свое посвящение служению. Они решили воткнуть колосья спелого зерна в ведро с землей, а затем представители от каждой группы – преподаватели, сотрудники и студенты – срезали снопы как символ своего посвящения миссионерской деятельности.

Когда народ проанализировал свои старые обычаи в свете библейского учения, пастор или миссионер должен помочь им создать из выбранных обычаев новый ритуал, выражающий христианское значение события. Такой ритуал будет христианским, потому что он явно выражает библейское учение. Он также будет самобытным, потому что его создала сама община, используя понятные этому народу культурные формы.

Важно учить детей и новообращенных ясным значениям христианских обрядов, чтобы они не выродились в пустые формы и их не спутали с нехристианскими обычаями, из которых те заимствованы. Нам постоянно приходится сталкиваться с ослаблением значения обрядов и символов. Ответ на бессмысленный и мертвый символизм – это не отказ от них, а сохранение живых символов, которые постоянно обновляются благодаря переоценке.

Напоследок нужно высказать одно предупреждение. Миссионер может не всегда соглашаться с решениями местных христиан, но очень важно, если ему позволяет совесть, принимать решения местных христиан и признавать, что и они ведомы Святым Духом. Руководители должны дать окружающим право, которое они обычно сохраняют для себя, – право на ошибку. Церковь лучше возрастает, сознательно принимая решения в свете Писания, даже если эти решения не всегда самые мудрые, а не просто подчиняясь приказам со стороны.

Пример контекстуализации

Процесс критической контекстуализации лучше всего показать на конкретном примере. Мы могли бы попытаться понять, как христиане *бхотия* из Тибета должны оценивать свои брачные обычаи в свете Писания. Вместо этого мы рассмотрим пример критической контекстуализации в США. Мы понимаем необходимость оценивать обычаи других культур, если Благая весть звучит там впервые, однако считаем, что наша собственная культура с богатой христианской историей сформирована библейскими ценностями. В результате мы часто получаем удобный компромисс христианства и западной культуры, при котором происходит некритичное принятие западных обычаев. Это относится ко многим сферам жизни, и в частности, к музыке.

Описываемый случай произошел с молодежью одной церкви в бедном районе Лос-Анджелеса. Перед ними встал вопрос, могут ли христиане

слушать тяжелый рок. Большинство из них были новообращенными, а в прошлом – членами банд и наркоманами, знавшими содержание и силу современных песен.

Многие родители-христиане полностью отвергают рок. Если это происходит, дети начинают слушать рок у друзей, а родители становятся полицейскими. Другие родители сдаются без боя, позволяя детям слушать любой рок без разбора. Их дети не могут научиться рассудительности и некритично принимают мирские обычаи.

Руководитель молодежи этой церкви применил для решения этого вопроса критическую контекстуализацию. Он попросил подростков принести на молодежное служение записи с рок-музыкой. Затем они вместе обсудили, каким должен быть христианский образ жизни и место музыки в нем. Затем подростки включали записи одну за другой и давали им оценку. Они уничтожили все записи, которые посчитали неприемлемыми для христиан, а остальные оставили и продолжали их слушать, не испытывая чувства вины. В следующее воскресенье они торжественно принесли в церковь уничтоженные во имя Господа записи, чтобы показать церкви. После этого родителям не пришлось больше контролировать, что они слушают. Они сами научились рассудительности.

Богословские основания

Каковы богословские основания критической контекстуализации? Во-первых, она подтверждает священство всех верующих. При критической контекстуализации не руководители церкви решают за прихожан, а все верующие.

В ходе истории руководство церкви и миссионеры часто испытывали угрозу от такого подхода к библейской герменевтике. Считая себя лучше подготовленными, они оставляли за собой исключительное право принимать богословские решения. Они боялись, что, если прихожане будут участвовать в толковании Библии и применении ее в повседневной жизни, ситуация может выйти из-под контроля.

Что же не дает людям уклониться от истины, если все участвуют в применении Писания к жизненным проблемам? Разве не по этой причине рождаются самые странные толкования Библии и христианских обрядов? От такой крайности нас могут уберечь три критерия.

Во-первых, Библия принимается в качестве высшего и окончательного авторитета в вопросах христианской веры и практики, так что все начинают с одной точки отсчета.

Во-вторых, священство верующих предполагает, что все имеют Святого Духа, Который направляет их в понимании и применении Писания

к своей жизни. Руководству очень легко принять эту истину в теории, но избегать на практике. Отказывать молодым верующим в праве толковать Библию и принимать решения – значит отрицать, что в них и в нас живет и наставляет на всякую истину тот же самый Святой Дух.

В-третьих, церковь постоянно контролирует этот процесс. Норман Краус отмечает, что контекстуализация Благой вести является задачей не отдельных людей и не руководителей церкви, а церкви как «распознающей общины». В данной общине все верующие вносят вклад в соответствии с дарами и способностями. Пастор и миссионеры лучше знают Библию и поэтому должны проводить экзегетику соответствующих текстов в библейском контексте. Однако местные верующие лучше понимают свою культуру и проблемы и должны играть важную роль в определении герменевтического применения Писания к своей жизни. Но и они должны подчиняться церкви как целому.

Церковь – это не просто собрание индивидуумов, в котором каждый преследует собственные цели в толковании Библии. Она должна стремиться быть такой общиной, где каждый желает следовать за Христом и служить друг другу, сохраняя данное ей единство духа. Только тогда она становится подлинно христианской «герменевтической общиной», которая стремится как можно глубже понять обращенную к ней Божью весть и тем самым свидетельствовать миру о том, что означает быть христианином не только по убеждениям, но и в жизни.

Четвертый принцип самостоятельности

Мы видели, что культурные отличия влияют как на миссионеров, вливающих в другие народы, так и на Благую весть, когда ее переводят в новые культурные формы. А что происходит с богословием, когда на Библию начинают смотреть сквозь призму других культур? Как быть, если обращенные из других народов не соглашаются с нашим толкованием Писания?

Эти размышления приводят к важнейшему вопросу современной миссионерской деятельности – самостоятельности новообращенных и новых церквей. Насколько они должны зависеть от миссионеров? Как скоро и какие решения миссионеры могут позволить церквям принимать самостоятельно? Должны ли они быть самоуправляющимися? Если да, то могут ли они сами изменять принесенную миссионерами модель церковного устройства? Должны ли они начать разрабатывать собственное богословие и как быть, если кажется, что оно сбивается пути? Это самые важные вопросы, стоящие перед современными миссионерами и миссионерскими организациями.

Три принципа самобытности

В самом начале эпохи современного миссионерского движения, когда стали образовываться первые общины, состоящие из новообращенных, возникла проблема взаимоотношений миссионерских организаций и материнских церквей с новыми церквями. Очень скоро выяснилось, что распространенное тогда патерналистское отношение миссионеров препят-

ствует созреванию и росту молодых церквей. По-прежнему руководили миссионеры, что отодвигало местных лидеров на второй план и огорчало. Часто они отделялись, основывая независимые церкви, но это не удовлетворяло тех, кто желал сохранять связи с церквями, которые принесли им Благою весть.

К 1861 году два выдающихся миссионера, Руфус Андерсон и Генри Венн, предложили план, согласно которому новые церкви смогут стать самостоятельными на основании трех принципов: самораспространение, самофинансирование и самоуправление. Предложение вызвало широкое обсуждение, после которого миссионерские организации приняли эти принципы в качестве модели основания автономных церквей.

Принцип самораспространения указывал на одно из слабых мест раннего миссионерского движения. Миссионеры организовывали церкви, которые не испытывали желания благовествовать своему народу или отправлять миссионеров к другим народам. Местные лидеры считали это делом иностранного миссионера. Стало ясно, что желание благовествовать не появляется в молодых церквях автоматически. Этому видению нужно целенаправленно учить словом и примером, как и всему остальному в христианской жизни.

Справедливости ради стоит сказать, что многие миссионеры учили новые церкви благовествовать. Однако христиане первого поколения еще только учились жить по-христиански. Кроме того, история показывает, что они благовествовали больше, чем мы признаем. Миссионеры подробно описывали свой труд, а от местных благовестников записей почти не осталось, хотя большая часть благовестия и гонений, типичных для первого поколения верующих, выпадала на их долю.

Андерсон и Венн напомнили миссионерскому миру, что миссионерской деятельностью и благовестием должны заниматься не только миссионеры, но и местные церкви. Это не вызвало споров. Молодые церкви часто и сами хотели благовествовать. Хотя они не могли поддерживать основанные миссионерами ресурсоемкие виды служения, у них были самобытные способы благовестия своему народу.

Принцип самофинансирования спровоцировал споры. Миссионеры заявляли, что молодые церкви должны научиться обеспечивать себя, а постоянное ожидание помощи извне формирует зависимость и препятствует взрослению и росту. Миссионеры также отмечали, что молодые церкви начнут чувствовать себя самостоятельными и равными, только обеспечивая самих себя. Миссионеры были отчасти правы.

Молодые церкви возражали, что организованные миссионерами и субсидируемые из-за рубежа служения – команды благовестников, школы, больницы и даже церкви с оплачиваемыми проповедниками – не вписы-

ваются в их культуру и дорого обходятся. Они могли финансировать самобытные служения, а не те, которые миссионеры теперь пытались передать им. Они тоже были правы.

В итоге миссии поставили вопрос о самофинансировании ребром и местные церкви неохотно приняли открытые на иностранные деньги учреждения. Некоторые из них закрылись, другие же продолжали действовать исходя из местных финансовых возможностей.

Самые бурные споры вызвал принцип самоуправления. Ирония состоит в том, что стороны поменялись ролями. Молодые церкви стремились добиться права на собственные решения, утверждая, что не станут зрелыми, не получив самоуправления. Миссионеры же неохотно передавали власть, боясь, что неопытность и местные интриги разрушат церковь.

В главе 9 станет ясно, что вопрос передачи власти разрешить вовсе не просто. Миссионеры должны признать, что даже в самых простых церковных общинах появляются прирожденные лидеры, способные руководить церковью. Возможно, они по западным меркам необразованны, но часто они мудры и знают свою культуру.

Местному руководству нужно дать право, которого мы не лишаем себя, – право на ошибку. Один молодой миссионер спросил опытного миссионерского деятеля, как тот достиг такого успеха. «Принимая хорошие решения», – ответил тот. «Да, но как вы научились принимать хорошие решения?» – спросил молодой человек. «Принимая плохие решения», – отвечал старик.

С другой стороны, руководители молодых церквей должны понимать, что миссионеры тоже люди, и учитывать их обеспокоенность, ведь они любят церковь и многим пожертвовали, трудясь для нее.

В планировании миссионерского служения три принципа самобытности по-прежнему играют важную роль. Они подводят нас к важному выводу: молодые церкви – равноправные и независимые члены мирового сообщества церквей. Тем не менее сегодня многие говорят о необходимости переходить от автономии к партнерству. Миссии часто прикрываются идеей самофинансирования, удерживая деньги, которые помогли бы молодым церквям успешно благовествовать. Наша цель состоит не в создании изолированных церквей, работающих в одиночку, а в поддержке церквей, которые участвуют в единстве общения и общей миссии в мире.

Четвертый принцип – самобытное богословие

После длительного обсуждения трех принципов самобытности миссионеры согласились: молодые церкви должны как можно скорее мужать и брать на себя ответственность за Божье дело в своих регионах. Но чет-

вертый принцип – самобытное богословие – не оговаривался. Имеют ли молодые церкви право самостоятельно читать и толковать Писание?

Вначале новую церковь характеризуют теплые отношения, эмоциональное выражение веры и желание благовествовать родным и близким. Большинство новообращенных имеют простое богословие; они без лишних вопросов принимают богословские взгляды миссионера. Конечно, есть исключения среди образованных новообращенных, которые прежде были религиозными лидерами.

Через два-три поколения появляются наставленные в христианском учении и наученные библейской экзегетике руководители. Именно они задают сложные богословские вопросы. Как Благая весть относится к их культуре? Каковы отношения между христианством и другими религиями? Как христианство отвечает на основные вопросы людей? Например, что христианство в Африке может сказать о предках и многоженстве? Как христианам в Индии относиться к вере в переселение душ, кастовой системе или медитации как способу спасения?

Большинство миссионерских движений привели к богословскому кризису. Через три-четыре поколения после основания церкви в новой культуре появляются местные богословы и пытаются выяснить, как Благая весть соотносится с их культурными традициями. Как передать Благоую весть в ясных народу понятиях и при этом сохранить ее пророческую весть? Отвечая на эти вопросы, они развивают новое богословие. Например, в наши дни мы знаем о латиноамериканском, африканском и индийском богословии.

Что делать, если местные церковные лидеры разрабатывают богословие, которое считают более уместным для данной культуры? Не приведет ли наша поддержка к богословскому плюрализму и даже релятивизму? Не станет ли наше сопротивление проявлением худшей формы этноцентризма и торможением их роста? Сам характер миссионерского служения ставит эти важные вопросы, и мы не можем относиться к ним легкомысленно. Появление богословских систем в различном культурном и историческом окружении ставит важные вопросы о природе богословия.

Богословский шок

Многие из нас воспитаны в церкви и научены ее вероисповеданию. Мы знали одну богословскую традицию и считали, что есть только один способ толковать Писание, а все отклонения от него – заблуждение. Поэтому мы испытываем шок, когда искренние и преданные христиане толкуют Библию по-другому.

Если прежде мы не встречались с богословским плюрализмом, то обязательно столкнемся с ним, став миссионерами. В большей части мира

христианские общины невелики по размеру, нужда в общении и взаимной поддержке – огромна, поэтому миссионеры разных традиций поддерживают более близкие отношения, чем на родине. К тому же местное руководство церкви поднимает сложные богословские вопросы, вызванные взаимодействием Благой вести и культуры, и формулирует новые богословские ответы.

Мы переживаем богословский шок, впервые столкнувшись с богословским плюрализмом. Как и в случае культурного шока, вызов брошен старым неизменным принципам, проверке подвергается то, что раньше не вызывало сомнений. Мы узнаем о наличии множества способов трактовать Писание и вынуждены задаться вопросом, почему свое толкование мы считаем правильным.

Первичная реакция на богословский плюрализм – отвержение. Мы просто еще раз подтверждаем свои богословские убеждения, не анализируя их сути и считая прочие толкования неверными. Мы уверены, что знаем всю истину. Однако цена этой уверенности высока. Мы не решаемся проанализировать свой богословский фундамент, чтобы не ослабить его. Более того, мы сторонимся близкого общения с другими христианами, боясь вызова нашим богословским убеждениям. В конечном счете, мы укрываемся в закрытом обществе единомышленников.

Однако со временем многие из нас готовы встретиться с фактом богословского плюрализма и пытаются разрешить этот вопрос. Сначала, как и при культурном шоке, мы сталкиваемся с проблемой релятивизма. Если у каждого свое богословие, как можно быть уверенным в правильности моего богословия? Затем мы понимаем, что релятивизм подрывает само понятие истины и смысла. Но как мы можем принять богословский плюрализм, сохранив при этом верность библейской истине?

Библия, богословие и культура

Мы, евангельские христиане, верим в истинность Библии. Мы также придерживаемся твердых богословских убеждений. Как соотносятся эти два аспекта?

Сначала мы испытываем соблазн уравнивать оба понятия, ведь наше богословие исходит из изучения Библии. Более глубокое изучение заставляет нас разграничить Библию и богословие. Библия – это исторический документ о Божьем откровении людям. Богословие же – систематическое и историческое объяснение библейских истин.

Следует также различать два значения понятия «богословие». Иногда оно означает абсолютную истину. Богословие – это систематическое описание и объяснение истинной картины мира, как его видит Бог. Это Богословие с заглавной буквы. В других случаях мы обозначаем богословием

**Богословие – это божественное откровение,
воспринятое в человеческом контексте**

Рисунок 26

человеческие описания и объяснения реальности, возникающие в результате изучения Библии. Это богословие с маленькой буквы.

Мы часто смешиваем эти понятия. Мы считаем свое изучение Библии непредвзятым, а толкование Писания – единственно верным. Поэтому мы тревожимся, узнав, что культура влияет на богословие. Даже то, что наше богословие сформулировано по-английски, может исказить наше понимание Библии. Не существует богословски непредвзятого языка (рис. 26).

Калонда из Кангате

Пол Б. Лонг

Африканское солнце нещадно палило, когда мы поднимались по горной тропе к скрытой за деревьями деревне. Жители Кангате из дикой местности Бабинда в Центральном Конго редко видели белого человека. Когда я и трое моих африканских друзей вошли в пыльную деревню, наше появление приветствовали радостными криками. Наш визит был ответом на странную просьбу старого вождя этого изолированного народа. За несколько дней до этого в нашу миссию прибежал гонец.

– Рассказчик Слова, – сказал гонец, – вождь Калонда хочет говорить с тобой.

«Зачем я этому старому плуту?» – размышлял я, и вопрос не покидал меня все время, пока мы с трудом продвигались по опасным горным дорогам. Теперь наконец – то я это выясню.

В тени хижины вождя, которую окружали меньшие хижины его нескольких жен, сидел очень старый высохший человек, закутанный в потертое одеяло. Этот надломленный больной вождь, восседавший на покрытом леопардовой шкурой стульчике со скрещенными ножками, поднял ослабевшую руку и поприветствовал нас обычными словами:

– Мойю вену – жизнь вам.

– Муойо вебе, – отвечали мы, – жизнь тебе.

Я вспомнил истории, которые рассказывали об этом некогда могущественном вожде. Двадцать лет назад Калонду боялись и уважали за сотни миль за пределами его владений. Отважный и жестокий правитель, он свободно распоряжался жизнью своих подданных, а пленников предавал смерти или обращал в рабство. Его славу вождя превосходила лишь его великая сила знахаря. Вожди из отдаленных деревень приходили к нему, чтобы купить амулеты и заклятья.

Однажды вождь соседнего племени балубал Касенда прибыл в деревню Кангате. Он был сильно обеспокоен и искал помощи.

– Я убил представителя миссии и забрал деньги, которые он нес проповедникам и учителям, – начал он. – Теперь этот мертвый воскрес и вернулся к белым, чтобы рассказать им, что я сделал. Дай мне снадобье, которое сделает меня невидимым, когда за мной придут солдаты!

– Возвращайся в свою землю, – отвечал Калонда, – возьми двенадцать коз, шесть молодых сильных женщин, десять копий и десять ножей, а затем приходи за снадобьем. Это плата за амулет, который сделает тебя невидимым.

Сетуя на высокую цену амулета, вождь Касенда вернулся в Балубал за козами, женщинами и оружием.

Вождь Калонда тем временем занялся изготовлением обещанного амулета. Он повелел своим воинам поймать молодую женщину из соседнего племени. Ее привели к вождю. С помощью сложных ритуалов воины вождя отрезали пленнице голову, необходимую для «амулета–невидимки». В процессе изготовления использовались ритуалы каннибалов. В назначенный день амулет был готов, его обменяли на коз, женщин и оружие, и, к удовольствию обоих вождей, сделка была завершена.

Когда несколько недель спустя в Балубал пришли солдаты, чтобы арестовать Касенду, он тихонько зашел в свою хижину, взял голову, которая должна была сделать его невидимым, и вышел во двор, чтобы посмеяться над одураченными солдатами, которые не смогут его увидеть. К его удивлению, ярости и разочарованию, они окружили его, крепко связали и повели в тюрьму белых. Все еще держа дорогостоящий амулет, Касенда разгневался на своего старого друга Калонду, чей амулет оказался бесполезным. Он проклял Калонду и назвал его убийцей женщины, голова которой была у него в руках. Калонду также арестовали.

С тех пор прошло пятнадцать зим, и люди Бабинды и Балубала почти забыли своих прежних вождей. Вождей приговорили к смертной казни, но исполнение приговора откладывалось трижды, в конце концов смертную казнь заменили пятнадцатью годами лишения свободы и тяжелых работ. Для вождей такой приговор был подобен смерти.

Теперь, освобожденный после пятнадцати лет заключения, старый Калонда пришел домой умирать. Я посмотрел на старого вождя, вспо-

меняя то, что знал о его прошлом. После традиционного почтительного молчания я начал разговор:

– Нфуму (вождь), твой гонец говорит, что ты хочешь говорить со мной. Я пришел. Чего ты хочешь?

Ответ Калонды поразил меня:

– Расскажи мне о Боге белых людей.

– Бог, за Которым я следую, это не Бог белых. Он Отец нового племени, Его народа. Иисус Христос – великий Вождь нового племени, и Он принимает всех, кто следует за Ним. Пришедшие со мной друзья также члены этого нового племени. Они расскажут тебе о нем.

Я повернулся к своим конголезским друзьям, которые лучше понимали, какая борьба идет внутри Калонды. Один из моих спутников в прошлом был шаманом, а теперь служил пастором у своего народа. Я с глубоким волнением наблюдал за битвой между реальными силами и возможным освобождением.

Медные браслеты–амулеты украшали некогда сильную правую руку старого вождя.

– Ты все еще веришь в свои амулеты, – заметил пастор Мутомбо. – Зачем же ты спрашиваешь о другом Боге?

С большой неохотой старик снял с руки браслеты, бросил их в пыль и сказал:

– Теперь, рассказчик Слова, расскажи мне о своем могущественном Боге.

Глядя на лежащие на земле браслеты, я начал понимать, какую цену ему приходится платить за то, о чем он спрашивает. Он только что отрекся от своей силы, и я услышал, как он прошептал:

– У меня было восемь хороших, сильных жен, но пока я был в тюрьме, все, кроме трех старух, разбежались. У меня не осталось никого, кроме этих старых женщин, неспособных работать.

Я проследил за его взглядом и увидел трех старух, сидевших на корточках у одной из соседних хижин. Они что–то взволнованно бормотали друг другу, явно недовольные происходящим.

– Амулеты не смогли удержать твоих жен, пока тебя не было? – спросил пастор.

Вождь что–то буркнул в ответ.

– Амулет войны, который ты носишь на поясе, – продолжал пастор, – показывает, где ты ищешь силы.

После долгой задумчивой паузы старый воин срезал с пояса маленький кожаный мешочек и бросил его на землю.

– Теперь вот тот мешочек от сглаза на шее.

Старик дрожащей рукой взялся за шнурок, обвязанный вокруг шеи. Этот амулет охранял его от всех врагов и лишал их магию всякой силы. Мы молча ждали, пока он не разорвал шнурок и не бросил свою «безопасность» к нашим ногам. Возгласы уважения к такому мужеству прокатились по кругу собравшихся членов племени.

– Твой Буанга буа Бунфуму, – напомнил пастор, – амулет вождя.

Калонда устало поднялся, вошел в хижину и вернулся с большим рогом антилопы, наполненным гарантиями власти над его племенем. (Я не знаю точно, что составляет эту власть, но слышал, что в таких рогах находятся пряди волос, глаз лягушки, зуб льва и коготь птицы). За ним последовал амулет, оберегающий от молнии, а также масса других амулетов, защищающих жителей леса от их постоянных страхов.

– Вот вся моя защита, – сказал Калонда.

Но пастор, очевидно, ждал еще одной, более серьезной жертвы.

– Теперь отдай свой амулет жизни, Калонда, и я расскажу тебе о Боге нового племени.

Старик весь задрожал, покрылся испариной, замотал головой и закутался в потрепанное одеяло. Его жены, протестовавшие против снятия амулетов, теперь подняли предсмертные крики и стали бросать над головой песок. Это признание его скорой смерти, Калонда очнулся от кошмарных раздумий, вновь вошел в хижину и вернулся с небольшим мешочком из кож. С достоинством великого предводителя он заставил замолчать плачущих жен и окинул взором всех присутствующих.

– Рассказчик Слова, – сказал он, вытянув вперед костлявую руку с кожаным мешочком, – ты попросил жизнь Калонды! Этот амулет много лет защищал меня от всех врагов. Многие из них все еще живы и посылают проклятия на меня. Когда я выброшу этот амулет, проклятия падут на меня, духи отведут от меня защиту и я умру. Но Калонда не боится смерти.

Мешочек упал на землю, а старый вождь выпрямился во весь рост, поднял впавшие глаза на далекие холмы и стал ждать смерти. Мы сидели в тишине. Секунды перерастали в минуты, и напряжение сидящих кругом мужчин все росло. Все ожидали смерти вождя.

После долгой паузы старый вождь посмотрел на нас и его губы расплылись в облегченной улыбке: «Я все еще жив! Калонда не умер!»

Мы долго отвечали на вопросы старого Калонды и его людей. Они спрашивали о том Боге, Которого, как говорил Калонда, он никогда не знал, но всегда боялся. Когда вечерние тени легли на землю, старый вождь с достоинством поднялся перед своим народом. Тихим, уверенным голосом он объявил:

– У Калонды новый вождь. Я иду за Йезу Килисто. Он переведет меня через реку, проведет через темный лес и приведет в свою деревню, где я смогу сидеть с Его народом. Я принадлежу новому племени. Калонда хочет, чтобы все его люди следовали за Нфуму Йезу (Вождем Иисусом) и пришли за ним в Деревню Бога.

Через несколько дней после визита в Кангате к нам прибыл гонец с кратким известием:

– Калонда отправился в путешествие, чтобы встретиться со своим новым Вождем.

На самом деле, любое богословие сформировано культурным и историческим контекстом: используемым языком и задаваемыми вопросами. Любое богословие лишь частично отражает Божье Богословие. Мы видим как сквозь тусклое стекло.

Кроме того, любое богословие страдает от греховности человека. Мы отворачиваемся от трудных отрывков Библии подобно пришедшему к Исусу богатому юноше, который не хотел Его слышать.

Но то, что мы видим как сквозь тусклое стекло, *не* означает, что мы не видим вообще. Мы можем читать и понимать Писание. Суть Благой вести ясна: сотворение, грехопадение и искупление. Это совершенно ясно. Неясными остаются лишь детали.

Богословский мост. Поскольку богословие основывается на Библии и определенной культуре, оно служит мостом, по которому Благая весть доходит к нам. Три признака могут указывать, что наше богословие здорово. Во-первых, нужна тщательная экзегетика Библии. Она включает не только изучение библейских текстов, но и исторического и культурного контекста, в котором они даны. Бог открыл нам Себя и Свое дело, но сделал Он это в истории и культуре конкретного народа. Чем глубже богословие укоренено в Писании, тем больше уверенность в его достоверности.

Во-вторых, нужна тщательная экзегеза нашего культурного и исторического контекста. Это поможет нам понять, как культура и мировоззрение влияют на наше богословие. Мы также начинаем осознавать, на какие нужды нашего народа должна ответить Благая весть.

И наконец, мы нуждаемся в хорошей герменевтике, которая поможет сделать актуальными для современного культурного окружения слова Библии, данные в другое время и в другой культуре.

Проверка на истинность. Как проверить истинность своего богословия и как реагировать на богословский плюрализм? Очевидно, существуют разные взгляды на толкование Писания. Суть не в том, чтобы считать все богословские системы одинаково правильными. Их нужно приблизить к абсолютной истине, к Богословию с позиций Бога. Любое богословие несовершенно и содержит предубеждения, которые влияют на наши представления. К тому же все человеческие представления ущербны и нуждаются в проверке и анализе.

Первым критерием служит сама Библия, ведь через нее Бог открыл познание высшей реальности, которое нельзя получить путем личного опыта. Отправная точка – это Писание, а не наше богословие. Поэтому богословие нужно формировать в свете Писания, а не наоборот. Это означает, что на каждом этапе формирования богословия необходима серьезная экзегеза

тика Библии. Кроме этого, если окружающие доказывают, что наше толкование Писания неверно, нужно быть готовым изменить свое богословие.

Второй критерий – постоянное действие Святого Духа, наставляющего верующих на истину. При изучении Писания нужно смирение и открытость, чувствительность к Божьему водительству. Как сказал один автор, богословием следует заниматься на коленях. Стоит также признать, что тот же Святой Дух действует в нас и в других верующих. Тогда мы не будем вступать в конфронтацию с теми, кто не согласен с нами. Напротив, мы будем стараться вместе проанализировать наши разногласия в свете Писания.

Третий критерий – христианская община. Мы имеем право толковать Слово Божье, являясь священниками Царства Божьего. Но как члены Тела Христова мы должны прислушиваться друг к другу. Как отмечает Краус, толкование Благой вести является задачей не отдельных людей и не церковного руководства, а церкви как «распознающей общины»:

Таким образом, истинный смысл Писания можно найти только в интерпретационной общине. Принципы толкования важны, но вторичны. Чтобы Писание как часть изначального свидетельства начало исполнять свою настоящую роль, должна быть подлинная связь между возвещением евангелия и его воплощением в общине «нового порядка». Подлинная община – это герменевтическая община. Она определяет настоящее значение Писания, воплощенного в данной культуре.

Западу с его крайними формами индивидуализма нужно заново открыть эту общую природу церкви, с помощью которой община исправляет ошибки отдельных людей, а сообщество церквей – ошибки отдельных общин. Окружающие яснее нас видят наши грехи и ереси.

Проверка наших убеждений совместно с другими христианами не ослабляет их, а, наоборот, укрепляет. Мы более уверены в убеждениях, которые прошли тщательное исследование. Мы не так уверены в тех убеждениях, которые боимся подвергнуть проверке, опасаясь, что они рухнут. После проверки наших убеждений мы, возможно, уже не будем так уверены в некоторых деталях, однако утвердимся в основных евангельских истинах, которые ясно выделяются на общем фоне.

Но даже эти шаги не всегда приводят к богословскому единству. И что же? У нас есть право твердо держаться своих убеждений и рассказывать о них другим людям. Но истину нужно говорить с любовью, стремясь не одолеть несогласных, а привлечь их. Мы также обязаны скрупулезно анализировать свои убеждения.

Зачем нужно богословие? Почему оно вообще должно нас беспокоить? Оно может привести к враждебности между христианами и посеять со-

мнения в истине. Многие говорят, что это пустая трата времени. Дескать, нужно просто читать Библию и применять ее в жизни.

В этом призыве есть доля истины, потому что всегда существует опасность создавать богословие ради богословия, исключительно как теоретическое упражнение. Такое богословие может убить духовную жизнь и увести от призыва Благой вести к покаянию и ученичеству. В конце концов, христианство – это образ жизни, а не просто способ мышления.

К тому же для христианского роста чрезвычайно важно научиться применять библейские истины в жизни. Уэйн Дай выяснил, что более успешны в создании зрелых церквей те миссионеры, которые учат новообращенных христиан обращаться со своими проблемами к Писанию и находить в нем ответы. Для них Библия становится живой реальностью повседневной жизни, а не просто школьным уроком.

С другой стороны, нельзя уйти от формирования богословия. Читая Писание, мы автоматически связываем различные отрывки и формируем базовые представления о природе Бога, Библии, людей, греха, прощения, благодати и искупления. Мы сплетаем эти представления в единый ковер, и они приобретают смысл не столько из-за формальных определений, сколько из-за взаимосвязи между собой и всей картиной. В основном мы делаем это неявно. Мы часто не осознаем существования собственного богословия, пока оно не подвергнется сомнению. Формируя богословие, мы осознанно анализируем свои религиозные убеждения.

К тому же, чтобы в долгосрочной перспективе церковь осталась верной христианской вере, необходимы твердые богословские убеждения. Мы часто думаем категориями стремительного роста церкви и упускаем из виду общее направление, в котором она движется. Стараясь привести людей ко Христу, мы пренебрегаем ученичеством, которое поможет им оставаться верными до смерти. Мы переживаем о благовестии, но забываем о богословском основании, которое необходимо, чтобы церковь оставалась верной Благой вести даже во время гонений. Существует опасность организовать большие церкви, которые потом уклонятся от истины. Миссионеры и церковное руководство закладывают основания церкви, поэтому им следует думать о благовестии и организации церквей не просто на пять-десять лет вперед, но в рамках пятидесяти, ста лет и даже больше.

Виды богословия

Существует два вида богословия, и у каждого из них своя цель. Одно из них исследует базовые структуры, лежащие в основании реальности. Оно вопрошает о природе Бога, о мире, людях, грехе, спасении и т. п. Это богословие, подобно большинству научных теорий, интересуется неизблемым

порядком, лежащим в основании Вселенной. Такое богословие и научные теории являются «синхронными парадигмами».

Второй вид богословия занимается «историей» реальности. Такое богословие задает вопросы о первопричинах, целях и участии Вселенной, человечества и отдельных людей. Оно отыскивает смысл истории Вселенной и человечества. Эти богословские учения являются «диахронными парадигмами».

Можно проиллюстрировать синхронный и диахронный подходы изучением автомобиля. Синхронный подход фокусируется на изучении его конструкции и функционировании. Мы изучим систему электропроводки, подачи топлива, мотор, трансмиссию и т. п. Обратите внимание, что на этом уровне нас интересует не конкретный автомобиль, а машины в целом. Нас также интересует, как они функционируют, а не что с ними происходит. Другими словами, нас интересует *структура* и *функции* машин.

Второй способ – изучить историю машины. Мы узнаем, что богатая пара купила ее в Сиэтле, ездила на ней в Филадельфию и Торонто, машина попала в аварию, в которой эта пара пострадала, после ремонта ее продали студенту. Мы прослеживаем всю историю автомобиля до момента его утилизации. Смысл диахронного изучения – *история* конкретного автомобиля.

Какой вид объяснения нам следует использовать? Оба. Если мы хотим узнать, как функционируют машины, чтобы уметь их ремонтировать, нужна синхронная теория. Если же мы хотим узнать, зачем и как они используются, нужен диахронный анализ. Точно так же, изучая природу Бога и Вселенной, мы нуждаемся в систематическом (синхронном) богословии. Но когда мы хотим узнать, что происходит, в этом поможет библейское (диахронное) богословие.

Хотя нужны оба подхода, диахронное исследование помогает выяснить смысл. Мы можем изучать, как функционирует организм человека: кровь, легкие, мышцы, разум и душа. Но главная наша цель – узнать рассказы из их жизни.

Библия – это диахронное описание, история деяний Божьих во Вселенной и среди людей. В ней Бог поэтапно раскрывает Свою природу и природу высшей реальности. Рассказ – это драма о сотворении, грехопадении и искуплении человечества.

Функции богословия

Клиффорд Гиртц обращает внимание на то, что пояснительные системы, к которым относится и богословие, выполняют две важные функции. Во-первых, они являются *моделями действительности*. Мы используем их для систематизации и осмысления своего опыта. Во-вторых, они служат

маршрутной картой для нашего поведения, то есть мы пользуемся ими при выборе образа действий.

Модели действительности. Мы нуждаемся в пояснительных системах. Без них мир воспринимается не столько порочным, сколько хаотичным и непонятным. Он не имеет смысла. Гиртц говорит, что больше всего люди боятся потерять ощущение понимания. Это даже сильнее страха смерти. Мученики готовы умереть, потому что их смерть имеет смысл и цель.

Более всего нам нужна высшая объясняющая система, обеспечивающая структуру, в которую вписывались бы прочие модели и теории. Для христиан это богословие.

Являясь моделями реальности, богословские системы служат нескольким важным целям. Во-первых, они дают исчерпывающую картину всего происходящего. Она включает и синхронное представление о природе вещей, и диахронный взгляд на происходящее. Диахронное описание дает понимание цели и участи, а также Божьего провидения в повседневной жизни. К сожалению, сосредотачиваясь на деталях Библии, мы теряем из вида большую историю. В воскресной школе мы изучаем различные отрывки из Писания, но редко даем ученикам обзор истории искупления. Во время миссионерского служения мы сосредотачиваемся на конкретных доктринах, почему-то считая, что все знакомы с общей картиной. Но это ошибочное представление. Поэтому многие считают, что богословие состоит из обрывков несвязанной информации.

Вторая функция богословия – выявить свои неявные богословские идеи и подвергнуть их проверке. Слабое богословие часто основано на нерассмотренных предпосылках. Например, мы обычно не осознаем, как наше мировоззрение влияет на богословие. Только выявив это, можно проанализировать и скорректировать богословие.

Третья функция богословия – апологетика, укрепляющая нашу веру и помогающая объяснить Благою весть нехристианам. Она также помогает защитить христианство от нападков секуляризма и других религий.

Четвертая функция богословия как *модели реальности* – это борьба с ересью. Во все времена и в каждом народе церковь должна искать истину и распознавать ошибки, которые могут увести ее от Благой вести. Здесь нужно большое смирение, поскольку нельзя, чтобы борьба с ересями заставила нас забыть о неполноте и ошибках нашего понимания Писания. Мы также не должны использовать богословие для приобретения статуса в церкви. Для нас должна быть важной слава Божья, любовь к истине и искупительная любовь, которая стремится вернуть отпавших.

Очень важно отличать незрелость от ереси. Люди обращаются в веру такими, как есть, – пьяницами, прелюбодеями, разведенными, самопра-

ведными фарисеями. Церковь должна начать работать с ними на этом этапе. То же относится и к богословию. Новообращенные приходят к Богу с индуистским, мусульманским или светским мировоззрением, их понятия не меняются сразу же после обращения. Даже их представления о Боге ограничены и искажены. Тем не менее они могут быть спасены. Формирование богословия и мировоззрения отдельного человека по библейским стандартам длится всю жизнь.

Молодая церковь также начинает с простого богословия, на которое сильно влияет местная культура. Но чтобы остаться верной божественному призванию, церковь должна расти в богословских представлениях. Образовавшаяся в еврейской культуре ранняя церковь столкнулась с этим. Когда христианство распространилось среди греков, ранние отцы церкви должны были найти приемлемые способы передачи Благой вести в категориях греческого мышления, а также бороться с ересями, возникшими в процессе этого. Как отмечает Р. Х. Бойд, это была одна из главных причин возникновения систематического богословия в западной церкви. Чтобы быть истинно христианским свидетелем миру, Церковь нуждается в живом богословии. Такое богословие нужно постоянно переформулировать, чтобы Благая весть имела смысл в новом окружении, а также чтобы защититься от появления новых ересей. Церковь с застывшим или незрелым богословием легко сбить с пути истинного. В миссионерской работе следует всегда помнить о долгосрочной перспективе церкви.

Маршрутные карты. Карты не только отображают картину местности, но и помогают выбрать образ действий. Например, мы можем воспользоваться картой, чтобы добраться до аэропорта, поскольку планируем способ передвижения и распределяем время в соответствии с маршрутом.

Африканский богослов Чарльз Ньямити указывает, что богословие не должно быть абстрактным и отделенным от реальной жизни. Оно всегда должно включать пасторскую заботу, направленную к благу людей. Оно должно помогать церкви *быть* церковью, христианам – расти, а нехристианам – приходить ко Христу. Оно должно заниматься реальными богословскими вопросами и решать проблемы, с которыми сталкиваются люди. В богословии мало проку, если оно непригодно для обращения и утверждения людей во Христе.

Прежде всего пасторский характер богословия должен выражаться в жизни богослова и миссионера. Наше богословие должно быть живым, преобразующим жизнь и требующим от нас великой святости. Только тогда оно заслужит доверие наших слушателей.

Очень просто разделить богословие и жизнь и возложить на окружающих бремена, которые мы сами нести не желаем. Нужно постоянно

стремиться к тому, чтобы наша вера проявлялась в повседневной жизни. Только тогда можно понять трудности других людей и помочь им жить по-христиански.

Богословие в контексте

Историю церкви не понять вне ее культурно-исторического контекста. Ранняя церковь старалась сделать Благою весть понятной, при этом сохранив ее подлинное значение в контексте греческой культуры, которая во многом была чужда Библии. В этом процессе церкви пришлось бороться

Религия, мотивы и место, «где зудит»

Якоб А. Лёвен

Группа индейцев ленгуа сидела вокруг костра рядом с одной из нововозведенных времянки в недавно заселенной деревне в Парагвае. Они переходили от кочевого охотничьего образа жизни к оседлому земледелию.

Автор, сидящий среди них, проводил антропологическое исследование ситуации, надеясь найти способ и средства помочь племени в этом сложном переходе. Он развлекал группу историями из своего раннего миссионерского служения среди индейцев чоко в Колумбии. Среди прочего он упомянул о нескольких совершенных им культурных ошибках в процессе передачи Благой вести. После длинного рассказа об ошибках он внезапно остановился и спросил: «А те миссионеры, которые принесли вам весть об Иисусе Христе, допускали подобные ошибки?»

Последовало долгое молчание. Наконец ее нарушил хозяин, который чувствовал себя обязанным ответить: «Индейцам ленгуа очень сложно сказать, совершали миссионеры ошибки или нет». Антрополог хорошо понимал истинность этого утверждения, потому что с их понятием о «добром отношении» действительно было очень трудно кого-либо критиковать. Однако, не желая упустить прекрасную возможность узнать об отношении ленгуа к существующей миссионерской программе, он настаивал: «Назовите, пожалуйста, хотя бы одну сферу, в которой были ошибки». После еще одной долгой паузы хозяин ответил на нижненемецком диалекте, в котором ощущалось сильное влияние синтаксиса языка ленгуа: «Es krautze woa nich es yeiche», что в вольном переводе означает: «Они чешут там, где не зудит...».

Чтобы понять, почему проповедь миссионеров часто «не чешет», как планировали миссионеры, нужно рассмотреть несколько предпологающих факторов.

Вера и религия

Слишком часто прошедший обучение в Америке евангельский миссионер подходит к христианству с позиции правильной веры. Следовательно, задача миссионера – заменить неправильное верование правильным. Правильная вера и есть ответ на проблемы человека. В современном английском языке понятие «вера» претерпело ряд едва уловимых изменений в сравнении с новозаветными временами. Для многих искренних евангельских христиан оно означает интеллектуальное принятие истинности ряда посылок или доктрин и оно не включает такие неотъемлемые составляющие, как посвящение и послушание. Это означает, что вера отделена от жизни.

Такой подход часто отражается при переводе. В языках многих южноамериканских племен слова «верить» и «слушаться» однокоренные. Пытаясь разделить эти понятия, миссионеры перевели слово «верить», как «принимать за истину». Однако это переводит лишь статический компонент веры и упускает самый важный динамический компонент личного посвящения, который подчеркивается в библейском использовании этого слова.

Религия и полнота жизни

Часто, и возможно, в результате истолкования веры как правильно-го убеждения, религиозный опыт настолько отделен от полноты жизни, что развивается нечто вроде удаленного «духовного» толкования действий Бога в жизни людей. Юджин А. Найда обращает внимание на ошибочность этого взгляда:

Некоторые христиане считают, что рост церкви совершенно не связан с культурным контекстом, в котором он происходит, как будто это какой-то особый сверхъестественный феномен, включающий только борьбу между силами Бога и ухищрениями дьявола. Несомненно, рост церкви непосредственно связан с всеобщим замыслом и целями Бога, но в то же самое время справедливо то, что Бог явно намерен действовать в рамках структуры и моделей человеческого общества. Даже осуществляя Свои цели в жизни отдельного человека, Он добивается их в соответствии с действием направляющих ее физических и психологических принципов.

Обращение к Богу и культурные перемены

Поскольку считается, что религия касается только души человека, то обращение и последующая перемена жизни воспринимается как чи-

сто духовное проявление, при этом отсутствует понимание, что такая перемена поведения подразумевает и культурные перемены. «Готовы миссионеры признать это или нет, но они – профессиональные посредники культурных перемен, потому что есть только один способ основать, консолидировать и сохранить церковь в обществе – посредством его культуры».

Однако миссионер стремится не только к перемене внешних форм, но к базовым изменениям сердца и основополагающих ценностей. Человек должен стать новым творением. Луис Лузбетак говорит:

Желаемое преобразование, особенно в духовных вопросах, должно означать не просто заимствование внешних атрибутов, которые могут быть приняты, а затем – отброшены за ненадобностью. Это преобразование должно быть не просто провозглашением символа веры, теоретическим принятием нескольких догматов веры или заимствованием обряда. Обращение означает поворот от старых путей к новым, переориентацию предпосылок и целей, искреннее принятие новых ценностей, которые изо дня в день круглые сутки влияют на обращенного, его социальное окружение и практически на каждую сферу деятельности: экономическую, общественную и религиозную. Эти изменения должны стать живой частью «организма» культуры.

Для перемены необходима «причина»

Желание сменить религию часто зависит от того, насколько хорошо нынешняя религия отвечает практическим потребностям человека. Поскольку религия неразрывно вплетена в ткань всей жизни, желание перемены появится, только когда эта система не удовлетворяет человека или все общество в каком-то очень важном вопросе. Каждая культура стремится к гармонии составляющих ее частей, но такая гармония никогда не бывает полной. И конечно, все культуры меняются, и часто даже незначительные перемены могут привести к изменениям в полноте, удовлетворяющей потребности человека через религиозную систему его культуры.

Когда возникают сильные разочарования, дисбаланс или конфликты, человек не просто согласится с возможностью изменений – он сам будет искать выход. Такая неудовлетворенность в определенной культуре может стать дверью для Благой вести, потому что она и есть «тем местом, где зудит». Поэтому, чтобы выявить те элементы, которые предрасполагают людей слушать Благою Весть, очень важно изучить основные потребности человека и выяснить, как они удовлетворяются существующими системами.

ся с ересями, сформированными греческим дуалистическим мировоззрением, в котором Христа воспринимали либо как Бога, либо как человека, но не как Богочеловека. Протестантская схоластика XVII – XVIII веков противостояла развращенности церкви своего времени и сформулировала богословие, которое имело смысл для людей эпохи Просвещения. Позже пиелизм, евангелическое христианство, либерализм, диалектическое богословие (неоортодоксия) и другие богословские учения пытались сделать христианскую весть актуальной и значимой для современного светского человека. Не все эти попытки контекстуализации богословия были одинаково успешны в сохранении подлинной вести Писания.

Имеют ли церкви в других культурах такое же право понимать и применять Благоую весть в своем окружении? Не рискуют ли они сбиться с истинного богословского пути? Ответ на оба вопроса – да. Молодые церкви должны сами изучать Писание, чтобы расти духовно, и не позволить им этого из боязни, что они уклонятся от истины, – значит обречь их на вечное младенчество и раннюю смерть. С другой стороны, мы идем на риск, позволяя людям самим изучать Писание.

Уровни контекстуализации

Что отличает африканское или латиноамериканское богословие? Конечно, суть библейского учения – история сотворения, грехопадения и искупления – остается неизменной. Однако изменения охватывают несколько уровней.

Новые вопросы. Мы видели, что люди живут в разных культурах, поэтому они и задают разные вопросы. Например, африканцев и азиатов интересует вопрос: «Как быть с предками?». Западное богословие не уделяет внимание предкам, хотя Библия много говорит о них. Яхве называют Богом Авраама, Исаака и Иакова. Пятая заповедь, первая заповедь с обетованием, призывает нас почитать родителей.

Что говорить, когда люди спрашивают о своих предках? Спасены ли они? Должны ли они кормить предков или возлагать цветы на их могилы? Нельзя просто отмахнуться от таких вопросов, потому что предки играют важную роль в жизни этих людей.

Существуют и другие подобные дилеммы. Африканским церквям приходится отвечать на вопросы о многоженстве, колдовстве, духах и магии. Христианам в Индии задают вопросы о кастовой системе, приданом и сглазе. В Китае приходится отвечать на вопрос о власти родителей, обязанностях перед кланом и конфуцианской этике. Западным церквям тоже нужно рассмотреть вопросы, возникшие в их культуре, в частности секуляризм, современную индустрию развлечения и изобилие в обнищавшем мире.

Чарлз Тейбер считает, что основная задача богослова – найти христианские ответы на проблемы людей: «Прежде чем заниматься систематическим богословием, богослов призван оценить жизнь и свидетельство церкви и обратить свой взгляд, в сообществе с другими верующими, к вопросам и проблемам, с которыми церковь сталкивается, а также к возможностям и вызовам, с которыми она пытается справиться».

Новые культурные категории. Богословы не просто должны отвечать на новые вопросы. Они должны сделать Благою весть понятной в тех культурных категориях, которые даже отдаленно не соответствуют культурным категориям Библии. Например, в Африке нужно задаться вопросом, можно ли использовать в отношении крестной смерти Христа бытующее у традиционных африканских народов понятие жертвоприношения. В Индии им нужно решить, можно ли использовать термин «аватара» для описания воплощения Христа. Как мы видели, индийское мировоззрение не проводит категоричного разграничения между Богом и человеком. Поэтому, когда индуистский бог становится «аватарой» или человеком, это напоминает помощь богача нищему. В Юго-Восточной Азии богословы должны противопоставить буддийской концепции *нирваны* христианское понятие небес.

Бог – важнейшее понятие христианского богословия. Богословам необходимо решить, какой термин местной культуры использовать для обозначения Бога и что нужно изменить, чтобы приблизить его к библейскому значению. В разных частях мира люди говорят о Всевышнем Боге, Творце и правителе всего. Тейбер пишет:

Когда миссионеры впервые приехали к народу бауле в Кот-д’Ивуар и начали рассказывать о Творце, те сразу же все поняли: «Конечно, мы знаем его, его зовут Ньямиен». А когда миссионеры стали перечислять качества Бога, то столкнулись с почти нетерпеливым согласием: «Ну, конечно, Ньямиен всемогущий, конечно, он благосклонный, конечно, он вечный и так далее. Если вы сказали Ньямиен, вы этим сказали все. Этого не знают только дети».

Ричардсон считает, что мы можем использовать такие универсальные концепции Всевышнего Бога, особенно если они не имеют специального содержания, потому что их можно наполнить христианским значением. Именно это произошло в Корее, где люди верили во Всевышнего Бога, называемого Хананим, и протестанты использовали это понятие для обозначения Бога Библии. Ричардсон считает это одной из причин быстрого распространения христианства в этой стране. Люди уже знали о Боге, Которого проповедовали христиане.

Вопрос осложняется, когда понятие Бога тесно связано с нехристианскими религиями. В мусульманских странах миссионеры в основном пользуются словом Аллах, потому что его значение достаточно близко к библейскому значению. Но нужно четко разъяснять, что христианский Аллах есть любовь, а это совершенно чуждо исламскому мышлению. Индийским богословам приходится выбирать из множества терминов, ни один из которых не подходит полностью: высшая реальность *Брахман* – это сила, а не личность, *дэв* – бог-личность, который является частью этого иллюзорного мира, *Ишвара* – слово, напрямую ассоциируемое с индийским богом Шивой.

Новое мировоззрение. Самые сложные богословские проблемы связаны с мировоззрением. Это ядро культуры, и, если не подвергнуть его богословской критике, можно скатиться к синкретизму или двоеверию. С другой стороны, поскольку оно является основанием, на котором зиждется культура, изменить его сложно.

Многие «не-западные» мировоззрения ближе к мировоззрению Библии, чем наше современное светское мировоззрение. Им понятны племенные связи и обряды Ветхого Завета, и они лучше осознают духовный мир. Например, у японцев сильное групповое сознание, и, когда человек подводит группу, он испытывает сильное чувство стыда. Западный же человек с ярко выраженным чувством индивидуальности, поступая плохо, часто испытывает вину. А это два разных чувства.

Стыд – это реакция на критику других людей, острое личное огорчение тем, что мы не можем выполнить своих обязанностей и оправдать ожидания окружающих. В любой культуре стыда человек имеет определенное в обществе место и связанный с ним долг. Самоуважение поддерживается не выбором между добром и злом, а действием в соответствии с ожиданиями окружающих. Личные желания нужно утопить в общественных ожиданиях. Люди, которые не в состоянии их оправдать, часто направляют свою агрессию на себя, а не на других. Наказывая себя, они сохраняют самоуважение пред другими, потому что от стыда не избавиться покаянием и искуплением, как от чувства вины. Стыд снимается, а уважение восстанавливается, только когда человек поступает в соответствии с ожиданиями общества в данной ситуации и, если необходимо, даже совершает самоубийство.

Чувство же вины возникает, когда мы нарушаем абсолютные нравственные стандарты внутри нас, когда идем против совести. Человек может страдать от чувства вины, даже если никто не знает о его проступке. Чувство вины снимается через исповедание проступка и возмещение ущерба. Культура вины полагается на внутреннее осуждение греха как на

блюстителя хорошего поведения, а культура стыда – на внешние санкции. В культуре вины способом восстановления нравственного порядка служит наказание и прощение, а в культуре стыда – самоотречение и смирение.

В Библии грех связан одновременно и со стыдом, и с виной. Стыд имеет особое значение в Ветхом Завете, поскольку грех в основном рассматривается как разрыв отношений, происходящий, когда народ Божий нарушает завет с Богом и друг с другом. Поэтому грех имеет коллективную природу и грех одного человека может навлечь наказание на всех. Ответом на грех является *шалом*, или восстановление разрушенных взаимоотношений, мира и гармонии. Эта вещь хорошо понятна японцам, которые живут в культуре стыда.

Библия, особенно в Новом Завете, говорит о грехе и как о нарушении Божьей праведности, а также о необходимости наказания и компенсации. Это понятно западному человеку, живущему в культуре вины. Нам же для полного понимания библейского значения греха и спасения нужны оба понятия – вина и стыд.

В мировоззрениях одни предпосылки могут служить мостами к пониманию Благой вести, другие же идут вразрез с Писанием и искажают Слово. Например, в представлении некоторых народов время циклично, а это отрицает христианскую весть о сотворении и эсхатологии. Другие считают, что мир на самом деле не существует. Это всего лишь иллюзия. Реальной истории также нет. Это противоречит библейскому учению о сотворении и божественном участии в реальном мире. В таких случаях мы должны прояснить предпосылки библейского мировоззрения. Иначе люди неверно поймут Благою весть.

Этапы процесса контекстуализации

Формирование богословия для нового культурного контекста не происходит в одночасье. Как мы убедились, внимание молодой церкви сосредоточено на росте и оперативной реакции на старые верования и обычаи. Более глубокие проблемы контекстуализации и верности христианской вере в новом окружении возникают только у второго или третьего поколения церковных руководителей.

Первые попытки контекстуализации обычно предпринимает миссионер, стараясь сделать весть доступной и актуальной для народа. К сожалению, миссионеры не всегда осознают культурную обусловленность собственного богословия. Кроме этого, они импортируют западные способы богословствования, оказавшиеся под влиянием греческого мировоззрения, которое акцентирует крайне рациональные и синхронные системы мышления. Однако акцент на подробном систематическом богословии чужд многим народам. Хольт указывает:

Многие азиаты возражают против определенных черт традиционно-го западного богословия. В целом, азиаты не уделяют большого значения четко сформулированным доктринам. Наш интерес к анализу и системе для них совершенно непостижим... Их раздражают наши требования четких и точных формулировок веры. Религиозного азиата не трогает косный западный богословский догматизм.

Церковь в этих народах часто формирует библейское богословие, сосредоточенное на действиях Бога в истории, особенно в жизни Его народа.

Тем не менее со временем церковь должна решить вопрос контекстуализации Благой вести в своем культурном окружении. Каждая церковь должна ответить на вызовы культуры веры, поэтому богословие должно стать приоритетной задачей. Если это произойдет, результаты будут более глубокими и прочными.

Молодые церкви могут многому научиться из богословских споров, ведь они – часть их христианского наследия. Они не должны считать западное богословие высшим критерием, по которому следует оценивать свое богословие. Стандартом является библейское откровение. Виджайа пишет:

Можно сказать, что Писание – основной источник богословского знания. Также это единственный стандарт, по которому нужно оценивать богословие. Поэтому Писание нужно исследовать по-новому. Необходимо критически относиться к западной концептуализации библейского богословия и, если нужно, отбросить ее... Непосредственно исследуя все оригинальные тексты Библии, мы сможем глубже понять Божью весть.

Неужели тогда контекстуализации нет предела? Возможно, это неверная постановка вопроса. Суть не в том, как далеко можно зайти в контекстуализации и при этом оставаться христианами. Скорее, надо думать, как стать истинными христианами, одновременно делая Благою весть понятней и привлекательней для людей в нашем культурном контексте. Фиссер't Хоофт предупреждает:

На данный момент в истории церкви видно больше злоупотреблений самобытностью, чем ее недостатка. Благою Весть столь часто некритично адаптировали к местным культурам, что в этом процессе терялась ее уникальность. У нас была предпринята попытка радикальной адаптации Благой вести в так называемом Немецком христианском движении во времена Гитлера.... Я вспоминаю ясный анализ американской религии, сделанный Уиллом Хербергом.... На самом деле в мире не так много тра-

диционных христианских стран, которые бы хоть однажды не породжали забавный синкретизм христианства и национальных культурных идей.

Благая Весть должна не только выражаться в категориях и мировоззрении местной культуры, но наполнять их библейским содержанием и этим радикально менять их.

Обучение новообращенных

В начале служения на миссионера возлагается задача распространения и пояснения спасительной Благой вести в новой культуре не только устным свидетельством, но и личным примером христианской жизни. Он – единственный пример последователя Христа в данной культуре. Кроме того, на этой стадии миссионер должен возглавить процесс контекстуализации библейской вести в местной культуре. Поэтому ему очень важно понять и разобраться в ней.

Новообращенные почти не знают Писание и часто не умеют читать. Они полагаются на миссионера в толковании Писания и разрешении различных жизненных ситуаций. В обязанности миссионера входит не просто обучение людей Писанию, но и обучение их методам самостоятельного изучения и применения Писания в жизни. По мере их роста в вере, он должен объяснить им, что нужно слушаться голоса Бога через Слово Божье, а не через миссионера или даже пославшую его церковь. Практикуя христианство, новообращенные учатся жить по-христиански, как люди изучают язык, разговаривая на нем.

Обучение местных богословов

После учреждения церкви миссионер должен стимулировать появление в молодой общине прирожденных лидеров, поддерживать и обучать их. По возможности местная группа верующих с самого начала должна нести ответственность за церковь. Очень важно обучить руководителей, которые смогут решать богословские вопросы, возникающие в их культурной среде (2 Тим. 2:2). Намного проще воспитать последователей, которые слепо верят нашим словам и подражают нам. Поскольку мы занимаем достойное положение, с нами редко кто не соглашается. Но такие последователи духовно незрелы, и, если мы уйдем, их легко собьет с пути любое лжеучение.

Лидеров воспитать сложнее, потому что их нужно научить думать самостоятельно, не соглашаться с нами и отстаивать свои собственные убеждения. Нужно научиться принимать споры и искренние разногласия по сложным богословским вопросам, не обрубая местных братьев и сестер. Нужно научиться смиренно признавать свою неправоту и быть готовым, что новых руководителей будут уважать больше, чем нас.

Писание идет еще дальше. Оно говорит о священстве всех верующих. Необходимо научить всех верующих самостоятельно изучать и толковать Библию, а также применять ее в жизни. Отказать им в этом – значит обречь на духовную незрелость.

Евангелические верующие должны побуждать местных руководителей становится богословами. В прошлом мы слишком часто сдерживали богословское развитие молодой церкви, боясь отхода от истины. Тем временем либеральные церкви обучали местных лидеров, которые сегодня доминируют на богословской арене во многих частях мира.

Не существует гарантий сохранения наших богословских убеждений. Мы можем записать их в вероисповеданиях и конституциях, можем контролировать церкви и учебные заведения. Но наши преемники придут к собственным убеждениям. Каждое поколение в церкви должно обрести свою живую веру. Вера из вторых рук не подходит.

Наконец, нужно отметить, что местные руководители будут формировать свое богословие независимо от того, «позволим» мы им это делать или нет. История миссии богата примерами того, как подавляемые миссионерами руководители уходили и открывали собственные независимые церкви. Многие из них остались бы в общении с миссионерами, если бы они прислушались.

Надкультурное богословие

Четвертый принцип самобытности – создание самобытного богословия – признает, что христианам нужно формировать богословие, которое проясняет Благоую весть в их культуре. В то же самое время он поднимает сложные вопросы о плюрализме. Как принять богословское разнообразие, избегая подрывающего истину релятивизма, или сводящего богословие к человеческой деятельности субъективизма, или позволяющего христианам формировать собственное богословие в любой культуре партикуляризма, который все же отрицает, что Благая весть стоит выше культурных различий и что Церковь – это одно тело?

Эта проблема похожа на проблему поместной церкви, в которой считается, что каждый человек имеет право толковать Писание. Это приводит к разногласиям. Но герменевтика – это задача общины верующих, когда они делятся друг с другом и проверяют себя. Церкви в других культурах принадлежат к всемирному сообществу верующих. Они также должны развивать свое богословие и обсуждать его в рамках этого сообщества. Хотя они имеют право толковать Библию, применяя ее к своему контексту, они также обязаны прислушиваться к остальной церкви.

Надкультурное богословие преодолевает культурные различия

Библия

Рисунок 27

Такой диалог может привести к возникновению «надкультурного» богословия, превосходящего культурные различия, – это метабогословие, которое сравнивает богословские учения, анализирует культурные предубеждения каждого и стремится найти библейские универсалии (рис. 27).

Характеристики надкультурного богословия

Каковы характеристики евангелического надкультурного богословия – богословского консенсуса, который возникает, когда люди из разных народов делятся своим пониманием библейского откровения? Детали еще не ясны, ведь диалог богословов различных культур начался лишь недавно. Однако нужно принять во внимание несколько принципов.

Основано на Библии. Как и контекстуализированное богословие, надкультурное богословие должно основываться на Библии. Хотя это кажется самоочевидным, нужно постоянно напоминать себе, что любое богословие следует мерить по мерке библейского откровения.

Библию следует понимать в ее культурном контексте и в исторической прогрессии. Ветхий Завет описывает, как Бог избрал народ и сформировал их мировоззрение и верования так, чтобы они могли передать Его весть другим народам. Так, начиная с представлений Авраама о Боге, праведности, грехе, жертве, прощении и времени, Бог формировал и обогащал их через Свое откровение Моисею, Давиду и пророкам. Он открывал народу новое через скинию, храм, жертвоприношения, праздники и чин священства. Поэтому ко времени Христа иудейское мировоззрение вполне соответствовало задаче передачи высшего Божьего откровения людям.

Богословие должно быть библейским и в другом смысле. Хотя люди часто строят планы для Бога, богословие прежде должно учитывать Божьи планы для людей. Оно должно задаваться высшими вопросами, о которых люди могут и не спрашивать. Это грех, спасение и Божье владычество в жизни Его народа.

Надкультурное. Здесь мы сталкиваемся с парадоксом. Надкультурное богословие должно стремиться преодолеть культурные ограничения и предрассудки, однако оно должно выражаться на языках, сформированных особым культурным окружением. Отрицать, что богословие может преодолеть культурные границы, значит отрицать, что Бог может достучаться до людей. Тогда у нас остаются ограниченные культурой церкви, которые не понимают друг друга.

Как богословие может преодолеть предубежденность различных культур? Во-первых, следует помнить, что культуры сходны между собой. В основе всех культур лежат определенные фундаментальные сходства, предопределенные общей природой человека и общностью человеческого опыта. Тела людей функционируют одинаково. Все люди рождаются, живут и умирают. Все переживают радость, печаль и боль. У всех есть устремления, страхи и потребности. Все создают категории, языки и культуры. Все согрешили и нуждаются в спасении. Не преуменьшая различий между культурами, нужно признать основные сходства человеческого бытия. Поскольку эти объединяющие факторы дают людям одной культуры возможность понять людей другой культуры, они также позволяют развить метакультурные схемы, преодолевающие культурные различия.

Во-вторых, приезжие часто видят то, чего не видят местные. Например, приезжие часто видят наши грехи лучше нас, потому что мы обычно скрываем их от себя. Точно так же люди из других культур лучше нас видят культурную ограниченность нашего богословия. Мы часто не осознаем глубокие скрытые предпосылки собственной культуры и их влияние на наше богословие. Взгляд со стороны поможет нашим системам познания не стать полностью субъективными.

Поэтому нам стоит прислушиваться к христианам из других культур, потому что они могут указать на культурные предрассудки нашего богословия. В свою очередь, нам следует указывать на их культурные предрассудки. Так можно сформировать подлинно библейское богословие.

Историческое и христологическое. Надкультурное богословие должно фокусировать внимание на Божьих деяниях в истории. В их центре стоит Христос. Его воплощение – это ядро Благой вести. Его смерть и воскресение служат стержнем искупления. Все богословские системы

должны объединяться вокруг Христа, ведь Он Господь всех культур и всех людей.

Христиане утверждают реальную историю, которая одинакова для всех людей. Наше знание о ее событиях неполное, а толкования отличаются, но исторические факты остаются фактами повсеместно. Например, можно спорить о причинах мировых войн, но мы точно знаем, что в этом столетии европейцы пережили две мировые войны. Это факт для любого народа, участвовали они в этом или нет. Точно так же и Библия дает нам исторические факты, превосходящие разные культуры, и надкультурное богословие должно принимать их во внимание.

Ведомое Духом. И наконец, единство надкультурного богословия зависит от деятельности Святого Духа. Именно Он направляет наше понимание истины. Поэтому богословие должно создаваться в духе смирения, а не самоправедности; искупительной любви, а не осуждения; разъяснения, а не приказов. Стоит напомнить, что богословием занимаются на коленях.

Функции надкультурного богословия

Зачем добиваться сверхкультурного богословия? Разве недостаточно контекстуализированных богословий? Одна из причин – созидание всемирного сообщества верующих. Мы принадлежим одному Телу. Христос молился о единстве во свидетельство миру о Божьей любви, которая разрушает разделяющие людей стены.

Вторая задача – это участие в миссии церкви. Задача благовестия миру столь велика, что для ее осуществления должны сотрудничать церкви из разных уголков планеты. Нельзя, чтобы культурные и национальные различия привели к христианскому изоляционизму, который скрывает от нас нужды мира. Мы призваны свидетельствовать о Благой Вести всем народам.

И наконец, процесс формирования надкультурного богословия поможет нам четче увидеть культурную обусловленность собственного богословия и избежать синкретизма, который возникает, если мы некритически контекстуализируем богословие. Хотя все мы видим сквозь тусклое стекло, совместное изучение Писания приводит к лучшему пониманию Богословия, как его видит Бог. В диалоге с богословами из других стран не нужно навязывать своего богословия. Все богословские учения следует измерять Библией.

Христианство и другие религии

Мы переживаем второй богословский шок, когда впервые лицом к лицу сталкиваемся с другими религиями. Возможно, готовясь к миссионерско-

му служению, мы изучали ислам, индуизм, буддизм и пришли к выводу, что в них нет истины. Мы уверены, что будет несложно показать людям ошибочность их убеждений и убедить стать христианами. Мы очень удивляемся, когда знакомимся с хорошими мыслящими людьми, которые глубоко уверены в истинности своей религии, и нам, несмотря на подготовку, не удается опровергнуть ее.

Возникает вопрос: «Почему такие люди остаются мусульманами или индусами?». А затем другой вопрос: «А почему мы христиане? Откуда мы знаем, что христианство истинно?». Возможно, мы уже сталкивались с этими вопросами, но они возвращаются с большей силой, когда мы знакомимся с верующими других религий, утверждающими, что их религии удовлетворяют все их потребности.

Один молодой кандидат в миссионеры испытал шок, плывя на корабле. Увидев на палубе пожилого мусульманина, он решил рассказать ему о Христе. Миссионер пододвинул стул и заговорил с пожилым человеком в надежде привести его ко Христу. Через какое-то время молодой человек начал говорить о Библии, а мусульманин – о Коране. Тогда миссионер начал говорить о Христе, а мусульманин – о Мухаммеде. И тут молодой человек понял, что, пока он пытался обратить мусульманина в христианство, тот пытался привести его в ислам. Его моментальной реакцией было: «Так нельзя! Я никогда не стану мусульманином!». И тогда возник настоящий вопрос: «Тогда почему я ожидаю, что он станет христианином?».

Первой реакцией на этот шок часто бывает отвержение других религий и их последователей – мы хотим уйти от отношений с мусульманами, индусами и буддистами. Так мы можем избежать вопросов, поднимаемых религиозным плюрализмом. Но это лишает нас возможности свидетельствовать им. Можно ли любить людей, но при этом отвергать их религиозные верования? Ответ на этот вопрос глубоко повлияет на наши отношения с нехристианами и успех миссионерской работы.

Христианство и другие основные религии

Говоря о «других» религиях, мы обычно подразумеваем ислам, буддизм, индуизм, синтоизм и т.п. Подобно христианству, эти «основные религии» отвечают на вопросы о происхождении, цели и участии всего существующего.

Как христианству относиться к ним? Вопрос этот не нов. Ранняя церковь столкнулась с греческими религиями. Павел осудил их идолов (Деян. 19:26), а Петр – магию (Деян. 8:20-21). Но тот же Павел говорит о «неведомом боге» греков (Деян. 17:23), а Иоанн использует слово *Логос* – термин стоиков, которым они обозначали высшее проявление природы, то есть разум.

Церковь издревле пыталась разрешить этот вопрос. Одни деятели считают, что остальные религии следует предать полному осуждению. Другие видят в других системах веры и добро, и зло, но призывают людей к выбору между христианством и старыми религиями. Третьи отмечают в других религиях схожие темы и искупительные аналогии, которые можно использовать в благовестии. Четвертые считают другие религии подготовительным этапом к Благой вести и ищут в них зерна истины, от которых можно оттолкнуться. Пятые считают христианство эволюционным развитием всех прочих религий.

У нас нет времени рассмотреть импликации всех этих взглядов для миссионерского служения. Но молодые миссионеры должны быть готовы к этому вопросу. Мы рассмотрим лишь один или два основных вопроса, которые необходимо помнить.

Уникальность Благой вести. Ясно одно: Писание утверждает, что есть лишь один путь к спасению – через Иисуса Христа (Ин. 14:6; Деян. 4:12). Эта претензия на уникальность лежит в центре Благой вести и отношения христианства к другим религиям. Некоторые считают это высокомерием, и так бы оно и было, если бы христианство создали люди. Но оно исходит из божественного откровения. Отрицание этого откровения и непринятие уникальности Христа, стоящего в центре этого откровения, разрушает основания христианской веры. Говорить, что христианство – один из многих путей к Богу, значит соглашаться с индуизмом, который считает, что все религии ведут к Богу.

Уникальность христианства заключается не в определенной форме или выражении поклонения, а в Благой вести в целом. В молитве индусы преклоняют колени, а мусульмане поднимают руки, чукчи-шаманы и индусы-мистики говорят на языках. Последователи всех религий утверждают, что их боги исцеляют и воскрешают. Точно так же понятие греха, жертвоприношения и спасения не принадлежит одному христианству. Его уникальность заключается в библейской вести о Божьем искуплении грешников через Иисуса Христа.

Истинность Благой вести. Все основные религии претендуют на истину, и их нужно сверять с реальностью. Утверждая истинность христианства, мы не претендуем на превосходство. Превосходство не в нас, а в Благой вести. Стивен Нил пишет:

Вполне естественно, что нехристианам [эти заявления христианства] кажутся манией величия и худшим проявлением религиозного империализма. И мы должны признать эту опасность. Христиане много раз впада-

ли в обе крайности. Но мы вновь возвращаемся к вопросу истины. Нельзя считать манией величия заявления химиков, что физическая Вселенная устроена так, а не иначе... Заявления христиан очень близки к заявлениям химиков. Они просто утверждают, что Вселенная во всех ее аспектах устроена так, а не иначе и что ее устройство было однажды провозглашено в Иисусе Христе для всех народов. Когда Иисус сказал, что Он есть истина (Ин. 14:6), Он не имел в виду, что высказал несколько хороших и правильных мыслей. Он имел в виду, что все устройство Вселенной открылось в Нем впервые и навеки.

Провозглашать истинность христианства необходимо в смирении и любви (Еф. 4:15). Следует признать высшие озарения других религий и не пользоваться дешевыми трюками, сравнивая худшее в них с лучшим в христианстве. Нужно радоваться всему, что в них прекрасно и благородно. Надо с почтительным терпением выслушивать их критику в адрес христианской мысли и жизни. Благодаря их взглядам мы обретем новую перспективу. Но все же мы имеем право утверждать, что Иисус Христос, и только Он один, – Путь, Истина и Жизнь.

Христианство и народные религии

Мы, миссионеры, готовимся свидетельствовать последователям буддизма, индуизма, ислама и других основных религий, отвечающих на вопрос об абсолютной истине и смысле. Поэтому нас удивляет, когда мы узнаем, что большинство простых людей мало знают об основных религиях и часто теснее связаны с такими народными обычаями, как магия, астрология, колдовство и поклонение духам. На поверку мы не готовы работать с ними.

Народные религии имеют дело с бытовыми проблемами и не задаются вопросами о высшей реальности. Через приметы, предсказания, шаманов и пророков они помогают людям, которые хотят знать будущее. С помощью обрядов и снадобий они борются с такими напастями, как засухи, землетрясения, наводнения и эпидемии, а также приносят счастье в брак, помогают рожать детей, способствуют коммерции и т.п. (рис. 28).

У всех людей также есть народная наука, которая формируется на основе жизненных наблюдений. Полинезийцы умеют делать каноэ с ау-тригером и преодолевать на них большие расстояния по Тихому океану. Африканские бушмены умеют изготавливать отравленные стрелы и преследовать раненного жирафа, пока тот не умрет. У всех народов есть народное общественное знание, которое учит воспитывать детей и уживаться со сварливыми людьми.

Люди с западным мировоззрением не воспринимают народные религии всерьез. Поэтому мы не можем дать библейские ответы на жизненные вопросы, с которыми люди сталкиваются ежедневно. Например, мы обыч-

Высшая религия, народная религия и наука

Вселенские религии имеют дело с существами и силами из других миров, вопросами происхождения, цели и участи Вселенной, народов и отдельных людей.

Народные религии имеют дело с существами и силами этого мира, вопросами текущей важности, благосостояния и руководства для народностей и отдельных людей.

Науки имеют дело с миром, используя естественные способы объяснения, а также с вопросами взаимоотношений между людьми, а также человека и природы.

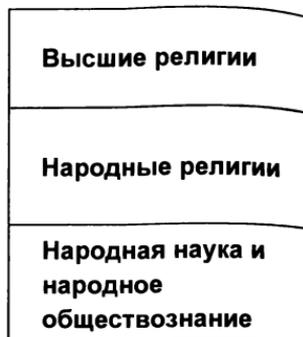

Рисунок 28

но не можем помочь новообращенному африканцу, когда он хочет узнать, идти ли ему охотиться на север или на восток, идти ли сегодня или завтра. Поэтому не стоит удивляться, что многие новообращенные продолжают ходить к шаманам и колдунам в поиске ответов на такие вопросы (рис. 29).

Христиане часто отвечают на повседневные проблемы. Например, католики обратились к учению о святых как посредниках между Богом и людьми. Протестанты подчеркивают молитву и Божье провидение – все события в нашей жизни находятся под Божьим контролем, и мы можем обращаться к Нему в молитве с просьбами. Харизматы акцентируют действие Святого Духа в повседневной жизни Божьего народа. Неслучайно многие успешные миссии давали определенный христианский ответ на подобные вопросы.

Однако, давая христианские ответы на повседневные проблемы, следует остерегаться синкретизма. Существует опасность превратить христианство в новую форму магии, в которой используются определенные формулы, чтобы заставить Бога исполнять волю человека. Библия же всегда призывает нас к поклонению, в котором мы подчиняем себя Его воле и учимся из посланных нам обстоятельств. Магия и поклонение отличаются не формой, а подходом.

Вторая опасность – это отсутствие проницательности. Не все действия христиан от Святого Духа. В Израиле были истинные и ложные пророки, праведные и неправедные правители. Поэтому не стоит удивляться, что другие религии дублируют многие формы христианского поклонения. Шаманы и прорицатели говорят на языках, индийские садху и мусульманские факиры утверждают, что могут творить чудеса, и все религиозные группы заявляют об исцелениях и воскрешении мертвых. Писание неоднократно призывает нас бодрствовать в последние дни, когда сатана станет копировать действия Божьи.

**Если не дать христианского ответа на
повседневные проблемы,
новообращенные могут обратиться к народным религиям**

Рисунок 29

Третья опасность – неверные приоритеты. Благая весть учитывает повседневную Божию заботу и попечение о людях, однако в центре ее внимания – спасение и вечная участь человека. Нам также необходимо сосредоточить свою проповедь на примирении Бога с людьми и человека с человеком.

В наши дни богословский и религиозный плюрализм бросает серьезнейший вызов христианской миссии. Ответы на эти вопросы будут иметь самые далеко идущие последствия для церкви. Проще всего отвергнуть все богословские системы, кроме собственной, и осудить все нехристианские религии. Однако такой подход закрывает дверь благовестию и мешает церкви взрослеть. Доверяясь Христу, мы можем слушать других людей и не бояться потерять веру. Мы также можем делиться с ними обретенной в Нем новой жизнью.

4

ЧАСТЬ

Сообщество двух культур

Мост между культурами

Мы рассмотрели посланников (миссионеров) и послание (Благую весть) в процессе перехода от одной культуры к другой. А что можно сказать о тех, кто слышит Благовую весть? Как Благовая весть приживается в другой культуре?

В век средств массовой информации и современных технологий мы иногда считаем, что коммуникация – это общественные собрания, радио- и телепередачи, печатные материалы. Но на самом деле передача Благой вести через разделяющую разные культуры пропасть в основном состоит из личного общения людей, а в особенности общения миссионера и народа, которому он служит. В этом процессе особенно важны два фактора: (1) способность миссионеров и местных служителей переводить Благовую Весть из одной культуры в другую и (2) качество отношений между задействованными людьми. В предыдущих главах мы рассматривали первый из этих факторов. Теперь мы переведем наше внимание от культуры (как системы понятий) к общественному устройству (как системе организованных человеческих отношений). При этом мы увидим, как качество этих отношений влияет на передачу Благой вести.

Налаживание межкультурных отношений

Коммуникация между людьми в различных культурах всегда происходит в контексте общественных взаимоотношений. Вначале они бывают поверхностными. Например, миссионер проходит по деревне и раздает брошюры или знакомится с кем-то в чайной.

Однако наиболее эффективная межкультурная коммуникация происходит между людьми, поддерживающими постоянные тесные отношения в

рамках одного сообщества. Миссионер встречается с новообращенными и помогает им организовать церковь. Затем он регулярно навещает их. Или же миссионер организует больницу или школу с четко установленными отношениями и ролями. И в том, и в другом случае возникает *сообщество двух культур*.

Бикультурное сообщество

Бикультурное сообщество – это локализованное общество, в котором люди из двух разных культур общаются друг с другом исходя из четко определенных социальных ролей. Оно возникает, когда люди одной культуры переезжают в другую, обустривают быт и начинают общаться с местным населением. Со временем возникает новый общественный уклад и формируется новое сообщество, состоящее из людей двух культур. С развитием этого сообщества возникает новая культура, которая заимствует мысли, чувства и ценности из обеих культур. Эту культуру нельзя назвать ни «местной», ни «иностранной», но ее носителями являются и местные люди, и иностранцы.

Когда миссионеры едут за границу, они берут с собой культурную карту. Они знают, что такое еда и как ее готовят, кто должен воспитывать детей и каким ценностям их учить, как правильно поклоняться и многое другое. И как бы они ни старались, они не могут вполне стать местными, потому что культуру, в которой они были воспитаны, невозможно стереть полностью. С другой стороны, миссионерам невозможно полностью перевезти с собой свою культуру, хотя некоторые и пытаются это сделать. На них очень сильно влияет та среда, в которую они попадают, – их вторая культура.

В зависимости от того, насколько тесно местные жители общаются с миссионерами, они становятся бикультурными. У них есть свои представления о еде, воспитании детей, ценностях и поклонении. Не покидая своей страны, они сталкиваются с новыми убеждениями и идеями. Но поскольку они живут в стране, где возникает бикультурализм, они со своей культурой серьезно влияют на его формирование.

Для общения друг с другом миссионеры и местные жители создают новые образцы жизни, работы, отдыха и поклонения – одним словом, новый сегмент (вид) культуры. Поскольку бикультурализм создается представителями разных культур, в нем присутствуют элементы обеих.

Хотя бикультурализм заимствует элементы культуры своих носителей, он не является простой суммой или синтезом этих культур. При их взаимодействии часто возникает новый общественный уклад. Ведь для того, чтобы между людьми разной культуры произошла коммуникация Благой вести, нужно создать приемлемое сообщество двух культур, чтобы обе стороны находили в нем долю взаимопонимания, доверия и удовлетворения.

Успех миссионерской работы во многом зависит от качества этого моста между культурами.

Культурные посредники

Мост между двумя культурами является лишь одной ступенью в много-ступенчатом процессе передачи Благой вести из одной культуры в другую. До приезда к другому народу миссионера обучали родители, пасторы и учителя. В другом народе он тесно работает с местными христианскими служителями, которые тоже становятся бикультурными. Эти служители, в свою очередь, будут передавать Благоую весть другим людям в своей стране. Тогда большая часть сельского благовестия и основания церквей ляжет на местных делателей.

Однако основной задачей миссии является построение моста между культурами, и именно ее мы сейчас рассмотрим более подробно. Чрезвычайно важно принести Благоую весть туда, где нет церкви.

В бикультурализме встречаются два мира. Он состоит из людей, которые сохраняют связь с родной культурой, но встречаются и обмениваются идеями с представителями другой. Такие люди являются «культурными посредниками». Как менялы, обменивающие доллары на йены или рупии, они незаменимы в общении между мирами двух культур. Такими посредниками являются миссионеры. Они не занимаются финансами или политикой, а приносят Благоую весть из одной культуры в другую. Более того, они становятся посредниками между церквями на родине и новыми церквями, в которых они служат.

Культурные посредники бывают одиноки, потому что оказываются между двумя мирами. Люди в каждом из этих двух миров часто имеют довольно туманное и искаженное представление друг о друге. Кроме того, каждая из сторон ожидает от посредника верности ее интересам и начинает сомневаться в миссионере, если видит, что он защищает другую сторону. Например, миссионеры так и не смогли убедить американцев, что в других культурах много хорошего, как и доказать местному населению, что не все люди на Западе фантастически богаты.

И наконец, люди обоих миров часто не доверяют культурному посреднику. Ни одна из сторон не понимает происходящего полностью, и все начинают подозревать, что посредник уже не представляет их интересы. Церкви, посылающие миссионера, знают обо всем только с его слов и переживают, что он сильно изменился. Местная церковь видит, как миссионеры уезжают домой в отпуск, и гадают, какие же секретные планы он там строит.

Миссионеры и местные служители – это маргиналы. Они одновременно являются носителями двух или более культур и ни одной из них

не принадлежат полностью. Они живут на границе между ними. Однако это не делает их маловажными, невлиятельными, подчиненными или неполноценными. Пророки Ветхого Завета тоже были маргиналами. Божье призвание в определенном смысле отделяло их от собственного народа, временами их отношения с соотечественниками отличались напряженностью и конфликтами. Ярким тому примером является Иеремия, который смотрел на свой народ Божьими глазами. Когда он говорил, его считали нарушителем спокойствия и предателем.

В этом смысле Иисус тоже был маргиналом, ведь Его поведение не соответствовало ожиданиям иудейских вождей. Он общался с «отбросами общества» – прокаженными, сборщиками налогов, самарянами и грешниками. Его распяли за городом вместе с двумя разбойниками. Павел тоже был маргиналом, потому что проводил жизнь между иудейской и языческой церквями.

В каком-то смысле все христиане являются маргиналами, потому что они живут в мире, но являются гражданами царства Божьего. Они уже не могут в полной мере чувствовать себя на земле как дома, потому что им знакома лучшая жизнь. С другой стороны, маргиналы могут внести замечательный вклад в любое общество. В определенном смысле, они, как пророки, говорят извне. Например, миссионеры олицетворяют всемирное общение церквей. Они делают видимыми нити, связывающие поместную церковь с церквями в других странах. Кроме того, они предоставляют более широкий взгляд на жизнь и критику, которые помогут молодой церкви завоевать свое место в нехристианской культуре.

Поколения миссионеров

Все люди должны научиться жить в культуре. Это же относится и к бикультурализму. Молодые миссионеры и местное руководство должны выяснить, какие убеждения, ценности и общественное поведение ожидаются от представителей бикультурного сообщества. Если они этого не делают, их изгоняют из общества.

Существует принципиальное различие между изучением родной культуры и изучением бикультурного сообщества. Мы растем в первой и постепенно *приобщаемся* к ней. Мы учимся через наблюдение и подражание, и нас официально и неофициально учат мышлению и поведению. Затем, уже во взрослом возрасте, мы *адаптируемся* к бикультурализму. У нас уже есть образцы социального и культурного поведения, к которому мы добавляем налет бикультурности. Результатом этого, как мы уже видели, является бикультурная личность, которой приходится разрешать внутренние трения двух миров.

В изучении родной культуры мы проходим различные ступени, и то же самое происходит при адаптации к бикультурному сообществу. Джон

Бикультурное сообщество

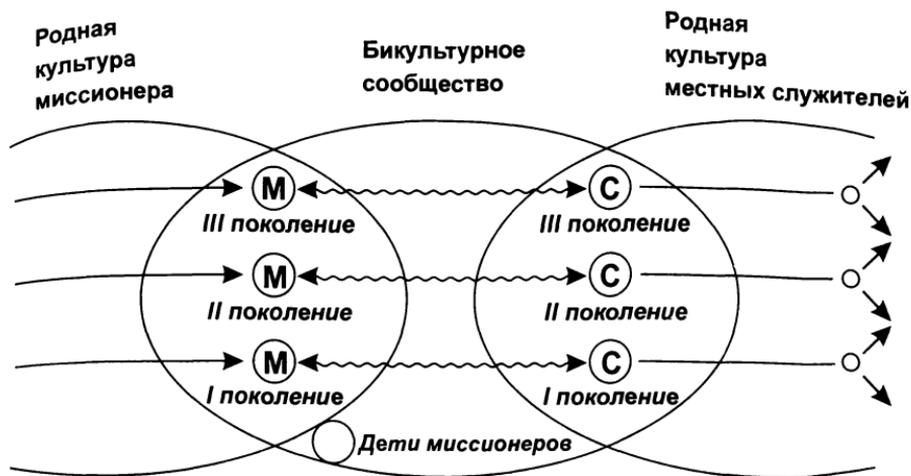

Рисунок 30

и Рубь Юсим вместе с Джоном Донахью рассматривают ступени («поколения»), которые люди проходят, становясь бикультурными. Это новички – миссионеры и местные жители, только что ставшие бикультурными, а также старожилы, которые значительную часть своей жизни провели в бикультурном сообществе (рис. 30).

Миссионеры первого поколения. Миссионеры, приехавшие на первый срок, – это первое поколение бикультурного сообщества. В это время мы в большей мере идеалисты и беремся за работу из-за грандиозного энтузиазма и великого видения. Поэтому мы ставим перед собой высокие, порой нереалистичные цели. Мы готовы благовествовать всему городу или штату или построить большую больницу или библейскую школу. В этот момент мы готовы пожертвовать установившимся сообществом, которое попытается привить нам свои представления о том, как должны строиться отношения между миссионерами и местными жителями. Это одна из основных появившихся еще в колониальные времена дилемм новых миссионеров, входящих в бикультурное сообщество. Если мы попытаемся изменить установленные способы деятельности и более тесно вживемся в местную культуру, то руководство этого сообщества почувствует угрозу и постарается отослать нас домой. Изменение существующей культуры – даже бикультурного сообщества, которое относительно нестабильно – очень трудная задача.

Успех или неудача в первые годы служения во многом зависят от нашего места в общественном устройстве бикультурного сообщества. Если мы

возглавляем новый проект, например открываем новую миссионерскую точку, больницу, библейскую школу, то можем иметь огромный успех. Ведь начинаем мы с нуля, а в результате имеем нечто: церковь или учреждение. Поскольку у нас не было предшественников, то никто нам не мешает строить служение в соответствии со своими планами. Например, когда на новое место приезжает первый врач-миссионер, он начинает с чистого листа. Когда он уезжает, он оставляет больницу с операционными, приемными и палатами. Мы можем терпеть и грандиозные провалы, потому что работаем без коллег и ограничений учреждения, которые бы указывали нам на неправильные решения. Ясно одно: основатели устанавливают направление нового служения, и это направление потом бывает трудно изменить.

Если мы, миссионеры первого поколения, оказываемся во главе уже устоявшегося служения, то имеем потенциал умеренного успеха. Мы уполномочены внедрять свои собственные идеи, но мы также наследуем традиции прошлого. Когда мы пытаемся изменить существующие порядки, нам напоминают: «Основатель это делал не так!» – или заявляют: «Мы всегда так делаем». Мы никогда не сравниваемся с запомнившимся образом основателя, чей портрет обычно висит на стене в центральном зале. Установленный основателем порядок для существующей тогда ситуации становится законом при втором руководителе и священным обрядом при третьем.

Если в первые годы труда нас может ожидать лишь умеренный успех в организации служения, провалы тоже будут лишь умеренными. От великих ошибок нас охраняет учреждение, которое уже начало жить своей жизнью. Когда организация основана, у нее есть силы выжить и смягчить ошибки своих руководителей. К тому времени уже слишком много людей вложили душу в это учреждение, и они не позволят ему просто умереть.

Если новичков назначают рядовыми работниками уже существующих служений, то успех или провал, по крайней мере по меркам общества, становятся маловероятными. У нас недостаточно полномочий, чтобы начинать новое служение или изменять старое. Это обычно приводит к раздражению, поскольку не дает почвы для нашего видения и энтузиазма. В этом случае нести служение с радостью и чувством удовлетворения могут только люди с определенным складом характера.

И наконец, как мы уже видели, для первых лет миссионерского служения характерен культурный шок. Отношения и взгляды, которые мы усваиваем в это время, обычно определяют характер нашего служения до самого конца пребывания в бикультурном сообществе.

Миссионеры второго поколения. Когда мы возвращаемся на второй, третий и четвертый срок служения, мы становимся миссионерами второго

поколения. К этому времени мы уже освоились в новой культуре и чувствуем себя в ней как дома. Кроме того, мы приобрели ценный опыт служения.

У миссионеров второго поколения также есть общие характерные черты. Во-первых, мы более реалистично оцениваем свою работу. Мы уже примирились с тем, что не сможем евангелизировать всю Японию (или даже Осаку) за пять лет. Но мы понимаем, что стоит вложить жизнь в постройку библейской школы, воспитание хороших лидеров и/или основание четырех-пяти сильных церквей. Мы начинаем обдумывать далеко идущие стратегии не только для основания церквей, но и для того, чтобы помочь им вырасти и обрести независимость и зрелость.

Теперь мы более реалистично смотрим и на собственную жизнь. Мы все острее осознаем, что жизнь у нас только одна. Если мы хотим проводить время с детьми, это нужно делать сейчас, пока они не выросли. Если мы хотим отдохнуть и расслабиться, то это придется делать за счет других занятий. Мы не утратили посвящение делу, но теперь оно долгосрочное. В конце первого отпуска нам пришлось принять серьезное решение вернуться, и теперь мы рассматриваем миссию как призвание своей жизни. Однако теперь мы уже не готовы жертвовать всем, чтобы прийти на собрание, занятие или дежурство. Мы начинаем понимать, что больше всего Бог работает в нас и наших детях. Поэтому мы выделяем время на семейные пикники и поездки, а также больше вкладываемся в обустройство дома.

Миссионеры второго поколения, а также опытные местные сотрудники вместе совершают большую часть миссионерской работы. К этому времени мы по большей части уже обустроились и привыкли жить в этих условиях. Мы знаем язык и обычаи бикультурного сообщества. Поэтому мы готовы посвятить себя сложной работе насаждения и взращивания церквей.

Одной из важнейших задач опытных миссионеров является помощь новичкам в адаптации на миссионерском поприще. Когда новичок сталкивается с культурным шоком и пишет заявление об увольнении, нужно его выслушать и убедить повременить с отправкой письма. Нужно уделять время, чтобы помочь вновь прибывшим миссионерам сориентироваться в местной культуре и на работе.

Миссионеры третьего поколения. Эту группу иногда называют «старожилами». В исследовании Юсимов и Донахью, которые впервые ввели понятие бикультурных поколений, «старожилами» назывались те, кто нес служение за границей в колониальные времена. Они, за редким исключением, разделяли убеждения о западном превосходстве и колониальном господстве. Они считали, что миссионеры должны возглавлять работу и жить как иностранцы на своих базах и в коттеджах.

Не стоит судить миссионеров прошлого, потому что мы вряд ли понимаем то время. В те времена гордились понятиями «колониальный» и «имперский». К тому же условия жизни в большинстве стран света тогда были намного хуже, чем сейчас. В середине XIX века морское путешествие в Индию занимало четыре месяца, а затем несколько недель на лошадях или повозках ехали сотни миль вглубь страны. Сроки служения часто растягивались на семь или более лет без отпуска. Современных лекарств не было, и болезни уносили много жизней. Например, между 1880 и 1891 годами в Южную Индию отправилось десять лютеранских супружеских пар. К концу этого периода умерли семеро мужчин, девять женщин и тридцать два ребенка.

У одного лютеранского доктора-миссионера в этом районе около дома в деревне стоял готовый гроб и вырытая могила, чтобы на случай смерти его похоронили как полагается. Когда крыша его дома сильно протекала, он спал в гробу. Уезжая из этой деревни, «он сжег свой гроб, закопал могилу и, стоя на ней, победоносно воскликнул: ‘Смерть, где твое жало? Ад, где твоя победа?’».

Большинство прежних миссионеров пожертвовали большим, чем большинство современных. Многие отдали своему труду тридцать, сорок и даже пятьдесят лет. Большинство из них похоронили своих супругов и детей там, где несли служение. Они редко могли себе позволить отпуск на прохладных миссионерских станциях в горах, потому что добираться туда на машине, поезде и корабле было слишком долго и утомительно.

Но времена изменились, и миссионеры тоже должны измениться. Теперь уже не принимается западное превосходство и колониальное господство. Сегодня нужно сливаться с местными жителями и разделять их стремления. Однако этот переход привел к разрыву между теми, кто с ностальгией смотрит на колониальную эру, когда миссионеры играли первую скрипку в жизни церкви, и теми, кто считает миссионерство служением воплощения и партнерства для организации новых церквей.

Поколения местных служителей

Разные поколения можно увидеть и среди местных служителей. У первого поколения часто бывает великое видение и энтузиазм. В наши дни растущего национализма это часто связано с сильным убеждением в том, что местная церковь должна полностью взять на себя ответственность за свою жизнедеятельность.

Как и миссионеры, местные молодые служители готовы пожертвовать чем угодно ради дела. Во многих случаях им приходится жертвовать поддержкой семьи и родственников, которые, возможно, мечтали, что те займутся более традиционной деятельностью. И, как и в случае с начинаю-

щими миссионерами, когда на них возлагают ответственность в важном деле, они могут добиться огромного успеха или прийти к полному провалу. Если им дают слишком мало полномочий, лучшие из них в расстройстве уходят в другие, часто независимые, церкви или начинают свое движение. Это особенно грустно, потому что для церкви и миссии самый большой ресурс – это местные молодые служители.

Местные служители второго поколения – это те, кто посвятил себя долгосрочной работе в церкви или миссии. Они научились работать в бикультурном сообществе и находить время для себя и семьи. Они вместе с опытными миссионерами выполняют большую часть служения, и именно они должны в конце концов возглавить церковь.

Местные служители третьего поколения выросли в колониальную эпоху. Их беспокоит и пугает стремительный переход к местному управлению. Они с ностальгией смотрят в прошлое, когда всем руководила миссия и все было стабильно. Как и старые миссионеры, они часто конфликтуют с молодыми служителями, появляющимися в церквях по всему миру.

Мосты в отношениях

До сих пор мы говорили о миссионерах и местных служителях как об отдельных группах. Но если это так, мост построен не до конца. Наиболее эффективная межкультурная коммуникация происходит, когда между миссионерами и местными служителями завязываются тесные отношения, и они работают в одной команде. В результате таких совместных усилий совершается большая часть миссионерской работы.

Точки стресса в бикультурном сообществе

Бикультурализм возникает там, где в течение длительного времени взаимодействуют и развивают устойчивые формы общения друг с другом люди двух культур. Эта культура находится в процессе развития. Она существует недолго и создается людьми из разных культур, у которых часто нет никакого представления о том, какой будет новая культура. Поэтому неудивительно, что бикультурное сообщество является творческой средой, в которой может появляться множество новшеств, особенно если культурные формы еще не застыли. И также неудивительно, что в этом обществе возникают совершенно особые проблемы, вызванные стрессом перемен.

Некоторое время стресс будет продолжаться, потому что немногие сферы жизни в мире изменяются с такой же быстротой, как международные отношения. На бикультурное сообщество очень сильно влияет переход от колониализма к национализму – а теперь и к интернационализму. Также изменения на мировой арене, когда державы, одна за другой, то обретают,

то теряют влияние. Кроме всего этого, в разных странах природа бикультурного сообщества и возникающие в нем трения отличаются.

Создание бикультурного сообщества

Одна из сфер, в которых возникает стресс, связана с самим созданием бикультурного сообщества. Какую форму оно должно принять? Какую одежду носить миссионерам и местным жителям? Должны ли и те, и другие носить свою привычную одежду? Или они все должны носить одежду западного образца или национальные костюмы? А может, то одно, то другое, в зависимости от обстановки? Какие блюда им готовить? Какие дома строить? Должны ли у миссионеров быть машины? Если да, то должны ли они быть и у местных служителей? Где и на каком языке получать образование детям этих двух групп? Как общаться миссионерам и местным верующим? При созидании стабильного бикультурного сообщества, которое способствовало бы общению и работе иностранцев и местных жителей, нужно отвечать на эти и тысячи подобных вопросов.

Наиболее сложные вопросы связаны с позициями и отношениями миссионеров и местных верующих. Как миссионерам относиться к местным служителям: по-родительски, по-партнерски, наравне или как-то по-другому? Должны ли лидеры в развивающихся странах получать такую же зарплату, как и миссионеры? Если да, то не отдалятся ли они от своего народа? И не потянутся ли люди к служению только из-за хорошего достатка? С другой стороны, если существуют различия, не повинны ли мы в том, что производим социальную разобщенность и сегрегацию?

Отождествление. До сих пор в ходе нашего исследования мы предполагали, что идеальной моделью межкультурных отношений является воплощение. Если это так, то создание бикультурного сообщества должно основываться на принципе отождествления. Нам, миссионерам, нужно стараться быть как можно ближе к людям, которым мы служим, потому что так можно дальше продвинуть Благоую весть по мосту между двумя культурами. Часто расстояние между культурами бывает очень большим. Чем дальше мы пронесем Благоую весть, тем легче ее принять людям и тем меньшее расстояние надо проделать местным служителям, чтобы сделать ее родной в своей культуре.

Миссионер со стажем Стивен Нил призывает нас стать приемными членами того народа, которому мы служим. Тогда мы уже будем не «миссионерами», а членами местной церкви, братьями и сестрами местным верующим. «Миссионерами» мы станем, только когда вернемся на родину. Там мы будем защищать интересы нашей приемной церкви.

Мы уже видели, что отождествление происходит на нескольких уровнях. На поверхности это вопрос образа жизни. Можно полюбить местную кухню, передвигаться на местном транспорте и одеваться в национальную одежду. Можно подстроить свое расписание и ритм жизни под окружающих людей, выслушивать их и учиться у них.

Все это очень важно. Но, в конце концов, нужно признать свою человеческую ограниченность. Для нас может быть психологически и физически невозможно полностью принять местный образ жизни, хотя обычно мы можем пойти в этом дальше, чем сами от себя ожидаем. Кроме того, образ жизни не составляет суть отождествления. Можно перенять местный образ жизни, но при этом сохранять позицию превосходства. Если мы считаем, что служение должны возглавлять миссионеры, то можем отказаться служить под началом местных управляющих, врачей или служителей церкви.

На более глубоком уровне можно отождествиться с народом в различных социальных ролях. Можно занять свое место в общественной организации поместной церкви в качестве учителя, врача, медсестры и проповедника, в должности, установленной для нас местной церковью, работая вместе с местными служителями и под их началом. Такое отождествление также очень важно, потому что помогает стереть границу между миссионерами и местными служителями, характерную для большинства североамериканских миссий.

Однако и это не выход. В старых традиционных церквях миссионерам могут поручить выполнение рутинных задач, которые едва связаны с благовестием, и это убивает служение. Если миссионеры берут на себя обязанности в местных учреждениях, то они имеют те же права в выборе поручений, что и местные служители. Они также могут начать соперничать с этими служителями за важные посты в церкви.

Даже принимая в сообществе роли местных жителей, мы можем подсознательно сохранять чувство превосходства. На самом глубоком уровне отождествление должно начаться с позиции: с любви к людям, единения и признания ценности их культуры и истории. Если эти чувства у нас есть, то отождествление на уровне ролей и образа жизни проходит гораздо легче. Если же нет, то люди скоро это поймут, как бы мы ни старались слиться с ними на других уровнях. Наши непрямые сигналы ясно донесут до них позицию отдаленности и превосходства, что несет в себе скрытое презрение к ним и их культуре.

Перемены. В каждом обществе есть люди, которые любят перемены и ищут их. Неудивительно, что именно они чаще всего первыми начинают общаться с миссионерами. Сначала их интересуют наши технологии: топоры, пилы, ружья, радио и машины. Затем, знакомясь с нами поближе,

они начинают задавать вопросы о нашей культуре и убеждениях. На самом деле миссионеры знакомят другие народы не только с Благой вестью, но и с различными иностранными товарами и идеями.

Мы не призваны к введению новшеств культуры, за исключением тех случаев, когда они помогают людям и церквям. Однако не следует препятствовать изменению культуры, если сами люди хотят изменить ее. Нужно сближаться с людьми в существующей культуре и стремиться к лучшей жизни. Мы ценны им и тем, что приносим новые идеи и соединяем их с внешним миром.

По всему миру первобытные культуры и крестьянские общины поглощаются национальными и международными рынками и политическими системами. Часто люди многое теряют, потому что не знают, как защитить свои земли и культуру от внешней эксплуатации. Во многих случаях именно миссионеры могут защитить их от внешнего подчинения, потому что они лучше их знают внешний мир.

В поисках своего «я»

Мы, живущие в бикультурном сообществе, – маргиналы и во многом никуда не вписываемся. Поскольку мы живем на границе двух миров, независимо от того, где мы находимся, мы не чувствуем себя как дома. Мы никогда полностью не вливаемся в другую культуру, но через какое-то время мы перестаем соответствовать и родной культуре, потому что меняемся под влиянием различных ситуаций.

Один из важнейших вопросов, стоящих перед бикультурными личностями, связан с собственным «я». Большинство людей знают, кто они такие, благодаря статусу в обществе. Когда миссионеры и местные служители церкви становятся частью бикультурного сообщества, они приобретают новый статус и новое «я». Здесь они взаимодействуют друг с другом и приобретают мировоззрение двух культур. Здесь они ищут уважения и признания у ближних.

Как мы убедились, миссионеры часто не осознают тех глубоких перемен, которые происходят в них из-за жизни в другой культуре. Мы часто считаем себя американцами или канадцами, которые некоторое время живут за границей, и рассчитываем без труда влиться обратно в родную культуру. Мы удивляемся, когда отношения с родственниками и друзьями в родной культуре становятся натянутыми и прохладными. Мы ожидаем, что они с интересом будут слушать наши рассказы о том, что с нами произошло, но примерно через час разговор переходит на местные события, которые нам едва ли известны: спорт, жизнь церкви и семейные вопросы. У людей дома свой общественный порядок, и мы начинаем понимать, что нам в нем уже нет места. Старые знакомые не знают, как быть с «миссио-

нерами в отпуске» после того, как мы пару раз выступили в церкви. Они чувствуют себя с нами неуютно и начинают спрашивать, когда мы собираемся «назад на миссию».

Потеря своего «я» в своей родной культуре происходит не только в социальном плане. Она также имеет культурный аспект. По возвращении мы уже не можем без критики относиться к собственной культуре, своему народу и даже деноминации. Поэтому, когда мы их критикуем, это настораживает родственников и друзей, которые начинают нас обвинять в предательстве и даже в ереси. Отдалившись от родных, мы часто находим близких друзей в лице других бикультурных людей, которые в родном обществе считаются маргиналами, не вписывающимися в рамки культуры.

Мы часто забываем, что такой же личностный кризис проходят и местные служители, ставшие бикультурными. В общении с миссионерами они перенимают иностранные представления и обычаи. Их могут даже считать агентами иностранцев! Некоторые из них ездят за границу и становятся частью мирового сообщества служителей, но таким образом они оставляют традиционную культуру и чувствуют себя более уютно в самолетах, современных гостиницах и международных кафе, чем в повозках, хижинах и на кухне в деревне. Когда эти служители возвращаются домой, к ним часто относятся с подозрением и безразличием. В конце концов они также начинают чувствовать себя более уютно с другими бикультурными людьми.

И миссионеры, и местные служители церкви часто находят свое «я» в бикультурном сообществе. Именно здесь у них появляется общественный статус и определенные социальные роли. Здесь они могут общаться с другими людьми, которые понимают фундаментальные представления международного мировоззрения. Однако бикультурализм – явление преходящее, зависящее от изменений в международной политике, а также приездов и отъездов миссионеров и местных служителей. Наши дети не могут провести всю жизнь в бикультурном сообществе, и нам самим при выходе на пенсию часто приходится покидать его. В этом смысле бикультурным личностям не хватает родной культуры, в которой они находят свое «я».

С психологической точки зрения, мы вмещаем в себя две личности, принадлежащие к двум разным мирам, и потому переживаем личностный кризис, и нам необходимо выяснить, кто мы на самом деле такие. Как мы увидели, можно отвергнуть одну из них, но таким образом убить часть себя. Можно разделить свое существование на части и быть одним человеком в одном мире и другим – в другом, но результатом этого будет культурная шизофрения. Или же можно попытаться объединить эти две личности в одну, однако это очень сложный процесс, потому что нам придется разрешать вопросы фундаментальных различий, существующих между двумя нашими культурными «я».

Всем нам нужно время от времени подкреплять свое социокультурное «я», участвуя в том, что оно символизирует. После периода служения миссионер хочет почувствовать «вкус дома». Для бикультурных людей длительное отсутствие в любой из двух культур создает психологическую потребность участвовать в ней, даже в символических формах. Если этого не происходит, их «я» в той культуре ослабевает. Поэтому неудивительно, что за границей миссионеры часто символически соприкасаются с западной культурой. Например, один миссионер в Индии был готов жить там сколько угодно, если у него была жевательная резинка «Ригли», которая психологически связывала его с родиной. И наоборот, он, как и другие возвращающиеся из Индии миссионеры, ищет в США индийские рестораны, где можно поесть ритуальной еды и напитать свое «индийское я».

Символы отождествления с обеими культурами важны для большинства бикультурных людей. Западные миссионеры в Африке говорят о западной политике, приветствуют всех встречаемых американцев и канадцев как старых друзей. Во время поездок в город они идут в ресторан в американском стиле. В прошлом они получали из «дома» посылки с особой едой, которую нельзя было купить на месте, такой как сыр и тушенка. Эти деликатесы откладывались для особого случая, чтобы их съесть с американскими друзьями на особом ритуальном обеде приобщения к Западу. Однако во время отпуска или на пенсии те же самые миссионеры обсуждают африканскую политику, приветствуют всех встречаемых африканцев как старых друзей и при всякой возможности едят африканские блюда. Сыр и тушенка вдруг утрачивают свое символическое значение.

Африканцы, индийцы, латиноамериканцы и другие местные бикультурные служители также периодически нуждаются в соприкосновении с родной культурой. Если они несут служение за границей, то мечтают съездить домой, чтобы воссоздать свое «я» в родной культуре. К сожалению, у многих из них, как и у многих миссионеров, остается разрывающее их культурное раздвоение личности. В этом смысле бикультурные люди часто не имеют настоящей культурной родины.

Отчуждение

С проблемой поиска своего «я» тесно связана проблема отчуждения. Когда люди становятся бикультурными, они проходят в разной степени отчуждение от родной культуры.

У миссионеров это не столь очевидно, пока они находятся на миссии. Даже находясь вдали от родины, они рассчитывают по возвращении вновь найти в ней свое «я». Кроме того, напряжение перехода от одной культуры к другой для них смягчено географической отдаленностью. Только приехав домой в отпуск, они в полной мере переживают шок смены культуры.

Сеть международных служителей

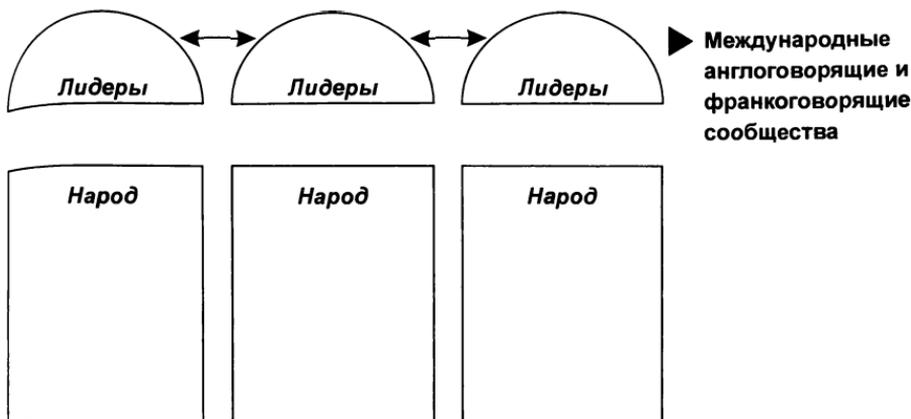

Рисунок 31

Для местных служителей проблема стоит более остро, потому что, хотя они и являются частью бикультурного сообщества, они все так же физически живут в родной культуре. Они не могут разделить две культуры географически. Им каждый день приходится «менять режим», переходя от одной культуры к другой. Кроме того, поскольку они хотят принести Благою весть в родную культуру, они должны поддерживать с ней тесные связи. Если они слишком глубоко войдут в бикультурное сообщество, они отдалятся от своего народа и их станут воспринимать как иностранцев.

Международные служители. Серьезной проблемой по всему миру является появление культурного разрыва между местными служителями, влившимися в международную сеть, и их народами, которые продолжают жить в определенной культуре (рис. 31). Эта проблема существует не только в церкви, но и в бизнесе и политике. Когда служители из разных стран изучают иностранные языки, ездят по миру и завязывают контакты с иностранцами, они становятся членами международного сообщества.

Эти международные служители разрабатывают далеко идущие стратегии для евангелизации мира, но им часто бывает трудно служить людям в собственной стране. Они уже не могут служить пасторами в поместных церквях, благовестниками в деревнях, учителями или медработниками.

В миссиях нужно обучать международных служителей. Хотя сегодня многие церкви в разных странах находятся на самоуправлении, мировую миссионерскую арену до сих пор в основном контролируют западные служители. До тех пор пока церкви так называемых развивающихся стран не будут полноценно представлены на этом уровне, церковь не будет полностью интернациональной.

Финансовая поддержка. Отчуждение служителей в развивающихся странах создает еще одну проблему, а именно, зависимость от внешней финансовой поддержки. Многие служители из развивающихся стран зависят от иностранного финансирования. Когда финансирование прекращается (в наш век политической нестабильности это особенно возможно), эти служители оказываются под ударом. Миссионеры обычно возвращаются к себе на родину и устраиваются на работу. Когда же работу теряют местные служители церкви, им трудно бывает найти другую в традиционном обществе, потому что все, чем они занимались, связано с сообществом двух культур. Кроме того, они политически слились с Западом, и если к власти приходит антиамериканское правительство, как это произошло во Вьетнаме и Эфиопии, то их могут приговорить к заключению или даже смерти. В отличие от миссионеров, они не могут просто уехать.

Планируя миссионерскую стратегию, нужно учитывать непростое положение, в котором могут оказаться местные служители, и ценить грандиозную жертву, которую они приносят.

Дети

Один из наиболее сложных вопросов, встающих перед миссионерами и местными служителями церкви, связан с детьми. К какой культуре они принадлежат? Где им получать образование? И где они, наконец, найдут место в жизни?

Дети миссионеров. Для детей миссионеров особенно остро стоит вопрос культурной принадлежности, потому что они географически удалены от культуры родителей и почти полностью воспитываются в бикультурном сообществе. В отличие от некоторых ранних миссионерских движений, когда миссионеры действительно эмигрировали в страну служения, большинство современных миссионеров видят себя и своих детей гражданами родной страны. Они воспитывают детей на славных рассказах о родине, а в отпуске показывают им все величие их культурного наследия. Они считают, что во время кризиса и на пенсии они вернуться домой, а их дети обзаведутся там семьями и обоснуются.

В этом, однако, кроется фундаментальная ошибка. Мы считаем, что дети миссионеров являются американцами или канадцами, но это не так. Они также и не африканцы, не азиаты и не латиноамериканцы. Их родная культура, в которой они выросли и действительно чувствуют себя как дома, – это бикультурное сообщество. Они принадлежат к сообществу «американцев, живущих за границей». Также и дети индийских и африканских миссионеров принадлежат к культуре «индийцев (или африкан-

цев), живущих за границей». Пренебрежение этим фактом ведет к ложным ожиданиям со стороны родителей и личностному кризису у детей. Нужно признать, что наши дети никогда не будут полностью членами нашей родной культуры.

Когда дети миссионеров приезжают (а не «возвращаются») в родную страну родителей, они переживают сильный культурный шок. С одной стороны, они представляют славные образы этой культуры, основанные на рассказах родителей и собственных кратких визитах. С другой же, для них это чужая страна. Их проблема усугубляется тем, что бабушки с дедушками, родственники, друзья, а иногда даже собственные родители, видят в них американцев и проявляют недовольство, когда те не могут быстро адаптироваться к культуре. Они рассматривают «эксцентричность» детей миссионеров как активный бунт и нарушение общественного порядка. Эти родственники и друзья просто не могут психологически принять, что член их семьи или друг действительно принадлежит к другой культуре. Они подобны ортодоксальным индусам, родителям одной индийской пары, работавшей в США. Когда пара вернулась в Индию в отпуск, их дети требовали телевизор и хот-догов. Бабушка с дедушкой, строгие вегетарианцы, были шокированы, что внуки не говорят на хинди, и просто пришли в ужас, когда те ели мясо (особенно «собак»¹). Нужно ясно дать понять родственникам и посылающим церквам, что наши дети во многих отношениях иностранцы.

Признание того, что наши дети принадлежат третьей культуре, ни американской, ни иностранной, поможет нам понять и разрешить многие проблемы, с которыми сталкиваются наши дети. Нужно быть осторожными, а иначе наши мечты «приехать домой» дадут нашим детям ложные представления о том, что их ждет. К тому же нужно подготовить их ко входу в культуру, во многом им чуждую.

Обучение. Один из наиболее важных вопросов миссионеров-родителей связан с образованием детей. Именно это в значительной степени определит «я» ребенка.

Какие школы посещать детям миссионеров? В начале современного миссионерского движения миссионеры часто оставляли своих детей с родственниками на родине по причинам здравоохранения и образования. Теперь большинство детей учится ближе к родителям. Некоторые ходят в местные школы. Однако в большинстве случаев эти школы не соответствуют ни по языку, ни по программе школам родной культуры родителей. Поэтому те родители, которые желают, чтобы их дети вернулись на родину, обычно не отдают туда детей.

---

¹ Хот-дог (hot dog), то есть сосиска с булочкой, дословно переводится с английского как «горячая собака».

Многие дети миссионеров теперь посещают бикультурные школы, в основном школы-пансионы. Это означает, что они с достаточно юного возраста подолгу не живут дома. Результаты варьируются в зависимости от школы, характера ребенка и его отношений с родителями. Одни дети справляются очень хорошо, а у других остаются глубокие психологические травмы.

Одна из проблем, с которой сталкиваются дети миссионеров, – они воспринимают Бога как соперника, с которым приходится делить родительскую любовь. Они еще недостаточно хорошо понимают природу миссионерского служения и проблемы с образованием, которые приходится решать родителям. Они знают лишь то, что они часто расстаются с родителями из-за Бога. Поэтому нет ничего удивительного, что значительное количество детей миссионеров во взрослом возрасте отвергают христианство.

Чтобы сохранить связь с детьми, многие миссионеры сегодня обучают их на дому, особенно в раннем возрасте, когда контакт с родителями особенно необходим. Сегодня существует ряд программ домашнего обучения, которые дают возможность родителям, даже не имеющим педагогического образования, обучать детей. Это важная альтернатива школе, но она не решает вопроса друзей и общения с другими детьми. Однако этот вопрос отпадет, если помочь детям найти друзей по соседству.

Вторая проблема, с которой сталкиваются дети миссионеров, – это отсутствие корней. Как отмечает Поль Турнье, каждому нужно чувствовать принадлежность к определенному месту, культуре и обществу. Дети миссионеров выдернуты из родной среды, и некоторые бессознательно страдают от этого. Другие же хорошо осознают этот факт. Большинство из них продолжает искать место, которое можно назвать «домом». И пока дети маленькие, этот дом должен быть «внешним», потому что у них еще не сформировано чувство собственного «я».

Проблема отсутствия корней частично преодолевается близкими отношениями в большинстве миссионерских семей. Лишенные внешних отношений, они начинают строить отношения в семье. В большинстве стран для семейных занятий остается больше времени по вечерам и во время каникул, чем в современной американской семье, где иногда бывает трудно выделить время даже для совместного чтения Библии. Кроме этого, не имея современных игрушек и форм развлечения, дети часто вынуждены проявлять больше фантазии, чтобы занять себя. Родители-миссионеры слишком часто открыто причитают из-за «лишений» (имея в виду недостаток игрушек и развлечений), которые переносят их дети, воспитываясь за границей. Однако они редко осознают, что через опыт жизни в другой стране они дают своим детям несколько величайших преимуществ. Большинство детей миссионеров ни-

когда бы не променяли это на материальные удовольствия жизни на Западе.

Возвращение. У многих детей миссионеров возникают трудности в адаптации к жизни на Западе. Они приезжают в Америку, думая, что будут чувствовать себя там как дома, и их шокирует, что они не вписываются в это общество. Это ведет к личностному кризису. Кто же они такие? И где же их дом?

Дети миссионеров, достигшие взрослого возраста, часто ощущают потребность вернуться туда, где они провели детство, но, если они это делают, их постигает разочарование. Во-первых, все не так, как в их воспоминаниях, потому что взрослые воспринимают все иначе, чем дети. Во-вторых, хотя в детстве им было место в бикультурном сообществе, теперь, когда они взрослые, его может и не быть. И наконец, старых друзей, и местных, и миссионеров, уже нет, да и само сообщество могло распасться из-за перемен на мировой арене.

Со временем большинство детей миссионеров адаптируются к родной культуре родителей, но для них она навсегда останется вторым домом. Отпечаток культуры их детства никогда не сотрется, и значительная их часть находит себе работу, которая позволяет им жить за рубежом, будь то миссия, государственная служба или бизнес.

Опыт жизни за границей дает детям миссионеров некоторые преимущества на Западе. Они достаточно рано начинают соприкасаться со взрослым миром, учатся полагаться на себя, учатся социальным навыкам, что помогает им во взрослых отношениях вести себя с достоинством и уверенностью. Они умеют вести себя в новой обстановке. В большинстве своем они целеустремленные, а образование готовит их к студенческой и взрослой жизни. Исследования, проведенные среди детей миссионеров, показывают, что многие из них добиваются в жизни очень многого. По сравнению с выпускниками обычных западных школ, больший процент из них становится лидерами в науке, медицине и других профессиях. Мы, родители, должны избавиться от мысли, что мы чего-то лишаем своих детей, если не можем им дать игрушек и развлечений, которые есть у их сверстников на Западе, – мысли, которую мы, к сожалению, с большой готовностью передаем детям.

Однако дети миссионеров также сталкиваются с определенными трудностями. По сравнению с выпускниками американских школ, большинство из них переживают психологические проблемы и нуждаются в душепопечении.

Но не только переезд в культуру родителей создает проблемы для детей миссионеров. То же самое происходит, если они «становятся местными». У детей-иностранцев за границей немного необычная роль. Зачастую они ходят в особые школы, говорят на другом языке и имеют ценности двух

культур. Это все отделяет их от местного населения. За некоторым исключением они испытывают сильный культурный шок, если впоследствии принимают гражданство страны служения родителей, вступают в брак с местными людьми и выходят на рынок труда. Они по-прежнему остаются чужими. Несмотря на это, небольшое, однако растущее количество детей миссионеров создает семьи и переезжает на постоянное место жительства в страну своего детства. Адаптация к этой обстановке во взрослом возрасте во многом зависит от отношения родителей к их решению.

Мы все больше начинаем понимать, что наши дети входят в нашу миссионерскую задачу. «Оставить детей» ради Христа не означает пренебречь их физическим благополучием или духовным ростом. Как можно благовествовать другим людям, если мы не привели ко Христу своих детей?

Местные дети. Дети местных служителей, которые тесно работают с миссионерами, тоже являются бикультурными, хотя и в меньшей степени, чем дети миссионеров. Контакты с другой культурой оказывают на них влияние, но они географически и социально тесно связаны с культурой родителей. Поэтому адаптация к местной культуре не бывает особенно сложной. Однако в некоторых случаях их клеймят за общение с иностранцами и относятся к ним как к чужакам.

Более серьезные трения возникают, когда эти дети пытаются продвигаться в жизни. Мы, миссионеры, обычно стараемся, чтобы местные дети-христиане окончили среднюю школу, но противимся тому, чтобы они получали высшее образование. Дэниел Вамбутда отмечает: «Для миссионера приемлемо продолжать обучение, находясь в отпуске, но невысказано, чтобы африканец стремился повысить образование».

Возможно, мы боимся, что это образование отделит местных служителей от их народа, но при этом пренебрегаем несколькими важными фактами. Во-первых, нам нужны местные люди на самых высоких постах церкви в местном и международном масштабе. К сожалению, евангельские христиане не особо активно готовили богословов и международных деятелей из местных служителей. Поэтому на сегодняшний день азиатские, африканские и латиноамериканские богословы и руководители, определяющие мышление своих стран, – выходцы из более либеральных церквей.

Во-вторых, местные служители, как и миссионеры, часто сближаются с народом в служениях воплощения. Поскольку работать за рамками границ культуры способны не только люди с Запада, нужно постараться дать образование любому местному служителю, у которого есть потенциал.

И наконец, нравится нам это или нет, мир постоянно меняется и служителям в церквях по всему свету приходится иметь дело с людьми, зна-

комыми с современными идеями. Это особенно заметно в городах. Если мы не сумеем воспитать пасторов, способных служить в такой обстановке, то церковь заостенет в мире постоянно меняющейся культуры.

Передача власти

Еще одной точкой напряжения в бикультурном сообществе является вопрос власти. Как и любая другая культура, оно разрабатывает систему социальных статусов и определяет одним больше власти, а другим – меньше. В результате этого возникает социальная иерархия.

Миссионерское сообщество. Миссионеры часто формируют сообщество внутри бикультурного сообщества. Мы навещаем друг друга и обсуждаем свои специфические проблемы и интересы. Иногда нас официально объединяют в комитеты, которые руководят миссионерской работой, и в таких случаях в бикультурном сообществе существует четкое разграничение между миссионерами и местными служителями.

Миссионерские сообщества часто играют роль семьи. Дети называют взрослых «дядя» и «тетя», а взрослые с интересом расспрашивают о детях друг друга. Они часто ходят в гости друг к другу, и гости автоматически остаются на ужин, да и на ночь, а зачастую на несколько дней или недель. Такая миссионерская сеть обеспечивает вхождение в другие общества, а также ночлег, так что мы можем ездить по всему миру с минимальными расходами. Однако это означает, что и мы должны оказывать другим то же гостеприимство, на которое рассчитываем сами. Поэтому мы должны готовиться к неожиданным гостям и знать, что эти взаимные обязательства распространяются не только на наших знакомых, но и на незнакомых людей, которые также работают в миссии.

Такие визиты представляют для нас ряд проблем. Иногда они мешают миссионерской работе, хотя это воспринимается как часть жизни на миссии. Более серьезным является вопрос обязательств гостей перед хозяевами. В прошлом визиты других миссионеров и гостей с Запада были чрезвычайно редки и поэтому гостей принимали особенно радушно. Сегодня, с развитием воздушных перевозок, гостей гораздо больше и их визиты могут затягиваться. Поскольку миссионеры часто ограничены в средствах, встает вопрос оплаты. В прошлом гости часто не знали, подарить хозяевам подарок или хотя бы предложить какую-то оплату, но не знали как и сколько. Сегодня одни миссии рекомендуют посетителям определенную сумму, а другие предоставляют свои домики для гостей за скромную плату.

Хотя некоторые гости приносят радость, другие воспринимаются как обязанность, которую нужно исполнить. Но, как и в любых сообществах, визиты незнакомцев используются для того, чтобы «проверить» их. Во

время посещения миссионер узнает, откуда гости, где работают, в какой семинарии или библейском колледже учились и есть ли общие знакомые. Это позволяет миссионеру оценить человека и судить о чистоте его веры. Тех, кто «проходит проверку», неофициально принимают в миссионерское сообщество.

В каждом обществе существует иерархия: родители и дети, старшие сотрудники и младшие, управляющие и персонал. Миссионерское сообщество не является исключением. Неудивительно, что «поколения» в миссионерском сообществе часто переводятся и на социальную иерархию. Ожидается, что молодые миссионеры будут уважать более опытных коллег, учиться у них, а также воздерживаться от вопросов, бросающих вызов традиционным способам работы. Старшие миссионеры занимают важные посты.

Один из важных вопросов, которые часто задают миссионеры, состоит в том, кто должен руководить работой на миссии: старшие миссионеры или головной офис на Западе. В прошлом из-за плохой системы коммуникации большинство локальных решений принималось самими миссионерами. Но современные технологии – самолеты, почта, телефоны и радио дают возможность большинству миссионерских организаций принимать централизованные решения в головном офисе. Однако для некоторых миссий это остается большим вопросом.

Символами статуса в миссионерском сообществе зачастую является продолжительность служения, хорошее знание местного языка, приглашение местной церкви и знание местной культуры. К этим символам также относятся дома, машины и мебель. Поскольку бюджет миссионеров скромный и они часто переезжают, а дома, машины и мебель в других странах зачастую стоят дорого, вопрос о том, кому они должны принадлежать, нередко становится во главу угла. Если все это частная собственность, то старшие миссионеры с широким кругом друзей могут собрать достаточно денег на все это, а молодым это может и не удастся. С другой стороны, если имущество принадлежит миссии и она им распоряжается, встает вопрос, кому что достанется, и это часто превращается в яблоко раздора.

Местная община. Местные жители, задействованные в бикультурном сообществе, также формируют сообщество со своими поколениями и уровнями статуса. В нем они находят свое «я», самоуважение и стремление к власти и почестям.

Одним из источников власти и уважения во время колониальной эпохи был доступ к миссионеру. Вследствие этого человек, работавший в доме у миссионера, часто имел больше власти, чем предполагал его статус. Во многих странах в местной поговорке: «На миссионеров нужно оказывать влияние через слуг» – была доля истины.

Отношения между местными жителями и миссионерами. Последние три столетия один из наиболее важных и часто поднимавшихся вопросов в миссии затрагивал отношения между миссионерами и местными жителями. Поскольку современное миссионерское движение началось во время колониальной экспансии, миссионеры часто походили на западных управляющих. У них были похожие дома и стиль одежды, и они часто относились к местным людям как к нецивилизованным подчиненным.

Особенно пагубной была позиция сегрегации. В отличие от испанских и португальских католических миссионеров XVI – XVII веков, западные протестантские миссионеры, особенно североамериканцы и европейцы, обладали сильным чувством расовой принадлежности, которое выражалось в социальном разделении. Миссионеры в некоторых странах не позволяли местным жителям входить в свои дома и сидеть на своих стульях. Другие не принимали причастие из одной чаши с местными верующими, а о том, чтобы их дети создали там семьи и полностью обосновывались, не могло быть и речи.

Сегодня, с распространением национализма, растущим пониманием ценности разных культур и признанием того, что миссионер должен нести служение воплощения, эти барьеры разделений и колониального образа мышления рушатся. Однако иногда они остаются в незаметных формах, которые нужно выявлять и выкорчевывать. Например, когда миссионеры уже не стоят у власти, они часто контролируют приходящие из-за рубежа деньги. Это дает им большую закулисную власть. В то время как большая часть внешних форм колониального режима исчезает, его новые, скрытые формы часто проявляются через контроль над ресурсами и информацией.

Церковно-миссионерские структуры

Хотя отношения между миссионерами и местными жителями происходят на уровне личностей, на них серьезно влияют те структуры, в которых находятся люди. Какой может быть организация, лежащая в основе отношений между миссиями и местными церквями, и как это влияет на служение миссионеров? Существует множество различных видов церковно-миссионерских структур. Мы рассмотрим только некоторые из них, чтобы получить представление о том, чем поможет нам структурный анализ (рис. 31).

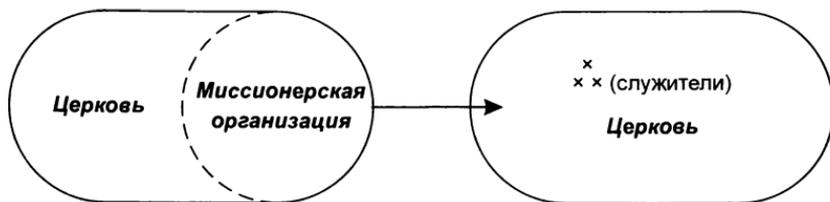
Миссия – как часть церкви. В некоторых церквях миссионерский труд считается одной из задач церкви или деноминации в целом. Такие церкви формируют миссионерские организации, посылают и финансируют своих миссионеров. Миссионеры за границей становятся членами церкви, которую основали, и занимают в ней определенные должности, например такие,

Три основные социальные структуры, используемые в миссионерской работе

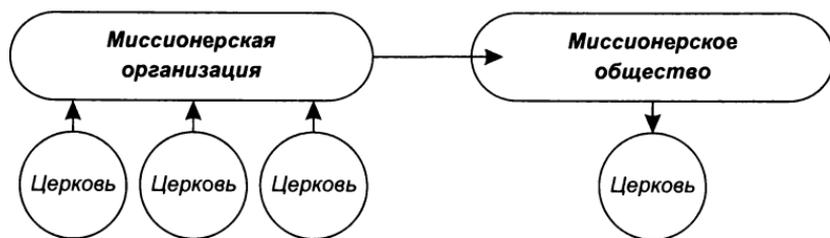
Дома

За границей

Миссия - как часть церкви:

Миссия отделена от церкви:

Смешанная миссионерская модель:

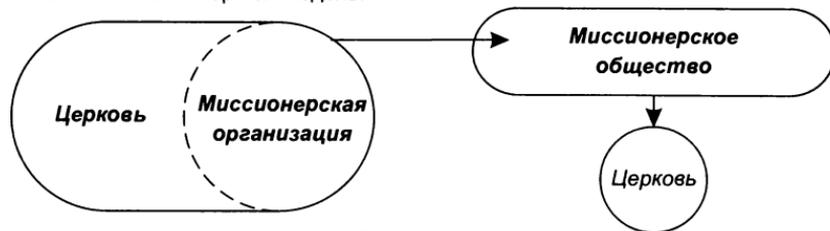

Рисунок 32

как пастор или казначей. Эти миссионеры не объединяются в определенную миссионерскую организацию, отдельную от местной церкви. Это один из вариантов, использованных англиканской церковью в начале современного миссионерского движения (см. первый пример на рис. 32).

Эта модель миссионерской организации имеет свои сильные и слабые стороны. У нее сильное представление о церкви, потому что она укоренена в поместной церкви и нацелена на организацию новых церквей. Она также служит человеку целостно, потому что видит миссию частью более обширной задачи. Эта модель миссионерства не сталкивается с проблемой организации работы на месте и передачи обязанностей местным служителям. Миссионеры входят в структуру церкви, которая остается целостной. Передача власти происходит по мере того, как местные служители заменя-

ют миссионеров на церковных постах, но миссионерской структуры, которую необходимо ломать, не существует.

Опасность этого метода состоит в том, что материнская церковь может утратить миссионерское видение. Дома всегда столько дел и нужд, что она утрачивает миссионерскую природу.

Миссия отделена от церкви. Поскольку во многих церквях не было миссионерского видения, появилась еще одна модель. В ней миссионерство рассматривается вне обычных задач церкви. Появились независимые миссионерские организации, которые набирали миссионеров из церквей, но сами организации не подчинялись конкретной поместной церкви.

За границей это превращалось в «миссионерское общество», отделенное от «церкви». Оно видело своей задачей организацию церкви, а затем передачу ее местным служителям, когда те будут готовы. Миссионеры обычно не становились членами поместной церкви и не занимали в ней никаких постов. Их основные связи и членство были в отдельных посылающих церквях (см. второй пример на рис. 32).

Наиболее сильной стороной этого подхода был миссионерский энтузиазм. Поскольку стояла только одна цель – евангелизация мира, отвлекаться было не на что. Кроме того, эта модель хорошо подходила для таких специализированных служений, как перевод и издание Писания, выпуск радио- и телепередач, христианской литературы и медицинское служение. Эти служения используются различными деноминациями и потому привлекают большое количество различных церквей. К тому же специализированные служения не связаны напрямую с организацией церкви, которая поднимает затруднительный вопрос деноминационной принадлежности новых церквей и сложные проблемы передачи полномочий местным служителям.

У этой модели слабое представление о «церкви», так как миссия структурно отделена и независима от церкви. К ее сильным сторонам относятся благовестие и специализированное служение, но в долгосрочном планировании организации церквей она часто слаба.

При таком способе организации работы также существует проблема передачи полномочий местным служителям. Есть две различные структуры – миссия и церковь, и это поднимает ряд чрезвычайно важных вопросов. Когда и как миссионеры должны передавать полномочия местной церкви? Может ли церковь содержать заведение, ранее финансировавшееся миссией? И как должны складываться отношения миссии и церкви после передачи полномочий? Уместна ли миссия и далее? Должна ли она подчиняться церкви и что делать, если церковь просит миссионеров уйти, хотя в ней самой нет служения благовестия?

Переход ответственности и власти часто бывает очень тяжелым. Одна структура – миссия – передает работу другой структуре – поместной церкви. Это требует полной административной реорганизации школ, больниц, служений благовестия и заведений. Это также предполагает передачу имущества. Зачастую должно измениться финансирование служения. Когда миссия передает работу поместной церкви, она обычно ожидает, что та возьмет на себя и финансирование служения. Если миссия продолжает субсидировать работу, она не должна использовать деньги для контроля молодой церкви.

И наконец, разделение между миссией и церковью ведет к такому же раздвоенному взгляду на человека, когда мы служим лишь его духовным нуждам, а не человеку в целом.

Смешанная миссионерская модель. Как и другие организации, миссионерские структуры отчасти являются продуктом собственной истории. Во многих случаях деноминации открывали миссионерские организации и посылали миссионеров, и это входило в деятельность церкви. Это соответствует образцу посылающих церквей в первой модели. Но, оказавшись за границей, миссионеры принимали существующие миссии в качестве примера того, как совершать служение, и потом имитировали заграничные образцы второй модели. Другими словами, на родине миссия структурно является частью церкви, а за границей она отделена от церкви (см. последний пример на рис. 32).

Укорененная в посылающей церкви, эта модель часто имела сильное видение церкви и организации церквей, а также акцент на целостном служении человеку, хотя у нее есть опасность потерять миссионерское видение в материнской церкви, а также возможность проблем при передаче власти местной церкви. Кроме того, как и вторая модель, за границей она создает структурную дифференциацию между миссионерами и местными христианами, что усложняет сближение с местной культурой.

Постколониальные модели. Одна из величайших задач, стоящих сегодня перед церковью, – это создание моделей международных отношений между церковью и миссией, не имеющих в себе и следа колониального прошлого. Как признать автономность и равенство церквей в разных странах и при этом построить организационные структуры, которые позволят им работать вместе и совершать дело, порученное Богом? Как преодолеть различия в культуре, чувство превосходства, материальное неравенство и национальную приверженность, чтобы стать едиными во Христе? Это единство должно находить выражение не только в богословии, но и в создаваемых социальных структурах.

Выход на пенсию

И последняя проблема, с которой сталкиваются миссионеры, особенно с возрастом, – это выход на пенсию. Обычно на миссии мы согласны жить просто и иметь скромный бюджет. Но что будет в дальнейшем, когда мы уже не сможем работать или зарабатывать финансовую поддержку? Хотя западные миссионеры могут рассчитывать на государственные программы, социальную защиту и, возможно, пенсию от миссионерской организации, большинство из них встречает старость со скудными финансовыми ресурсами. Проблема обостряется тем, что большинство их ровесников, не уезжавших из страны, обеспечены гораздо лучше.

Многие миссии сегодня уделяют больше внимания вопросам пенсии своих миссионеров, но проблема часто остается очень сложной для самих миссионеров.

По ту сторону моста

Бикультурное сообщество является мостом, по которому Благая весть переходит из одной культуры в другую. Это лишь одна из черт долгой дороги, по которой Благая весть пришла к нам из библейских времен и которая должна продолжать нести Благую Весть до краев земли, но это важная часть нашего наследия.

Эффективность миссии в основном зависит от качества сообщества и отношений в нем. Средства массовой информации и другие современные технологии никогда не заменят личных человеческих отношений и никогда не будут в центре миссионерской коммуникации. Наша задача была бы намного проще, если бы технологий было достаточно для этой цели. Ведь они обходятся гораздо дешевле по сравнению с ценой, которую приходится платить миссионерам для построения хриstopодобных отношений с людьми другой культуры. Господь знал это, поэтому Он и дал нам величайшее самооткровение в личности Иисуса Христа. Мы даже представить себе не можем, как дорого это стоило Богу. Именно так всегда будет с миссией, которая призывает нас строить отношения и требует, чтобы мы готовы были платить за это своей жизнью.

Роль миссионера

Задача миссионера сводится к построению отношений между людьми. Но не всякие отношения эффективны для донесения Благой вести. Можно заставить людей соглашаться с нашими желаниями. Можно относиться к ним высокомерно – для западных людей особенно велико искушение смотреть на других с позиции своего культурного превосходства. Однако ни та, ни другая тактика не приведет их ко Христу. Для того чтобы убедить людей, нужно приобрести их, и именно с этой целью следует строить отношения, основанные на любви и доверии. Если люди не будут верить посланнику, то не поверят и его посланию.

Какие же отношения эффективны в миссионерском служении? Статус и роль – два основных понятия, которые помогут нам понять природу человеческих отношений и рассмотреть, как они влияют на миссионерскую работу.

Статус и роль

Большая часть нашего поведения в межличностных отношениях предсказуема. Например, мы заходим в магазин, выбираем вещь, отдаем деньги кассиру, ожидаем сдачи, уходим с покупкой, ни на минуту не задумываясь, что совершили сделку с совершенно незнакомым человеком. Каждая из сторон точно знает, что происходит в данный момент. Отношения ставятся под вопрос, только если модель ожидаемого поведения нарушается. Если мы уходим, не заплатив за покупку, не дождавшись сдачи, расплачиваемся другой валютой, продавец напоминает нам об ошибке и продолжается обычный ход событий. Однако если мы грубим продавцу, наставляем на него пистолет или устраиваемся жить в магазине, то природа взаимоотно-

шений ставится под вопрос. Тогда наше поведение нарушает общественные нормы и будет пресечено. Чем объяснить такую высокую предсказуемость человеческих отношений?

Статус

Общество состоит из людей, но его определяет не только количество людей, из которых оно состоит. Члены «общества» образуют социальную организацию, то есть модель общения друг с другом. Они занимают ряд социально определенных положений и взаимодействуют согласно установленным правилам. Напротив, нескоординированное собрание людей называется толпой, а не обществом.

Есть много социальных контекстов, и в каждом из них существует совокупность должностей или статусов, дополняющих друг друга. Например, в продуктовом магазине это могут быть управляющий, кассиры, завскладом и покупатель. В больнице есть доктора, медсестры, администраторы, санитары, пациенты и т.п. Для участия в любом из этих контекстов нужно принять один из данных статусов, ассоциируемых с ситуацией. Ничего не получится, если попытаться быть кассиром в больнице и продавать все, что попадет под руку.

Для участия в обществе необходимо принять в нем один или более статусов. В одной социальной ситуации человек является мужем, в другой – владельцем магазина, а в третьей – служителем церкви. Некоторые из этих статусов приобретаются по праву рождения, например, статус сына или дочери, наследника престола и члена народности. Это так называемые *приписываемые статусы*. Другие, так называемые *приобретенные статусы* такие, как студент, врач или миссионер, нужно заслужить. Совокупность всех статусов человека играет важную роль в его самоопределении и самооценке.

Роль

Когда человек имеет социальный статус, от него ожидается определенное, предсказуемое поведение. Учитель, например, должен вести занятия, объяснять ученикам задания и оценивать их работу, но полную ответственность за детей несет мать. Модели поведения, ассоциируемые с определенными статусами, называются ролями. Наше поведение и самоощущение меняются при переходе от одного статуса к другому. Например, когда учительница уходит из школы и возвращается домой, где она мать, ее поведение и отношение к себе заметно изменяется.

У каждого общества есть идеал и предопределенное ролевое поведение для любого статуса. Однако нередко допускается достаточно широкое

варьирование поведения, за исключением официальных ситуаций. Например, солдаты на параде должны четко следовать уставу, и в их поведении практически не допускается отклонений. Но в бою или на кухне их действия не столь жестко прописаны. Одни шумят, другие замкнуты и циничны. Одни перевыполняют свой долг, а другие делают лишь необходимый минимум. Это отражает различия в характере, образовании и ситуации.

Однако отклонения в поведении людей определенного социального статуса не могут продолжаться бесконечно. Если в какой-то момент их поведение слишком отклоняется от нормы, их лишают этого статуса. Если учитель, несмотря на предупреждения, отказывается вести себя как учитель, его увольняют. От сына или дочери могут отречься. Людей, отказывающихся выполнять даже минимальные требования хотя бы одного из своих статусов, часто изгоняют из общества (на Западе их сажают в тюрьмы или помещают психиатрические клиники), высылают или убивают. Они не являются действующими членами общества.

Возможно, нам будет неприятно узнать, что на большую часть поведения мы запрограммированы обществом и что относительно небольшое количество наших действий основано исключительно на личных решениях. В каком-то смысле, если хочешь быть членом общества, необходимо играть по его правилам. Однако человеческие отношения были бы фактически невозможны без такого взаимопонимания. Мы жили бы в неопределенности и хаосе. Порядок в отношениях помогает нам с некоторой точностью предсказать поведение других людей. Таким образом, мы можем взаимодействовать с ними, понимать происходящее и выбрать план действий, позволяющий достигать своих целей. Если значимых моделей поведения не существует, отношения и планирование разрушаются и обществу приходит конец.

Множественные статусы

У большинства людей в любой отдельно взятый момент жизни несколько статусов. Человек может быть учителем, пресвитерианином, демократом, женой и матерью одновременно. Каждый из этих статусов ассоциируется с определенным социальным контекстом, и у каждого есть свои модели ожидаемого поведения. Кроме того, обладатели нескольких статусов (или, другими словами, те, кто научился жить общественно приемлемым способом) легко переходят с одного статуса на другой, изменяя модели поведения. В рабочей обстановке человек действует как доктор или почтальон и даже одевается соответственно своему статусу. В другой обстановке он член церкви и исполняет обязанности дьякона или проповедника.

На протяжении жизни люди играют ряд ролей. Мы все начинаем с детства и вскоре становимся школьниками, бойскаутами, актерами школьного

Социальная структура больницы

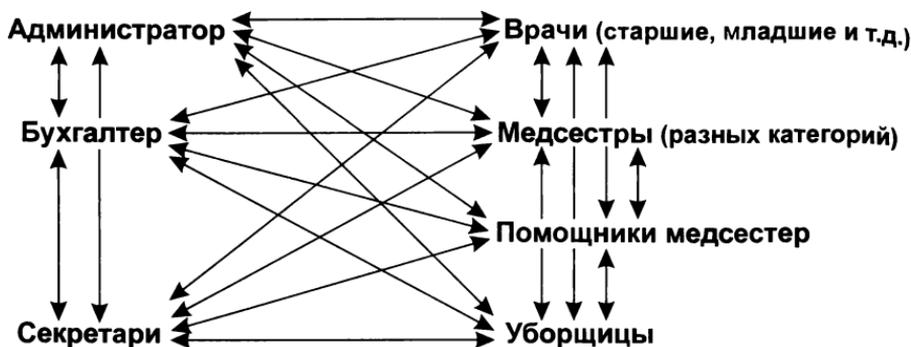

Рисунок 33

драмкружка, членами поместных церквей, шахматных клубов и дюжины других организаций. Затем мы становимся миссионерами, стоматологами или предпринимателями; женами, мужьями и родителями; а также служащими или управляющими различных учреждений. Большая часть жизни состоит из того, что мы обретаем какой-либо статус, а затем его оставляем. Мало того, мы отмечаем важные переходы от одного статуса к другому особыми ритуалами. Например, свадьбы отмечают переход от холостого состояния к семейному, выпускные – окончание студенческой жизни, а похороны – переход живого человека к предку.

Все статусы общества вместе образуют сложную социальную структуру – рамки для взаимодействующих и взаимодополняющих должностей, занимаемых людьми (рис. 33). Статус дает людям не только нишу в обществе, он во многом определяет, как человеку относиться к людям с другими статусами в иерархии.

Рольевые установки и рольевые пары

Как уже было сказано, в обществе у нас разные статусы. В то же самое время в любом из них мы по-разному взаимодействуем с множеством людей. Учитель, например, должен общаться с учениками, их родителями, школьной администрацией, коллегами и широкой публикой. Во всех этих отношениях от учителя ожидается разное поведение, и в каждом из этих отношений оно составляет отдельную роль (рис. 34).

Все социальные отношения можно разбить для анализа на рольевые пары: учитель – ученик, учитель – администратор, врач – пациент, врач – медсестра, работодатель – работник и т. д. Во всех этих парах у людей есть общее представление о том, как им действовать и реагировать. Это облегчает начало и поддержание общественных отношений. Было бы не-

**С одним и тем же статусом может ассоциироваться
несколько ролей**

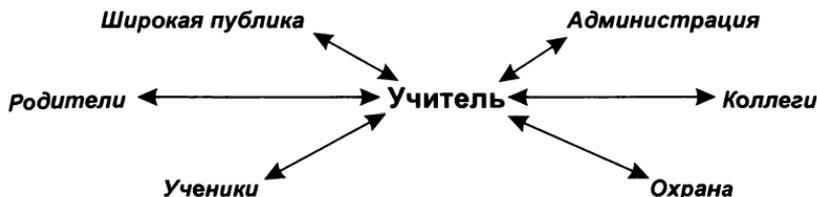

Рисунок 34

возможно создавать совершенно новые взаимоотношения с каждым человеком. Нам не только потребовалось бы слишком много времени и сил для определения природы всех отношений, но такие уникальные отношения не входили бы в более обширную социальную структуру, объединяющую взаимодействие множества людей.

Концепция ролевых пар дает нам мощный инструмент для анализа сложных социальных взаимоотношений. Если мы, к примеру, разобьем основные отношения в типичной американской семье на ролевые пары, то их получится восемь:

- муж – жена
- отец – сын
- отец – дочь
- мать – сын
- мать – дочь
- брат – брат
- брат – сестра
- сестра – сестра

У каждой из этих пар свой определенный идеал ролевого поведения. От мужчины ожидается один тип поведения в отношении с сыном, другой – с дочерью и третий – с женой. Когда любой из членов семьи слишком далеко отходит от этих ожиданий, то расшатывается целостность семьи.

Повседневное поведение действующих лиц, исполняющих в семье парные роли, очень различается в зависимости от ряда факторов, таких как природа социального контекста, наличие или отсутствие зрителей и состояние действующих лиц в данный момент. Муж по-разному обращается с женой в церкви, в магазине, дома или на море. Его поведение меняется, когда рядом друзья, дети, родители жены или незнакомые люди. Его действия также основаны на том, какие чувства он в данный момент испытывает по отношению к жене и к миру в целом. Однако,

несмотря на такие ежедневные изменения, в их отношениях прослеживается основная модель поведения и соответствующий набор социальных ограничений.

Со временем ролевые ожидания могут меняться. Идеальный американский отец прошлого века был авторитарной личностью, сильным человеком и единственным кормильцем. Сегодня он должен быть товарищем сыну и верным спутником жены. Такие перемены могут сопровождаться социальными несогласиями и сумятицей.

Межкультурное смещение ролей

Пока что мы рассматривали роли в одной культуре – культуре США. Однако народы различны, как и создаваемые ими роли. Поэтому, когда люди переезжают в другую страну, можно ожидать значительного смещения ролей. Такая неясность приносит особенно много проблем, потому что мы обычно не осознаем, какие роли играем – они настолько естественны в нашей жизни, что мы и не задумываемся о них.

Один вид смещения возникает, когда у двух народов имеются сходные статусы, но они ассоциируются с разными ролями. Например, роль отца или биологического предка есть у всех народов, но представление о том, что отец должен делать, в разных странах разное. На Западе он должен обеспечивать своих детей. У жителей островов Тробриан он должен отдавать выращенный ямс детям своей сестры, а брат его жены обеспечивает ямсом его семью. На Западе во время родов или сразу же после них отец должен быть с женой. В Индии жена отправляется рожать к матери, а муж должен появиться там на третий, пятый, седьмой или другой благоприятный месяц после рождения ребенка.

Второй вид смещения возникает, когда роли, которые мы играем в своем родном обществе, вообще не существуют в другом. Поскольку мы часто даже не осознаем этого, то продолжаем играть привычные для нас роли. Однако местные жители не понимают, кто мы такие, потому что мы не вписываемся ни в одну из их социальных категорий. Например, находясь за границей, мы обычно считаем себя «миссионерами». Однако у большинства народов такого статуса не существует. Единственное, что могут в таких случаях сделать местные жители, – это наблюдать за нашим поведением и определить, к какой из существующих категорий мы лучше всего подходим. Они могут принять нас за государственных чиновников, агентов спецслужб или (как часто происходило в разных частях Африки и Папуа – Новой Гвинеи, когда там впервые появлялись белые люди) за духов или воскресших предков. Часто нам приписывают нежелательный статус, хотя мы об этом даже не подозреваем.

Роли, ассоциируемые со статусом «миссионера»

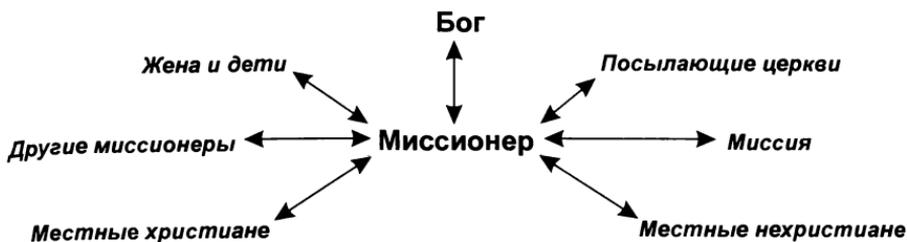

Рисунок 35

Чтобы полноценно участвовать в другом обществе, необходимо получить в нем статус, иначе мы становимся «врагами», которых нужно убить, или чужаками, которым нельзя доверять. В результате местные жители могут принять нас в свое племя или клан не обязательно из любви, а просто потому, что не хотят убивать нас.

Как мы уже видели в случае коммуникации, важно не то, как мы сами видим себя, а как другие видят нас. Это и определит эффективность нашего служения в долгосрочном плане, хотя мы можем узнать, как нас воспринимают, только если будем наблюдать за реакцией людей.

Определение роли миссионеров

Понятия статуса и роли очень полезны в анализе миссионерской работы. Быть миссионером – значит общаться с людьми в различных контекстах, а данные понятия помогут нам более тщательно рассмотреть природу этих отношений. Давайте начнем с рассмотрения ролей, ассоциируемых со статусом миссионера, а также человеческих представлений и ожиданий от них.

«Миссионер» общается с разными людьми: нехристианами, местными христианами, другими миссионерами, администраторами миссий, людьми из посылающих церквей, членами своей семьи и т. п. (рис. 35). Мы кратко коснемся каждой из этих ролей: вначале ролей, которые миссионеры играли в прошлом и которые снижали эффективность их работы, а затем – ролей, способствующих распространению Благой вести. Рассматривая отрицательные роли, мы не судим миссионеров прошлого. В то время большинство из нас вело бы себя так же. Кроме этого, есть масса положительных примеров эффективного бескорыстного миссионерского служения. Однако нам нужно учиться на ошибках прошлого и напоминать себе, что люди воспринимают Благою весть не только на основании присутствия ей истинности, но и в соответствии с природой отношений, в которых они ее слышат.

Миссионер и люди вне церкви

Отношения между миссионерами и неверующими во Христа, которым они призваны служить, стоят в центре миссионерской задачи. Однако именно их легче всего неправильно понять и неправильно построить. Эти отношения строятся вне социальной организации церкви, и их природу определяют как миссионер, так и нехристиане, которые могут видеть их в отрицательном свете. Поскольку инициаторами отношений являются миссионеры, именно они должны следить за тем, как нехристиане воспринимают эти отношения, чтобы возникающие роли не навредили благовестию.

Колониальные правители или воплощенные миссионеры? К сожалению, миссионеров рассматривают не просто как христиан, а как представителей их родных стран. Поэтому не стоит удивляться, что во времена западного колониального господства миссионеров воспринимали как «колониальных господ», потому что те приезжали из европейских стран. Мнения одного африканского лидера придерживались по всему миру: «Сначала приехали миссионеры, за ними последовали торговцы. А потом пришли солдаты с ружьями, чтобы убивать, завоевывать, разделять и властвовать. Миссионеры были всего лишь средством, с помощью которого белые люди усыпили африканцев, а затем забрали нашу землю и свободу...» (Лёвен 1975:434).

Отчасти это непонимание, потому что многие миссионеры пытались провести четкую черту между христианской миссией и колониальной администрацией, при которой они несли служение. Но это непонимание не вызывает удивления, потому что миссионеры были по большей части белыми, а большинство белых людей, которых видели африканцы и азиаты, были колонизаторами. Кроме того, хотя миссионеры не хотели, чтобы их считали колонизаторами, они с радостью пользовались своими отношениями с колониальной администрацией, когда это было в их интересах. Например, миссионерам в большинстве колоний не приходилось стоять в длинных очередях за билетами в душных помещениях железнодорожных станций. Они обычно шли прямо к станционному начальнику, который приглашал их на чашку чая, а сам лично покупал им билеты с черного хода. Хотя миссионеры часто оправдывали это избеганием ненужных трудностей и увеличением эффективности труда, местные жители усматривали в этом доказательство того, что миссионеры действительно принадлежат колониальному режиму. Подобным же образом, использование машин уравнило миссионеров с колонизаторами в тех странах, где очень мало местных жителей имели доступ к такому виду транспорта.

Отождествление миссионеров с колонизаторами было лишь частичным заблуждением. Во многих случаях миссионеры действительно работали

рука об руку с колонизаторами над искоренением таких варварских обычаев, как охота за головами и сжигание вдов на погребальных кострах, – одним словом, они несли местному населению цивилизацию. А одним из наиболее популярных лозунгов той эпохи был: «Колонизация, христианизация и цивилизация».

Открывая миссионерскому служению двери во многих странах, колониальные связи, однако, наделяли миссионеров такими ролями, в которых им трудно было сближаться с местными жителями и проповедовать Благою весть, не привязанную к каким-либо культурным и политическим системам. Это также означало, что церкви, открытые в этих странах, считались инструментом колониализма для подавления населения. Вслед за миссионерами местные христиане часто противостояли поднимающейся волне национализма и самоуправления, которая набирала силу во многих колониях.

Колониальная эпоха в основном закончилась, по крайней мере в открытой политической форме. Но нам, нынешним миссионерам, все еще приходится бороться с тем, что нас везде рассматривают во-первых как представителей своей страны и только потом как миссионеров. Нас часто вынуждают делать заявления о том, чью сторону мы занимаем. К сожалению, если мы склоняемся на сторону родной страны, то закрываем дверь благовестию. Но если ради Благой вести мы больше склоняемся к местному населению бывшей колонии, нам придется более критично посмотреть на свою родину и ее экономическую и государственную политику. Необходимо смотреть на нужды мира в целом, а не только на нужды своей страны, хотя такая система взглядов часто становится поводом для жесткой критики со стороны посылающих церквей. В конце концов, возможно, нам придется выбирать, к кому мы себя относим в первую очередь: к Западу или к тому народу, которому служим.

Помещики или слуги? Вторая роль, которую иногда неосознанно исполняют миссионеры, – это роль «помещиков». В Латинской Америке их часто называют патронами – обращение, применяемое к богатым землевладельцам, которые практически владеют крепостными, обрабатывающими их землю. На Гавайях многие миссионеры действительно стали зажиточными фермерами.

В некоторых случаях миссионеры сознательно выбирали роль помещика, чтобы таким образом помочь людям, находящимся под гнетом жестоких хозяев. Они заявляли, что миссионеры не могут помочь рабам, если тем не дать экономических альтернатив: работы, своей земли и рынков для сбыта товаров. Однако этим миссионерам редко удавалось

оказать людям какую-то помощь, кроме экономической, и раскрыть им Христа. Хотя роль помещиков помогла миссионерам избавить людей от деспотичных помещиков, она не давала им благовествовать.

Восприятие миссионеров в качестве помещиков чаще приводило к межкультурным заблуждениям. Миссионеры подчас не знали, что их помещают в эту категорию, и считали себя «миссионерами», не осознавая, что это западный статус, которого даже не существует у большинства народов. Когда их спрашивали, кто они такие, они отвечали: «Миссионеры». Так как это слово было местным людям непонятно, они пытались догадаться, кто же такие миссионеры, наблюдая за их поведением. Ответ, естественно, следовало соотнести с каким-то статусом из их собственной культуры.

В Южной Индии, например, помещиков называют *дора*. Хороший *дора* строит бунгало и окружает его стеной. Если у него есть вторая или третья жена, он строит отдельные дома и для них, чтобы они не ссорились. На своей земле он также возводит жилище для слуг и, возможно, индуистский храм. Когда приехал миссионер, он купил землю и построил бунгало и стену вокруг него. Он построил отдельные дома для незамужних женщин-миссионерок, потому что они не были его женами. И наконец, миссионеры также построили на своей земле дом для слуг и церковь (рис. 36). Поэтому неудивительно, что индийцы начали называть миссионеров *дора*. Или же они думали, что у миссионера две или три жены. Ведь если они строят отдельные дома для каждой из них, это только доказывает, что они хорошие *дора*.

Типичные подворья

Подворье *дора*

Миссионерская база

Рисунок 36

Ученики. Какая же роль поможет, а не помешает миссионеру в распространении Благой вести? На этот вопрос нет простого ответа, потому что у каждого народа свои статусы и роли и нужно выбирать то, что подходит обществу, в котором мы несем служение. Полезно знать, что нам в любом случае отведут какую-то роль, – потому что тогда мы можем избежать межкультурных непониманий, которые так часто происходили в прошлом. Кроме того, мы постоянно должны сознательно искать в обществе те роли, которые позволят нам более эффективно свидетельствовать.

Какую роль играть в самом начале, когда мы изучаем народ и существующие у него роли? К счастью, как отмечает Лёвен, у многих народов есть роль «ученика», или иностранца, желающего войти в общество. В чокоанском народе ваунана, например, существует роль «молодого человека, познающего мир».

Роль ученика помогает миссионеру войти в общество и изучить его обычаи. Она также открывает ему возможность построения близких взаимоотношений, потому что большинство людей с удовольствием учат других своим обычаям. Такие отношения часто дают миссионеру возможности благовестия в личном разговоре с местными жителями. В действительности, с точки зрения миссионерской задачи, период учения часто бывает одним из самых плодотворных для проповеди Благой вести нехристианам.

Однако и эта роль имеет свои ограничения. Во-первых, нужно искренне желать понять другую культуру. Люди достаточно быстро понимают, когда мы просто используем это как предлог, чтобы завести с ними отношения и затем обратиться к своей вере. Если они почувствуют, что мы их используем, они быстро отвергнут нас и Благою весть. Мы, христиане, должны любить людей, и, если мы их действительно любим, нам будут интересны их жизнь и культура. Когда мы больше узнаем о людях, это помогает больше любить их.

Второе ограничение роли ученика – это время. Учениками можно быть лишь некоторое время. Затем ожидается, что мы вырастем и станем полезными членами общества. Это не означает, что мы перестанем изучать культуру, но в определенный момент – может быть, через год или два – нужно найти в обществе более постоянную роль.

И наконец, хотя роль ученика и открывает в обществе двери к созданию доверия и личному свидетельству, это не самая подходящая роль для благовестия в долгосрочной перспективе. Когда появится доверие, мы принесем больше плода как «религиозные учителя», «пророки» или «доктора», как их называют в обществе. Или же нас могут принять в племя или клан в роли «отца», «матери», «старшего брата» или «старшей сестры».

В любом случае, нам придется выбирать роль в местном обществе и нужно внимательно рассмотреть все имеющиеся в нашем распоряжении

роли, чтобы понять, какие помогут, а какие затруднят распространение Благой вести. Нужно также задуматься о том, сможем ли мы в этой роли оправдать ожидания людей. Например, «старшему брату» или «старшей сестре» нужно делиться материальными ценностями со своими младшими братьями и сестрами, когда те попросят помощи. Если не делать того, что обычно ожидается от этой роли, нас будут считать нечестными и безответственными.

Миссионер и местные христиане

Наши отношения с местными христианами отличаются от отношений с нехристианами. Мы, христиане, принадлежим к одной семье. Однако даже в церкви есть статусы и роли, определяющие природу взаимодействия людей друг с другом. И в этом случае нужно смотреть, какие роли мы исполняем, потому что часто бывает, что мы играем те роли, которые препятствуют служению. Каковы эти роли и как избежать неэффективных ролей?

Полицейские или адвокаты? Одна из ролей, которую часто играют миссионеры, – это роль «полицейского». Мы переживаем за чистоту церкви и поэтому стараемся уберечь новообращенных от воровства, безнравственности, пьянства, колдовства и т.п. Мы расследуем поведение христиан и налагаем наказания на провинившихся.

Одной из распространенных проблем является домашняя «кража». У некоторых народов слуги считаются членами семьи, имеющими право брать некоторое количество продуктов. Поэтому слуги и пользуются этим правом. Миссионеры же рассматривают это как кражу и часто носят большие связки ключей и все держат под замком.

Другая проблема – это добрачные и внебрачные половые отношения. Мы считаем это особенным злом и стараемся блюсти нравственное поведение местных христиан. Один миссионер поставил себе целью без предупреждения посещать дома христианских служителей, чтобы выяснить, кто с кем спит. Другой построил трехметровую стену для охраны девочек-подростков в школе-пансионе. Но, как отмечает Лёвен:

Нелепость этой ситуации заключалась в том, что миссионеры не догадывались, что в данной культуре именно женщина выбирает себе партнера. И скрепляющие стены внутренние скобы служили девочкам в качестве лестницы, по которой они вылезали на свидания к своим парням. Для взрослых же и детей, которые собирались вокруг, наблюдение за тем, как девочки вылезают из «заточения», было увлекательным зрелищем. Остаток вечера все вспоминали наиболее смешные побеги прошлого и подсмеивались над миссионерами.

Церковная дисциплина необходима, но когда за ней следит миссионер, то вскоре он становится полицейским. Лёвен пишет по этому поводу:

Протестантское законничество часто толкало миссионеров на совершение неоправданно строгих поступков во имя справедливости, таких как законы об отлучении в одной из африканских церквей: за появление первого незаконнорожденного ребенка женщина не допускается до причастия три месяца; второго незаконнорожденного – шесть месяцев; третьего – девять месяцев.

Рейберн пишет, что в Восточном Камеруне французы приняли закон, по которому супружеская измена считалась преступлением, а наказанием за нее был штраф, выплачиваемый пострадавшему мужу. Для народа кака, жившего в этой стране, это стало способом зарабатывания денег. Мужья сами отправляли своих жен заводить любовные связи, чтобы получать штрафы.

Хотя и нужно радеть за рост и чистоту церкви, церковной дисциплиной должны заниматься местные служители при нашей поддержке. Если требовать праведности, как «полицейские», то Благая весть превратится в законничество и наше служение людям потерпит серьезный урон. Люди не научатся принимать христианские нормы как свои собственные, а просто будут подчиняться миссионерским законам из страха перед наказанием, а не по личным убеждениям.

Как избежать роли полицейского? Необходимо учить, что грех ужасен, но люди часто и сами знают это. Нужно еще больше быть на их стороне, уча евангельскому искуплению и прощению, а также показывая искупление и прощение собственной жизнью. Необходимо сблизиться с людьми в их борьбе с грехом, потому что они, как и мы, борются не только со своей греховной природой, но и против порочных действий своей культуры.

Святые или спасенные грешники? Вторая роль, которую с легкостью принимают миссионеры, – это роль «святого». Как проповедники Слова, мы стараемся личным примером показать, что значит быть христианином. Но когда мы грешим (а мы все грешим), нам страшно признаться в своих промахах перед местными христианами. Мы боимся, что они утратят доверие к нам и отвергнут Благую весть.

Однако при таком «святом» подходе возникает несколько проблем. Во-первых, зачастую люди видят наши грехи лучше нас самих. Они видят наше истинное лицо под маской набожности, которую мы носим, и обвиняют нас в лицемерии. «Внутренняя информация» об отношениях между миссионерами, их характерах и слабостях широко обсуждается местными христианами. Лёвен рассказывает об одном таком случае, когда у семейной пары миссионеров были проблемы в отношениях и это держалось в

строжайшем секрете в миссионерском сообществе. Однако им не было известно, что эта проблема широко обсуждается в местных церквях.

Вопрос греха в жизни миссионера усложняется тем, что многие народы подчеркивают грехи, которые мы игнорируем. Например, в наших церквях особое внимание уделяется сексуальным грехам. Пасторов, которые воруют или раздражаются, обычно восстанавливают в служении после того, как те исповедовали свой грех, но мы редко поступаем так с теми, кто совершает прелюбодеяние. В Индии же смертельным грехом является гнев. Однако миссионеры очень часто сердятся и даже не замечают этого. Лёвен рассказывает об африканском мальчике-слуге, чья хозяйка постоянно срывалась на него из-за его оплошностей. Послушав его рассказы, группа верующих пришла к выводу, что, поскольку она становится «злая как дьявол», она, скорее всего, не христианка.

Вторая проблема, когда мы представляемся безгрешными святыми, состоит в том, что мы не можем собственным примером показать служителям исповедание и прощение. Фесто Кивенджере приводит яркий пример этого в рассказе о беседе миссионера с местным служителем в Уганде. Миссионер умолял служителя открыться ему, чтобы они могли помолиться вместе о его проблемах. Африканец ответил: «Брат, мой короб открыт, а твоя не просто закрыт – он заперт».

Миссионер обычно является первым руководителем молодой церкви, а потому и образцом руководства. Если мы не показываем исповедь на личном примере, то не стоит удивляться, что и местные служители не считают нужным исповедовать свои грехи. В одной стране христианские служители решили, что непростительный грех – это грешить после рукоположения. Поэтому служители не хотели идти на рукоположение практически до момента смерти, потому что знали, что долго не продержатся безгрешными.

Третья проблема роли святого состоит в том, что она возводит барьер между миссионером и людьми. Со святым жить трудно! Большинство людей прекрасно осознают свои грехи и понимают искушения друг друга. Но святые стоят выше искушения и не понимают нравственной борьбы обычных людей. Если мы решили общаться с людьми как святые, то это можно сделать только в пустых масках святости.

Но кто же тогда миссионеры, если не святые? Разве Павел не называет верующих святыми и разве миссионеры не являются элитой христиан? Мы часто думаем, что «святые» – это те, кто не грешит, и какое-то время активно стараемся вписываться в это определение. Однако скоро мы понимаем, что мы такие же грешные, с такими же искушениями, как и до того, как стали миссионерами. Возможно, у нас меньше искушений плоти, но однозначно больше искушений духа. Мы пытаемся спрятать свои грехи и

надеваем маску благочестия. Однако этим никого не обманешь. Это только заставляет других поступать так же.

Какова же альтернатива? Нужно считать «святыми» спасенных грешников, которые праведны перед Богом не по собственной безгрешности, а по праведности, которую Бог дает им во Христе. Даже великий миссионер Павел сказал: «Христос пришел в мир, чтобы спасти грешников, из которых я первый (а не «я был первый»)» (1 Тимофею 1:15). Наша задача состоит не в том, чтобы осуждать молодых христиан, а в том, чтобы помочь им преодолеть грехи, в которые мы так легко впадаем.

Если миссионеры считают себя спасенными грешниками, это означает две вещи. Во-первых, нужно быть искренними и открывать людям свое истинное лицо. Поль Турнье проводит различие между общественным лицом человека и его истинным лицом. Турнье называет первое «персонажем» – это статусы, которые мы занимаем в общественных отношениях. В отличие от этого, «личность» – это то, кем мы действительно являемся. Опасно прятать настоящее «я» под маской, чтобы производить впечатление на окружающих. Тогда в нас часто не видят настоящих людей. Опаснее же всего пытаться себя вести так, как будто мы никогда не грешим. Единственное лекарство против этого – позволить другим увидеть как свои сильные стороны, так и слабости и грехи.

Но не подрывает ли это доверие к нам? Конечно же, не стоит печатать отчеты о своих грехах в местной газете, потому что лучше всего с ними разбираться в узком кругу служителей церкви. Но готовность признать перед другими свою слабость обычно только укрепляет их доверие. Поскольку люди и так видят, что мы слабы, они будут уважать нашу честность и смирение и признают, что мы не пытаемся играть в игры.

Если мы открываемся перед другими, это может также открыть для нас возможности общения с людьми. Якоб Лёвен рассказывает об одной ситуации, в которой откровенность миссионеров стала мостом через ров, отделявший их от местных служителей. Миссионеры услышали, что один из панамских служителей совершил прелюбодеяние, однако не признавал

1 Послание к Коринфянам, глава 13 Перевод миссионера в Южной Африке

Если я в совершенстве освоил язык
И говорю без акцента,
Но не имею Его любви,
То я ничто.

Если у меня есть дипломы, ученые степени
 И я знаю все современные методы,
 Но не имею Его понимающей любви,
 То я ничто.

Если я умею успешно оспаривать
 Религии других народов и выставлять их глупцами,
 Но в этом нет увлекающей нотки любви,
 То я ничто.

Если у меня есть вся вера, великие идеалы
 И великолепные планы,
 Но нет Его любви,
 Которая с потом и кровью плачет, и молится,
 И умоляет,
 То я ничто.

Если я отдам деньги и одежду,
 Им, но не люблю их,
 То я ничто.

Если я откажусь от всех перспектив, оставлю дом
 И друзей и принесу все жертвы,
 Которых требует труд миссионера,
 А затем стану эгоистичным и унылым в ежедневных
 Трудностях и проблемах миссионерской жизни,
 То я ничто.

Если я могу исцелять всякую болезнь и немощь,
 Но при этом раню сердца и задеваю чувства людей
 Из-за нехватки Его благой любви,
 То я ничто.

Если я пишу статьи и публикую книги,
 Которые получают признание, но не могу перевести
 Слово о кресте на язык Его любви,
 То я ничто.

этого. Когда миссионеры спросили об этом других служителей, те только пожалы плечами и сказали: «Кто знает?»

Наконец, после нескольких недель неопределенности, молитвы и исследования сердца, миссионеры открыли местным служителям свою жизнь на небольшом молитвенном собрании. Они поведали о собственных сексуальных искушениях, когда они находятся вдаль от семьи, и признались, что иногда у них в браке возникает напряженность на почве секса. Они признали, что, как говорил Петр, у них появляются препятствия в молитвах, когда они не обращаются со своими женами благоразумно. Потом они спросили служителей, бывает ли в жизни индийцев подобные проблемы. Прежде чем другие успели что-то отве-

тить, подозреваемый служитель выпалил: «У меня была связь с одной из моих бывших жен».

Миссионеры спросили его: «Как ты думаешь, мы будем теперь «бросать в тебя камни», как хотели сделать фарисеи, поймавшие женщину в прелюбодеянии?»

«Нет, – ответил он, – потому что я знаю, что у вас тоже есть сексуальные проблемы».

Когда миссионеры и кающийся служитель преклонили колени для молитвы, два других служителя спросили: «Но разве только вам получить прощение? Можно ли и нам его получить?» И когда они рассказали о проблемах, возникающих в их семьях, служители и миссионеры преклонили колени для того, чтобы просить Бога простить их лично и коллективно за общие проступки в области секса.

Духовные родители или братья и сестры? Одна из наиболее сложных ролей – это роль «духовного родителя». С одной стороны, миссионер действительно часто является «отцом» или «матерью», приводящим людей к спасению и насаждающим новые церкви. С другой стороны, никто не хочет, чтобы с ним всю жизнь обращались как с ребенком.

Стэнли Джонс говорит, что отношения между первыми миссионерами и местными новообращенными должны проходить несколько стадий. Первая стадия – это *зависимость*. Миссионер действительно является родителем для церкви и поэтому отвечает за ее рост. Со временем молодые христиане должны научиться стоять самостоятельно и быть *независимыми*. Только поняв, кто они такие, они могут перейти к отношениям с миссионерами, характеризуемым *взаимозависимостью*, когда они работают вместе на равных.

Переход от зависимости к независимости особенно труден и требует большого терпения и понимания со стороны как миссионеров, так и молодых христиан, особенно со стороны первых, потому что власть именно в их руках. Опасно слишком долго держаться за роль родителей, боясь, что может что-то случиться. Следует понять, что христианам нужно расти, а это произойдет только в том случае, если дать им совершать ошибки.

Второй переход в отношениях настолько же важен. Нашей конечной целью является не христианский индивидуализм, а единое тело церкви, члены которого взаимозависимы. Нужно научиться работать на равных с теми, кто когда-то зависел от нас, не возвращаясь к родительской роли, когда в отношениях появляются проблемы.

Три стадии, выделенные Джонсом, помогают понять не только наши отношения с отдельными христианами, но и отношения миссионерской организации с местной церковью. Здесь также отношения часто начина-

ются с зависимости, но вскоре они должны перерасти в независимость, а в конце концов во взаимозависимость.

Что же делать миссионерам, когда местные христиане и церкви становятся независимыми? Естественно, есть и другие места, куда можно поехать. Но разве нельзя остаться в церкви, чтобы помогать верующим и укреплять их? Одна из важных ролей, о которых говорит Лёвен, – это «катализатор». Миссионеры являются важным источником информации о внешнем мире. Кроме этого можно быть консультантами, с которыми местные служители могут проверять свои идеи. В этой роли очень важно, чтобы миссионеры не прописывали ответов, каким бы сильным ни было их мнение по данному вопросу. Их задача состоит в том, чтобы предложить альтернативные планы действий и помочь служителям продумать последствия каждого решения. Однако в конце концов решение должно приниматься местными служителями.

Оплачиваемые проповедники или служители на собственном содержании? Один из наиболее трудных вопросов, стоящих перед миссионерами, касается финансовой поддержки. Хотя они не берут деньги от местных церквей, люди знают, что их финансируют посылающие церкви. Поэтому люди часто рассматривают миссионеров как оплачиваемых проповедников. Якоб Лёвен рассказывает о таком случае:

В 1962 году американский миссионер в Панаме и двое его американских гостей присутствовали на служении в чокоанской церкви. Указав на двух гостей, проповедник призвал церковь последовать их примеру и стать свидетелями о Господе. «Эти люди оставили дом и семью. Они отказались от возможности заработать деньги. Зачем? Они сделали это, чтобы приехать сюда и говорить своим друзьям, народу чоко, об Иисусе Христе. Нужно учиться у них, потому что и мы должны оставлять работу и семью и проповедовать нашему народу, живущему на других реках».

Когда служение закончилось, гости отвели проповедника в сторону и сказали: «Ты говорил только о нас, но почему ни слова не сказал о миссионере, который живет здесь? Тебе не кажется, что ему будет неприятно? Он ведь посвящает этой работе жизнь, а мы просто посвятили свои отпуска».

На это служитель ответил: «Но я не могу ставить его в пример. Он ничем не жертвует. Он не работает, как вы и я. А в вашей стране есть люди, которые платят ему, чтобы он здесь жил!»

Очень часто миссионерам, ведущим группы верующих на благовестие, задают вопрос: «Сколько нам заплатят?». Проблема в том, как рассматривать этот вопрос. Сами миссионеры считают, что принесли большую жертву: они оставили доходную работу на родине и несут служение в далекой

стране. Но нередко миссионеров считают богатыми людьми, которым другие платят, чтобы те жили относительно легкой жизнью в чужой стране.

Легкого решения тут не существует. Хорошо, когда есть миссионеры на собственном содержании, так называемые «делатели палаток», чтобы показать, что нерукоположенные служители могут заниматься благовестием, как и оплачиваемые миссионеры. Однако организация церквей в другой стране вряд ли может осуществляться финансово независимыми миссионерами или краткосрочниками. Первые обычно не могут высвободить достаточно времени для продолжительного миссионерского служения, особенно если работают в светском учреждении. А последние живут в стране недостаточно долго и не могут помочь церкви достичь зрелости. Долгая и трудная работа по сближению с местными жителями и организации новых церквей, а также помощь в возрастании лежит на миссионерах, которые посвящают длительный период жизни служению в одной стране, а им нужно финансирование извне.

Отчасти миссионеры должны стараться как можно больше походить на местных жителей, чтобы стены экономической разницы не препятствовали благовестию. А отчасти им просто нужно принимать финансовые непонимания, не оправдываясь и понимая, что окружающие не видят общую картину. К счастью, это меняется, так как местные служители все больше ездят по миру.

Миссионер и другие миссионеры

Одна из наиболее полезных и одновременно наиболее сложных ролевых установок касается сферы общения с коллегами. С одной стороны, это коллеги, образующие сообщество с одним видением, одними задачами и, как правило, одним культурным наследием. Визиты других миссионеров становятся значительными событиями, особенно если миссионер живет в длительной изоляции.

С другой стороны, так как мы входим в маленькие, тесные сообщества, наше общение с другими миссионерами часто бывает насыщенным. Поэтому существует риск возникновения соперничества, вражды на почве различий в характере и цинизма. Многие миссионеры говорят, что труднее всего им работать с другими миссионерами, а не с людьми, которым они служат. Это не должно нас удивлять, потому что у миссионеров часто сильный характер и сильные убеждения. Иначе мы не стали бы миссионерами. Кроме того, мы не выбираем коллег. Их нам дают. На родине можно избегать тех, кто враждебно к нам настроен, и найти друзей в другом месте. За границей же мы вынуждены жить в тесном сообществе людей, которых мы не выбрали.

«Миссионер» или коллега? Во взаимоотношениях с коллегами наша наиболее естественная роль – «миссионер», потому что они лучше других знают, какое поведение ожидается от миссионера. «Миссионер» – это определенный статус и роль в миссионерской организации. Он наделяет нас полномочиями, которые помогают выполнять наш труд. Например, нам можно голосовать на миссионерском совете, осуществлять руководство в школах, больницах и церквях, в которых мы работаем, а также собирать деньги для проектов. Этот статус также предполагает такие ресурсы, как дом, зарплата, машины и деньги на выполнение различных задач. Без структуры учреждений было бы почти невозможно проводить какую-либо работу.

Однако социальным структурам тоже присущи свои проблемы. Некоторые из проблем относятся к динамике повседневной жизни. В социальной организации мы тесно работаем с другими людьми. Мы ищем их одобрения, соперничаем с ними за статус и ресурсы, противостояем тем, кто не согласен с нами, и стараемся навязать свою волю окружающим. Одного миссионера делают директором школы, другого – председателем комитета по благовестию. При назначении миссионеров на определенную должность учитываются личные навыки, старшинство и даже политика.

Поначалу это может нас шокировать, потому что у нас часто идеализированное представление о том, как миссионеры общаются друг с другом. Мы надеемся найти сильное, доброжелательное сообщество, в котором отсутствуют мелочные ссоры обычных людей. Но миссионеры в первую очередь – люди. Переезд в другую культуру не меняет нас. Мы сталкиваемся с искушениями любого человека, задействованного в организациях, и межличностная динамика может особенно обостриться, потому что обычно мы представляем собой маленькую, изолированную группу и болеем за свое служение.

Иногда между нами и нашими коллегами возникает соперничество. Если миссионер в другой области строит начальную школу для церквей, то христиане в нашей области тоже хотят школу. Чтобы получить их одобрение, мы чувствуем себя обязанными собрать деньги на начальную, а может быть, и на среднюю школу.

Хотя для поддержания работы нужны учреждения, невозможно полностью избежать возникающих в них трений между отдельными людьми и группами людей. Нужно напоминать себе, что Христос призвал нас жить в общении, поэтому необходимо сознательно созидать командный дух через духовное общение и совместный отдых. Также нужно найти пути разрешения трений и конфликтов до того, как они приведут к личным выпадам. Всем миссионерам должна предоставляться пасторская опека. И самое главное, миссионер должен культивировать в себе дух гибкости и любви, который дает возможность решать проблемы на благо тела Христова, не ставя во главу угла собственное «я».

А второй тип проблем связан с тем, что роль миссионера стала профессией. Поскольку мы считаем миссионеров специалистами с духовным образованием и отличными умениями, можно прийти к выводу, что миссионеры – это духовные суперзвезды. Поэтому не только обычные люди считают, что не могут общаться с миссионерами на равных, но бывает, что при общении друг с другом и миссионеры надевают общественные маски. Они не смеют признавать свои проступки и слабости, чтобы не ударить в грязь лицом.

Один молодой миссионер пережил духовный кризис, когда впервые согрешил против своего коллеги. Он отправился в город за покупками для семьи и школы, в которой работал, а старший миссионер попросил его заглянуть на станцию и проверить, пришла ли посылка, которую он ожидал. День выдался длинным и напряженным, и миссионер вернулся поздно вечером, забыв заехать на станцию. Старший миссионер ждал его у калитки и спросил о посылке. Что в таком случае новичок должен был сказать старшему миссионеру? Не задумываясь, молодой миссионер ответил: «Нет, не пришла». Он тотчас же понял, что солгал. Но что же делать? Через три дня, испытывая страшные угрызения совести, он сделал то, что и следовало сделать. Он прошел «тысячу километров» до соседнего дома и постучал. Когда старший миссионер открыл, молодому миссионеру на ум пришли тысячи разных тем для разговора. Однако он исповедал свой грех и попросил прощения. Отношения были восстановлены, а позднее они стали хорошими друзьями, но представление молодого миссионера о себе как о «миссионере» разбилось и осколками рухнуло к его ногам.

Каждому из нас необходим статус, чтобы работать с другими людьми. Опасно, если он становится самоцелью, а не просто средством ведения служения. Статусы также могут стать стенами, которые разделяют нас, вместо того чтобы быть мостами сотруничества и общения.

Управляющие, практики и катализаторы. Один из источников трений для миссионеров – это конфликт между работой и управлением. Наиболее успешных в благовестии и организации церковью миссионеров часто назначают на административные посты, но это не дает им заниматься делом, которое они выполняют столь эффективно.

Любое миссионерское служение нуждается в управлении, и в некотором смысле им занимаются все миссионеры. При хорошем управлении возможны обширные программы, приносящие огромную пользу, а плохое управление может серьезно затормозить все служение. Но не у всех есть дар управления. Например, если мы успешно основываем церкви в деревнях, это еще не значит, что мы подходим на роль управляющего всей миссионерской программы. Управление может превратиться в самоцель и отнять у нас дело, которое не-

обходимо делать. Людям у власти трудно рассматривать управление как слугу миссионерского труда и не позволять ему превратиться в господина.

Миссионеры и администраторы миссии

Отношения миссионеров с администрацией миссии могут быть наиболее щекотливыми. Все они работают в одной структуре, и их взаимосвязанные роли предписаны им характером самой организации.

Мы, естественно, не можем рассмотреть все возможные варианты организации миссий и то, как каждый из них влияет на ролевую пару миссионер – администратор. Молодые миссионеры должны сами рассматривать свою ситуацию, потому что именно это взаимодействие, а также взаимоотношения с коллегами в наибольшей степени определяют, что от них ожидают.

По поводу этой динамики ролей можно сделать несколько общих замечаний. Во-первых, можно столкнуться с проблемой смешения ролей. Можно близко общаться с членами миссионерского совета и администрации и считать их добрыми и хорошими людьми. Но они также занимают официальные посты в общественной структуре. Поэтому нас не должно удивлять, что их слова на официальных собраниях могут, на первый взгляд, противоречить сказанному в личной беседе.

Во-вторых, можно столкнуться с проблемой власти. Один из главных вопросов многих миссионерских организаций состоит в том, кому принимать решения относительно правил и действий на местах. Должны ли это делать сами миссионеры или головной офис на родине? К несчастью, разногласия по этому вопросу часто приводили к разрыву между миссионером и администрацией миссии.

И наконец, можно столкнуться с проблемой преданности. Миссионеры принадлежат к группе людей, которых мы назвали культурными посредниками, – они стоят между двумя народами. Они важный мост, по которому проходит коммуникация из одной культуры в другую. Но их всегда подозревают, потому что ни одна сторона не знает всего, что делает другая. В некотором роде миссионеры играют роль менялы валюты в аэропорту. Клиентам приходится верить, что при обмене валюты он их не обманет.

Поскольку миссионеры принадлежат к двум культурным мирам, у них две приверженности. С одной стороны, они должны сохранять верность церквям, которые основывают. С другой стороны, ожидается, что они будут верны посылающим церквям и миссионерской организации. Когда две эти стороны вступают в конфликт, миссионерам приходится выбирать, кому они хотят в первую очередь сохранять верность. Являются ли они в первую очередь членами местных церквей (что приводит к конфронтации с миссионерской организацией) или членами миссии (что приводит

к конфронтации с местной церковью)? Обычно миссионеры могут быть беспристрастными посредниками (но даже в этом случае каждая из сторон считает, что предаются именно ее интересы), но может наступить момент, когда придется порвать с одной или другой стороной.

Миссионер и посылающие церкви

Когда миссионеры возвращаются в посылающие церкви, они вступают в новую, плохо очерченную роль «миссионер в отпуске». В первое же воскресенье миссионера просят выступить в церкви на утреннем служении. Во второе воскресенье – показать слайды на вечернем служении, а на третьей неделе – провести малую группу в среду вечером. После этого его начинают спрашивать, когда он собирается назад! Мы, миссионеры, часто мечтаем о том, что будем делать, когда вернемся «домой», но по возвращении мы оказываемся в неудобном положении, которого не можем долго выносить.

Одна из причин дискомфорта состоит в том, что статус миссионера в отпуске временен, а поэтому непопулярен в западном обществе. Миссионеры в отпуске считаются чужими. Наше настоящее место за границей.

Вторая причина состоит в том, что мы, миссионеры, значительно отчуждаемся от родного народа. Некоторые миссионеры отделяются от своей культуры еще до того, как становятся миссионерами, и это может повлиять на их выбор профессии. На всех влияет то, что на миссионеров смотрят как на особых людей. Широкая публика думает, что миссионеры – это «сливки общества», люди, достигшие высокой степени духовной зрелости и посвящения. Лёвен отмечает:

Часто человек становится миссионером, потому что он как бы «не от мира сего», а это соответствует образу истинного евангельского миссионера. Такие люди отворачиваются от основных переживаний современников, выходят за пределы социальной среды и обычной жизни и занимаются «приобретением душ» для небесного царства. В обществе, которое обычно измеряет ценность человека измеряемой производительностью, миссионеры выделяются как уникальные благотворители, чья работа производит лишь неизмеримую, «духовную» прибыль. Поэтому неудивительно, что возвращающиеся миссионеры часто чувствуют себя не в своей тарелке или, по меньшей мере, выбитыми из ритма жизни родного общества.

Для жизни миссионеров в отпуске не существует простого сценария. Полезно откровенно поговорить со служителями местной церкви и прояснить, чего они от нас ожидают, и дать им понять, что мы хотим влиться в церковь как обычные ее члены как можно быстрее. Это особенно важно

для детей, которые отчаянно хотят быть принятыми в толпу сверстников, но часто чувствуют себя выставочным экспонатом. Это также важно для семейного общения, так как миссионерский отпуск серьезно напрягает отношения между мужем и женой, между родителями и детьми в тот момент, когда все «возвращенцы» находятся в состоянии дезориентации и нуждаются в помощи.

Следует особенно внимательно относиться к нуждам детей, которые переживают культурный шок и ищут принятия местных сверстников. Они чувствуют себя чужими, поэтому некоторые из них уходят в себя. Необходимо помочь им и приглашать в гости их друзей. Другие так стремятся вписаться, что, добиваясь принятия, перегибают палку в отождествлении с местной культурой. Нужно это понимать, любить их и относиться к ним с большим вниманием.

Наши ожидания относительно нас самих должны быть разумными. Миссионерский отпуск – это сложное время. Мы живем во временных квартирах или с родственниками или ездим по стране, проводим собрания, а в это время за нами пристально наблюдают. При этом мы должны устанавливать границы и планировать время для себя и семьи.

Миссионер и его жена

Возможно, нас удивит, что среди миссионерских пар нередки супружеские проблемы. Обычно посвящение Христу, другим христианским семьям и давление работы удерживают супругов вместе. Но они всего лишь люди, и у них тоже бывает множество напряженностей, когда они работают вместе в трудных ситуациях, не имея обычных внешних источников поддержки. Поэтому очень важно, чтобы миссионеры, мужа и жены, ставили укрепление брака во главу угла. Хороший брак требует усердной работы, и его нельзя воспринимать как должное.

Обстановка, в которой живет миссионер, вносит в супружескую жизнь дополнительный стресс. Миссионеры оказываются в изоляции от родственников, друзей и знакомого окружения и поэтому ищут друг в друге поддержку и ободрение. Они сталкиваются с необычными проблемами проживания в другой культуре, видов потребляемой еды и ожиданий окружающих людей.

Наиболее сложные проблемы выпадают на долю жены и матери. В большинстве случаев роль мужа в миссии четко определена. Он может найти свое «я» и самоудовлетворение в работе как благовестник, директор школы или врач. Он, в конце концов, проповедует перед большой аудиторией, приводит людей ко Христу, лечит больных и / или учит детей.

Ну, а жена? Если она не рукоположена, у нее нет определенной роли в служении. Она следит за домом и воспитывает детей, как и на родине, но

все это происходит в гораздо более сложных обстоятельствах. Одно исследование показало, что во многих странах приготовление пищи, которую на Западе можно приготовить за полтора часа, занимает пять с половиной часов (отчасти потому, что кур покупают еще живыми).

Если жена нанимает слуг, чтобы компенсировать отсутствие полуфабрикатов и электроприборов, у нее возникают другие проблемы. Одним словом, жена делает все, что делает на родине, и больше того, не получая при этом дополнительной награды и не чувствуя себя напрямую вовлеченной в служение. Ей приходится удовлетворяться восторженными рассказами мужа и получать заместительное чувство собственной ценности через его достижения.

Иногда на жену миссионера возлагается обязанность раздавать лекарства и помогать местным женщинам и детям, однако ее желание найти удовлетворение в служении не учитывается. Кроме того, обычно не учитывается и то, что у нее, как у матери, в новой обстановке гораздо больше обязанностей, чем дома. Она является неофициальным врачом, учителем и другом для местных людей, а также матерью своим собственным детям. Ей еще больше, чем мужу, приходится сталкиваться с эпизодическим конфликтом между двойной ролью родителя своих детей и миссионера к этому народу.

Мужу-миссионеру следует признать, что порой он ставит жену в очень сложное положение, и супруги должны вдвоем разработать для себя роли, в которых у каждого будет значимое служение и чувство удовлетворения.

Миссионер и его дети

Как мы уже узнали, у большинства миссионеров две постоянные проблемы: пенсия и дети. Можно оставить свою страну и служить за границей. Но как наши решения отразятся на жизни наших детей?

Мы уже рассматривали статус детей миссионеров в двухкультурном сообществе. Здесь мы добавим лишь несколько комментариев по поводу места детей в миссионерской семье. К счастью, миссионерское служение дает множество возможностей для укрепления семейных уз. Отсутствие телевизора, Малой лиги и разного рода ежедневных кружков и секций обычно означает, что у семьи есть время для вечерних чтений Библии. Нашим детям будет легче понять свою роль в служении, если мы будем вести их ко Христу, говорить с ними о своем видении на служение и о том, какое они в нем занимают место. Настолько же важен отдых и общение. Детям миссионеров часто приходится самим себя занимать, и с небольшой помощью в изготовлении поделок или овладении какими-то навыками они могут стать очень изобретательными. Поэтому не стоит удивляться, что во многих миссионерских семьях развиваются крепкие, долговечные семейные узы.

Существует и вторая причина, по которой следует проводить время с детьми, а именно, показать молодой церкви пример христианской семейной жизни. Мы часто забываем, что жизнь обычно говорит громче слов. Молодые христиане не знакомы с деталями христианской жизни. Мы зачастую являемся для них единственным примером, поэтому нас не должно удивлять, что они нам подражают. Часто благодаря нашим действиям они узнают лишь то, что христиане должны быть настолько заняты Божьим делом, что на детей времени не остается.

Холостые миссионеры

О служении холостых миссионеров, которые в современном миссионерском движении составляют примерно половину всех миссионеров, нужно сказать отдельно. У холостых миссионеров уникальные и важные служения, которые часто остаются без внимания и награды, но из-за своего социального положения они сталкиваются со специфическими проблемами.

Одна из общих проблем – это одиночество. Чтобы жить одному среди другого народа, нужны особые дары и благодать. Поскольку у большинства народов нет места взрослым холостякам, холостому миссионеру часто бывает трудно сформировать близкие отношения с людьми. Иногда эта проблема решается тем, что двух холостых миссионеров направляют в одно место. Однако при этом встает вопрос проживания. Как скоординировать роли и распределить домашние обязанности? При этом также требуется найти подходящие служения в одной области.

Семейные миссионеры должны быть чуткими к одиночеству своих холостых коллег и стараться включать их в свой круг общения, даже принимать их в свою семью как «дядю» или «тетю» для детей. Это поддерживает как холостых миссионеров, так и детей.

Другой вопрос, с которым сталкиваются холостые миссионеры, связан с их положением в местной культуре. Какой статус им занять? На этот вопрос особенно сложно ответить в тех народах, где не существует культурных ролей для холостых взрослых, кроме проституток, трансвеститов и т.п. У некоторых народов существует статус «холостяка» для молодых неженатых мужчин и статус почитаемой «матери» для пожилых незамужних женщин. У других народов для холостяков есть статус «религиозных пророков». Если холостые миссионеры выбирают роль в местном обществе, им нужно очень тщательно проанализировать те, что имеются в их распоряжении, потому что эти роли имеют четко определенные образы и связанные с ними ожидания.

Достаточно близок к этому вопрос о вдовах и вдовцах-миссионерах. Некоторые народы в таком случае ожидают повторный брак, а другие, на-

оборот, на второй брак, особенно в преклонном возрасте, смотрят с неодобрением. В Индии, например, пожилые мужчины должны оставлять семью, чтобы служить Богу. Если они вступают в повторный брак, то их считают плотскими, а не духовными.

Сегодня во многих странах холостые миссионеры могут занимать временные роли, например врача, медсестры или учителя. К сожалению, такое положение иногда ассоциируется с «распущенной жизнью». Однако в целом эти статусы дают миссионерам законные места в местном обществе.

Один фактор смягчает проблему холостой жизни в иностранном обществе. На чужака в первую очередь смотрят как на «иностранца» и не обращают внимания на пол. Холостого миссионера воспринимают почти как бесполое существо. Поэтому он легче, чем местные жители, вхож в мир как мужчин, так и женщин. Поэтому достаточно часто можно увидеть, что холостые миссионеры исполняют роли, обычно недоступные для людей их пола в данном обществе. Это особенно касается незамужних женщин, которым часто позволяют работать в церкви наравне с мужчинами, что для местных женщин недопустимо.

Третий вопрос, который необходимо разрешить холостым миссионерам, – это отношения с семейными парами. К сожалению, холостые миссионеры в миссионерской работе иногда считаются второстепенными. Их потребности не учитываются, а в управлении работой к их мнению не прислушиваются. Очень важно, чтобы руководство миссии создало командный дух среди миссионеров, принимая холостяков как полноправных партнеров.

Функциональные и местные роли

Еще многое можно сказать о миссионерских ролях и о том, как они связаны с представлением миссионера о себе, с изменениями, которые происходят в течение длительного миссионерского служения, и с их влиянием на распространение Благой вести. Однако мы будем рассматривать миссионерские роли только в связи с тем местом, где работает миссионер.

До западной колониальной экспансии слово «*миссионер*» не использовалось. Люди говорили о миссии и миссиях, но не выделяли профессию «миссионера». Например, Уильям Кэри, Адонирам Джадсон и другие ехали на миссию в качестве торговцев, учителей и врачей. Они были гостями в тех странах, которые оказывали им гостеприимство, а их роли были привязаны к функциональным профессиям.

Непосредственно понятие «миссионер», как человек, служащий за границей, возникло в период колонизации, как и понятие «колониальный

управляющий». Хотя эти две профессии включали в себя определенные функции, их определение главным образом зависело от месторасположения. «Британские колониальные управляющие», например, служили в колониях. Они не могли работать в Британии. Так и «врачи-миссионеры» служили за границей.

Со временем это отождествление задачи миссионера с местом, а не с функцией привело к изменению общественного представления об их работе. Кандидаты были «миссионерами», что означало просто ехать служить за границу, но их конкретные задачи не были четко определены. Некоторые становились учителями, другие – медработниками. Многие были «миссионерами в общем смысле», то есть мастерами на все руки, выполнявшими множество задач по необходимости. Они строили здания, раздавали лекарства, проводили занятия, ремонтировали машины и проповедовали.

Категория миссионера в общем смысле была и остается очень важной в первопроходческой работе, и без нее не были бы основаны многие церкви. Однако эта роль имеет свои слабые стороны. Поскольку она довольно неопределенна, в ней часто не хватает сфокусированности. Мы можем делать многое, но мало что делаем качественно. Для эффективного служения нужно четкое видение миссионерской задачи и твердое представление о том, какое место мы в ней занимаем. И это место должно быть отчасти связано с нашими дарами и с теми функциями, которые мы лучше всего можем исполнять в общей работе. Даже в первопроходческих миссиях мы не являемся героями-одиночками. Мы члены Тела Христова – Церкви, которой Бог доверил Свое дело. Поэтому мы должны видеть свое служение в рамках более обширной благовестнической миссии Божьего народа.

Во-вторых, роль миссионера в общем смысле представляет проблему, когда миссионеры по той или иной причине вынуждены вернуться к себе на родину. Миссионеры, имеющие функциональные роли, могут найти их и в родном обществе. Врач-миссионер может вернуться с миссии и открыть свою практику. Учитель-миссионер может найти работу в западной школе. Однако миссионеры без определенной профессии часто неспособны найти занятие в своем обществе. Возможно, они проповедовали за границей, но не могут стать пасторами на родине. Они, возможно, благовествовали в другой стране, но дома не могут открывать новые церкви. В конце концов, многие из них берутся за подсобные работы и страдают от потери смысла и статуса, которую влечет за собой такая ситуация.

Современные миссионеры всегда должны рассматривать возможность внезапного возвращения в родную культуру. В прошлом миссионер мог всю жизнь служить на одном месте. Сегодня же, в связи со стремительными изменениями с мировой политике, на это нельзя рассчитывать. И кроме того, это не всегда лучший вариант. Одним из наиболее важных условий

успешной организации церкви является понимание того, как менять свою роль в молодой церкви по мере ее роста и когда уходить, чтобы она научилась быть самостоятельной. Это не означает, что нужно прервать всякие связи с этими церквами, но наши взаимоотношения с ними должны быть на благо церкви, а не нам.

Значит ли это, что в будущем основная миссионерская работа будет осуществляться миссионерами-краткосрочниками? Нет, это не так. Хотя ясно, что такие служения могут нести особые задачи, основной труд будет выполняться миссионерами, которые посвящают время тому, чтобы изучить местный язык, слиться с местным народом и взрастить молодую церковь. Что же происходит с профессиональными миссионерами, когда двери служения закрываются или когда их присутствие больше не требуется? Становится все более очевидным, что миссионерам, чья роль привязана к месту, то есть к определенным странам, некуда идти, когда больше нет возможности работать в этих странах. Напротив, миссионеры, имеющие функциональные роли и опыт работы за границей, становятся международными специалистами, которые могут по необходимости переезжать из одной страны в другую. Да, возможно, им придется учить новый язык и сближаться с другим народом, но у них уже есть в этом опыт.

Сегодня широко обсуждается вопрос о том, какие роли играть миссионерам. Колониальная эпоха закончилась, и очень важно, чтобы миссионеры избавились от еще существующих утонченных форм колониализма. Сегодня церкви есть в большинстве стран мира, и миссионеры должны задать себе вопрос, как им общаться с этими церквами и при этом не вести себя по-родительски. Кроме этого, растущая сеть отношений между церквами по всему миру открывает возможности для новых творческих форм миссионерского служения, которые в прошлом были невозможны.

Обсуждая все это, мы должны помнить, что многогранная роль, которую выбирает миссионер, во многом определит характер его отношений с теми людьми, которым он служит. А эти личные отношения по-прежнему являются самыми важными мостиками, по которым Благая весть переходит из одной культуры в другую.

Незавершенное дело благовестия

Книга Деяний апостолов в определенном смысле еще не закончена. Она начинается с рассказа о том, «что Иисус делал и чему учил от начала», и резко обрывается, оставляя Павла в римской тюрьме. Дэвид Ховард отмечает: «Очевидно, никто не пытался поставить в книге точку. Было понимание, что труд Святого Духа в распространении Благой вести будет продолжаться через церковь по всему миру».

Что же произошло с тех пор? Нужно понять прошлое, чтобы представить себе, куда сегодня идет миссия.

Первые шаги Благой вести

Начало у христианства было малообещающим. За три года общественного служения Иисус не написал ни одной книги и не создал никакой развитой организации для распространения Своего слова и дела. Распятие казалось концом благонамеренного, но совершенно непрактичного мечтателя. Даже после воскресения Иисуса Его последователи оставались немногочисленной группкой верующих, одной из сект в иудаизме и одной из наиболее слабых религий в греко-римском мире. Сама же Римская империя занимала небольшую часть света и вскоре была завоевана варварами. Однако за пять веков христианство привлекло в свои ряды большинство жителей империи и направило миссионеров в Европу, Северную Африку, Азию и Индию.

Христианство пострадало от падения Римской империи, однако еще больше от разрушительных набегов арабов-мусульман, которые вытеснили его из Северной Африки и Западной Азии и даже попытались поколебать его опорный пункт в Европе. Изнутри церкви страдали от сокращения

количества членов и духового ослабления. С 500 по 950 годы судьба христианства висела на волоске.

Однако в тот же период времени ко Христу обратились варвары – захватчики из Западной Европы. К 1000 году они основали в Европе цивилизацию, которая остановила мусульманскую экспансию и благоприятствовала активному росту новых монашеских течений, основанию университетов и формированию великих богословских учений. В этот период миссионеры распространили Благоую весть на Балканах, на Руси, в Азии и даже до побережья Китая.

Между 1350 и 1500 годами христианство переживало застой. В Китае и Азии оно вымерло, а в частях Восточной Европы и в Малой Азии уступило место туркам-мусульманам. Западная церковь была ослаблена внутренней враждой и потеряла миссионерское видение.

После 1500 года церковь пережила возрождение благодаря протестантской и католической Реформации, а позже – обновление русского христианства. Некоторое время спустя европейские страны сделали ряд географических открытий, начали коммерческие предприятия и завоевания, которые распространили их влияние по всему миру. Зачастую вместе с экспансией распространялась и Благоая весть. С XVI по XVIII век христианство было занесено в Северную и Южную Америку, распространилось по береговой части Африки к югу от Сахары, в северных регионах Азии и большей части Южной и Восточной Азии, а также на близлежащих островах. Большая часть этой работы была проделана католическими миссионерами из Испании и Португалии. Протестанты на тот момент не особенно интересовались миссией.

Эпоха протестантской миссии

Протестантское миссионерское движение началось среди пиетистов и моравских братьев в начале XVIII века. Под предводительством графа Цинцендорфа миссионеры из моравских братьев за свой счет отправились в Гренландию, Америку и Африку. Они должны были не мерить другие народы по немецким стандартам, но уважать Богом данные особенности культуры людей, которым они служили.

Интерес к миссионерству распространился по другим церквам, когда в 1792 году Уильям Кэри основал Баптистское миссионерское общество. За первые 25 лет после того, как Кэри отправился в Индию, по обе стороны Атлантического океана был основан десяток миссионерских организаций и миссионеры отправились практически во все части света.

Влияние Кэри побудило женщин Бостона сформировать женские группы молитвы за миссию, и со временем женщины стали главными подвижниками миссий. Незамужние женщины отправились миссионерками за

границу и к 1865 году организовали миссионерские организации, которыми руководили исключительно незамужние женщины.

Этот период в протестантской миссии характеризовался особой любовью и жертвенностью миссионеров. Они отдавали труду всю свою жизнь. Многие миссионеры, их жены и дети умирали в молодом возрасте. Однако их смерть только воодушевляла других отправляться на миссию. Также для этого периода были характерны высокие качества подготовки миссионеров и особая чуткость к культурам, в которых они несли служение. Многие миссионеры были выпускниками семинарий и медицинских институтов, и большинство из них освоили местный язык и культуру. Некоторые из них знали местные языки так хорошо, что стали признанными поэтами и писателями.

Вторая волна протестантской миссии прокатилась в конце XIX века. В 1865 году Хадсон Тэйлор отправился вглубь Китая, а в 1880 – 1890-х годах «Студенческое добровольческое движение» побудило сто тысяч добровольцев отдать жизнь миссионерству. Двадцать тысяч из них отправились за границу, а остальные занимались их финансированием. Однако западный колониализм и идея превосходства европейской и американской культуры начали влиять на миссионерское движение. Многие миссионеры сделали своим девизом лозунг «Цивилизация и христианство». Другие народы и их культуры должны были измениться по образу европейской культуры, которая приравнивалась к христианской. Время от времени раздавались протестующие голоса, однако у большинства людей не было сомнений в превосходстве западной цивилизации.

В XIX веке протестантская миссионерская стратегия объединилась с коммерцией. Миссионеры решили, что единственным средством против рабства было введение законной торговли, которая сделает эти пороки экономически невыгодными.

Негативные последствия колониального подхода в миссиях сохраняются до сего дня. Уилберт Шенк отмечает:

В некоторых незападных народах это привело к горделивому отвержению всего западного и христианского. В других это разрушило самоуважение. Многие индейцы Северной и Южной Америки являются наглядным примером результатов долгосрочной политики, которая внушала им, что их культура не имеет ценности, а сами они – люди второго сорта... Столь некритичная уверенность в превосходстве так называемой христианской культуры и столь же некритичное отвержение других культур заставили миссионеров забыть о необходимости критично относиться ко всем культурам. В то же самое время это замедлило процесс поиска в данной культуре положительных ценностей и отправных точек, которые согласуются с христианской верой и на которых можно строить церковь.

Несмотря на колониальный подход в XVIII и начале XIX века миссионеры все же основали церкви в большинстве частей света. С одной стороны, их любовь и жертвенность часто привлекали ко Христу сердца тех людей, которым они служили. Многие из них отдали служению за границей всю свою жизнь. С другой стороны, Бог решил действовать через обычных людей с их слабостями. Эти миссионеры были людьми своего времени, как и мы. Мы, наверное, видим их ошибки лучше, чем они сами, но нужно помнить, что те, кто придет после нас, также увидят наши недостатки.

Стремительный рост церкви в эпоху современной миссии скорее является свидетельством Божьего действия в жизни людей по всему миру, чем показателем успеха человеческих усилий. Для совершения Своего дела Бог выбирал посвященных и сокрушенных людей.

Современная миссионерская арена

В XX веке мир охватывают грандиозные перемены, которые изменяют облик планеты и будут иметь большое значение для миссии в будущем.

Рост населения

Первое значительное изменение – это рост населения. В настоящее время темпы роста населения планеты поражают воображение. Сейчас на земле живет на 90 миллионов человек больше, чем год назад, на 249 000 больше, чем вчера, и на 10 400 больше, чем час назад. Понадобилось время от Адама до 1830 года, чтобы население достигло 1 миллиарда. Затем понадобилось еще 100 лет, чтобы это количество удвоилось, на прирост третьего миллиарда потребовалось 30 лет, 15 лет – на четвертый. В будущем потребуется двенадцать лет на прибавление пятого миллиарда и девять на шестой (см. рис. 37).

Влияние этой тенденции ощущается во всех частях света и во всех сферах человеческой жизни. В некоторых регионах особенно быстрый рост населения привел к перенаселению, голоду, нехватке дров и других видов топлива, болезням, недостатку жизненного пространства и даже войнам. Это сильно увеличило задачи, стоящие перед миссионерами. Сегодня в мире в шесть раз больше людей, чем в 1793 году, когда Уильям Кэри отправился в Индию, а также больше нехристиан, чем когда бы то ни было.

Урбанизация

Вторая волна культурных перемен – урбанизация. Никогда в истории человечества не было такого массового переселения людей, связанного с коренными изменениями образа жизни. В 1800 году около 97% населения

Рост мирового и городского населения

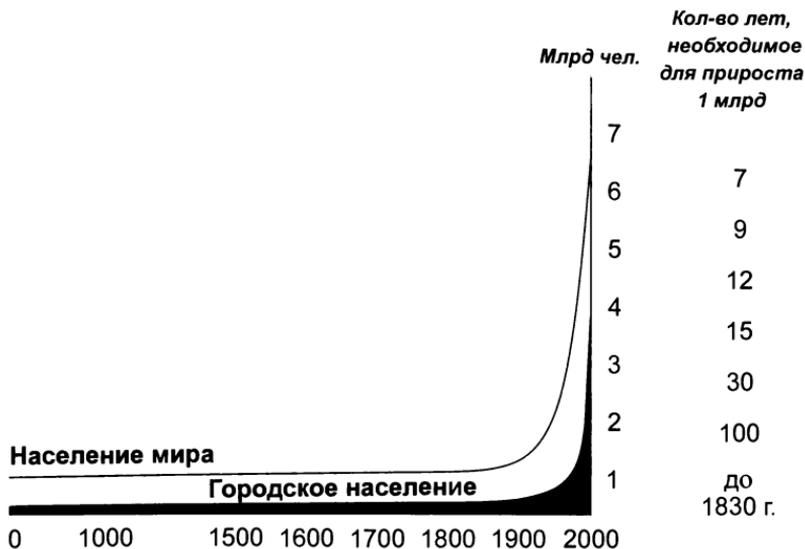

Рисунок 37

мира жило в деревнях и селах с населением менее 5000 человек. К концу этого столетия больше 55% людей будут жить в более крупных городах (см. табл. 6). В 1800 году единственным городом с населением более миллиона был Лондон. К 1972 году уже было сто городов с еще большим населением, 13 городов с населением более 5 миллионов и четыре с населением более 10 миллионов.

Хотя сначала урбанизация была западным явлением, сегодня она протекает в развивающихся странах быстрее, чем где бы то ни было. К концу этого века только один североамериканский или европейский город будет входить в первую десятку (см. табл. 7). К тому времени будет насчитывать-

Урбанизация в мире

Год	Процент, проживающий в городах с населением более 5 тыс.	Процент, проживающий в городах с населением более 100 тыс.
1800	3,0	1,7
1900	13,6	5,5
1975	39,0	24,0
2000	55,0	35,0

Таблица 6

ся 400 городов с населением более 1 миллиона человек и 65 с населением более 5 миллионов.

Какое значение для миссионерства имеет урбанизация? Большинство церквей в прошлом негативно относились к городской жизни. Они счита-

Крупнейшие города в 2000 году

Город	Население в 2000 году, млн чел.	Рост с 1980 года, %
Мехико	31,0	+107%
Сан-Паулу	25,8	+91%
Шанхай	23,7	+66%
Токио (включая Йокогаму)	23,7	+19%
Нью-Йорк (агломерация, включающая часть штатов Нью-Йорк и Нью-Джерси)	22,4	+11%
Пекин	20,9	+83%
Рио-де-Жанейро	19,0	+78%
Бомбей	16,8	+102%
Калькутта	16,4	+86%
Джакарта	15,7	+115%

Таблица 7

ли города порочными, безбожными и светскими. Поэтому немногие миссии несли служение в городах, отчасти из-за того, что на это нелегко было собрать средства. По какой-то причине города не считались привлекательным миссионерским поприщем. Христиане привыкли представлять себе миссию как поездку в отдаленные племена, в которых никогда не видели белого человека и никогда не слышали Благой вест. Однако сейчас в городах проживает больше людей, не охваченных проповедью Благой вест, чем в джунглях!

Современный город ставит перед миссионерами одну из труднейших задач. В нем живут люди, приехавшие из всех уголков мира. Если последовать примеру Павла и привести ко Христу жителей города, Благая вест распространится в другие города, зависящую от них сельскую местность, а затем и в другие части света. Если Бог контролирует историю, то в этом всеобщем переселении в города есть своя цель. И в нее, естественно, входит распространение Благой вест.

Однако основание церквей в городах требует разработки новых стратегий. Методы, используемые миссионерами для благовестия в сельских и племенных общинах, часто не действуют в городских условиях. Некоторые принципы, конечно, универсальны: необходимость понимать людей и их проблемы, необходимость отождествляться с ними, любя их и служа им, и, что самое главное, необходимость полагаться на силу и водительство Бога. Но существует новая динамика, которую нужно применять, учитывая уникальные структуры и культуру большого города. Мы только начинаем узнавать ее.

Кризис культуры

Мы живем во время внезапного кризиса культуры и растущей социальной сумятицы. По всему миру эти тенденции открывают христианам возможности для христианского свидетельства через сострадательное служение, однако они же осложняют служение миллионам жителей планеты.

Насилие. Миссии сегодняшнего и завтрашнего дня сталкиваются с ростом насилия, охватывающего мир. Между 1900 и 1941 годом в мире произошли 24 гражданские и межгосударственные войны. В промежутке между 1945 и 1969 годом, за гораздо меньший период времени, произошло не менее 97 войн. В 1984 году по всему миру одновременно велось 40 войн различного масштаба. К этому нужно добавить растущий терроризм, насилие на улицах и похищение людей, затронувшее даже «цивилизованный» мир.

Все это имеет последствия для миссий. Церковь должна благовествовать и служить жертвам этого насилия. В мире более 17 миллионов беженцев, многие из них испытывают нужду и открыты к Благой вести. Церковь также должна быть миротворцем. Там, где это происходит, как, например, в Индонезии, открываются двери благовестия. К сожалению, миссионеры сами должны быть готовы к похищению, страданиям и к смерти, потому что дух насилия выбирает жертвы без разбора, независимо от культурного кода и стандартов нравственности.

Нищета и голод. Дэвид Барретт утверждает, что сегодня 780 миллионов человек живут в абсолютной нищете. Такие условия жизни Всемирный банк определяет как «неприемлемые для существования человека условия недоедания, неграмотности и болезней». Примерно 500 миллионов из этих нуждающихся на грани голодной смерти, и еще 1,5 миллиарда недоедают. Растущее негодование на богатую жизнь Запада толкнуло людей к марксизму и его революционным целям.

Влияние нищеты особенно губительно для младенцев и детей. Из 125 миллионов детей, рожденных в 1981 году, 12 миллионов умерли, не дожив

до года, а еще 5 миллионов не доживут до пяти лет. Один ребенок в мире из четырех страдает от недоедания, четверем из пяти детей не оказывается необходимая медицинская помощь. Самые бедные дети часто сами становятся родителями: 40% первых родов в развивающихся странах приходится на девушек 15 лет и младше.

В противоположность этому 1,5 миллиарда последователей Христа владеют двумя третями мировых ресурсов, а их средний годовой доход более чем в три раза превышает годовой доход нехристиан. Однако не все христиане богаты материально. Почти 200 миллионов живут в абсолютной нищете, в то время как 750 миллионов их братьев и сестер живут в изобилии. Хотя большинство состоятельных христиан жертвуют деньги на благотворительность, в среднем они дают менее трех процентов своего дохода на христианское служение. Если бы они отдавали хотя бы десятину, говорит Барретт, то «пожертвованные христианами деньги, имущество и собственность решили бы большинство проблем голода, нищеты, безработицы, недостатка чистой воды и так далее».

Западные миссионеры должны осознавать не только что нищета увеличивает страдания на земле, но что в большинстве стран их самих ассоциируют с богатым Западом.

Угнетение и несправедливость. Все больше людей по всему миру осознают наличие несправедливости и угнетения. Понятие прав человека, корни которых уходят в христианство, получило широкое распространение во многих странах если не на деле, то хотя бы на словах. В результате большинство государств, вне зависимости от того, на чем они основаны – на христианстве, других религиях или марксизме, – осуждают несправедливость. В христианской церкви, в особенности в Латинской Америке, возникли богословские учения, старающиеся найти конструктивный подход к борьбе с угнетением людей.

Современные миссионеры должны тщательно изучить, что Библия говорит о несправедливости и страданиях, и действовать соответственно. Мы можем не соглашаться с богословием освобождения, но не можем игнорировать проблему угнетения, ставшую одной из самых острых в современном мире.

Национализм

Еще одно явление культуры, охватившее мир, – это национализм. Мы наблюдали падение колониальной системы, доминировавшей на миссионерской арене в течение последних двух веков. В каком-то смысле, одна эпоха умерла, а другая проходит муки рождения, хотя будущее политической организации человечества все еще туманно. Герберт Кейн и Ральф Ковел пишут о важности национализма для миссионерского движения:

Нет никаких сомнений в том, что христианская миссия переживает новую эпоху. Последние тридцать лет засвидетельствовали больше изменений политической конфигурации мира, чем любой предыдущий период такой же длительности. Колониальная система, самая мощная сила в мире XIX века, уступила место национализму, величайшей силе XX века... Политическая атмосфера, в которой сегодня проходит миссионерское движение, иногда благоприятна, иногда неблагоприятна, а подчас открыто враждебна.

Проблема заключается в том, что в XIX веке у нас все было слишком хорошо. Христианский миссионер мог приезжать и уезжать, когда ему угодно. Паспорта спрашивали редко, а о визах и вовсе не слышали. Великие европейские державы устанавливали свой мир на целых континентах, а миссионеры пользовались защитой колониальных властей.

Сегодня ситуация кардинально изменилась. Организация Объединенных Наций начала работу в 1945 году, имея в своем составе 51 учредителя. Сегодня членов ООН примерно в три раза больше. Большинство новых членов – бывшие колонии, которые обрели независимость после 1960 года.

Естественно, эти страны пользуются полученным суверенитетом, который позволяет им не впускать в страну или высылать любого нежеланного гостя. Коммунистические и мусульманские страны закрыли границы для христианских миссионеров. Другие, действуя во имя национальных интересов, запретили или ограничили миссионерскую деятельность. Сегодня от миссионеров могут потребовать не только визу, но и вид на жительство, разрешение на работу, что связано с бесконечным оформлением документов и досадными задержками выезда миссионеров даже в те страны, куда въезд разрешен.

Картина усложняется революциями. Страны, некогда открытые для миссионерской работы, например Эфиопия, закрываются после политических переворотов. Другие, как Уганда, после смены правительства становятся более открытыми. Миссионерам нужно учиться служить в условиях революции и быть готовыми переехать туда, где открываются двери.

Возрождение нехристианских религий

Сегодня, возможно впервые в истории, мир становится плюралистическим в отношении религий. В прошлом религии были ограничены определенными географическими областями. Индуизм был распространен в Индии, буддизм – в Восточной и в Юго-Восточной Азии, ислам – в Северной Африке, на Ближнем Востоке и в Индонезии. Сегодня мусульман можно найти в Европе, буддистов – в Англии и Германии, а индусов – в США. Весь мир стал миссионерским полем (табл. 8).

Религиозное население мира
(в млн чел. и процентах от всего населения мира)

Год	30	1000	1800	1900	1985	2000
Население мира	170	270	903	1 620	4 781	6 260
Христиане	0	50	208	558	1 549	2 020
%	0	18,7	23,1	34,4	32,4	32,3
Мусульмане				200	817	1 200
%				12,4	17,1	19,2
Индусы				203	648	859
%				12,5	13,5	13,7
Буддисты				127	296	359
%				7,8	6,2	5,7
Китайские народные религии				380	188	158
%				23,5	3,9	2,5
Религии племен				118	103	101
%				7,3	2,3	1,9
Атеисты и не исповедующие никакую религию				3	1 016	1 334
%				0,2	21,3	21,3

Таблица 8

Более того, в нехристианских религиях наблюдается воинственность и интерес к миссионерству. Отчасти это вызвано реакцией на христианскую миссию. Ислам, например, организовал миссионерское движение, которое финансируется за счет нефтедолларов, и сегодня растет быстрее, чем христианство. Если сохранятся нынешние темпы роста, то к концу следующего века ислам превзойдет христианство. Реформированный индуизм быстро распространяется в Европе, а буддизм содержит миссионерские центры в Германии и Нидерландах. Теперь на улицах городов и деревень проповедуют не только христианские миссионеры.

Как ни странно, вместе с возрождением нехристианских религий среди образованной части населения мира распространяется секуляризм. Это свидетельствует об отрицании вечных вопросов и акценте исключительно на проблемах земной жизни.

Вызовы будущего

Охватившие современный мир изменения создают много проблем для христианских миссий. Однако они открывают и новые возможности. С

разрушением колониальных связей исчез простой доступ в большую часть мира. Однако отныне христианские миссии не ассоциируются с западным колониализмом. Современные миссии со все большим пониманием подходят к национальному и культурному разнообразию и одновременно ищут постколониальные модели миссионерского служения.

Возрождение традиционных религий сопряжено с ростом жизнеспособности молодых церквей по всему миру. Сегодня нам следует принять факт, что церковь действительно стала интернациональной. Наиболее быстрый рост происходит в так называемых развивающихся странах, особенно в Центральной Африке, Северо-Восточной Индии, Корее и Латинской Америке. Освободившись от патернализма западных церквей, они обретают новую жизнь и миссионерское видение. Самый большой вклад в развитие миссионерства сегодня вносят церкви Африки, Азии и Латинской Америки. Корейские миссионеры теперь служат в Лос-Анджелесе, а индийские – в Европе. Весь мир стал миссионерским поприщем, и церкви по всему миру стали, по сути, миссионерскими. Если в одной стране перед церковью закрываются двери, то открываются в нескольких других.

По-прежнему открыт вопрос о том, как церкви, особенно на Западе, отреагируют на новые трудности и возможности. Из истории ясно одно: миссионерское служение является прежде всего деятельностью Самого Бога. И если какая-то церковь потеряет интерес к этой задаче, Бог найдет для ее выполнения других. Иерусалим, Антиохия, Эфес и Александрия по очереди служили центром миссионерской деятельности в ранней церкви, и, когда один из них сходил с дистанции, Бог тут же находил для Своего труда другую базу. В средние века Константинополь, Рим и Франция по очереди исполняли эту работу, пока не теряли миссионерского видения. Затем Испания, Португалия, Германия и Англия, а в нашем веке Северная Америка становились центрами благовестия. Вывод ясен. Если мы неверны Божьему призванию представлять Церковь словом и делом, Бог найдет других делателей.

Нам нужно по-новому услышать Великое Поручение Христа: «Как послал Меня Отец, и Я посылаю вас». Нашим ответом Богу должна стать жизнь ученичества, готового идти на жертвы и страдания, необходимые при послушании Божьему призыву. Мы не имеем права уклоняться от этой обязанности.

Каноник Теодор Ведел рассказал притчу об опасном побережье, у которого разбивалось много кораблей и погибало много людей. Жители близлежащих деревень снова и снова наперекор шторму спасали многих утопающих, а те часто присоединялись к спасательным отрядам.

Как-то раз один из спасателей сказал, что, если потренироваться, у них будет еще лучше получаться. Поэтому летом спасательные команды про-

водили тренировки по гребле и бросанию спасательных кругов и потом спасли больше жизней. Другой человек предложил построить у берега навес для лодок и оставлять там спасательные шлюпки. Тогда не придется тратить время, чтобы тащить лодки из деревни. Через какое-то время третий человек предложил построить укрытие для жертв кораблекрушения, потому что те часто погибали на холоде. А четвертый порекомендовал построить кухню, чтобы кормить потерпевших горячим супом. Все эти нововведения добавили эффективности их работе.

Затем один из спасателей предложил во время шторма ждать под навесом для лодок, чтобы быть наготове, если произойдет кораблекрушение. Другой предложил пристроить игровой зал, чтобы не скучать в ожидании, а третий порекомендовал расширить кухню, чтобы спасателям тоже можно было перекусить. Членам команды очень нравилось это строительство, поэтому они добавили еще холл и хорошее кафе. Спасательная станция стала престижной, и поэтому к ней присоединились многие люди.

Со временем один из спасателей заметил, что спасение утопающих требует профессиональной подготовки и эту работу стоит доверять только специалистам. Тогда они наняли профессионалов, и во время шторма те начали выходить в море, чтобы спасать утопающих, а остальные просто подбадривали их с берега. И наконец, члены станции провели собрание, на котором решили вовсе закрыть спасательное направление деятельности «клуба». Оно обходилось слишком дорого и все были и так заняты заседаниями соответствующих комитетов и другими делами.

Несколько человек не согласились с этим решением, так как оно отменяло их основную цель. Они вышли из клуба и основали неподалеку настоящую спасательную станцию. Они вновь стали выходить на лодках в бушующее море, чтобы спасти утопающих.

Как-то раз один из спасателей сказал, что, если потренироваться, у них будет еще лучше получаться. Поэтому летом спасательные команды проводили тренировки по гребле и бросанию спасательных кругов и потом спасли больше жизней. Вскоре спасатели первого клуба вызвали их на состязание. Хотя они больше и не занимались спасением утопающих как таковым, но оставили его как летний вид спорта. Когда победила спасательная станция, им вручили кубок.

Через какое-то время кто-то из новой группы предложил построить навес для лодок и оставлять там спасательные шлюпки, а другой сказал, что надо соорудить кухню и укрытие для потерпевших. Через какое-то время они пристроили игровой зал и кафе для тех, кто находился на берегу во время шторма. В конце концов спасение утопающих потребовало высокой профессиональной подготовки и спасатели наняли для выполнения этой работы специалистов. И однажды они решили прекратить

спасение утопающих, потому что это было слишком дорого и они и так были заняты.

Несколько человек не согласились с этим решением и основали новую спасательную станцию неподалеку. Продолжение истории нам известно.

Говорят, что если сегодня приехать на это побережье, то увидишь множество элитных клубов. Они уже почти не занимаются спасением утопающих, хотя в тех водах по-прежнему много кораблекрушений и многие люди гибнут.

Размышления одного миссионера

Если я говорю на местном диалекте и проповедую с красноречием пылкого благовестника; если я хирург и делаю сложные операции; если я агроном и выращиваю высококлассный рис; если я учитель и превосходно читаю лекции, но не имею любви, то моя проповедь бесполезна.

Если я обладаю талантом дипломатичного организатора и управляющего на всевозможных советах и заседаниях; если я уверенно могу собрать большую сумму денег, но не имею любви, то я ничто.

Если я раздаю свое имущество и жертвую деньги бедным, но не помогаю моим брату и сестре стать сильными и независимыми последователями Христа, нет мне в том никакой пользы.

Настоящая любовь в миссионерском служении долготерпит и созидает. Она не стремится к высоким постам и престижу. Любовь не завидует, на руководящих должностях она рада видеть компетентных местных верующих. Любовь не упивается мыслями о собственной важности, но стремится воспитать местных служителей. Любовь не стремится произвести впечатление, она старается сблизиться с людьми. Ей чужды гордыня и этноцентризм.

Любовь не бесчинствует. Она не ведет учет ошибкам окружающих. Она стремится помогать в радостях и печалях, при успехах и поражениях. Любовь не раздражается, когда возникают расхождения во взглядах или культурные разногласия, и, даже становясь объектом сплетен, она не мыслит зла.

Настоящая любовь – это партнерство. Лучше потерпеть поражение под руководством местного верующего, чем иметь успех без него. Любовь не обидчива. Она никогда не копит огорчения. Любовь никогда не преграждает путь к взаимопониманию, но сорадуется истине.

Любовь придерживается широких взглядов, она готова испробовать новые методы и формы деятельности. Любовь не держится за прошлое настолько, чтобы оно заслоняло собой новые горизонты видения. Любовь придает мужество, когда следует отказаться от старых форм, с гибкостью подгоняет проверенные и надежные методы из культуры миссионера к контексту другой культуры. Если мы не будем

готовы меняться, то вырастим поборников старой системы, а не ревнителей вечно актуального Евангелия; хранителей устоявшихся форм, а не искателей истины; проповедников, но не пророков. Это будет куст, аккуратно постриженный дорогим оборудованием нанятых садовников, но неспособный гореть огнем Божьего присутствия.

Любовь никогда не перестает доверять как дитя. Важные учреждения закроются. Дорогостоящие школы и колледжи упразднятся. Если мудрость, приобретенная в них, не приведет учеников к Спасителю, то лучше было доверить образование государству, потому что без Того, Кто есть «Путь, Истина и Жизнь», наши знания всегда несовершенны.

Мы живем в постколониальную эпоху, в эпоху колоссальных перемен. Где тот человек, кто знает, куда мы идем и что произойдет с миссией и благовестием? Здесь на земле мы видим как сквозь тусклое стекло, гадательно.

Когда миссия была в младенчестве, методы провозглашения Благой вести были просты и подчас наивны. Власть была в руках немногих. Но теперь, когда миссии сотни лет, нужно оставить младенчество в прошлом. В каждом народе должна быть живая, самобытная церковь, не только самофинансируемая, самоуправляемая, самостоятельно умножающаяся, но и с собственным богословием.

Что бы ни произошло, какое бы направление ни приняли перемены, мы уверены, что Господь не останется без свидетелей о Себе. Пусть многое сегодня кажется непонятным, болезненным, а порой и вообще безнадежным, Он совершает Свой замысел в истории человечества, ведя его от творения, через искупление, к новому творению.

Пусть структуры и учреждения упразднятся, но награда за труд тех, чьи руки поддерживали страждущих и кто неумоимо провозглашал весть о спасительной любви Христа, останется с ними навечно. В этой жизни есть лишь три вечные ценности: вера, надежда, любовь. Но любовь из них больше.

Религиозное издание.

Подп. в печ. 23.05.13. Формат 60x88¹/₁₆.
Объем 19 п.л. Тираж 2000. Зак.935.

Издание религиозной организации «Христианское общество "Библия для всех"
Российского союза евангельских христиан – баптистов»
(195009, Спб., ул. Лебедева, 31, пом. 9Н).
Первая Академическая типография «Наука».
199034, С.-Петербург, 9 линия, д. 12/28.